

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В РОССИИ
В «ВОСТОЧНОМ ИЗМЕРЕНИИ»**

коллективная монография

МОСКВА
ИВ РАН
2020

ББК 63.3(2)711+63.3(2)712+63.3(2)7-36(5)

В 27

Ответственный редактор

Д. Д. Васильев

Составители

Т. А. Филиппова, Н. М. Горбунова

Утверждено к печати

Редакционно-издательским советом

Института востоковедения РАН

В27 Великая революция и Гражданская война в России в «восточном измерении»: (Коллективная монография) / Отв. ред. Д. Д. Васильев, составители Т. А. Филиппова, Н. М. Горбунова; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 338 с.; ил.

ISBN 978-5-89282-981-6

Представленная читателю коллективная монография является именно тем исследованием, в рамках которого ее авторы попытались проанализировать основные тенденции социального политического развития на российском Востоке в годы Революции и Гражданской войны. В книге представлена широкая панорама событий исторического периода Революции и Гражданской войны на евро-азиатском пространстве распавшейся Российской империи и сопредельных стран и народов Востока. «Восточное измерение» в освещении источников по истории Революции и Гражданской войны позволило во многом по-новому оценить и интерпретировать как отдельные факты, так и причины социальных процессов и их последствий, повлиявших на исторические судьбы народов Востока.

ISBN 978-5-89282-981-6

ББК 63.3(2)711+63.3(2)712+63.3(2)7-36(5)

На обложке приведен фрагмент плаката «В июне 1918 г. тов. Сталин организовал отправку в Туркестан 2 миллионов патронов, 10 тыс. бомб, большого отряда красноармейцев» на рус. и узб. яз. Эскиз плаката, худ. С. Редькин. Из коллекции Фонда Марджани. № ИМ/п-238. Публикуется по изданию: Плакат советского Востока 1918-1940: альбом-каталог // Гос. центр. музей соврем. истории России, Фонд Марджани; [сост. М. Филатова при участии В. Бобровникова; пер. с тюрк. яз. А. Сырейщикова и др.] – М.: Изд. дом Марджани, 2013. ISBN 978-5-903-715-83-1. № 154.

© Коллектив авторов, 2020

© ФГБУН ИВРАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Раздел I

Россия и «внутренний Восток» – от сепаратизма к автономизму и федерализму

Империя, смута и революционный национализм начала XX века в России (<i>Булдаков В. П.</i>)	11
Автономизм для Казахстана и Средней Азии в транзитном пространстве Революции и Гражданской войны в России (<i>Аманжолова Д. А.</i>)	20
Дальневосточный регион России накануне Гражданской войны и военной интервенции (конец 1917 – сентябрь 1918 г.) (<i>Галлямова Л. И.</i>)	55
Кавказ и Революция 1917 г.: к вопросу о периферийном сепаратизме (<i>Гатагова Л. С.</i>)	74
Тюркско-мусульманский вариант федерализма эпохи Великой революции и Гражданской войны в России (<i>Красовицкая Т. Ю.</i>)	105
Казачи Дальнего Востока в период революционных и военных потрясений 1917–1922 гг. за западе и востоке России (<i>Сергеев О. И.</i>)	140
Хакасское национальное движение в 1917– начале 1920-х гг. (<i>Тугужекова В. Н.</i>)	155

Раздел II

Внешний Восток и Россия в военно-революционном контексте

«Да здравствует союз всего ислама с большевиками!» Революции 1917 г. в России и страны Востока (<i>Ланда Р. Г.</i>)	173
Японская интервенция в Сибири в контексте военно-революционных событий 1918–1920 гг. (<i>Досовицкая В. В.</i>)	184

«Забывтая трагедия». Закавказье, Анатолия и Северо-Западный Иран в 1017–1922 гг. в политике Советской России (<i>Кадырбаев А. Ш.</i>)	198
Революции 1917 г. в России в советской и японской историографии 1920–1960-х гг. (<i>Лещенко Н. Ф.</i>)	217
Революционные события и Гражданская война в «урянской измерении» (1917–1921 гг.) (<i>Моллеров Н. М.</i>)	232
Эрзинджанское перемирие на Кавказском фронте (Документальная хроника ноября – декабря 1917 г.) (<i>Рыженков М. Р.</i>)	259

Раздел III

Социальные, общественные, гуманитарные аспекты восточной проблематики в 1917–1922 годах

Русская община Египта в контексте военно-революционных событий в России 1914–1920 гг. (<i>Беляков В. В.</i>)	285
Судьба русского офицера-востоковеда на фронтах Первой мировой и Гражданской войны (<i>Васильев А. Д., Васильев Д. Д.</i>)	293
Путь художника: от «белого русского» Николая Калмыкова до турецкого мастера Наджи Калмукоглу (<i>Сибгатуллина А. Т.</i>)	307
Социалистическая символика в искусстве Монголии начала XX в. (<i>Сыртыпова С. Д. Бумаа Д.</i>)	321
«Восточная тема» и образы Востока в русской журнальной сатире 1917–1918 гг. (<i>Филиппова Т. А.</i>)	327
Summary	337

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Революции и Гражданской войны в России, казалось бы, изучена достаточно подробно. Однако 100-летие тех судьбоносных для нашей страны событий дает хороший повод попытаться по-новому рассмотреть события тех лет, особенно – происходившее на обширном географическом пространстве, объединенном общим понятием «Восток».

Представленная читателю коллективная монография «Великая революция и Гражданская война в России в “восточном измерении”» является именно тем исследованием, в рамках которого ее участники попытались проанализировать основные тенденции социально-политического развития в регионах со смешанным национальным составом.

«Восточное измерение» Революции и Гражданской войны в России представляется явлением многомерным и политически противоречивым. Восток был как объектом социально-политических перипетий и преобразований внутри России, так и их активным участником «извне». В связи с этим важный блок коллективной монографии, тематика которого сохраняет, к сожалению, свою актуальность, посвящен проблемам центробежных тенденций – сепаратизма, автономизма и пр. на российском Востоке в годы

Революции и Гражданской войны. Авторы блока пытаются выйти за пределы традиционных нарративов – национального и советского, стараясь непредвзято, на основании совокупности доступных на сегодняшний день источников, осветить происходившие события. В. П. Булдаков (глава «Империя, смута и революционный национализм начала XX века в России») показывает общий политический фон, на котором развивалось революционное движение народов Востока в России, выделяя особенности поиска идей национального развития, характерных для народов Кавказа и Центральной Азии в революционную пору.

Глава Д. А. Аманжоловой «Автономизм для Казахстана и Средней Азии в транзитном пространстве Революции и Гражданской войны в России» рассматривает деятельность партии Алаш и Кокандской автономии в свете той политической неопределенности, с которой столкнулись многие национальные окраины бывшей Российской империи в конце 1917–1918 гг. Л. С. Гатагова (глава «Кавказ и Революция 1917 года: к вопросу о периферийном сепаратизме») стремится выйти за рамки советских традиций трактовки национально-буржуазного сепаратизма окраин на примере проблематики Северного Кавказа. Т. Ю. Красовицкая (глава «Тюркско-мусульманский вариант федерализма эпохи Великой революции и Гражданской войны в России») рассматривает взгляды тюркских мусульманских общественно-политических деятелей Поволжья на будущее тюрко-мусульманских регионов после окончания Гражданской войны.

Глава Н. М. Моллерова («Революционные события и Гражданская война в “уряньхайском измерении” (1917–1921 гг.)») и глава В. Н. Тугужековой («Хакасское национальное движение в 1917 – начале 1920-х гг.») рассматривают менее известные эпизоды Гражданской войны на Востоке России, в Сибири, в особенности в тех регионах, которые вошли в состав России на тот момент совсем недавно, непосредственно перед Первой мировой войной.

Второй блок тематических глав, составляющих структуру монографии, посвящен роли Востока внешнего – участию стран и государств Востока в Гражданской войне в России или же связям событий в сопредельных государствах Востока с военно-революционной реальностью России столетней давности. Глава А. Ш. Кадырбаева

(«“Забытая трагедия”. Закавказье, Анатолия и Северо-Западный Иран в 1917–1922 гг. в политике Советской России») дополняет главу Н. М. Моллерова, будучи связанной с ней близостью сюжетной линии. Главы авторов Н. Ф. Лещенко и В. В. Досовицкой посвящены роли Японии в иностранной интервенции и Гражданской войне, причем В. В. Досовицкая, что важно, показывает японский внутри- и внешнеполитический аспект интервенции, в то время как Н. Ф. Лещенко демонстрирует оценки этого процесса со стороны его участников и – позднее – исследователей.

И наконец, третий блок глав коллективной монографии посвящен личностному, символическому и гуманитарному аспекту «восточного» измерения Революции и Гражданской войны. В. В. Беляков («Русская община Египта в контексте военно-революционных событий в России 1914–1920 гг.») рассмотрел жизнь русского сообщества в Египте в годы Первой мировой войны и Революции. А. Т. Сибгатуллина («Путь художника: от “белого русского” Николая Калмыкова до турецкого мастера Наджи Калмукоглу»), С. Д. Сыртыпова и Д. Бумаа («Социалистическая символика в искусстве Монголии начала XX в.») показали противоречивое влияние Революции и Гражданской войны на развитие искусства и личности художника и деятеля искусства в связи с Востоком. Нарративные и визуальные формы сатирической трактовки восточной проблематики анализирует Т. А. Филиппова в главе «Восточная тема» и образы Востока в русской журнальной сатире 1917–1918 гг. А. Д. Васильев и Д. Д. Васильев (глава «Судьба русского офицера-востоковеда на фронтах Первой мировой и Гражданской войны») на примере биографии Б. Н. Литвинова рассмотрели портрет «белого» русского востоковеда, оставившего обширное мемуарное и художественное наследие.

Востоковеды – авторы данной коллективной монографии – представили панораму событий исторического периода Гражданской войны на евро-азиатском пространстве распавшейся Российской империи и сопредельных стран и народов Востока. Такого рода исследовательский аспект достаточно редко встречается в работах историков Гражданской войны и поэтому позволяет во многом по-новому оценивать и интерпретировать как отдельные факты, так и причины социальных процессов и их последствий, повлиявших на исторические судьбы народов Востока.

Именно «восточное измерение» в освещении источников по истории Гражданской войны, с учётом этнических факторов, культурных традиций и религиозной специфики ее участников, позволяет рассматривать данную работу как тематически целостную коллективную монографию, вносящую свой вклад в более глубокое понимание влияния эпохальных событий 1917-1922 годов на мировые тенденции цивилизационного развития человечества.

Д. Д. Васильев

Раздел I

РОССИЯ И ВНУТРЕННИЙ ВОСТОК – ОТ СЕПАРАТИЗМА К АВТОНОМИЗМУ И ФЕДЕРАЛИЗМУ

Империя, смута и революционный национализм начала XX века в России*

Большевистская революция представлялась ее творцам интернационалистски-интеграционистской; на обыденном уровне, напротив, она чаще воспринималась как поход сепаратистов против единства России. Все это не случайно: в восприятии исторических катаклизмов реальное и воображаемое, доктрины и предрассудки легко меняются местами, заслоня суть явления. XX столетие объявляли то веком социализма, то веком национализма, подтверждая сказанное документальными рядами.

В любом случае при характеристике массовых движений XX в. стоило бы говорить о непрерывном – чаще подсознательном, реже демонстративном – взаимопроникновении утопий социализма и национализма. Если учесть, что в предреволюционной России социалисты часто перебежали к националистам, то уместно предположить, что таким путем происходило перераспределение партийных сил на этнопсихологической, а вовсе не строго доктринальной основе.

Примечательно, что ранее общероссийских партий возникли местные национальные партии (Польша, Армения). Это связано не только со степенью буржуазного развития того или иного региона, но и с уровнем

* В.П. Булдаков

его этноконфликтности. Зарождение определенных партий можно связать и с упреждающей и небескорыстной реакцией национализма расколотых и дисперсных народов на наметившиеся геополитические тенденции: лидеры малых народов стали эгоистично подумывать о выгодах от конфликта великих держав.

В сложном положении в связи с войной оказались мусульмане. Как известно, в связи с присоединением Турции к Тройственному Союзу стамбульский шейх-уль-ислам издал особую фетву, в которой указывалось, что поскольку «Россия, Англия и Франция враждебны исламскому халифату», то правоверные всего мира обязаны объявить им «священную войну». Тем не менее российско-мусульманские духовенство и либеральные политики призвали единоверцев в России защитить «свое отечество», направив оружие даже против Турции. Получается, что этнические лидеры, наименее захваченные революционным психозом, оказались наименее националистичными.

Но дело не только в уровне «классовой» зрелости того или иного этноса. Мусульманские элиты изначально тяготели к формированию в рамках империи единой культурно-правовой общности, здесь скрытое взаимопроникновение социализма и национализма развернулось внутри единого конфессионально-обновленческого течения¹; можно говорить и об особом понимании ими как «национального», так и «интернационального». (Даже последующее стремление мусульманских народов к территориальной автономии выглядит не как первый шаг к утверждению национального начала в европейском смысле слова, а как этноизоляционистская акция, призванная защитить свое (и общемусульманское) духовное своеобразие территориальными границами.)

Ход других национальных движений 1917 г. также в значительной степени зависел от «солдатского фактора», усугубленного ощущением опасности, исходившей от соседей: в Закавказье азербайджанцы боялись мести со стороны солдат армянских батальонов за резню 1915 г. в Турции; в Крыму нервозность создавали даже малочисленные подразделения мусульманской конницы и т.п. Такие факторы, как особенности этнопсихологии, политической культуры, идентификационных процессов, причудливо преломлялись в настроениях вооруженной молодежи. В любом случае наибольшие затруднения для Временного

правительства создавало вовсе не выдвижение политическими лидерами проблем автономии, федерации или даже грядущей независимости Польши, а поведение солдат².

Массовые формы национализма имели мало общего не только с интеллигентским социализмом, но и демократической гражданственностью. В составе Украинского войскового Генерального комитета оказались бывшие «царские» генералы³; позднее обнаружилось, что и мусульманские революционные националисты тяготеют к тому, чтобы их возглавляли «свои» высокие старорежимные чины.

Между тем в России при всех эксцессах межнациональных столкновений уровень сепаратизма оказался поразительно мал. Напротив, культурно-автономистский компонент национальных движений оказался относительно силен: на их начальной стадии – у развитых или русифицирующихся, а позднее и у малых народов (где он принимал форму изоляционизма). Примечательно и то, что у еврейских (даже сионистских) лидеров обнаружились имперско-интеграционистские, «антисепаратистские» наклонности как реакция на исходящую от малых этносов опасность антисемитизма. В любом случае, несмотря на самоуверенные заявления их лидеров, национальные движения имели по преимуществу защитный характер. Но даже пассивный этноизоляционизм в регионах с национальной чересполосицей мог сыграть провоцирующую роль⁴. Национальные движения набирали силу в связи с их «солдатизацией» – неуклонным увеличением внутри страны массы вооруженных маргиналов. Окраинный национализм подогревался и аграрным вопросом, придававшим крестьянскому движению шовинистические формы. Однако эта тенденция проявила себя не сразу. После Февраля лидеры всех национальных движений получили заверения в отмене национально-вероисповедных ограничений и содействии начинаниям в области культуры и самоуправления. Когда же выяснилось, что денег на культурно-автономистское строительство у центральной власти нет, сразу же возникло недовольство.

Судьбы народов оказались сплетены с личностями, которые, независимо от намерений, по природному своему складу усиливали массовые настроения страха или нетерпения. «Невежды, поднявшиеся выше уровня своей неграмотной стихии... почитают себя призванными учить

весь мир», – так характеризовал известный мусульманский деятель М. Чокаев не менее известного башкирского лидера А.-З. Валидова, отмечая его склонность ко «лжи, коварству, лицемерию и провокации»⁵. Эта нелестная характеристика объясняет очень многое в политической карьере революционного националиста, успевшего в свое время переметнуться от Колчака к Ленину.

Особенность разворачивания революции на пространстве бывшей империи заключалась в том, что в ситуацию на местах вносили неопределенность конфликты, происходившие в петроградских верхах. Для левых национальных лидеров победа Л. Г. Корнилова оборачивалась крахом как социалистических прожектов, так и надежд на обретение той или иной степени национальной свободы. Ответная реакция в ряде случаев показательна. 30 августа объединенное собрание Советов Закавказья, где тон задавали меньшевики, приняло решение о переводе власти в крае в руки Кавказского центрального революционного комитета, а «буржуазным» членам Особого Закавказского комитета Временного правительства пришлось подать в отставку⁶. Это еще не означало отделения Закавказья от России, но фактически судьбу края стали решать местные (часто самозванные) лидеры, а не назначенцы Временного правительства.

Создалась ситуация, когда умеренные социалисты и даже «интернационалисты» из нацменьшинств, сами того не замечая, начинали работать на расчленение России. На Демократическом совещании, призванном стабилизировать власть с помощью коалиции левых сил с правыми, именно национальные лидеры продемонстрировали столь высокую степень «классовой» непримиримости, что это привело в восторг Ленина. Вождь крайних интернационалистов при этом и не вспомнил о своей непримиримости к любому национализму.

Между тем, хотя внешне выступления лидеров национальных организаций и партий по сравнению с речами представителей других организаций выглядели наиболее эмоциональными⁷, складывалось впечатление, что в своих требованиях они готовы были пойти на самоограничение в интересах русской демократии⁸. Но в среде русской общественности уже распространилось убеждение в «эгоизме» украинцев, финнов и прочих. В свою очередь, национальные вожди стали связывать собственные неудачи с действиями инациональ-

ных групп, чаще всего евреев, не заинтересованных в утверждении местных суверенитетов⁹. Формировалась «психология отказника» – привычка получать отрицательные ответы на ряд просьб заставляет расширять круг своих «врагов» до такой степени, что со временем и любое «да» будет восприниматься как наиболее изощренная форма противодействия.

В принципе это означало, что культура межнациональных отношений неуклонно спускается на племенной уровень, дополнительные шансы получают люди оголтелые.

Приход к власти большевиков подтолкнул местных националистов к отмежеванию (как правило, вынужденному) от «русской анархии». Волна территориальных самоопределений захватила даже мусульман. В сущности, тогда это было на руку большевикам, укрепляя их позиции в центре распадающейся империи. Примечательно, что большевики, объявив после Октября в обращении «Ко всем трудящимся-мусульманам России и Востока» о том, что намерены поддерживать их стремление к национальному равноправию и сохранению этнокультурного своеобразия, определенно учитывали и тенденцию к изоляционизму, и перспективы национально-социалистического радикализма. Именно этим объясняется то, что И. В. Сталин, встав во главе Наркомнаца, уже в начале декабря предпринял попытки организации «доверительных» бесед с такими деятелями, как председатель Всероссийского мусульманского совета А. Цаликов¹⁰.

Результаты выборов в Учредительное собрание показали, что нерусские народы представлены преимущественно социалистами. Большевики, ранее поощрявшие любую форму экстремизма, сделали из этого свои выводы.

16 декабря 1917 г. новый верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко обвинил Центральную раду в том, что она «хочет войны и крови», и, пригрозив, что «ей не удастся столкнуть рабочих и крестьян Украины с рабочими и крестьянами всей России», запретил «украинизацию».

В середине апреля 1918 г. последовали запрет Комитета грузин-воинов русских фронтов, приостановление деятельности московской газеты «Иль» за «контрреволюционное направление и провокационное отношение к Татаро-Башкирской республике», упразднение Московского Милли Шуро, а также реорганизация мусульманского

сводно-гвардейского полка в «Петроградский батальон мусульманской социалистической армии». Последнее было началом серии экспериментов по формированию «мусульманских» и «татаро-башкирских» соединений, проводимых Троцким¹¹. Предполагалось, что лидеры окраинных правительств получат своих «собственных» большевиков.

Распад империи нес в себе опасность разрастания этнофобии. И здесь решающую роль мог сыграть случай. В Тифлисе, по проектам уже свергнутого Временного правительства, началось формирование грузинского, армянского, мусульманского, русского корпусов и даже особой греческой дивизии. Из рабочих для борьбы с контрреволюцией и для поддержания порядка организовывалась Красная гвардия, в руки которой 12 декабря перешел Тифлисский арсенал; разрастался хаос «самовооружения». Тем временем малочисленные большевики, используя солдат, попытались в середине декабря свергнуть Тифлисский Совет, но ему удалось разоружить своих противников, что было тут же представлено большевиками как «нападение инородцев на русских солдат» (на деле формирование грузинского корпуса шло медленно из-за того, что местные меньшевики подозревали высших офицеров, также грузин, в контрреволюционности)¹². И даже на фоне подобного революционно-национального абсурда события, происшедшие в начале января 1918 г. на станции Шамхор, превзошли худшие опасения.

Так называемые шамхорские события подавались в советской историографии как намеренный расстрел «буржуазными националистами» русских солдат, возвращавшихся домой. На деле это тот случай, когда революционный хаос обернулся общей трагедией.

Уходившие с фронта русские войска оставляли часть оружия армянам, вынужденным более других думать об опасности турецкого вторжения. Это, в свою очередь, нервировало азербайджанцев. Между тем у станции Шамхор грузинский отряд попытался изъять оружие у эшелона русских солдат. Пока шли переговоры, к станции подоспели, с одной стороны, тысячи азербайджанских крестьян, рассчитывавших на свою долю оружия, с другой – еще несколько эшелонов с солдатами, и началась стрельба. Фронтвикам, вероятно, удалось бы расчистить себе путь артиллерийским огнем, но один из снарядов угодил в резервуар с нефтью, взорвалось еще несколько цистерн, пламя охватило

составы. Количество убитых и заживо сгоревших с той и другой стороны было невозможно подсчитать – говорили о тысячах жертв¹³. Взаимные этнические страхи породили общую трагедию. Но и этот случай меркнет на фоне последующих всплеск межнациональной розни, связанных, с одной стороны, со стремлением бакинских большевиков распространить свою власть на все Закавказье, с другой – с турецким вторжением.

Трудности с различением «своих» и «чужих» породили новые сочетания социализма и национализма. Одно их характерных для того времени искажений социального и религиозного сознания связано с деятельностью так называемых ваисовцев, которые в интересах мировой революции предлагали «соединить зеленое знамя с красным» – для уничтожения «контрреволюционных банд, татарских духовных собраний, ложных проповедников-мулл»¹⁴. Столь неожиданную окраску социального конфликта также использовали большевики в своих интересах¹⁵.

Позднее предпринимались попытки свергнуть мировой капитализм через революционизирование его мусульманской периферии; сионисты-коммунисты, со своей стороны, призывали превратить заселяемую евреями Палестину в новый центр мировой революции.

Распад империи и создание независимых национально-государственных образований вызвали к жизни череду этнических войн – не только в Закавказье, но и в Прибалтике. Малым народам, пытавшимся держаться в стороне от подобных столкновений, это, как правило, плохо удавалось: интригами или ложными посулами их втягивали в противоборство на полях Гражданской войны¹⁶.

Каковы бы ни были реальные масштабы «революционного национализма», ход Революции и Гражданской войны невозможно понять без учета болезненных этнопсихических явлений.

Сегодня очевидно, что оценивать соотношение социализма и национализма в русской революции по старым идеологическим меркам уже нельзя. И Февраль, и Октябрь вписаны в общее течение системного кризиса (смерть – возрождение) империи, в котором и социалисты, и националисты, как, впрочем, и все политики, играли незавидную роль людей, не ведавших, что творят. Более общее значение этого явления – для России и мира – еще предстоит по-настоящему оценить.

При этом приходится учитывать и то, что, если привычный исследовательский позитивизм в очередной раз обнаружит свою познавательную ущербность, в действие вступят совсем иные силы.

Для объяснения того, перед чем пасует наука, человек обычно мобилизует предрассудки, среди которых этнофобия занимает виднейшее место. В кризисе империи этнонациональный фактор обнаруживал себя и через демографический скачок, повлекший за собой рост социального нетерпения народов, посягнувших на прежние имперские этноиерархии. Наряду с этим невиданное социокультурное напряжение вызвало к жизни также феномен этномаргинала, готового взорвать весь мир с помощью новейших социалистических доктрин. Феномен революционного национализма наиболее отчетливо обнажает ту поистине роковую печать, которой отмечено «восстание масс», – происходит высвобождение самых злобных энергий, задавленных в человеке прежней жизнью.

Но это лишь одна сторона медали. Любая, самая причудливая и стихийная, манифестация этничности в кризисные времена позволяет не только ощутить архаичность революции, но и разглядеть те «новые берега», в которые рано или поздно уляжется ее бушующее море.

В пространстве большого исторического времени взбунтовавшийся социокультурный фундаментализм никогда не возьмется состязаться с утопией, но он легко может, как показал XX в., прикинуться ею. Возможно, в этом и состоит потаенная реальность события, столь легкомысленно снабжаемого всевозможными доктринальными ярлыками.

¹ Исхаков С. М. Мусульманская психология и европейская политика // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996.

² Дело доходило до создания особых «национальных секций» при войсковых комитетах. Даже казаки заимели свои «национальные» войсковые организации (РГВИА. Ф. 366. Оп. I. Д. 60. Л. 3–9а).

³ РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 233. Л. 67–68, 104–104 об.

⁴ У бурят появление собственных национальных организаций повлекло за собой немедленный стихийный отказ от уплаты традиционных налогов центральной власти, что тут же обострило отношения между ними и русским населением (Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг.: документы и материалы. Улан-Удэ, 1994. С. 42).

- 5 Из истории российской эмиграции М., 1999. С. 91.
- 6 Речь, 6.IX.1917.
- 7 Это было связано по преимуществу с антиправительственными выпадами представителей Центральной рады и негодованием мусульманских депутатов в связи с насилиями, творимыми русскими крестьянами-переселенцами над амнистированными участниками восстания 1916 года (Френкин М. Русская армия и революция. Мюнхен, 1978. С. 118, 212, 243–246, 250–251).
- 8 Кадетская печать особенно выделяла заявление представителя грузин-воинов о нежелании выставлять ряд насущных национальных требований в то время, когда страна находится в столь сложном положении. Этому заявлению рукоплескали все, кроме большевиков // Речь, 19.IX.1917).
- 9 *Андрусин Б. І.* Анатомія соціальних конфліктів доби Центральної Ради // Центральної Рада на тлі Української революції. Київ, 1996. С. 130.
- 10 ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 26. Л. 1; Д. 92. Л. 7.
- 11 Там же. Д. 25. Л. 40, 65, 59, 71, 77; Д. 37. Л. 28.
- 12 *Квинтадзе Г. І.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии. Париж. 1985. С. 20, 22–26; ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 292. Л. 56, 58.
- 13 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 292. Л. 72–75.
- 14 ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 37. Л. 148–152 об. Большевики определенно (хотя и сдержанно) потворствовали вайсовцам.
- 15 Большевики ограничивали, а затем прекращали деятельность тех организаций, деятельность которых они приветствовали до Октября. В апреле 1918 г. последовало запрещение Национального управления мусульман внутренней России и Сибири в Уфе, затем упразднение Всероссийского мусульманского совета. Это сопровождалось повсеместным насаждением «мусульманских комиссариатов» из «левореволюционных организаций мусульман» (ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 25. Л. 62, 63, 64, 68).
- 16 18 февраля 1919 года (Материалы и документы по истории перехода Башкирии на сторону Советской власти. Уфа, 1923); Тоган Н. В. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М, 1997. С. 193–196; Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. М, 1994.

Автономизм для Казахстана и Средней Азии в транзитном пространстве революции и гражданской войны в России*

Автономизм оказался наивысшим и самым радикальным пунктом в эволюции политических приоритетов казахских и среднеазиатских (центральноазиатских)¹ демократов начала XX в. В поликультурном пространстве Российской империи переход от традиционализма к модерности происходил с разной скоростью, имел региональную и этносоциальную специфику. Складывание в регионах достаточно значимых политически активных слоев в условиях распада государства актуализировало федералистские настроения, а общероссийский административно-территориальный формат в 1917 г. стал основой для выработки региональных этнополитических проектов. Они оставались в границах общего пространства бывшей империи как исторически и географически устойчивого, оно воспринималось в перспективе надежным, привычным и обжитым, при условии его общей демократизации. Пространственная целостность сказалась и на взаимодействии региональных лидеров и структур².

Динамика развития автономистских моделей зависела от характера и скорости политических процессов, уровня организованности

* Д. А. Аманжолова

и влияния этнополитических активистов, силы и прочности связей между региональными и столичными участниками борьбы за власть. Практическое воплощение этих моделей пришлось на экстремальный 1918 г. Почти безграничная вера центральноазиатских лидеров в автономию через Всероссийское Учредительное собрание, когда они, безусловно, получили бы государственные институты и желанную власть как единственно легитимные представители своих народов, подкреплялась традициями этносоциальной иерархии³.

Автономистские проекты для Средней Азии

В Средней Азии этноидентификация не была первостепенной в иерархии общественно-политических приоритетов, а понятие «нация», быстро распространившись в информационном поле, толковалось на основе консолидирующих факторов межэтнических духовных, административно-территориальных и хозяйственных практик⁴. Важную системообразующую роль в борьбе за власть играла и региональная идентичность. Переустройство государственности стало результатом ожесточенного противоборства конкурирующих проектов – общероссийских (большевистского и антисоветского) и локального, совместившего политические и конфессионально-культурные приоритеты⁵. Временное правительство не решилось на предоставление автономии национальным окраинам, а антисоветские силы в 1918 г. не смогли предложить среднеазиатским народам реалистичную альтернативу. В итоге борьба развернулась между региональной элитой, объединившей сколько-нибудь значимые политические силы с разной идейной «начинкой» и общей культурно-религиозной идентичностью, с одной стороны, и леворадикальными социалистами во главе с большевиками – с другой.

Идея автономии в Туркестане⁶ была озвучена летом 1917 г., и толчком послужило известие о создании на Украине Центральной Рады⁷. Член Краймуссовета М. Бехбуди писал о поддержке федерализма и желании, «не отделяясь от России», ввести такой парламентаризм, который бы учел интересы «всех туркестанцев, будь то еврей, христианин или мусульманин»⁸. Этнический критерий идентификации не рассматривался.

Консолидация на конфессиональной основе в определенной мере служила способом сгладить внутренние противоречия в рядах малочисленного этнополитического актива. Но и среди религиозных деятелей политические представления об автономии были смутными. Даже выделение «Шурои-Уламо» (июнь 1917 г.) было вызвано различиями в трактовке пределов и самой необходимости исламской модернизации. Ортодоксальная «Шурои-Уламо» во главе с С. Лапиным предлагала «чисто мусульманскую автономию», что вызвало отторжение со стороны так называемых прогрессистов, считавших эти идеи утопичными и антинациональными⁹. А. Фитрат «ради Бога, религии, Родины и нации» призывал объединиться джаидов, кадимов, мулл и богатых людей, закрыв глаза на имеющиеся амбиции и «классовые деления»¹⁰. Таким образом, понятие нация не связывалось с этничностью и имело региональное наполнение¹¹. Нациестроительство не стояло в повестке дня ни центра (царского и Временного правительств), ни туркестанских националов-демократов. И ныне авторы из стран региона рассматривают надэтническую конструкцию – Туркестанскую автономию как «национальное государство»¹².

Важным стимулом стали также решения I Всеказахского съезда в Оренбурге (21-26 июля); свое влияние оказывали башкирские и азербайджанские деятели, непосредственно принявшие участие в ташкентских событиях (А.З. Валиди) или приезжавшие в край поделиться опытом (А. Амин-Заде)¹³. Борьба местных советов за единовластие привела к ускорению политизации националов. II краевой мусульманский съезд (7-11 сентября) заявил о неприятии власти советов и предложил коалицию «всех политических сил страны», дабы сделать ее «всенародной». Это усилило отчуждение между националами и большевиками, которые к тому же конфликтовали с меньшевиками и эсерами. Под влиянием большевиков Ташкентский исполком фактически захватил власть, что побудило их противников в краевых советах солдатских, рабочих, крестьянских, казахских и общемусульманских депутатов объединиться и перебраться в Скобелев¹⁴. Попытка объединить усилия туркестанских и казахских мусульман была предпринята 17-20 сентября на съезде в Ташкенте, практически сразу после резкого усиления роли советов и левых «европейских» сил, подстегнутого, в свою очередь, обострением ситуации в Петрограде¹⁵. Однако решение съезда о будущей

Туркестанской федерации в составе Российской Республики не привело к объединению автономистов. А взятие власти большевиками в столице и 1 ноября в Ташкенте заставило осознать необходимость самостоятельных действий, к чему подтолкнули и местные левые, упорно боровшиеся за полновластие советов и пока не заявлявшие о своей позиции по национальному вопросу. Туркестанские националы, не имея по соседству сильного регионального союзника и не получив поддержки казахских автономистов в своих претензиях на лидерство в возможном азиатском альянсе, в ноябре заявили о нейтральной позиции и к свергнутому Временному правительству, и к большевикам.

Безусловная привлекательность права народов на самоопределение, их равенства и суверенности, отмены национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений сыграли огромную роль в утверждении Советской власти на местах. Особое значение имели Декларация прав народов России от 2 ноября и воззвание СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 г.¹⁶ Однако прямое противоречие решений местных большевиков декларациям центральной власти спровоцировало конфликт с националами.

«Объединенное совещание различных мусульманских групп» (12-15 ноября, Ташкент), а также умеренные социалисты и эсеры в краевом совете не добились реальной консолидации, что привело к усилению позиций радикально настроенных сил во главе с большевиками. В острых дискуссиях III краевой съезд советов (15-19 ноября) проигнорировал предложения о коалиции умеренных делегатов, в том числе мусульманских. В СНК Туркестана не получили доступ не только «оборонцы», но и представители коренного населения «ввиду полной неопределенности отношения туземного населения» к власти советов и отсутствия у него «пролетарских классовых организаций»¹⁷. Главой СНК в составе 8 левых эсеров, 5 большевиков и 2 максималистов был избран большевик Ф.И. Колесов. Наказ правительству содержал идею о пропорциональном представительстве коренного населения¹⁸, но выполнен не был. К тому же исполнительная власть советской автономии оказалась решающей, так как ЦИК был образован лишь в конце апреля 1918 г.

В ответ IV Чрезвычайный краевой мусульманский съезд в Коканде 26-28 ноября (9-11 декабря) 1917 г., «выражая волю населяющих

Туркестан национальностей к самоопределению на началах, возведенных великой Российской революцией», решил объявить Туркестан территориально автономным «в единении с Федеративной Российской Республикой, предоставляя установление форм автономии Туркестанскому учредительному собранию». До созыва Учредительного собрания вся полнота власти переходила к Туркестанскому Временному совету и Туркестанскому Народному (Национальному) собранию. Предполагалось треть мест в нем предоставить «европейским» организациям края, а также создать мусульманскую и немусульманскую курии в Учредительном собрании автономии. На деле в правительство вошли 10 членов Временного совета – 4 узбека, 3 казаха, 2 татарина, 1 еврей, т.е. из коренных народов были представлены лишь узбеки, 4 места резервировались для «европейцев» Туркестана, во Временном совете их не оказалось¹⁹.

Кокандские националы указывали на общероссийскую доминанту: их решение не противоречит ленинским декретам и идет в русле последних событий, когда «все народы стали объявлять автономии». Более того, поскольку право на нее имеют «народы, составляющие 69%» региона, никто не должен отрицать права мусульман – 95% населения края²⁰. Итак, религиозная общность была решающей в политическом самоопределении региона. Границы автономии не заявлялись²¹. Обещание соблюдать права русских, евреев, армян и других народов сопровождалось предупреждениями о «неприятных событиях» в случае препятствий автономии. Это, как и призывы манифестантов к конкурирующим силам воздержаться от обострения отношений, отражало неопределенность ситуации и неуверенность сторонников автономии в исходе инициативы²².

Под руководством джадидов коренное население ряда крупных центров в декабре 1917 г. поддержало автономистов²³. «Европейское» население Коканда оставалось за рамками их влияния и управления. Социал-демократы и эсеры в Национальном собрании соревновались за первенство в поддержке националов. Но столкновение и расстрел манифестантов Ташкента в день рождения Мухаммеда (13 декабря) привело к жертвам и заставило Колесова обратиться в Петроград за директивами. Обещания созвать Учредительное собрание для провозглашения автономии опоздали. I Чрезвычайный съезд рабочих, солдатских

и дехканских депутатов-мусульман в Коканде 26-30 декабря 1917 г. (8-12 января 1918 г.) принял резолюцию в поддержку Туркестанской автономии и выразил недоверие СНК Туркестана, обратившись в СНК РСФСР за поддержкой. Однако в рядах местных социалистов и националов не было единодушия ни по поводу отношения к общероссийской власти, ни о политическом устройстве полиэтнического региона²⁴.

Между тем, согласно Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа²⁵, все народы России имели право «принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях»²⁶. Определяющим принципом федерации объявлялась власть советов, избранных не на основе всеобщего избирательного права, а из рабочих и крестьян. Непоколебимая убежденность в необходимости и возможности классового расслоения «темных масс мусульманства», вовлекаемых контрреволюционными элементами в союз с «мусульманской буржуазией», диктовала настороженное отношение туркестанских большевиков ко всем инициативам национальной демократии по поводу компромисса с советами²⁷.

Кратковременная история кокандских автономистов состояла из попыток обеспечить выживание. Национальное собрание намеревалось разработать конституцию, правительство экспроприировало типографию О. Махмудова, организовало выпуск газет на языках основных народов края (это было, пожалуй, единственным признанием де-факто наличия этнических общностей внутри автономной «нации») и поставки зерна через Оренбург. Предложение продовольственной помощи от представителей антисоветского «Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей», созданного в ноябре на Северном Кавказе, подвигло кокандцев к решению вступить в него²⁸. Впрочем, это была лишь декларация. Автономисты начали формировать армию, набрав от 1000 до 2000 человек²⁹. Одной из самых острых проблем стало финансирование, и здесь определенные надежды возлагались на специалиста по имущественным делам С. А. Герцфельда³⁰. Решение о выпуске займа в 30 млн. руб.³¹ не было реализовано.

Большевики же вскоре обозначили свое отношение к противникам самоопределения на классовой основе. Конфискация свыше 8 млн.

руб. в кокандских банках спровоцировала разногласия среди автономистов и предпринимателей, которые их поддерживали. Руководство правительством перешло от М. Тынышпаева к М. Чокаеву, более склонному к решительной «защите мусульманских интересов». Однако его амбиции на руководство объединенными силами туркестанских и казахских националов последние не поддержали. IV Чрезвычайный краевой съезд советов Туркестана (19-26 января (1-8 февраля) 1918 г.) вообще исключил какой-либо компромисс с кокандцами. Председатель Ташсовета И. О. Тоболин заявил от фракции большевиков: «Говорить о проведении в жизнь автономии сейчас же, немедленно, нельзя. Ибо первым условием автономии был бы вывод войск из края». Съезд принял решение: «Кокандское автономное правительство и его членов объявить вне закона и арестовать»³². Попытка автономистов опередить советы и овладеть крепостью провалилась, был создан ревком, а СНК Туркестана начал подготовку к свержению кокандцев.

Переговоры с автономистами не привели к компромиссу. Утром 31 января (13 февраля) начались боевые действия. 2(15) февраля Коканд был охвачен пожарами; около 10 тыс. человек, вооруженных в основном топорами, молотами, палками, сопротивлялись 3 дня. 17 февраля большевики предложили начать переговоры и передать им руководителей автономного правительства, 18 февраля они потребовали признать советскую власть и распустить армию. Крах автономии ускорил раскол в рядах ее лидеров. 18 февраля правительство М. Чокаева было свергнуто силами улемистов. Руководство сопротивлением перешло к начальнику городской милиции Эргашу. Военком Туркестанского края Е. Перфильев организовал почти полную блокаду Коканда. 22 февраля был подписан мирный договор, автономисты объявлены вне закона, но жестокая расправа над кокандцами, насилие и грабежи вызвали резкое неприятие со стороны умеренных социалистов. На смену национальной демократии в длительную и упорную борьбу против советской власти вступили радикальные силы³³. При этом так называемое басмаческое движение на деле было порождено глубоким и долговременным продовольственным, снабженческим и экономическим кризисом³⁴. Оно не имело единого центра, руководства и общей «государственной» программы, отстаивая локальные предпочтения мест-

ных земляческо-племенных группировок в условиях безвластия. На характер и состав басмачества сильно влияли национальная чересполосица и этническая мозаика региона³⁵.

Туркестанская автономия, став результатом протеста полиэтнической мусульманской элиты при поддержке коренного населения, опиралась больше на общественные ожидания, нежели на заранее выработанную программу. «Чувство неудовлетворенности настоящим и жажда перемен», объединявшие весь политический актив Туркестана – от джадидистов до кадимистов³⁶, – оказались недостаточными для борьбы за власть и овладения ею. Партийные этнополитические институты также не получили оформления в предшествующий период. Финансы кокандцев были крайне ограничены, а вооруженные силы не успели organizоваться. Границы автономии в документах ее инициаторов не определялись. Не нашлось у автономистов и надежных союзников, как и «внешних» партнеров, готовых поддержать этот проект, да и в самой «команде» руководителей единодушия не было. Горизонтальные связи для выяснения этнических территорий, их границ и практической конкретизации форм федерации³⁷ в случае с Туркестаном фактически оказались крайне слабыми. «Европейское» население Коканда, очевидно, оставалось сторонним наблюдателем. Вкупе с перманентной борьбой за власть в регионе и острой конкуренцией всех ее участников, радикализмом местных большевиков и неопределенностью в отношениях с Петроградом автономия была обречена³⁸.

Федерализм по-советски фактически становился основным проектом для региона. В марте 1918 г. И. Сталин, М. Вахитов³⁹ и ряд других деятелей Наркомнаца направили на места телеграмму с изложением иницированного Вахитовым Положения о Татаро-Башкирской Советской Республике⁴⁰. Революционным организациям азербайджанцев, татар, грузин, армян, киргизов⁴¹, сартов, текинцев и другим было предложено «сообщить свои конкретные планы федерации». На следующий день в «Правде» были опубликованы сам документ и обращение Сталина. Он расценивал создание республики как образец федеративных взаимоотношений России с народами бывшей империи⁴². 24 и 27 марта телеграмма Наркомнаца была направлена в Ташкентский Совдеп, ревкомы Оренбурга и Башкирии. В Туркестан в апреле 1918 г. прибыли чрезвычайный комиссар П. А. Кобозев⁴³ и представители Нар-

комнаца Х. Ибрагимов и А. Ш. Клевлеев. Посланцы центра занялись реорганизацией власти, временно лишив СНК края полномочий, и подготовкой учредительного съезда. 20 апреля – 1 мая 1918 г. съезд провозгласил Туркестанскую АССР в составе РСФСР. Потерпевшие поражение кокандцы делегировали М. Чокаева для переговоров с победителями, но их предложение привлечь центр в качестве арбитра заставило туркестанских большевиков не допустить выступления автономистов на съезде⁴⁴.

На самом съезде советов в ЦИК республики во главе с Кобозевым были избраны 26 человек, в том числе 7 – от коренного населения, в СНК под председательством Ф. И. Колесова из 16-3. Создание Компартии Туркестана в июне 1918 г. обеспечило организационные основы большевистской власти, хотя представительство национальностей в КПТ было мизерным. Образованные повсеместно мусульманские советы уже в сентябре были преобразованы в районные, поскольку в рабоче-крестьянской республике не могло быть «деления на русских и мусульман». Конституция, принятая в октябре VI съездом Советов республики, закрепила интернационально-классовый принцип формирования органов власти⁴⁵.

В апреле 1918 г. В. И. Ленин так оценил ситуацию в регионе: «Ташкентские коммунисты под влиянием социалистов-революционеров наделали кучу глупостей. В частности, они провели кругом “социализацию”, а чего – сами не знают. Ввязались в войну с Бухарой и принуждены были заключить позорный Колесовский мир. Заключили союз с андижанскими дашнаками, то есть со 2-м Интернационалом, и разгромили Коканд»⁴⁶. Сталин добавил: «Опоздали объявить автономию советскую и нарушили автономию буржуазную. Не связались с бакинскими товарищами. В результате разрушили только что восстановленную через Оренбург нашу связь с Кавказом»⁴⁷. Как вспоминал М. Чокаев, уже в мае 1918 г. автономисты раскололись на сторонников союза с российской демократией, в том числе социалистической, и возлагавших надежды на иностранную поддержку в «освобождении Туркестана от русских сил»⁴⁸.

Авантюризм и жестокость ташкентских большевиков в условиях экономического и продовольственного кризиса привели к обострению ситуации во всем регионе: активизировались не только «европейские»

представители местных антисоветских слоев, которых сразу поддерживали английские «миссионеры». В придачу они взяли на вооружение идею «Туркестанской демократической республики», обещая поддержать ее создание. Между тем часть большевиков и рабочие крупных предприятий, призванные быть главной социальной опорой новой власти, выступили против нее. В итоге спровоцированная лидерами ТАССР гражданская война в Закаспии затянулась до февраля 1920 г. Столь же радикальные инициативы советских органов в Семиречье, которое с 1916 г. погрузилось в тяжелейший социальный и межэтнический конфликт⁴⁹, спровоцировали создание еще одного фронта. Антисоветские силы казачества Сибири, казахского движения Алаш действовали против большевиков до февраля 1920 г. Вкупе с ожесточенным противостоянием коренных жителей и крестьян-переселенцев это создало сложнейший клубок противоречий, последствия которых ощущались и в 1920-е гг. Драматично развивалась и борьба за власть в Амударьинском отделе, исход которой зависел еще от решения так называемого хивинского вопроса⁵⁰. Тем не менее, если в середине июля 1918 г. Колесов писал в столицу о катастрофическом положении республики, поскольку «часами опереться не на кого», то уже 4 сентября он докладывал в СНК РСФСР: «В Семиречье занимаем пункт за пунктом. Положение там твердое»⁵¹. Однако борьба с присланными из центра «молодыми» партийцами в декабре обернулась так называемым осиповским мятежом⁵² сторонников диктатуры, который был подавлен к февралю 1919 г. Коренное население оставалось в стороне от этих военно-политических баталий, идея освобождения не смогла объединить соперничающие этнические, региональные и другие группы. Автономистские амбиции националов потерпели поражение, а в состав органов управления ТАССР допускались лишь единицы оправдавших доверие «туземцев». Большевицкое руководство РСФСР, как и националы, не смогло отказаться от дореволюционного географического и административного «образа» региона и стратификации его населения на «европейцев» и мусульман. Заявленное самоопределение народов в полиэтнической автономии было отложено, на время юридически оформилось культурно-конфессиональное единство «мусульманской нации» Туркестана, что чуть позднее послужило одним из важных поводов для известного проекта Тюркской Республики Т. Рыскулова⁵³.

Алашординцы между конкурирующими моделями автономизма

Интенсификация межкультурных контактов казахской Степи в начале XX в. подстегивала оформление этнического дискурса и осмысление образованной частью общества сути «казахскости». Не случайно самоопределение «казах» появляется в 1913 г. в названии общенациональной газеты, а выработка «национального» проекта шла от интереса к общероссийской и даже международной культурно-языковой и религиозной солидарности к локальной этноцентристской. Казахские демократы, решив в июле 1917 г. создать национальную партию Алаш, не успели организовать ее как полноценный инструмент борьбы за власть, но тогда же высказались за «областную территориально-национальную автономию» в составе будущей Российской демократической федерации⁵⁴. Несмотря на отсутствие программы партии, уже летом повсеместно действовали казахские комитеты, ставшие и органами местного самоуправления, и партийными структурами. В качестве первых они вступали в коалиции с другими местными органами власти – как созданными инициативно весной, так и затем Временным правительством, в том числе в Омске.

Выбор автономистской модели отражал реализм лидеров Алаш и опирался на учет объективного состояния казахского общества: достаточно глубокая интегрированность края в российскую политико-экономическую систему, исторически сложившаяся взаимосвязь Казахстана с другими регионами страны, весьма значительная вероятность потери даже минимальной самостоятельности в случае провозглашения суверенитета. В отличие от среднеазиатских автономистов казахским этноцентристам история предоставила гораздо большее пространство для маневра. Но им пришлось вступить в сложные и непрогнозируемые отношения с разными политическими партнерами, каждый из которых имел свой проект переустройства России и самой Степи. Большевиcтский вариант предусматривал признание Советской власти с классовым принципом ее формирования. Ему противостояли сторонники единства бывшей империи как возрожденной монархии («белые») и как федерации (Комуч). Сильными конкурентами этим проектам

в 1918 г. выступали сибирские областники, принужденные в ноябре согласиться на мезальянс с консолидирующим противником советов – правительством А.В. Колчака. Но сам центр силы, проявлявший некую способность на воссоединение распавшейся страны, в 1918 г. «передвигался» в военно-политическом и географическом смыслах, что предопределило ситуативную тактику алашевцев.

Так, тесная связь казахских интеллектуалов с сибирскими областниками сохранялась и в 1917–1919 гг.⁵⁵ Хотя до конца 1917 г. автономисты не спешили отделиться от сибирских коллег, предпочитая участвовать в съездах областников и входить в состав создаваемых ими структур, все более четкие организационно-политические контуры приобретали собственные центры, претендующие на региональное лидерство и новый характер отношений с будущей общероссийской властью⁵⁶. Вплоть до конца 1917 г. и те и другие не решались объявить об автономии и размежеваться. Областники и алашевцы допускали сочетание территориального и национального подходов к федерализации России и самой Сибири с включением казахских земель в состав последней.

Это показывают решения сибирского областного съезда 8–16 октября 1917 г. в Томске, где участвовали и 10 казахов. Делегаты разбились на автономистов и федералистов, не признающих Сибирь в качестве единого региона и выступающих за его деление на несколько областей. Лидер Алаш А. Н. Букейханов заявил: «Самоопределение мы хотим получить вместе с Сибирью». Он выступал за территориальную консолидацию казахских земель в сибирской автономии на основе их хозяйственной специфики и за межэтническую интеграцию вне партийных ограничений. Съезд высказался за образование «экстерриториальных персонально-автономных союзов в составе Сибирской автономии, куда должна была войти территория на восток от Урала с включением всего Киргизского края при свободном волеизъявлении населяющего эти пределы населения». В отношениях с областниками Букейханов предпочитал постепенные шаги от единства к выделению. Он подчеркивал, что в России проживают народы, говорящие на 105 языках, поэтому не может быть одного закона, удовлетворяющего всех: «Такой закон может издать для себя каждый отдельный народ только сам». Казахи в Учредительном собрании должны отстаивать идею автономии, которая может основываться либо на единстве крови, либо

территории, либо хозяйства; необходимо взять за основу «общность территории», а потому «казахам выгодно вхождение в Сибирскую автономию». Букейханов не считал возможным спешить с «отдельной казахской автономией» из-за недостатка управленческих кадров. А когда «достаточно подготовимся к управлению, тогда и будем требовать от Сибири автономию, задержки не будет», – подчеркивал он. В Сибирской Думе казахи, отмечал Букейханов, вместе с другими народами, якутами, бурятами займут достойное место⁵⁷.

В проекте программы партии Алаш, опубликованном 21 ноября 1917 г., указывалось: Россия должна быть демократической федеративной республикой с президентской формой правления и всеобщим избирательным правом, законодательную власть должна осуществлять Дума. «Автономия киргиз... входит в Российскую федерацию наравне с другими народностями... существует равноправие, неприкосновенность личности и свобода слова, печати и союзов». «В первое время Казахская автономия может составить единое образование вместе с другими заинтересованными в этом народами, а если нет, то с самого начала может стать самостоятельной единицей». На II Всеказахском учредительном курултае (декабрь 1917 г., Оренбург) А. Букейханов «горячо доказывал, что при современных условиях социальной жизни и состояния культуры и просвещения среди киргиз обособиться им политически и взять самостоятельный курс чисто автономного управления было бы нецелесообразно и неблагоприятно». Газета «Казах» вскоре пояснила, «что является основой государственности»: «1) наличие отдельной территории, 2) наличие на ней населения, 3) власть, управляющая страной»⁵⁸. Позже отмечалось, что главной причиной отказа сразу провозгласить автономию была неопределенность ситуации в крае и положения в соседних регионах.

Два соседних центра автономизма нашли компромисс и не конкурировали, рассчитывая на демократическое переустройство России и предполагая разные варианты собственных взаимоотношений. Между тем переход власти к большевикам в столицах и последовавшая за этим волна советизации означала новый вызов для всех регионалов. На II Всеказахском учредительном съезде Букейханову и его товарищам удалось преодолеть сопротивление сторонников союза с Туркестаном, уступив им в требовании немедленного объявления автономии.

Показательно, что лидер Алаш разумно предлагал провозгласить ее лишь после выяснения отношения некоренного населения и создания народной милиции. В итоге эти важные идеи были проигнорированы, хотя решение съезда декларировало предоставление 10 из 25 мест в правительстве «другим народам» (на деле оно было моноэтничным). Вскоре выяснилось, что казахский актив Сыр-Дарьинской области готов соединиться с Алашской автономией при условии ее союза с Туркестаном, причем казахская столица должна была основаться в г. Туркестан. Образование Алашской автономии со столицей в Семипалатинске по факту состоялось решением II съезда. Она включала «сплошную территорию с господствующим населением казак-киргизским единого происхождения, единой культуры, истории и единого языка», предлагала культурную и национальную автономию «безземельным народам» в своем составе и их пропорциональное представительство во всех своих учреждениях⁵⁹. Высшим органом власти стал Временный Народный Совет – Алаш-Орда, председателем которого был избран А. Букейханов.

Большевики предприняли попытку альянса: 28 марта 1918 г. в казахский комитет Семипалатинска поступила телеграмма Наркомнац: «Просим немедленно командировать представителей для организации Комиссариата по киргизским делам для работ по осуществлению киргизского штата»⁶⁰. Очевидно, образование федеративных штатов, или республик, Наркомнац предполагал проводить по разработанной им схеме для Татаро-Башкирии и на основе реализации принципа «самоопределения трудящихся».

По решению Алаш-Орды в Наркомнац с решениями II Всеказахского курултая были направлены депутаты Учредительного собрания Ж. и Х. Досмухамедовы. Сталин считал возможным одобрить решение Всеказахского съезда при условии признания Алаш-Ордой власти СНК как центральной и советов на местах, автономисты получали право организовать комиссию по созыву учредительного съезда. Алаш-Орда постановила «признать центральную власть Федеративной Советской Республики» и выдвинула ряд предложений: определить границы будущей автономии и полномочия Алаш-Орды до созыва учредительного съезда, а также ее взаимоотношения с местными советами. Автономисты отстаивали право на инициативу созыва съезда в тесном

сотрудничестве с местным советом, сохранение за собой до этого высшей законодательной и административной власти. На местах они предлагали власть дать советам, «организованным на демократических началах с соблюдением пропорционального представительства от национальностей». Этот пункт был неприемлем для СНК. Там, где советов еще не было, предлагалось сохранить казахские комитеты, земское и городское самоуправление, а также национальные суды, создать народную милицию.

Подчиненность национального классовому обусловила прагматизм большевиков в отношении к самоопределению народов. Несмотря на противодействие немногочисленной левой партии Уш-Жуз, компромисс состоялся. Об успешном ходе переговоров сообщала телеграмма Алаш-Орды в уездные казахские комитеты от 16 апреля: «Совнарком признает нашу автономию при условии признания советской власти». Алашординцы обязались не поддерживать антисоветские выступления казачества⁶¹. Однако падение советов в крупных центрах будущей автономии к лету 1918 г. исключило развитие альянса с большевиками почти на год.

24 июня 1918 г. Алаш-Орда приняла постановление о признании недействительными на территории Алаш всех декретов Советской власти. Вводились в действие законы и декларации Временного правительства о свободе совести, слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности. Алаш-Орда включила в свое исключительное подчинение право на разрешение железнодорожного строительства и на поступление всех государственных налогов с населения автономии, распорядившись немедленно приступить к сбору кибиточной подати. Был образован Военный совет с функциями военного министерства и правом создавать местные военные советы, а также обязанный «призывать джигитов для борьбы с большевиками», что, впрочем, оказалось затруднительным и потребовало поддержки более сильных противников большевизма.

Для управления автономией восстанавливались земские учреждения, введенные 17 июня 1917 г. Решением от 25 июня повсеместно создавались областные и уездные советы Алаш-Орды, уточнялось, что если и неказахское население изъявит желание остаться в автономии, то советы избираются всем собранием. Облсоветы должны были заниматься

призывом в алашские части, сбором налогов, установленных II Всеказахским курултаем и решениями Алаш-Орды, подготовкой материалов к созыву Алашского Учредительного собрания, вопросами культурно-экономического развития, охраной «государственного порядка и общественного спокойствия», подготовкой материалов по аграрному вопросу и наблюдением за точным исполнением правил временного землепользования в автономии⁶². Летом 1918 г., после падения Советской власти, практически во всех крупных центрах Казахстана были созданы советы Алаш-Орды. Но отсутствие должной транспортной инфраструктуры, трудности почтовой связи, сложные военные обстоятельства затрудняли оперативное выполнение решений Алаш-Орды.

При разработке принципов управления Алаш-Орда пыталась совместить представительные полиэтничные по составу органы местного самоуправления, созданные после февраля, и национальные органы власти, подчиненные непосредственно ей. Предполагалось тесное сотрудничество советов с земствами, но их взаимоотношения не были точно определены. Ставилась задача обеспечить невмешательство в компетенцию земских и городских управ и дум, хотя в районах, подвластных Алаш-Орде, земства зачастую возглавляли ее сторонники. Алаш-Орда рассчитывала на союз с Сибирской и Башкирской автономиями и на военную помощь атамана А.И. Дутова. При всей привлекательности замысла эта система затрудняла решение повседневных административных и хозяйственных задач, создавала своеобразное двоевластие, к тому же дополнявшееся вмешательством в местные дела эmissаров «центральных» властей – Сибирского Временного правительства и Комуча⁶³.

24 июня были утверждены правила о временном землепользовании в автономии. Окончательное решение откладывалось до Учредительного собрания России; удовлетворялись все важнейшие дореволюционные требования по аграрному и переселенческому вопросам. Было принято решение о наборе народной милиции⁶⁴. Однако при незавершенности строительства местных органов Алаш и их реальной слабости, быстро меняющейся военной ситуации и подчинении разных районов края противоборствующим силам это было практически невозможно.

С конца 1917 г. начался новый этап отношений Алашской и Сибирской автономий на уровне правительств и их местных органов: 1) по поводу

взаимного признания, приоритета распоряжений каждого правительства, их равноправия или соподчиненности; 2) по вопросам полномочий местных структур обоих правительств; 3) по проблемам организации воинских подразделений и их подчиненности. По каждому из направлений взаимодействие было достаточно напряженным. Решающее значение имели динамика общей военно-политической ситуации, влияние и давление других политических сил (Комуч, Башкирская и Туркестанская автономии, казачьи правительства – прежде всего Оренбургское), объективные трудности коммуникаций, внутренние проблемы. В нормативном плане обе силы опирались на собственные приоритеты.

Единству действий автономистов мешали территориальные разломы Казахстана, к тому же на западе до сентября 1918 г. существовал самопровозглашенный Уильский Оляят, где Ж. Досмухамедов даже провозгласил себя ханом. Серьезных организационно-политических ресурсов у алашординцев было немного, военного значения они также не имели. Поэтому вполне закономерно они рассчитывали на союз с более сильным соседом, ориентированным на федерацию. Еще в январе 1918 г. алашординцы не предпринимали попыток перейти от декларации к делу. Сыр-Дарьинский казахский съезд высказался за оставление в составе Туркестанской автономии. Тогда же Семипалатинский обком Алаш совместно с земством и советом крестьянских депутатов признали Временное Сибирское правительство до провозглашения казахской автономии, хотя установление Советской власти изменило ситуацию в крае⁶⁵.

В.И. Шишкин считает, что летом 1918 г. областники и алашординцы проявили взаимный интерес для решения своих задач, особенно потому, что в январе большевики разогнали Сибирскую областную думу и «отказались принять условия Алаш-Орды»⁶⁶. Это не вполне верно: алашординцы добились компромисса на переговорах в Москве, но сотрудничество было прервано антисоветским переворотом, в том числе в Уральской и Семипалатинской областях, где алашординцы проявили себя наиболее организованно. На территории первой ими руководил ездивший на переговоры в Москву Ж. Досмухамедов, а в Семипалатинской находилось правительство автономии во главе с А. Букейхановым. Именно антибольшевистский переворот в регионе подтолкнул их переход к союзу с антисоветскими силами.

Временное Сибирское правительство во главе с П.В. Вологодским поначалу было в основном эсеровским и имело в своем составе министерство туземных дел во главе с М.Б. Шатиловым. Но 30 июня 1918 г. его состав изменился – оно стало более правым⁶⁷, что повлияло на взаимоотношения с казахской автономией. Сибиряки позиционировали себя в качестве центра, рассчитывая подчинить себе Алаш. В итоге отношения с Алаш-Ордой, которая стремилась отстаивать принципы федерализма и равноправия с другими автономиями, ухудшались. В «Основных положениях о границах культурной автономии национальностей Сибири» право окончательного решения вопроса о территориально-политической автономии передавалось Всероссийскому Учредительному собранию. Правительство отказалось признавать «избранные некоторыми национальностями Комитеты (например, Алаш-Орда киргиз-кайсаков) органами национально-территориальной государственности». Оно выразило готовность предоставить «национально-культурную автономию, гарантирующую свободное развитие каждой отдельной национальности». Соответственно национальные органы власти признавались лишь как представительные по вопросам культурной автономии и местного самоуправления⁶⁸.

Алаш-Орда добивалась признания автономии. 10 июля 1918 г. ее представитель А. Ермаков передал в Совет Министров Сибири записку, где Алаш-Орда призвала к единению для защиты завоеваний Февральской революции, «давшей начало к политическому возрождению народов и окраин России». Алаш-Орда обещала всемерную поддержку Сибирскому правительству и предложила проект соглашения, по которому Омск признавал национально-территориальную автономию Алаш. Признание Алаш-Орды центральным органом, временно исполняющим функции государственной власти, подразумевало исключительное подчинение ей всех национальных общественных организаций и учреждений без права вмешательства других властей в сферу ее компетенции. До объявления автономии государственные и смешанные учреждения управления и самоуправления должны были подчиняться Временному Сибирскому правительству при обязательном участии в нем представителей Алаш-Орды; избранные в 1917 г. органы самоуправления также сохранялись. В проекте обосновывалась необходимость займа Алаш-Орде правительством Сибири, которому

подчинялись все финансовые учреждения на территории Алаш, предлагалось созвать конгресс депутатов автономных народов и окраин «с целью создания федеральной власти». Наиболее перспективной Алаш-Орда считала федерацию Сибири, Алаш, Башкирии и Туркестана, предполагая равное участие двух региональных сил в устройстве единого государства как федерации автономных областей⁶⁹.

26 июля в Совет Министров Сибири поступила докладная записка Алаш-Орды. В ней обосновывалась необходимость взаимной поддержки и тесного союза «в час смертельной опасности для родины и свободы». Затягивание предложенных ею переговоров привело к потере Уральской области и росту опасности распада автономии, что «вынуждает Алаш-Орду решиться на крайние меры, отказаться от Союза с Сибирью, объявить автономии Алаш и спасти единение казак-киргизского народа, пожертвовав выгодами союза с Сибирью». Признание автономии дало бы ей «возможность оттянуть Туркестан от немецкой ориентации, сохранить его в пределах Российской Федерации», что свидетельствовало о приверженности общероссийским интересам. А. Букейханов стремился организационно-политически укрепить единство автономии и подтолкнуть сибиряков к созданию равноправного союза. На обсуждение Временного Сибирского правительства предлагался проект соглашения о взаимном признании с приведенными выше пунктами. Назначение на ответственные посты в автономии должно было согласовываться с Алаш-Ордой, которая также имела право специального обложения, сбора кибиточной подати в свою казну, организации национальных судов и местных советов Алаш-Орды, ведающих национальными делами, не входящими в компетенцию земств и городских дум⁷⁰.

Записка обсуждалась в комиссии под председательством министра народного просвещения проф. В.В. Сапожникова 29, 30 июля и 2, 3 августа⁷¹. Пункт 1 о взаимном признании был снят с обсуждения. Предложения о порядке управления и деятельности органов Алаш-Орды, их правах сохранялись с небольшой редакцией. Вопрос о выделении займа А. Букейханову предлагалось адресовать непосредственно в финансовое ведомство. Идея конгресса депутатов автономий была поддержана, но не подлежала включению в проект. Проблемы создания армии Алаш было решено передать военному ведомству и Алаш-Орде

для совместной разработки. Решение земельного вопроса откладывалось до Всероссийского Учредительного собрания с сохранением существующего положения⁷².

Проект Алаш-Орды так и не обрел юридической силы. Отсутствие четкой правовой базы отношений между автономиями обусловило продолжение и обострение конфликтов. Общая неустойчивость военно-политической обстановки, острое соперничество в борьбе за власть в Сибири между Временным Сибирским правительством и Комучем при наличии других областных правительств, также стремившихся упрочить свое влияние, амбиции правящих кругов Сибири и недоверие к национальным движениям, реальная слабость политического, военного, материального и финансового положения Алаш-Орды – все это сыграло свою роль⁷³.

Ведомственная разобщенность, военно-бюрократические методы управления, отсутствие планомерности в действиях местных и центральных властей отягощались Гражданской войной и противоборством внутри автономий. Сибирское правительство не могло не учитывать исторические границы расселения казахов, но совместить их с потребностями эффективного политического управления и экономического районирования при активности автономистов не сумело. В отношении Алаш-Орды оно действовало как бы в роли центра и предлагало ей лишь практически неосуществимую в тех условиях культурную автономию, что заведомо не могло быть воспринято конструктивно казахскими автономистами с их претензией на политическое самоопределение, уже поддержанное большевиками в начале 1918 г. Сибирский регионалистский проект после 1917 г. вошел в противоречие с национальными проектами якутов, бурят и казахов. Между тем еще 3 июня 1918 г. в Самаре начал действовать Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). Он выступал как законодательный орган, исполнительная власть принадлежала Совету управляющих ведомствами. Все посты в нем заняли эсеры, за исключением ведомства труда во главе с меньшевиком И. М. Майским. 15 июля к Комучу примкнули атаман А. И. Дутов, а также Уральское областное правительство. В середине сентября Комуч насчитывал уже около 100 членов, в том числе 11 членов Алаш⁷⁴.

Приверженность идее демократической федеративной республики стала основой для тесного союза Комуча и Алаш-Орды. Другим

важным обстоятельством сближения было категорическое непризнание разгона Учредительного собрания, на решения которого и эсеры, и Алаш возлагали основные надежды. Комуч направил в Алаш-Орду и другие национальные правительства уполномоченных с правом приостановления их решений. Иностранческий отдел Агиткультпросветотдела Комуча должен был регулировать отношения между национальностями, привлекать нерусское население в ряды Народной армии, содействовать укреплению власти «в нерусской части населения», рассматривать их ходатайства, собирать материалы с мест и предоставлять их в Комитет для законотворческой работы. Были учтены рекомендации алашординцев о назначении местных уполномоченных⁷⁵.

25 сентября 1918 г. в Декларации Комуча по поводу образования Алаш-Орды отмечалось: «...для воссоздания единой, сильной свободной России и укрепления в ней федеративно-демократического строя необходимо участие в предстоящей созидательной работе всех населяющих ее народностей», а потому «осуществление отдельными территориями и национальностями своих автономных прав является лучшим залогом успеха предстоящей героической работы по воссозданию единой великой России»⁷⁶. До окончательного решения вопроса Всероссийским Учредительным собранием Комуч предлагал оставить за собой как центром военные и иностранные дела, пути сообщения, почту и телеграф, а также «мероприятия общегосударственного характера по вопросам снабжения и продовольствия». Постановления, законы и распоряжения Алаш-Орды не должны были противоречить постановлениям Комуча, при ней вводился уполномоченный Комитета с правом приостановления ее действий. Временное положение об управлении в области Алаш разрабатывалось Алаш-Ордой и утверждалось «центром». Вооруженные силы Алаш также должны были создаваться по согласованию с ней. Спорные территориальные вопросы предлагалось решать совместно с органами власти прилегающих областей «и в соответствии с волеизъявлением местного населения, выраженного путем всенародного голосования или через местное самоуправление»⁷⁷. Между тем дни самого Комуча были сочтены.

В преддверии Государственного совещания⁷⁸ в Уфе в июле и августе 1918 г. в Челябинске состоялись два совещания представителей Комуча и Сибирского правительства. 26 августа совещание признало

полномочия областных и национальных правительств⁷⁹, тогда как делегатам Временного Сибирского правительства строго предписывалось: «Не признавать правительство Алаш-Орды тюрко-татар, а только культурную автономию...»⁸⁰ Сибирское правительство (как, впрочем, и КомуЧ) рассчитывало также подчинить себе Туркестан.

Делегации Алаш-Орды и Туркестана возглавляли А. Букейханов и М. Чокаев, присутствовали и другие члены Алаш. Они присоединились к большинству – сторонникам «народовластия» и противникам диктатуры. 12 сентября 1918 г. А. Букейханов заявил: «Те организации, от имени которых я выступаю, не являются представителями сепаратизма, а они мыслят, что они составляют часть единой России, что автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство. Мы едины с демократической федеративной республикой Россией, мы мыслим себя только частью единой России»⁸¹. Одновременно был разрешен внутренний конфликт в Алаш-Орде, вызванный амбициями Ж. Досмухамедова. По инициативе А. Букейханова полномочия единого центра автономии были подтверждены специальным решением алашординцев. Уильский Оляят стал составной частью автономии, а не самостоятельным юридическим образованием, что укрепляло статус Алаш-Орды как легитимного представителя всех областей, названных II Всеказахским курултаем⁸².

Основные программные положения в национальной сфере нашли отражение в «Акте об образовании всероссийской верховной власти» Уфамской Директории от 23 сентября 1918 г. Его подписали и алашординцы⁸³. Заключенный в Уфе компромисс был изначально весьма неустойчивым. У Директории отсутствовали прочный аппарат, необходимые финансы, официальные органы. Создаваемые ею министерства часто возглавлялись министрами продолжавшего работу Сибирского правительства, что вскоре сказалось на отношениях с Алаш. Работали и другие правительства, получившие в Уфе признание «права на широкую автономию, обусловленную как географическими, экономическими, так и этническими признаками», а также на культурно-национальное самоопределение. А. Букейханов допускал союз с областниками и башкирскими автономистами, хотя взаимодействие со всеми региональными правительствами сопровождалось

ждалось многочисленными и постоянными конфликтами по поводу должностей, прав, полномочий и сфер контроля⁸⁴.

Вдохновленные решением совещания в Уфе и достижением кажущегося согласия, алашординцы надеялись обрести реальный юридический статус и освободиться от «ига» сибиряков. В начале октября автономные области получили право сохранить существующий порядок и органы управления в вопросах внутренних дел, снабжения и продовольствия, торговли и промышленности, земледелия и народного просвещения. До отмены правительством или самими автономиями действовали решения областных правительств. Кроме того, утверждалась должность главноуполномоченных Директории, которые наблюдали, чтобы распоряжения автономий не превышали их компетенцию и не противоречили законам и распоряжениям Всероссийского правительства, а также за деятельностью его местных органов⁸⁵.

Однако вскоре Директория упразднила все областные правительства, в том числе Алаш-Орду, хотя признала необходимость учета местных и хозяйственных особенностей «казак-киргизских народностей» в организации управления и создания для этих целей в будущем представительного органа. Их законодательная деятельность приостанавливалась. Учреждалась должность Главноуполномоченного по управлению Алашем, с временным сохранением органов управления Алаш-Орды, подчиненных центральному ведомству. Создавалась «особая комиссия по выработке положения об Алашском представительном органе и выборах в него». В состав этих органов вошли А. Букейханов и другие члены Алаш-Орды⁸⁶. Таким образом, деятельность всех национальных правительств регламентировалась «центром». Свержение Директории и создание Временного Всероссийского правительства при Верховном правителе А.В. Колчаке в ноябре 1918 г. вновь изменило ситуацию. Алаш-Орда, как и другие региональные структуры, перешла от тактики лавирования между разными центрами силы к затяжным и частично успешным переговорам с объединенным антисоветским центром о статусе и полномочиях, создании и поддержке воинских подразделений. С конца 1918 г. в военной ситуации нарастает перелом в пользу Красной Армии. Алаш-Орда не могла вести самостоятельную политику и играть

роль «третьей силы» в борьбе «красных» и «белых». Союз с любой из противоборствующих сторон удалял ее от решения программных задач и привел затем к поражению.

В начале 1918 г. алашординцы попытались найти компромисс с новым общероссийским центром в лице СНК РСФСР, но свержение Советской власти на местах нивелировало достигнутые договоренности. Общероссийский большевистский центр временно перестал играть роль в отношениях региональных игроков от Поволжья до Сибири и Казахстана включительно. Алаш нацеливался на равноправное сотрудничество с другими самопровозглашенными автономиями, среди которых Комуч и Сибирское правительство были наиболее конкурентоспособными в борьбе за право присвоить себе функции центра. Комуч поддерживал федералистский проект, областники же отдавали предпочтение национально-культурной автономии и объективно не могли рассчитывать на всероссийское признание. Алашская автономия стремилась всячески отстоять свою правосубъектность равноправные отношения с областниками, апеллируя к будущей общероссийской власти. В отличие от областников А. Букейханов рассматривал взаимоотношения с ними в контексте сотрудничества Казахстана, Башкирии, Туркестана и Сибири как будущих субъектов Российской демократической федерации.

Зависимость от управленческих структур Временного Сибирского правительства, Комуча, казачьих правительств, а затем подчинившего все эти силы правительства А. В. Колчака вынудила автономистов активно участвовать в организации их деятельности на местах. Это сопровождалось постоянными конфликтами по поводу компетенций и полномочий алашординских органов управления, которые не признавались партнерами. Сибиряки исходили из непризнания центром большевистской власти, претендуя на усиление своего статуса как межрегионального интегратора, но осенью 1918 г. потеряли все инструменты влияния. Алаш-Орда же, несмотря на отсутствие формального признания, не только успешно провела переговоры с Лениным и Сталиным (апрель 1918 г.), но своей активностью заставила Временное Сибирское правительство, Комуч, Директорию и затем правительство Колчака (а потом вновь СНК РСФСР) взаимодействовать с ней как субъектом политического пространства.

Альянсы и конфликты автономистских структур на территории нынешней Центральной Азии объективно отражали никуда не исчезающую потребность в административной централизации и унификации крупных регионов, их экономической и коммуникационной интеграции. С другой стороны, столь же отчетливо отражались противоречия в разделении компетенций и полномочий, нуждающиеся в тонкой настройке для обеспечения устойчивости территориальной и политической организации полиэтнического государства, а также плюрализм реальных способов функционирования территорий и их активистов в рамках государства, которое восстанавливало свою целостность. В границах распавшейся и собирающейся сызнова империи в 1917–1918 гг., на основе разных по географии, возможностям и дееспособности структур, зарождались федералистские проекты, которые стремились утвердиться как общероссийские и региональные. В условиях революции и войны гармонизации этого комплекса взаимосвязей достичь было практически невозможно. В частности, нарушенное с конца 1916 г. соотношение политических сил и их взаимоотношения спровоцировали в регионе борьбу разных государственных и протогосударственных структур, обладавших реальной или фиктивной властью – большевиков, интервентов, разношерстной «внутренней» контрреволюции, националистов.

Государственные ориентиры участников Революции и Гражданской войны, кажется, были достаточно близкими с точки зрения приоритетности новой формы переустройства страны и сохранения целостности бывшего имперского пространства. Но в оценке формата, системообразующих условий функционирования административного и политического целого, принципов взаимодействия автономий будущей федерации с центром и даже границ субъектов представления были различными, а подчас весьма расплывчатыми⁸⁷.

Федерализм этнополитическая элита региона рассматривала как воплощение автономии для своих народов – национально-территориальной у казахов и культурно-религиозной в рамках бывшего генерал-губернаторства для среднеазиатской. При этом лидер движения Алаш А. Букейханов, поддерживая создание полиэтнических автономий за Уралом и в Поволжье с участием живших там казахов, на деле с конца 1917 г. возглавил строительство этноцентристского проекта. От политических сил требовались готовность и умение

действовать ситуативно и гибко, выходить на условный, но результативный диалог с национальными элитами. Большевики показали лучшую в сравнении со всеми своими противниками способность побеждать в условиях, когда право наций на самоопределение стало одной из доминант мирового развития, а в России социальные, этнические и локально-территориальные проблемы тесно переплелись⁸⁸.

Неудачи и даже безнадежность антисоветских автономистских амбиций казахских и среднеазиатских националов не спровоцировали сепаратистские настроения и не изменили их стратегического ориентира на государственное единство с Россией⁸⁹. Свою роль сыграла вера в могущество и выживаемость огромного имперского организма. В то же время освоенный государственный ландшафт с его понятными и наработанными социально-политическими сетями, официальными и негласными привилегиями, компромиссами и зависимостями был гораздо комфортнее и безопаснее, нежели непредсказуемая самостоятельность, в которой ответственность полностью переходила к новому центру власти в лице самой национальной элиты.

¹ О подходах к названию региона см.: Сиверс В. Развитие взглядов на понятия «Центральная Азия», «Средняя Азия», «Горная Азия» и «Внутренняя Азия» в классической немецкой и русской географии. [Электронный ресурс] // URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200303007> (дата обращения: 10.11.2005); Абишева О. Центральная Азия как культурно-исторический регион [Электронный ресурс] // URL: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1403736000> (дата обращения: 26.06.2014); Sultangalieva G. S. The Place of Kazakhstan in the Study of Central Asia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. № 2. P. 346-358; Абашин С.Н. Рецензия на кн.: Gorshenina S. *Asie centrale. L'invention des frontières et l'héritage russo-sovietique*. P., 2012; Gorshenina S. *L'invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie a l'Eurasie*. P., 2014 // *Антропологический форум*. 2015. № 25. С. 147–156.

² Как полагает Т.Ю. Красовицкая, федералистские ориентиры этнических элит в условиях революции имели реактивный и импровизационный характер. См.: Этнические элиты о формах федеративного устройства России (1917–1929) // *Улкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay*. 2017. № 3(2). С. 142.

³ Уже в сентябре 1919 г., когда большевики приступили к созданию советской автономии в Казахстане, член КирВРК Лукашев (Вадим) писал в ЦК РКП (б): «И если сейчас киргизская масса кричит об автономии, абсолютно не зная, что такое автономия и не зная, что она с собою несет, но ожидая чего-то лучшего, лучше того, что было и что есть сейчас, она все же как один человек восклицает “автономия-автономия”»

[примечание Вадима: Я убежден, что кричат об “автономии” только “Тунганчины”, а не масса...], то это еще не значит, что эта масса за Советскую власть, а тем более за коммунизм... Пока эту “автономистскую” авантюру подсказала ей кучка ханских бандитов-богачей, которую мы “вынуждены” временно гладить по головке, всякими способами привлекая их к себе “на помощь”, как элемент, имеющий “громадное” [никакого “громадного” влияния их нет! И получают они его – “через нас”!] влияние на темный народ, влияние, основанное на жалких остатках прежнего деспотического величия» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 129. Л. 112. До 1925 г. казахов называли киргизами (кайсаки-киргизами, казак-киргизами).

⁴ Как считает К. Абдуллаев, в Средней Азии отсутствовала этносамоидентификация, а языковая принадлежность не была принципиальным национальным признаком. Главным интегрирующим фактором стал ислам. (См.: Абдуллаев К. Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009. С. 79–80.

⁵ О джадидизме см.: *Генис В. Л.* Борьба вокруг реформ в Бухаре. 1917 г. // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 18–37; Baldauf I. Jadidism in Central Asia within Reformism and Modernism in the Muslim World // *Die Welt des Islams*. Leiden, 2001. 41/1. P. 72–88; *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004; *Хасанов Б.* Духовное состояние интеллигенции Туркестана, Узбекистана 1917–1920-х гг. и ее отношение к социальным переменам [Электронный ресурс] // URL: <http://ca-c.org/datarus/xasanov.shtml#up> (дата обращения: 4.09.2003); Baldauf I. Op. cit. P. 72–88; История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX – начало XX века). Самарканд, 2012; *Гаффаров Н. У.* Джадидизм в Средней Азии в конце XIX – начале XX в.: автореф. дисс. д. и. н. Душанбе, 2013.

⁶ Ведущие политические деятели Бухары и Хивы (младобухарцы и младохивинцы) в итоге переместились в Ташкент, став частью мусульманского актива Туркестана.

⁷ Одновременно глава Турккомитета Временного правительства Н. Н. Щепкин на совещании в МВД о преобразовании управления и самоуправления в крае 15 июня получил поддержку своего предложения о децентрализации и разграничении полномочий: центру оставались вопросы военной защиты, ирригации, продовольствия, иностранных дел и временно – народного образования, сельхозполитики и краевой земской сметы. Областным комиссарам передавались бы функции губернаторского управления (ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 13. Л. 1–6. По сути, это означало практический шаг к федерализации.

⁸ См.: *Исхаков С. М.* Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии [Электронный ресурс] // Туркестанская автономия (Туркистон Мухторияти). Создание и разгром: сб. ст. URL: <http://kh-davron.uz/kutubxona/tarix/turkestan-skaya-avtonomiya-turki-ston-muxtoriyati-sozdanie-i-razgrom-sbornik-statej.html> (дата обращения: 11.12.2014).

⁹ История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии. С. 282.

¹⁰ Хуррият (Самарканд). 1917. 25 июля. Цит. по: Агзамходжаев С. Туркистон мухтари-яти: опыт строительства национально-демократической государственности // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент, 2001. С. 125.

**Автономизм для Казахстана и Средней Азии
в транзитном пространстве революции и гражданской войны в России**

¹¹ «Улуг Туркестан» 30 апреля 1917 г. призвал: «Долой разделение на татар, сартов, казахов! Да здравствует мусульманство и тюркизм!», для чего «создать единый чистый тюркский язык».

¹² Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000; *Агзамходжаев С.* Указ. соч. Р. Абдуллаев, к примеру, признает разношерстный этносоциальный состав и протопартийный характер туркестанской «Шуро-и-Исламия», называет ее национальной, лишь упоминая фактическую многоэтничность региона. (См.: *Абдуллаев Р.* Восстание 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). М., 2017.); *Назаров Р.* Национальный вопрос в программных документах младомусульманских организаций Туркестана // Там же. Таджикский историк сетует: «Почему-то одни и те же лидеры борются за национальный суверенитет таджиков (мнение ученых Таджикистана) и узбеков (мнение ученых Узбекистана). Хотя нигде и ни один из лидеров джадидов Бухары и Туркестана не разделяли население этих регионов на таджиков и узбеков». (См.: *Гафаров Н. У.* О некоторых теоретико-методологических аспектах исследования истории среднеазиатского джадидизма [Электронный ресурс] // Перекрестки культур. Вып. 1. История стран Центральной Азии – совместное видение методологических проблем: материалы международ. конф., ноябрь 2001. Бишкек, 2002. URL: <http://siteislók.hošt.net.kg> (дата обращения: 04.08.2006).

¹³ Это разностороннее воздействие отчетливо прослеживается в программе так называемой Партии тюркских федералистов, провозглашенной в июле 1917 г. (См.: *Агзамходжаев С.* Указ. соч. С. 159–164.

¹⁴ Единство. 1917. 14 сентября. – О сентябрьских событиях см.: История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967. С. 170–179; Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Ташкент: Шарк, 2000. С. 50–60.

¹⁵ Известный юрист И. Шагиахмедов в сентябре разработал проект федерации, ставший основой дальнейших документов автономистов. (См.: *Агзамходжаев С.* Указ. соч. С. 169, 180.) С. М. Исхаков подчеркивает отсутствие панисламизма и пантюркизма у младотуркестанцев и улемистов, предлагавших конкурирующие проекты автономии. (См.: *Исхаков С. М.* Российская демократия и мусульманские политики // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. Т. 2. М., 2017. С. 277.

¹⁶ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 39–41; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 6. 19 декабря.

¹⁷ Наша газета. 1917. 18, 23 ноября; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане: сб. документов. Ташкент, 1947. С. 93.

¹⁸ Туркестан в начале XX века. С. 76.

¹⁹ Основная территория проживания казахов не входила в Туркестан. Премьер-министром и министром внутренних дел был избран М. Тынышпаев, его заместителем – И. С. Шагиахмедов, министром иностранных дел – М. Чокаев, который позже стал

премьер-министром, военным министром – У. Ходжаев, впоследствии возглавивший правительство, министром земледелия и водных ресурсов – Ю. Агаев, министром продовольствия – О. Махмудов, министром финансов – С. Герцфельд. В состав Временного национального собрания (Милли меджлис) вошли У. Ходжаев, М. Чокаев, Т. Норбутаев, М. Бехбуди, М. Акчурин и др. // Туркестанский вестник. 1917. 1, 8, 9, 12 декабря; Известия Временного правительства автономного Туркестана. 1917. 31 декабря. С.М. Исхаков считает, что национальный состав правительства отразил демократические веяния и психологию туркестанизма как осознания общей родины. (См.: *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция. С. 313.

²⁰ Улуг Туркестан. 1917. 8 декабря. По мнению В.П. Булдакова и С.М. Исхакова, идея национально-культурной автономии к весне 1918 г. мусульманами была отброшена, а этноизоляционизм проявился «в рамках территориальной автономии». (См.: *Булдаков В.П., Исхаков С.М.* Динамика дезинтеграционных процессов // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. М., 2017. Т. 2. С. 329.

²¹ Свою роль в выборе Коканда как столицы, видимо, сыграла память о традиционных административных границах, хотя Кокандское ханство не упоминалось, а Бухара и Хива, вероятно, рассматривались как составные части объявленной автономии.

²² Улуг Туркестан. 1917. 8, 10 декабря.

²³ См.: *Алексеев П.* Кокандская автономия // Революция в Средней Азии. Сб. 1. Ташкент, 1928; Сб. 2. Ташкент, 1929; Сазонов. Кокандская автономия // Красная летопись Туркестана. Ташкент, 1923. № 1–2; Хасанов М. Альтернатива. Из истории Кокандской автономии // Звезда Востока. 1990. № 7.

²⁴ Наша газета. 1917. 15 декабря; Туркестан в начале XX века. С. Исхаков, полемизируя с А. Халидом, отмечает неоднородность самого джадидского движения в Туркестане. (См.: *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция. С. 363.) Это, наряду с фактическим отказом улемистов поддержать кокандцев, сыграло отрицательную роль в судьбе автономии.

²⁵ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 321–323.

²⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 15. Ст. 215.

²⁷ Наша газета. 1918. 18 января; Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Ташкент, 1972. Т. 2. С. 42.

²⁸ Туркестанский вестник. 1917. 9 декабря.

²⁹ Туркестан в начале XX века. С. 99–100.

³⁰ Герцфельд С.А. (1881–1918) с 1904 г. жил в Самарканде, в 1907–1912 гг. учился в университетах Одессы и Киева, с 1913 г. в Самарканде. В 1916 г. возглавил сионистское движение в Туркестане. На краевом съезде в апреле 1917 г. избран в президиум, выступал за федерацию и национальное самоопределение.

³¹ Туркестанская автономия (Туркистон Мухторияти). Создание и разгром: сб. ст. [Электронный ресурс] // URL: <http://kh-davron.uz/kutubxona/tarix/turkestanaskaya->

**Автономизм для Казахстана и Средней Азии
в транзитном пространстве революции и гражданской войны в России**

avtonomiya-turkiston-muxtoriyati-sozdanie-i-razgrom-sbornik-statej.html (дата обращения: 11.12.2014).

³² Наша газета. 1918. 25 января; Новый путь. 1918. 24 января; Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967. С. 587. Между тем, по данным С.М. Исакова, Чокаев позже заявлял, что после Октября 1917 г. они не только продолжали рассматривать Туркестан частью России, но и с учетом первых декретов большевиков «стояли за лояльное отношение к центральному советскому правительству», ожидая его влияния на местных большевиков, провоцировавших межэтническое обострение. (См.: *Исаков С.М.* Российские мусульмане и революция. С. 306–307.

³³ См.: Туркестан в начале XX века. С. 100–112. О гражданской войне и советской этнополитике в Центрально-Азиатском регионе см. также: *Haugen A.* The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. Dept. of History. University of Bergen, 2002; Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007.

³⁴ М. Чокаев свидетельствовал, что автономисты не имели отношения к рождению и деятельности басмачества. (См.: *Чокаев М.* Корни восстания в Бухаре // Последние новости. 1923. 29 сентября.)

³⁵ Абдуллаев К.Н. Указ. соч. С. 74–75.

³⁶ *Абдуллаев Р.* Восстание 1916 г. и национальные политические организации Туркестана. С. 282.

³⁷ Красовицкая Т.Ю. Указ. соч. С. 146.

³⁸ Об основных событиях борьбы за власть в Туркестане см.: Туркестан в начале XX века; *Исаков С.М.* Российские мусульмане и революция; *Халид А.* Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005.

³⁹ Вахитов М. (1885–1918) в 1917 г. член Казанского ВРК, член Учредительного собрания от казанских социалистов, в январе 1918 г. назначен главой Комитета по делам мусульман Внутренней России. Один из подписавших Положение о Татаро-Башкирской Советской Республике Российской Советской Федерации. В марте 1918 г. избран в Центральный мусульманский социалистический комитет и стал председателем исполнительной коллегии комитета. В июле направлен чрезвычайным комиссаром по продовольствию в Поволжье, участник защиты Казани. 19 августа расстрелян белогвардейцами.

⁴⁰ См. подробнее: *Юлдашбаев Б.Х.* Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. Уфа, 1984; *Кульшарипов М.М.* З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской республики (1917–1920 гг.). Уфа, 1992; *Нуреев И. С.* Роль общественных движений и политических партий национальных районов Поволжья в национально-государственном строительстве в 1917–1920 гг. (На материалах Башкортостана и Татарстана): автореф. дисс. к.и.н. СПб., 1993; *Исаков С.М.* Указ. соч.

- 41 Киргизами (кайса́к-киргизами, казак-киргизами) до 1925 г. называли казахов.
- 42 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–2; Правда. 1918. 23 марта.
- 43 Кобозев Петр Алексеевич (1878–1941) – член партии с 1898 г., в 1917 г. – комиссар Оренбургско-Ташкентской железной дороги, в ноябре 1917 г. – феврале 1918 г. – чрезвычайный комиссар ВЦИК и СНК РСФСР по Средней Азии и Западной Сибири, в марте – апреле – чрезвычайный комиссар СНК РСФСР в Средней Азии и Бакинской губернии. В мае 1918 г. избран первым председателем ЦИК ТАСССР и членом РВС Туркестанского фронта. Вскоре назначен наркомом путей сообщения РСФСР. С февраля 1919 г. – член Особой временной комиссии ЦК РКП (б) и СНК РСФСР по делам Туркестана (Турккомиссия). В июле – сентябре 1919 г. – председатель ЦИК ТАСССР, член, в октябре – ноябре – председатель Туркестанского крайкома РКП (б). Позднее – член НК РКП РСФСР, работал на Дальнем Востоке, затем на преподавательской работе.
- 44 Чокаев М. Национальное движение в Средней Азии // Гражданская война в России: события, мнения, оценки: Памяти Ю.И. Кораблева. М., 2002. С. 676–677.
- 45 Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Ташкент, 1972. Т. 2. С. 251–253; Туркестан в начале XX века. С. 118–119; Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР: сб. документов. 1917–1922 гг. М., 1959. Т. 1. С. 263–279. О внутрипартийной борьбе большевиков ТАСССР см.: Ханымамедов Э. Второй съезд Компартии Туркестана [Электронный ресурс] // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1364414880> (дата обращения: 5.12.2015); Акбаева З. Роль Мусульманского бюро РКП (б) в деле защиты интересов местного населения Туркестанского края // Karadeniz. 2015. № 27. Р. 57–73.
- 46 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2920. Л. 1. О событиях гражданской войны в Бухаре см.: Абудиллаев К.Н. Указ. соч. С. 117–128.
- 47 РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 24. Л. 9–10.
- 48 Чокаев М. Указ. соч.
- 49 О восстании 1916 г. подробнее см.: Котюкова Т.В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель – Observer. 2011. № 8; Брежнева С.Н. Кризис власти в Российской империи на примере восстания 1916 года в Туркестане // Грамота. 2015. № 2 (52). Ч. II; Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Межд. науч.-пр. конф., 18 сентября 2015 г. М., 2016; Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном.
- 50 Подробнее см.: Туркестан в начале XX века. С. 129–139.
- 51 Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1963. Т. 1. С. 53, 74.
- 52 См.: Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994. С. 49–63, 170–181; Симонов Д.Г. Семиреченский фронт в 1918 году: белогвардейские вооруженные формирования [Электронный ресурс] // URL: <http://zaimka.ru/simonov-front/> (дата обращения: 6.09.2014).

**Автономизм для Казахстана и Средней Азии
в транзитном пространстве революции и гражданской войны в России**

⁵³ См.: *Апанов А.* Крах проекта Тюркской советской республики (1919–1920) [Электронный ресурс] // URL: <http://memoryoffuture.blogspot.ru/2010/06/1919-1920.html> (дата обращения: 11.08.2013); Туркестан в начале XX века. С. 151–160; Магомедов Р.М. Наркомнац Российской Федерации и национально-государственное строительство в советском Туркестане: автореф. дисс. к.и.н. М., 2003.

⁵⁴ Дело (Семипалатинск). 1917. № 61; Алаш-Орда: сб. документов. Кзыл-Орда, 1929. С. 34–35, 38, 39–40.

⁵⁵ Подробнее см.: *Шиловский М.В.* Хроника областнического движения в Сибири (1852–1919) // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994. Вып. 1; *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия; *Ремнев А.В.* Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997; *Шиловский М.В.* Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство [Электронный ресурс] // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XX веков. Иркутск, 2003. Режим доступа: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/12/> (дата обращения: 12.08.2014); *Нам И.В.* Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законотворческой и политической практике Сибирской областной думы (1917 – январь 1918 гг.) // Вестник Томского государственного университета. № 281. Март. Сер. «История. Краеведение. Этнология. Археология»; *Нам И.В.* Национальный фактор в деятельности Сибирской областной думы в период «демократической» контрреволюции (июнь – ноябрь 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288; *Шишкин В.И.* Первая сессия Сибирской областной думы (январь 1918 года) // История белой Сибири: сб. науч. ст. Кемерово, 2011.

⁵⁶ В.И. Шишкин отмечает, что оба правительства возникли «снизу» – по инициативе местной общественности и почти одновременно. Однако он не справ, считая, что Алаш-Орда «сошла с исторической арены» в начале ноября 1918 г. после прихода к власти А.В. Колчака (*Шишкин В.И.* Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 96. № 4. С. 111, 110.) На деле с правительством Колчака Алаш-Орда вела переговоры еще и в 1919 г., а прекратила фактическое существование в начале 1920 г.

⁵⁷ Автономная Сибирь имела «право передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий отдельным областям и национальностям, занимающим отдельную территорию, если последние этого потребуют, превращаясь, таким образом, в федерацию, т.е. союз областей и национальностей». 16 октября делегаты определили «Областное устройство Сибири» – при единстве Российской республики ее части нуждались в «автономии национальной или территориальной». (См.: *Сибирская жизнь* (Томск). 1917. 8, 11, 17, 21 октября; *Путь народа* (Томск). 1917. 17 октября; *Движение Алаш*: сб. документов и материалов. Апрель 1901 г. – декабрь 1917 г. Алматы, 2004. Т. 1 С. 456–457; *Аманжолова Д.А.* На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009. С. 180–181; *Шиловский М.В.* Областничество и регионализм.

⁵⁸ *Казахстанская правда*. 1989. 19 июля; Алаш-Орда. С. 73–76; *Движение Алаш*: сб.

документов и материалов. С. 439, 504; Оренбургский казачий вестник. 1917. 23 декабря. № 109. Казах. 1918. № 257. (Цит. по: *Бейсембиев К. Б.* Идеино-политические течения в Казахстане в конце XIX – начале XX в. Алма-Ата, 1961. С. 363.)

59 Алаш-Орда. С. 50–53, 56; *Аманжолова Д. А.* Движение Алаш в 1917 году. М., 1992. С. 32. Напомним определение И. В. Сталина, выступавшего за областную автономию: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» // *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. Соч. М., 1946. Т. 2. С. 296.

60 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 898. Л. 32 об., 33.

61 17 апреля Ж. Досмухамедов на заседании исполкома Саратовского совдепа сообщил детали: «Вся киргизская область должна перестроиться по советскому образцу. Должно быть 8 Советов. В Семипалатинске должно быть центральное Советское управление области. Пока ... есть земство. Алаш-Орда должна быть пополнена другими представителями. Вообще у нас трудно организовать Советы. Их не из кого составить. Рабочих почти нет, нет почти и солдат... У нас есть только земские учреждения, которые в центре решено сохранить ... Я заявляю от своего имени, что единственная власть, которая отнеслась к нам сочувственно, – это Советская власть. Мы добивались долго выделиться в отдельную автономную единицу, и никто, кроме Советской власти, навстречу к нам не пошел. Мы такого отношения к себе не забудем». (См.: Саратовский Совет рабочих депутатов (1917–1918 гг.): сб. документов. М. – Л., 1931. С. 454, 455–456. По некоторым сведениям, по просьбе Досмухамедовых для подготовки съезда Ленин распорядился выделить им 12 млн. руб. // *Казақ эдебиеті*. 1990. 24 тамыз.

62 В отличие от уездных советов, функции которых были аналогичными, областные имели право в важных случаях заключать «временные блоки с правительствами соседних автономий для защиты интересов Алаша» при последующем их утверждении Алаш-Ордой. (См.: Алаш-Орда. С. 91–92.)

63 Алаш-Орда. С. 78–80.

64 Там же. С. 92–93.

65 Там же. С. 50–53, 56; Казах. 1918. 16 сентября. Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области. Ф. 44. Оп. 1. Д. 8. Л. 4, 8; Д. 3. Л. 2, 7, 11; Ф. 133. Оп. 1. Д. 1. Л. 110; Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

66 *Шишкин В. И.* Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства. С. 111.

67 См.: *Журавлев В. В.* Рождение Временного Сибирского правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.: межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. Его же. Роль Временной Сибирской областной думы в процессе образования Временного Всероссийского правительства // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: матер. VII Всеросс. науч. конф., 6-8 июня 2011 г. Новосибирск, 2011; Шиш-

**Автономизм для Казахстана и Средней Азии
в транзитном пространстве революции и гражданской войны в России**

кин В. И. Командующий сибирской армией А. Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918-1919 гг.): сб. науч. ст. Новосибирск, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://zaimka.ru/shishkin-grishin-almazov/> (дата обращения: 2.03.2013).

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 8. Л. 26 об.; Гос. архив Томской области (далее: ГАТО). Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 39. Л. 84.

⁷⁰ Алаш-Орда. С. 107–108.

⁷¹ В. И. Шишкин почему-то утверждает, что проект Алаш-Орды не обсуждался, что якобы вызвало беспокойство последней за свой авторитет и политическое недоверие сибиряков, а затем все же описывает дискуссии конца июля – начала августа. (См.: *Шишкин В. И.* Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства. С. 116, 117–119.) Более точное изложение событий дает другой автор. (См.: *Селиверстов С. В.* Алаш и Сибирь в 1918–1919 гг.: позиция А. Букейханова и тенденция региональных отношений // Мир Евразии. 2008. № 1. С. 22–27.

⁷² При особом мнении остался А. М. Ярмош. Он указал на неопределенность «природы политического устройства киргизского народа и сущности государственно-правовых отношений его к российской государственности и автономной Сибири». Сохранение такой неопределенности может вызвать взаимное обострение отношений. Необходимо установить хотя бы временные законодательные нормы вместо утративших силу законов о положении края в Российской империи. (Алаш-Орда. С. 108–111.)

⁷³ На результаты работы комиссии повлияло и заключение консультанта правительства К. Г. Дишлера. Он считал, что на подчиненной правительству территории признавать политическую автономию может лишь Сибирское учредительное собрание, а вне ее пределов – Всероссийское. В случае образования автономного государства с определенными органами и реальной силой Сибирское правительство при необходимости могло входить с ним во временные отношения, но не имело юридического права санкционировать такие образования за пределами своей территории и тем более содействовать их созданию. Проект соглашения Дишлер счел неудовлетворительным, так как, несмотря на снятие с обсуждения вопроса о признании автономии, он тем не менее фактически признавал ее. Недопустимость признания автономии Алаш подчеркивала и официальная «Сибирская речь» (ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 8. Л. 33 и об–34; Сибирская речь. 1918. № 57.)

⁷⁴ Алибеков Д. и Х. Досмухамедовы значились как вступившие от казахского исполкома, остальные – от партии Алаш. (*Святыцкий Н. К.* К истории Всероссийского Учредительного собрания. М., 1921. С. 5; Оренбургский вестник Комитета уполномоченных членов Учредительного Собрания. 1918. 4 сентября.)

⁷⁵ Оренбургский казачий вестник. 1918. 18 июля.

⁷⁶ Оренбургский вестник Комитета уполномоченных. 1 октября 1918; Алаш-Орда. С. 123–124.

⁷⁷ Алаш-Орда.

⁷⁸ Подробнее см.: *Гармиза В. В.* Уфимское совещание // История СССР. 1965. № 6; Его же. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 184–197; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 168–176; *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 80–96 и др.

⁷⁹ Среди них назывались как Алаш-Орда, так и национальное управление правительства Алаш-Орда. Вероятно, имелись в виду представители Алаш-Орды во главе с А. Букейхановым и Уильского Оляята во главе с Ж. Досмухамедовым.

⁸⁰ Вестник Комитета членов Учредительного собрания. 1918. № 39, 41; Уфимское совещание и Временное Сибирское правительство // Красный архив. 1933. Т. 6/61. С. 65.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

⁸² О взаимоотношениях Комуча и Алаш-Орды см.: Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. С. 84–104.

⁸³ История «белой» Сибири: тезисы науч. конф. Кемерово, 1995.

⁸⁴ Подробнее см.: Алаш-Орда. С. 108–112; Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. С. 49–83.

⁸⁵ Рабочее утро (Оренбург). 1918. № 107.

⁸⁶ Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. № 10.

⁸⁷ Так, если азербайджанская «Мусават» в своей программе (октябрь 1917 г.) четко обозначила разграничение сфер управления между автономией и федеральным центром, то казахская Алаш в проекте программы партии лишь заявила, что федерация – союз равноправных государств и автономия полностью распоряжается землей и ее недрами на своей территории. (См.: Программа Тюркской демократической партии федералистов «Мусават», принятая на ее I съезде 26 октября 1917 г. // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. 1990. № 2. С. 23–29); Алаш-Орда. С. 73–76. Детали своеобразного толкования туркестанскими большевиками сущности автономии, ее прав и разделения управленческих функций с центром в 1917–1922 гг. см.: Халид А. Указ. соч.

⁸⁸ Советский федерализм был частью ситуативной политики большевиков, не имевших конкретной программы создания федерации, и для автономий в особенности не предполагал договорного подхода. На практике РСФСР и СССР стали симбиозом федеративной формы и унитарного содержания с различными механизмами и возможностями модернизации этносов в едином поликультурном социуме. В. П. Булдаков и С. М. Исхаков отмечают, что федерализм для большевиков в 1918 г. стал благоприятным правовым ярлыком в борьбе против децентрализации страны (*Булдаков В. П., Исхаков С. М.* Динамика дезинтеграционных процессов. С. 333.)

⁸⁹ На Центрально-Азиатские регионы России неправомерно распространять утверждение, что национальные окраины и движения после Октября 1917 г. «поспешили дистанцироваться от рассыпающейся российской государственности, объявляя о независимости». (См.: *Gerasimov I.* The Great imperial Revolution. // Ab Imperio. 2/2017. P. 43.

Дальневосточный регион России накануне Гражданской войны и военной интервенции (конец 1917 – сентябрь 1918 г.)*

Гражданская война и её последствия определили дальнейшую историю Российского государства, они доныне ощущаются в политической, экономической и духовной сферах жизни нашего общества. Революционные потрясения 1917 г., Гражданская война, их причины – темы, постоянно приковывающие внимание как отечественных, так и зарубежных историков. В связи со столетием начала Гражданской войны обострился научный интерес к этим событиям, а также актуализировалось изучение Гражданской войны и иностранной интервенции на основе регионального подхода к истории России, в частности в рамках исследований по истории Дальнего Востока.

Как известно, победоносный Февраль стал важнейшим фактором, вызвавшим подъём революционного движения по всей России, включая самые отдаленные её окраины. На Дальнем Востоке Февральская революция прошла без вооружённых столкновений и активного сопротивления царской администрации. Более того, население в массе

* Л.И. Галлямова (Владивосток)

своей с одобрением восприняло произошедшие изменения, и состояние общей эйфории хорошо иллюстрирует воззвание, принятое 3 марта Городской Думой Владивостока: «Граждане, Армия и Флот! Совершилось величайшее событие в жизни русского народа. Над обновленной Россией восходит солнце свободы, правды, добра и справедливости. Правительство, веками угнетавшее народ, отошло в вечность...»¹

Революция повлекла за собой глубокие социально-политические перемены. В Дальневосточном регионе происходит трансформация политической системы в плане её демократизации: создаются новые органы власти – комитеты общественной безопасности, волостные, поселковые исполнительные комитеты, активизируется организация профессиональных союзов и национальных объединений, идет демократизация городских и сельских самоуправлений, собираются съезды и конференции: учителей, рыболовов, ветеринарных врачей, крестьян, казаков, корейцев, родителей учащихся и др., возникают партии, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и пр., разворачивается работа по введению земств и т.д.

К осени 1917 г. на Дальнем Востоке нарастал и углублялся хозяйственный кризис. Задержка реформ в условиях войны, ухудшение положения народных масс способствовали обострению политической ситуации. После выступления 25-31 августа генерала Л.Г. Корнилова процесс демобилизации армии постепенно стал превращаться в процесс самодемобилизации. В край стали прибывать сначала поодиночке, а затем группами солдаты, почти всегда – с оружием. Оно накапливалось в деревне у фронтовиков, в основном представителей сельской бедноты и обедневших в ходе войны середняков. Народные массы, уставшие от многочисленных митингов и собраний, от неспособности Временного правительства решить вопросы о мире, о земле, объективно все более тяготели к популистским призывам политиков, обещавших мир, землю и свободу в понятных для многих лозунгах².

На фоне этих процессов росла популярность левых партий. Так, ко времени II дальневосточной конференции РСДРП, состоявшейся 5–7 сентября 1917 г. в г. Никольске-Уссурийском, в дальневосточных организациях насчитывалось уже более 4700 человек. Конференция поручила Владивостокскому комитету, состоявшему из большевиков, выполнять функции Дальневосточного краевого бюро РСДРП(б).

Газета «Красное знамя» была преобразована в орган краевого бюро и стала распространяться по всем партийным организациям Дальнего Востока; было принято решение послать в воинские части лучшие партийные силы. На Амуре образование самостоятельной партийной организации большевиков завершилось проведением в Благовещенске 1 октября общего собрания. В Сахалинской области также оформилась самостоятельная организация большевиков, но в Камчатской области пока не сформировалась³.

После конференции влияние большевиков среди солдат стало расти еще заметнее. В частности, на собрании солдат 4-го Владивостокского крепостного арtpолка с участием 500 человек в сентябре 1917 г. было принято воззвание, в котором говорилось: «...нет больше путей, которые бы явились избавлением для России, кроме одного – социальной революции. Мы убедились, что чем скорее состоится переход от капитализма к социализму, тем скорее воспримет Россия»⁴.

Накануне и во время Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, 20-26 октября 1917 г., во Владивостоке проходил I съезд профсоюзов Дальнего Востока. Каждая из партий стремилась взять профсоюзы под своё влияние, рассматривая их как важную опору в борьбе за власть. Председателем президиума съезд избрал большевика С. Я. Гросмана, его заместителем – А. М. Краснощёкова. К концу заседаний, когда поступили сообщения о событиях в Петрограде, профсоюзный съезд приветствовал II Всероссийский съезд Советов. В принятой большинством голосов резолюции по вопросу о политическом моменте объявлялось целью «устранение от власти буржуазных классов»⁵. 13 ноября возвратившийся во Владивосток делегат II Всероссийского съезда Советов Г. Ф. Раев привёз столичные газеты с текстами декретов «О мире», «О земле» и других документов, которые 14 ноября 1917 г. были опубликованы в местных газетах.

В Хабаровске в местном Совете и в органах городского самоуправления сохранялось преимущественное влияние умеренных социалистических партий. 26 октября, получив сообщение из Петрограда, исполком Хабаровского Совета рабочих и солдатских депутатов в принятой большинством голосов резолюции осудил «самым решительным образом» вооружённое восстание с целью передачи власти в руки Советов. В Благовещенске 26 октября такое же решение было принято

на расширенном заседании Городской Думы, а 28 октября – на заседании городского Совета рабочих и солдатских депутатов. В Амурской области Советы городов Зеи и Свободного, поселков Гондатти, Рухлово и др., областной крестьянский Совет находились под влиянием эсеров и меньшевиков, под их влиянием были также Советы в Сахалинской и Камчатской областях⁶. В Петропавловске и Камчатской области после возвращения из Владивостока и Хабаровска большевиков А.С. Топоркова и И.Е. Ларина в начале ноября 1917 г. обстановка стала меняться в пользу Советов. 11 ноября на пароходе «Тверь» прибыли 100 солдат, приписанных к Камчатской местной команде, большинство революционно настроенных. Число организованных сторонников Советской власти в Петропавловске увеличилось, развернулась агитация за создание Советов⁷.

Состоявшиеся в ноябре 1917 г. выборы во Всероссийское Учредительное собрание по Приамурскому избирательному округу со всей очевидностью показали «полевение» настроений народных масс. По итогам выборов, за эсеров было отдано по округу 51,5%, в том числе в городах – 19,4%, в гарнизонах – 47,0%, в сельской местности – 64,8% голосов; большевики получили 18,9% голосов, в том числе в городах – 36,8%, в гарнизонах – 31,5%, в сельской местности – 9,4%; за кадетов проголосовали 7,5%, в том числе в городах – 19,3%, в гарнизонах – 5,8%, в деревнях – 2,5%; за меньшевиков – 6,8%, в том числе в городах – 9,1%, в гарнизонах – 7,0%, в деревнях – 6,0%, на долю прочих партий и групп пришлось 14,9% голосов. Во Владивостоке безусловную победу одержала партия большевиков: 49% избирателей (один из самых высоких показателей в стране), тогда как умеренные течения получили здесь сравнительно невысокий процент голосов⁸. Депутатами в Учредительное собрание от Приамурского округа стали 12 человек, в том числе эсеры В.К. Выхристов, Л.И. Загибалов, М.С. Мандриков, Ф.И. Сорокин, А.Н. Алексеевский, В.Г. Петров, Н.Г. Кожевников и большевик А.Я. Нейбут. Меньшевики потерпели на выборах полное поражение⁹.

Дальневосточное бюро РСДРП(б), в состав которого входили видные большевики А.Я. Нейбут, В.Г. Антонов, Г.Ф. Раев, П.М. Никифоров, И.Г. Кушнарёв и др., развернуло борьбу за установление Советской власти на Дальнем Востоке. 5 ноября 1917 г. состоялись пере выборы Исполкома

Владивостокского Совета; в него вошли 18 большевиков, 11 эсеров, 8 беспартийных и 3 меньшевика; председателем был избран А.Я. Нейбут. Постановлением Исполкома все учреждения и ведомства были подчинены Владивостокскому Совету и ОИК (Объединённому исполнительному комитету), в который вошли в полном составе члены Исполкома Владивостокского Совета, Исполнительное бюро Совета крестьянских депутатов Приморской области, представители владивостокской Городской Думы и управы, Центрального бюро профсоюзов, Военной комиссии Владивостокского Совета, Центрального комитета Сибирской флотилии, всех социалистических партий и областного Исполнительного комитета КОБ. Было принято решение о создании Красной гвардии. Большевики, опираясь на рабочие и солдатские массы, в течение ноября – декабря 1917 г. проводили перевыборы местных Советов и готовились к III краевому съезду Советов, который должен был решить вопрос о переходе власти к Советам на Дальнем Востоке.

Огромное значение для роста симпатий населения к большевикам имело появление на Дальнем Востоке первых декретов Советской власти. Они получили широкое распространение в крае в середине ноября 1917 г. В результате большевизации местных Советов уже в ноябре Сучанский и Владивостокский взяли власть в свои руки. С ноября по декабрь 1917 г. в основных центрах Дальнего Востока под влиянием вооружённых демонстраций солдат стали проводиться перевыборы Советов. Так, 7 декабря во Владивостоке состоялась многотысячная вооружённая демонстрация гарнизона, отрядов Красной гвардии и трудящихся города с поддержкой требования о передаче всей власти в руки Советов. 6 декабря в Хабаровске под руководством большевиков прошла вооружённая демонстрация гарнизона под лозунгом признания Совета Народных Комиссаров¹⁰. В результате перевыборов большинство в Советах получили большевики и левые эсеры.

На 11 декабря 1917 г. краевой комиссар Временного правительства на Дальнем Востоке А. Н. Русанов назначил съезд представителей земств и городов. Однако в Хабаровск смогли прибыть только 9 человек, представлявших Иманский, Хабаровский, Никольск-Уссурийский уезды, Амурское областное земство и Амурское казачье войско. Участники данного мероприятия успели только избрать Бюро съезда. По решению Хабаровского Совета в ночь на 12 декабря А. Н. Русанов и его

секретарь В.В. Граженский были взяты под домашний арест, остальные участники срочно отбыли в Благовещенск. Большевики с помощью отрядов Красной гвардии, революционных солдат и матросов заняли почту, телеграф и другие важнейшие учреждения города¹¹.

Вечером 12 декабря 1917 г. в Хабаровске открылся III Дальневосточный краевой съезд Советов. На съезде были представлены 17 Советов Дальнего Востока. Из 84 делегатов было: 46 большевиков, 27 левых эсеров, 9 меньшевиков и 2 беспартийных, представлявшие 15 Советов городов и рабочих поселков Дальнего Востока (не прислали своих представителей областные крестьянские Советы Амурской и Приморской областей). Съезд принял Декларацию о переходе власти на Дальнем Востоке к Дальневосточному краевому комитету Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений (69 чел. проголосовали «за», 4 – «против», остальные воздержались).

Все эти политические события вызывали со стороны правительственных кругов Антанты, США и Японии крайне враждебную реакцию и стремление как можно скорее ликвидировать новую власть любыми возможными средствами. Во Владивостоке иностранные консулы по указанию своих правительств отказались признавать органы Советской власти. Об этом 5 декабря телеграфировал госсекретарь США Р. Лансинг: «Американскому послу и консулам в России передано сообщение о том, что президент рекомендует им воздержаться от прямых контактов с большевистским правительством»¹². С провозглашением Советской власти и созданием краевого органа власти началось установление и укрепление советской государственности на Дальнем Востоке, а также практическая реализация декретов советского правительства на дальневосточной окраине РСФСР. Все дальневосточные Советы наделялись правами административной власти и должны были обеспечивать проведение в жизнь политики Советской власти, всех директив, законов, декретов и распоряжений советского правительства. 5 января 1918 г. на заседании краевого комитета была утверждена его структура, избран президиум под председательством большевика А.М. Краснощёкова, образованы комиссариаты и принято постановление о названии – Дальневосточный краевой комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений – Дальсовнарком¹³.

Особым приказом от 13 января 1918 г. краевой комитет Советов ликвидировал должности комиссаров Временного правительства, создавались и укреплялись краевые комиссариаты. На местах начался процесс ликвидации старых органов городского самоуправления. Хабаровский Совет рабочих и солдатских депутатов 10 января 1918 г. постановил немедленно переизбрать состав Городской Думы, а Владивостокский Совет в конце января распустил Городскую Думу, создав вместо нее муниципальную секцию Совета. В начале января 1918 г. был переизбран Благовещенский Совет, объявивший затем себя единственной властью в городе и области. Особое внимание Дальневосточный краевой комитет Советов уделял установлению Советской власти в отдаленных областях края – Камчатской и Сахалинской. К концу марта 1918 г. власть Советов установилась на всей территории Дальнего Востока. 18 января 1918 г. Краевым комитетом Советов был издан приказ о правах и обязанностях местных Советов, в котором подчеркивалось, что «на Советы, как органы власти, возлагаются задачи управления и обслуживания всех сторон местной жизни, административной, хозяйственной, финансовой и культурно-просветительной»¹⁴.

Происходившие на Дальнем Востоке политические процессы крайне тревожно воспринимались консульским корпусом Владивостока. Иностранные консулы, как и их правительства, высказывались за необходимость вмешаться в складывавшуюся в регионе политическую ситуацию с целью «наведения порядка». Так, уже 19 декабря генеральный консул США во Владивостоке Д. Колдуэлл сообщал госсекретарю Р. Лансину: «Я получаю многочисленные просьбы от добропорядочных русских граждан об иностранном вмешательстве и защите, которые помогли бы им организовать. Консульский корпус соглашается с тем, что необходимо присутствие иностранных кораблей во Владивостоке для поддержания порядка, что одного их присутствия будет достаточно. Японский консул просит прислать свои корабли; более желательно прибытие соединения кораблей нескольких стран»¹⁵.

Консулы рассчитывали, что посылка союзных кораблей позволит поддержать внутреннюю контрреволюцию и предотвратить утверждение Советской власти на Дальнем Востоке. 19 декабря 1917 г. британский кабинет принял решение направить из Гонконга во Владивосток крейсер «Суффолк» с двумя ротами солдат на борту, в тот же день

Вашингтон и Токио были извещены о данном решении. В Токио это известие вызвало большое беспокойство, и правительство Японии поспешило отправить во Владивосток японский корабль, заявив, что инициатива в принятии активных мер исходила от Великобритании. 30 декабря, на два дня раньше «Суффолка», крейсер «Ивами» прибыл во Владивосток. Генеральный консул Японии Ё. Кикучи известил местные власти о том, что «...императорское японское правительство, имея в виду то, что при обстоятельствах настоящего времени японцы, проживающие в г. Владивостоке и окрестностях его, чрезвычайно тревожатся, решило отправить военные суда во Владивостокский порт. Решение это сделано ни с чем иным, как исключительно с целью защиты своих подданных, каковая является надлежащими обязанностями правительства»¹⁶.

В ответ Исполком Владивостокского Совета и Городская Дума заявили протест, указав, что «Приморская областная земская управа, считая, что окончательное суждение о вводе японского военного судна в порт Владивосток без согласия и даже предупреждения местных властей принадлежит усмотрению центральной государственной власти Российской Республики, со своей стороны, в качестве представителя населения области, считает своим долгом выразить свой протест против этого ввода, как подрывающего суверенные права Российской Республики» и что «защита всех лиц, проживающих на территории России, является прямою обязанностью властей, поставленных русским народом, и мы должны засвидетельствовать, что под защитой местных властей порядок в г. Владивостоке ни разу не нарушался и иностранным подданным здесь ничто не угрожает»¹⁷. Однако американский и английский консулы поддержали действия Японии, заявив: «...мы считаем, что политическое положение настоящего момента таково, что вызывает среди стран, имеющих здесь значительные материальные интересы, чувство беспокойства относительно направления, которое очень легко может принять здесь дело в ближайшем будущем, что и оправдывает правительства таких стран, включая и Японию, в принятии заблаговременно мер, которые им могут казаться соответствующими надобностям защиты своих интересов на случай, если бы таковые действительно подверглись опасности»¹⁸.

Наркоминдел РСФСР в ноте послу Японии подчеркнул, что корабли вошли в порт без предварительного предупреждения, и потребовал

сообщить точные причины и цели действий японского правительства, последнее ответило в том смысле, что присутствие во Владивостоке японских кораблей «вполне естественно для настоящего времени». Однако к концу января 1918 г. союзным державам пришлось вывести свои суда из Владивостока.

В январе 1918 г. в переговоры с союзными консулами в Харбине вступил есаул Г. Семенов, который пообещал, что при поддержке союзников его отряд сможет захватить Забайкалье, блокировать Приморье и Приамурье, а после этого пойти на захват Иркутска, Красноярска и на последующее соединение с А. И. Дутовым и А. М. Калединым. Представители Великобритании и Франции в Китае высказывались за поддержку Семенова, причем британское правительство предложило японскому Генштабу и Госдепартаменту США сотрудничество в деле помощи Семенову. Правительство Франции также согласилось помогать есаулу. Одновременно шла подготовка к выступлению уссурийских казаков под началом И. П. Калмыкова, которому были обещаны субсидии в 2 млн. руб. в год и разнообразное вооружение. При участии майора Данлопа был разработан план захвата Приморья¹⁹.

Сразу после Февральской революции на Дальнем Востоке возникли первые красногвардейские отряды (в основном с милицейскими функциями). Но с провозглашением власти Советов особое внимание было уделено организации отрядов Красной армии. 16 февраля 1918 г. постановлением Краевого комитета Советов и самоуправлений был создан краевой комиссариат Красной гвардии во главе с большевиком К. Д. Кусманом. Во Владивостоке наибольшую активность в создании новых вооруженных сил проявила военная комиссия городского Совета, председателем которой был большевик А. П. Алютин, его вскоре сменил большевик Е. Г. Ходанович. Снабжение оружием и боеприпасами шло из запасов старой армии. 26 февраля 1918 г. во Владивостоке был утвержден революционный штаб в составе П. М. Никифорова, К. А. Суханова, Е. Г. Ходановича, Д. Ф. Оржешко, А. И. Щевьева. Штаб возглавил руководство войсковыми частями гарнизона, Сибирской флотилией и Красной гвардией²⁰. В контакте с Владивостокским Советом формировал красногвардейский отряд Сучанский Совет рабочих депутатов. Отряды Красной гвардии в Приморье создавались и на селе, чему способствовало прибытие демобилизованных солдат с оружием в руках.

В конце 1917 – начале 1918 г. красногвардейские отряды организовались в Благовещенске, Свободном и Зее, они наводили порядок на приисках, где свирепствовали банды хунхузов. Зейский Совет опирался на Красную гвардию в борьбе с золотопромышленниками за установление контроля над производством, за упрочение власти Советов. Силами отрядов Красной гвардии 6–13 марта 1918 г. в Благовещенске было подавлено антисоветское выступление атамана И.М. Гамова²¹. В Приморье Военная комиссия снабжала отряды Красной гвардии оружием, выделяла инструкторов для обучения. 9 января 1918 г. Никольск-Уссурийским Советом рабочих и солдатских депутатов был образован штаб Красной гвардии; во Владивостокском порту организован отряд во главе с Ф. Ковалем. По решению IV краевого съезда Советов земства и органы городского самоуправления распускались. Все учреждения милиции переходили в ведение Советов. По краю началась реорганизация «народной милиции» в рабоче-крестьянскую. 28 марта было опубликовано «Положение о Красной армии в Приамурском военном округе», в котором определялись её цели, задачи и организационная структура. За март в Хабаровске была сформирована красноармейская часть – пехота, батарея, пулеметные подразделения. Красноармейские отряды были созданы в Благовещенске, Имане, Никольске-Уссурийском, в том числе и среди казачества²².

Уже в январе – марте 1918 г. Дальсовнарком принял серьёзные экономические меры: распоряжениями краевого комитета Советов устанавливался рабочий контроль над производством, проводилась национализация предприятий, принимались меры по оказанию помощи крестьянству и развитию сельского хозяйства, велась борьба с контрабандой, безработицей и т.д. Наличие значительного государственного сектора в ведущих отраслях экономики Дальнего Востока облегчило Советам захват «командных высот» в экономике.

В марте 1918 г. с протестом против введения рабочего контроля выступил союз служащих торгово-промышленных предприятий и общественных учреждений Владивостока и высказался за общественный контроль с участием городской управы и областного земства²³. Тогда же последнее поддержало забастовку почтово-телеграфных служащих, выступивших против политики Советов. Под эгидой земства продолжали работать учрежденные Временным правительством земельные и продо-

вольственные комитеты области. Противостояние Советов и земства всё больше усиливалось. В итоге большевики, выиграв с помощью земства время для формирования местных Советов, решением IV краевого съезда упразднили земское и городское самоуправление²⁴.

На III съезде Советов Дальнего Востока было принято решение о введении «всероссийского контроля, объединяющего и регулирующего все отрасли промышленности и хозяйства»; всем Советам было поручено немедленно организовать на местах контрольные советы. На деле введение рабочего контроля повсеместно превратилось в изгнание хозяев и захват рабочими предприятий. Последствия оказались плачевны. «Первые попытки введения контроля... сопровождаются массовым явлением передачи своих предприятий иностранно-подданным», – отметил в докладе на первом областном съезде контрольных комитетов председатель областного Совета рабочего контроля П. М. Никифоров. После введения рабочего контроля на предприятиях происходил массовый уход хозяев и служащих, затем следовали реквизиции и введение рабочего управления. Но поскольку рабочие никакого опыта в этой области не имели, то «внезапно» возникшие проблемы поставок сырья и сбыта продукции, оборотных средств оказались для них неожиданными²⁵. Об этом же говорили на съезде представители Уссурийского стекольного, Океанского фанерного и Океанского кожевенного заводов. Если прежде эти вопросы были заботой предпринимателей, то теперь они перекладывались на государство и его казну. Областной контрольный совет решил, что Государственный банк должен финансировать все реквизированные и конфискованные предприятия в первую очередь, наравне с государственными учреждениями.

В Приморье в конце 1917 – начале 1918 г. был введен контроль на частных и казенных каменноугольных копях (руководство которыми было сосредоточено в Сучане), в торговом порту Владивостока, во Временных вагоносборочных мастерских, в торговой фирме «Чурин и К°», на Уссурийской железной дороге, цементном заводе г. Спасска, руднике Тетюхе. В Благовещенске совещание представителей 18 профсоюзов 21 марта 1918 г. постановило повсеместно ввести контроль над производством, создав фабрично-заводские комитеты по отраслям. Также было решено национализировать гостиницы, рестораны, бани, булочные и кондитерские. 26 марта на общем собрании рабочих механических

заводов Благовещенска – бывших предприятий Чепурина, Афанасьева, Кузьменкина и Смирнова – был образован коллектив из 7 человек для управления ими. На состоявшемся там же 14 марта общем собрании речников было решено национализировать Амурский торговый флот, включая Амурское общество пароходства и торговли, бывшее товарищество «Амурский флот» и плавучие средства всех прочих местных пароходовладельцев. Краевым исполкомом Советов в Благовещенске был образован Дальневосточный водный комиссариат для управления водным транспортом во главе с председателем исполкома амурского национализированного флота А.Н. Карпенко; были реквизированы и объявлены собственностью Амурской социалистической республики магазины крупных торговых фирм Чурина, Кунста и Альберса²⁶. Сопротивление предпринимателей против введения рабочего контроля и обнаружившаяся несостоятельность рабочего управления вынудили большевиков искать иные формы управления экономикой. На согласительном совещании 10 марта была обсуждена идея создания Совета народного хозяйства и достигнута предварительная договоренность о смягчении условий рабочего контроля.

Проводимые Дальсовнаркомом мероприятия по созданию «экономического фундамента социализма» сопровождались жёсткими мерами по пресечению попыток каких-либо учреждений решать важные экономические вопросы помимо Советов. В феврале 1918 г. для усиления контроля в банки, на промышленные предприятия и в торговые заведения были направлены контролеры и комиссары. Биржевой комитет Владивостока ультимативно потребовал снять контроль, а после отказа Совета удовлетворить эти требования призвал промышленников, торговых предпринимателей, чиновников с 6 марта объявить всеобщую забастовку. Исполком Совета арестовал членов президиума биржевого комитета И. Циммермана, А.Г. Свищерского, Э.Г. Сенкевича и А.Л. Рабиновича. Иностранные консулы выступили в защиту арестованных, торговцы закрыли магазины, забастовали почтово-телеграфные служащие, чиновники контор и учреждений. Жизнь города была дезорганизована²⁷.

28 февраля 1918 г. иностранные дипломаты выступили с нотой протеста против введения контроля: «Консулы ...считают себя вправе ожидать, что фирмы и отдельные лица разных национальностей, интересы коих представлены ими, не будут затрагиваться незаконным вмеша-

тельством некоторых организаций, и настоящим они протестуют против подобного вмешательства и заявляют, что они признают себя свободными принимать в будущем, в зависимости от обстоятельств, те меры, которые они сочтут необходимыми»²⁸. Более того, Владивостокский консульский корпус даже объявил призыв к сопротивлению действиям Исполкома: «По поводу недавно опубликованного постановления Рабочего контрольного совета о введении ежемесячного налога как на российские, так равно и на иностранные торговые и промышленные предприятия Владивостокский консульский корпус сим доводит до сведения иностранных торгово-промышленных предприятий и фирм, что означенное постановление, ...не должно считаться для них обязательным»²⁹.

29 марта английский консул во Владивостоке Ходжсон и командир крейсера «Суффолк» Пейн сообщали в Лондон, что только активное противодействие со стороны союзников может предотвратить полный контроль большевиков над Владивостоком и что критический момент, когда следует начать действовать, наступил³⁰. Немногим ранее контр-адмирал Като доложил в Токио о готовности к вооруженному выступлению. Японское правительство направило генеральному консулу во Владивостоке Ёсиро Кикучи указание, что в случае «угрожающих» событий он вправе действовать без промедления.

Подходящим предлогом для вмешательства стало нападение на японскую торговую контору «Исидо», совершенное 4 апреля 1918 г. во Владивостоке, погибли два японца. Ё. Кикучи обратился к командующему японской эскадрой с просьбой принять экстренные меры для защиты жизни и имущества японских подданных. Об этом 4 апреля Генеральное японское консульство сообщило Председателю Приморской областной земской управы. 5 апреля в порту высадились японский и английский десанты для охраны своих граждан, проживавших в городе. 7 апреля Владивостокский консульский корпус поддержал эту акцию, заявив в адрес Приморской земской управы: «...высадка японских войск произведена была исключительно с целью охраны японцев, а потому мы решительно не думаем действовать против какой-либо партии России...»³¹ Однако с протестом против высадки десанта выступило и советское правительство в Москве, и широкая общественность Сибири и Дальнего Востока. В конце апреля японские и английские десантники были возвращены на свои корабли.

21 апреля атаман Семенов начал новый поход, оправившись от понесенного в феврале поражения, с помощью Антанты он перевооружился и накопил значительные силы. Но во второй половине мая советские войска под командованием С. Лазо отбросили его отряды в Маньчжурию, и только заступничество со стороны Японии и Китая спасло его от полного разгрома.

Тем временем в планах организаторов интервенции появился новый фактор – чехословацкий корпус. С декабря 1917 г. он считался автономным воинским формированием в составе французской армии. В марте среди союзников возобладало мнение об использовании корпуса одновременно с японской интервенцией. Подготовка к реализации этого проекта проводилась в строгом секрете. Когда чехословацкие эшелоны стали прибывать во Владивосток, обнаружилось, что местный французский консул даже не имел инструкций относительно подготовки жилья и продовольствия для легионеров и их последующей отправки. К 27 мая в порту скопилось 10 тыс. легионеров, но никаких приготовлений к их эвакуации не проводилось, зато делались многочисленные предложения об участии в антисоветских операциях в Сибири³². В ночь на 29 июня 1918 г. белочехи при поддержке союзных кораблей, стоявших на рейде, свергли Советскую власть во Владивостоке. Члены Владивостокского Совета были арестованы. Утром 29 июня англичане и японцы высадили большие подразделения десантников, в полдень их примеру последовали китайцы, а вечером – американцы. «... С 29-го никаких беспорядков, – докладывал Колдуэлл Лансингу. – Город охраняется чехами и помогающими им японскими, английскими и в меньшем количестве американскими моряками; последние охраняют только район консульства... Чехи и Консульский корпус после совместного совещания решили иметь официальные отношения с мэром и земством как законно избранными властями, чьи функции были временно и насильственно прерваны Советом»³³.

Захватив Владивосток, чехословацкое командование организовало наступление в северном направлении. 3 июля 1918 г. чехословаки вступили в бой с отрядами Красной гвардии из рабочих Никольска-Уссурийского и Сучанских копей у ст. Надеждинской. Красногвардейцы вынуждены были отступить в Никольск-Уссурийский. В связи с угрозой падения Советской власти под натиском чехословацких

легионеров и белогвардейцев Дальсовнарком 15 июля 1918 г. объявил всеобщую мобилизацию. На фронт прибывало пополнение из Благовещенска, Могочи, Бочкарева, Хабаровска, Сучана и других мест. Отряды Красной гвардии и Красной армии составили около 10 тыс. человек, в основном рабочих и демобилизованных солдат, и 31 июля 1918 г. красногвардейские и красноармейские части Уссурийского фронта перешли в наступление. Однако положение на фронте значительно осложнялось активизацией действий стран Антанты.

6 июля 1918 г. была опубликована декларация о переходе Владивостока под союзный контроль и о принятии союзными державами обязанностей по защите города от внешней и внутренней опасности: «Ввиду опасности, угрожающей Владивостоку и союзным силам, здесь находящимся, от открытой и тайной работы австро-германских военнопленных, шпионов и эмиссаров, настоящим город и его окрестности берутся под временную охрану союзных держав и будут приняты все необходимые меры для защиты как от внешней, так и внутренней опасности. Все приказы, изданные до сего времени чехословацким командованием, остаются в силе. Власть земства и городского самоуправления признается в пределах местных дел, но военные силы и полиция будут усилены таким количеством союзных сил, какое будет найдено необходимым для предотвращения опасности со стороны австро-германских агентов и их влияния, которые, по имеющимся сведениям, работают в городе. Настоящий акт делается в духе дружбы и симпатии к русскому народу, а не какой-либо политической фракции или партии...»³⁴

Выступление чехословацкого корпуса и свержение власти Советов большинством жителей Владивостока было воспринято весьма негативно. Об этом свидетельствовали результаты выборов в Городскую Думу, состоявшиеся 27 и 28 июля. Из общего количества 101 места большевики получили 53, остальные социалисты – 22, собственники – 17, прочие группировки – 9 мест. Среди избранных депутатов-большевиков оказался бывший председатель местного Совета (К. А. Суханов. – *Л.Г.*), находившийся под арестом у чехов. Более того, в конце июля моряки Сибирской флотилии приняли постановление об отказе служить белогвардейцам и интервентам, а рабочие военного порта и союз металлистов приняли резолюцию об отказе выполнять военные заказы интервентов³⁵.

31 июля во Владивостоке состоялась общегородская конференция представителей 36 рабочих организаций, объединявших 15 тыс. рабочих. Конференция, «...всесторонне обсудив положение, в котором находятся трудящиеся массы города и окраин вследствие переворота, совершенного чехословаками, и в дальнейшем – явным и скрытым вмешательством консульского корпуса в нашу внутреннюю жизнь», единогласно постановила: «Всеми силами и с негодованием, вызванным оскорблением национального чувства свободного народа, протестовать против грубого вмешательства в наши русские дела и немедленно снестись с консульским корпусом с требованием снять караул в военном порту, который мы считаем позорным и оскорбительным. Санкционировать и всеми силами поддерживать резолюцию, принятую рабочими военного порта и союзом металлистов и утвержденную ЦБ проф[ессиональных] союзов о невыполнении заказа на ручные гранаты»³⁶.

Комментируя сложившееся положение, американский консул Колдуэлл сообщал 3 августа 1918 г. госсекретарю США Лансингу, что в столь значительных результатах выборов виновны «...страх и враждебное отношение к правительству Хорвата, которое расценивается трудящимися классами как антиреволюционное... Нежелание этих классов снова воевать также, по-видимому, дало некоторый эффект. Указанные настроения проявились в отказе русских рабочих местного судоремонтного завода делать ручные гранаты для чехов. Они заявили, что предпочтут остаться без работы и голодать, чем делать такую работу, и угрожали вывести из строя машины, вследствие чего мы вынуждены были организовать патрулирование доков для сохранения оборудования. Результаты выборов показывают, что в них участвовало 77% возможных избирателей, против 53% в предыдущих выборах; поэтому такой результат не может быть отнесен полностью к неудаче выборов... Чехи вынуждены освободить избранных в думу членов Совета, которых они арестовали за враждебную агитацию и за связи с венгерскими пленными; чехи обращаются к союзным консулам за советами»³⁷.

Обострение политической ситуации и враждебный настрой российского населения ускорили решение правительствами стран Антанты, США и Японии вопроса об объединенной интервенции. На совещании в Белом доме, состоявшемся 6 июля 1917 г. с участием президента

и ведущих министров, было принято решение направить войска в Россию. 2 августа 1917 г. Япония обнародовала декларацию о начале интервенции, 5 августа к ней присоединились США, 11 августа – Великобритания, далее Франция, Китай и другие державы³⁸. Уже 3 августа во Владивосток прибыл батальон 25-го Мидлсекского полка (из Гонконга), 4 августа – около 1600 человек китайской дивизии, 9 августа – французский батальон (800 солдат, 13 офицеров), 11 августа – 2000 японских солдат, 15-16 и 21 августа – два американских полка (27-й и 31-й), позднее прибыла остальная часть интервенционистских войск. Объединенная интервенция держав Антанты на Дальнем Востоке России началась.

В начале сентября 1918 г. Дальсовнарком под давлением превосходящих сил союзных войск (японских, китайских, американских, белогвардейских и др.) вынужден был с остатками разрозненных частей Уссурийского фронта эвакуироваться из Хабаровска, отступив в Амурскую область. 18 сентября Благовещенск был занят белогвардейцами и японскими войсками. Советская власть на Дальнем Востоке пала, в начавшейся Гражданской войне наступил этап партизанской борьбы.

Таким образом, свершившаяся в России революция создала условия не только для демократизации общества, но и для нарастания гражданского противостояния. Приход к власти большевистского правительства, проводившего радикальную экономическую политику, направленную на конфискацию средств производства и всего имущества не только у крупной буржуазии, но и у средних и даже мелких частных собственников, вызывал сопротивление со стороны последних. Буржуазия, напуганная размахом национализации промышленности, получала поддержку со стороны иностранных союзников, стремившихся добиться дальнейшего участия России в мировой войне. В полной мере все эти процессы нашли своё проявление и на дальневосточной окраине России в послеоктябрьский период. Западные державы усилили давление на страну, чтобы не допустить утверждения власти Советов. На Дальнем Востоке России иностранные дипломаты в послеоктябрьские дни также стали проявлять повышенную активность в сопротивлении приходу к власти большевиков. Владивостокский консульский корпус, являясь проводником и выразителем политики союзных государств, по указанию своих правительств отказался признавать

органы Советской власти. При этом имели место и дипломатическое давление, и участие в подготовке сопротивления Советской власти, и оказание помощи местным контрреволюционным организациям, и угрозы открытого вмешательства и ввода иностранных войск. Все это существенно осложняло политическое положение на Дальнем Востоке, завершившись в итоге не только Гражданской войной, но и открытой иностранной интервенцией, принесших населению многочисленные беды и разрушения.

¹ Дальний Восток России в 1917 году: документы и материалы из фонда Комиссара Временного Правительства по делам Дальнего Востока. Владивосток, 2017. С. 38.

² Зуев В. Н. Участие войск Приамурского военного округа в революционных событиях 1917 г. // Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны: сб. науч. ст. (материалы к 1-й книге 3-го тома «История Дальнего Востока России»). Владивосток, 1998. С. 45-46.

³ История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 1: Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 131-132.

⁴ Известия Владивостокского Совета. 1917. 19 сентября.

⁵ Харбинский вестник. 1917. 27 октября.

⁶ История Дальнего Востока России. Т. 3, кн.1. С. 146-148.

⁷ Мухачёв Б. И. Становление власти первых Советов на Севере Дальнего Востока // Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны: сб. науч. ст. (материалы к 1-й книге 3-го тома «История Дальнего Востока России»). Владивосток, 1998. С. 69–70.

⁸ Щагин М. Э. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917 – лето 1918 гг.). М., 1974. С. 191-199, 356.

⁹ Кузьмин В. Л., Ципкин Ю. Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны 1917–1922 гг. Хабаровск, 2005. С. 46.

¹⁰ Борьба за власть Советов в Приморье (1917-1922): сб. док. Владивосток, 1955. С. 5-6.

¹¹ Дальсовнарком. 1917-1918 гг.: сб. док. и матер. Хабаровск, 1969. С. 10-11.

¹² Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.): док. и матер. Владивосток, 1997. С. 47.

¹³ Дальсовнарком. 1917-1918 гг.: сб. док. и матер. С. 42-44.

¹⁴ Там же. С. 56.

**Дальневосточный регион России накануне Гражданской войны
и военной интервенции (конец 1917 – сентябрь 1918 г.)**

- 15 Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. С. 49.
- 16 Борьба за власть Советов в Приморье (1917-1922). С. 66.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 73.
- 19 История Дальнего Востока России. Т. 3, кн.1. С. 224.
- 20 За власть Советов. (Сб. воспоминаний участников Гражданской войны в Приморье в 1917-1922 гг.). Владивосток, 1957. С. 25.
- 21 История Дальнего Востока России. Т. 3, кн.1. С. 188, 218.
- 22 *Самойлов А.Д.* На страже завоеваний Октября (Крах контрреволюции на Дальнем Востоке). М, 1986. С. 44.
- 23 Далекая окраина. Владивосток, 1918. 2 апреля.
- 24 История Дальнего Востока России. Т. 3, кн.1. С. 197.
- 25 *Никифоров П.М.* Записки премьера ДВР: Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). М, 1963. С. 42; История Дальнего Востока России. Т. 3, кн.1. С. 198.
- 26 Там же. С. 197—198; *Шиндялов Н.А.* Октябрь на Амуре. Установление Советской власти в Амурской области. Март 1917 – апрель 1918 г. Благовещенск, 1973. С. 151–152.
- 27 Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. С. 56; История Дальнего Востока России. Т. 3, кн.1. С. 167.
- 28 Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922). С. 96.
- 29 Далекая окраина. Владивосток, 1918. 27 февраля.
- 30 История Дальнего Востока России. Т. 3, кн.1. С. 232.
- 31 Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. С. 160-61.
- 32 Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Новосибирск, 1983. С. 68-69.
- 33 Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. С. 219.
- 34 Там же. С. 220.
- 35 Борьба за власть Советов в Приморье (1917-1922). С. 157, 161-162.
- 36 Там же. С. 163-164.
- 37 Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. С. 229.
- 38 Борьба за власть Советов в Приморье (1917-1922). С. 165-169.

Кавказ и революция 1917 года: к вопросу о периферийном сепаратизме*

Для большинства исследований, посвященных революционным событиям в России февраля – октября 1917 г., характерны утверждения, что накануне революции окраины Российской империи были охвачены массовыми национально-освободительными движениями. Это историографическое клише распространялось практически на все периферийные народы, сводя огромное многообразие взаимодействий, зависимостей, обязательств и отношений к упрощающей реальную картину схеме. Подобный подход представляется явной натяжкой, делавшейся в угоду идеологическим догмам.

Тем не менее хаос, охвативший страну после победы большевиков, несомненно, оказался стимулирующим фактором для усиления центробежных тенденций и активизации сепаратистских сил. Во всяком случае, относительно событий 1918 г. говорить об отсутствии сепаратистских настроений на окраинах бывшей империи уже не приходится. В пользу независимости выступили Украинская Центральная Рада, Белорусская Рада, Башкирский и Крымский курул-

* Л.С. Гатагова

таи, казахская Алаш-Орда, молдавский Сфатул-Цэрий, мусаватистское правительство Азербайджана, меньшевистское правительство Грузии, дашнакское правительство Армении, национальные советы в бывших балтийских губерниях, автономные правительства в Туркестане и на Северном Кавказе¹.

Северный Кавказ считался не только одной из наиболее проблемных зон империи, но и своего рода постоянным очагом сепаратизма. Правомерно ли такое мнение? У исследователей Кавказа на сей счет как не было, так и нет согласия. Одни пишут о нескончаемой национально-освободительной борьбе кавказских народов на протяжении всех последних десятилетий империи (не говоря уже об эпохе Кавказской войны), другие придерживаются более взвешенных позиций, допуская, что вспышки сепаратизма случались лишь в кризисные моменты. Третьи делают упор на позитивные факторы. Между имперским ядром и кавказской периферией, утверждает В. Дегоев, действовала своего рода геополитическая «гравитация», возникшая из вполне конкретного источника – давних и всесторонних связей. По-видимому, эта «гравитация» была настолько сильна, продолжает он, что ее не удалось преодолеть даже в годы Революции, Гражданской войны и иностранной интервенции (1917–1921), когда, казалось, сложилась беспрецедентно благоприятная ситуация для отделения Кавказа от России².

Историки Кавказа описывали предреволюционную ситуацию в регионе в традиционных для советской историографии 1917 г. духоподъемных тонах. С учетом незначительных вариаций трактовки звучали приблизительно так: «Объективные и субъективные факторы развертывания национально-освободительного движения на Северном Кавказе были налицо; социально-экономическая обстановка, особенно отсталость аграрных отношений в крае, способствовала возникновению, углублению и расширению революционного, национально-освободительного движения кавказских горцев»³. Помимо выпячивания темы борьбы против царского самодержавия в монографиях, посвященных предреволюционному и революционному периодам на Кавказе, нередко приходится сталкиваться с феноменом подмены, когда массовые волнения сугубо социального характера облекаются в этнические одежды и подаются в виде окрашенного в политические цвета освободительного движения.

Большевики проявили поистине иезуитскую изворотливость и изощренность в разрешении так называемого национального вопроса, т.е. проблем нерусских народов, после гибели империи столкнувшихся с необходимостью выстоять и сохраниться в хаосе государственного безвластия. Провозгласив право наций на самоопределение, большевики сняли тем самым избыточное напряжение, накопившееся в недрах коллективного сознания малых народов, которые, несомненно, ощущали колоссальную усталость от нескончаемого социального гнета и политического неравноправия.

Лозунги большевиков оказались настолько привлекательными, что под их знамена встали даже те, кто был чрезвычайно далек – в силу традиционалистского восприятия мира – от их радикальных доктрин, отвергавших частную собственность и пропагандировавших идею всеобщего равенства. При этом лидеры периферийных большевистских организаций отнюдь не спешили добиваться реализации лозунга о праве нации на самоопределение вплоть до отделения, убеждая массы в его нецелесообразности. С одной стороны, они провозглашали право украинского народа на создание самостоятельного государства, а с другой – устами В. Ленина заклинали: «Сознательные рабочие не проповедают отделения; они знают выгоды больших государств и объединения крупных масс рабочих»⁴.

Большевики активно внедряли эту установку в сознание своих сторонников и проводников на окраинах. Дагестанцу М. Дахадаеву принадлежат такие слова: «Одним ударом революция уничтожила средостение между угнетенными народностями и русским народом, парализовала центробежные стремления недержавных национальностей и своим величием приковала их к сердцу России»⁵.

Известие о падении монархии в феврале 1917 г. быстро докатилось до Кавказа, вызвав одновременно и оторопь, и спонтанные выплески политической активности в самых разных социальных кругах. Очевидец событий А. Далгат так описывает атмосферу в дагестанской Темир-Хан-Шуре: «Первое время в городе растерялись. Местная аристократия и чиновничество начали постоянно собираться где-нибудь, чаще у губернатора Вольского и у помощника его князя Дадашклиани. В городе реже стал появляться пышный выезд князя Нухбека Тарковского, чаще стали собираться у него влиятельные и знатные

люди города». И далее: «Стали стихийно возникать сборища на базаре, у собора, перед зимним помещением клуба со стороны Петровского шоссе, перед губернаторским домом. Через короткое время собрания превратились в общегородские митинги. Весь ремесленный люд города, солдаты, рабочие, военные, чиновники приходили на митинги вооруженными. Из соседних аулов тоже являлись возглавляемые отдельными активистами группы крестьян. С речами выступали все»⁶. «Чеченская народность», по свидетельству Х. Ошаева, «поняла февральскую революцию как возможность и необходимость стряхнуть и уничтожить все то, что напоминало о приставах, казаках, солдатах, тюрьмах»⁷.

Временное правительство учредило в Кубанской, Терской и Дагестанской областях исполнительные комитеты и назначило специальных комиссаров. Параллельно возникали Советы. За этим понятием в национальных регионах скрывались принципиально разные институты: общественные организации, политические союзы, органы местного самоуправления⁸. Состав Советов в Терской области формировался преимущественно за счет выходцев из социальных верхов (землевладельцы и буржуазия), а также представителей национально ориентированной интеллигенции. Советы появились в Чечне, Ингушетии и Осетии. В марте был учрежден Нальчикский окружной гражданский исполнительный комитет, в составе которого преобладали кабардинцы, что вызвало недовольство русских землевладельцев и предпринимателей, а также балкарской знати. В Дагестане, где дислоцировалось около десяти тысяч солдат Кавказской армии, а политические партии играли более активную роль, складывалась несколько иная ситуация. В марте возник Совет рабочих депутатов в Петровске. В Темир-Хан-Шуре, вслед за появлением Дагестанского областного исполнительного комитета, образовался Совет солдатских депутатов. Его учреждение сопровождалось бурными стычками. Один из присутствующих выкрикнул: «Долой порядки босяков»⁹. В местных Советах преобладали меньшевики и эсеры, с которыми соперничали большевики. После захвата ими Петровского совета социалисты с неодобрением реагировали на их действия, называя большевиков сепаратистами и призывая Петровский ревком подчиниться Областному исполкому как «законному, установленному революцией», временному органу власти¹⁰. В сельских обществах

Дагестана отмечались «противусоветские» настроения, поскольку Советы, считали крестьяне, – «русские и больше солдатские»¹¹.

Весной 1917 г. во всех округах Терской области прошли съезды представителей местных народов. 31 марта был созван съезд кабардинского и балкарского народов в Нальчике. 15 апреля свой съезд в Назрани провели ингуши, учредив Ингушский народный совет во главе с публицистом и общественным деятелем В.-Г. Джабагиевым. 18 апреля состоялся общечеченский съезд в Урус-Мартане. Перед его участниками выступил предприниматель А. М. Чермоев¹². На съездах обсуждались насущные проблемы, весьма далекие от сепаратистских помыслов. Идеи переустройства окружающего мира на более высоком, чем община или этнос, уровне не вмещались в рамки традиционалистского сознания. Его носители крайне болезненно воспринимали любые перемены. Поскольку жители сельских обществ опасливо реагировали на вмешательство извне, дагестанский Облисполком, отправляя комиссаров в округа, призывал избегать резких действий в отношении сельской администрации. По этой причине бывшие начальники округов «еще долго сидели на своих местах»¹³.

Действия органов Временного правительства и Советов рабочих и солдатских депутатов, по всей видимости, удовлетворяли далеко не все категории населения Кавказа. Одними из первых идей самоорганизации озаботились казаки. В марте 1917 г. было учреждено Войсковое правительство Терского казачества во главе с членом Временного комитета Государственной Думы М. А. Карауловым. Готовность примкнуть к нему выражали не только казаки, но и солидарные с ними этнические кавказцы. Созвав в июне 1917 г. Всероссийский казачий съезд в Новочеркасске, делегаты Терского казачьего войска поспешили заверить Петроград в готовности спасти Россию от анархии¹⁴.

Накануне октябрьских событий калединское войсковое правительство учредило Союз юго-восточных автономных и федеративных областей, больше известный как Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей¹⁵. Договор о его создании был подписан 20 октября во Владикавказе. С 16 ноября в Екатеринодаре функционировало правительство ЮВС¹⁶.

21 ноября 1917 г. глава калединского правительства М. П. Богаевский телеграфировал управляющему Военным министерством генералу

А. А. Маниковскому: «Донское казачество не покушалось и не покушается на внутренние порядки и устройство жизни губерний и областей России и никаких походов против существующих в России политических партий не замышляет, будучи всецело занято устройением правильной гражданской жизни в пределах Донской области»¹⁷. Казачество, традиционно считавшееся оплотом самодержавия на окраинах империи, демонстрировало свою лояльность не столько Временному правительству, сколько устоям государственности, обязываясь бороться с разрушителями этих устоев.

О спектре настроений внутри кавказских элит после Февральской революции судить сложно. Среди исследователей бытует мнение, что они были (не столько даже в узком политическом смысле, сколько в широком социально-культурном) органично встроены в общеимперскую цивилизационную матрицу¹⁸. Какая-то их часть, безусловно, грезилась идеей общекавказского дома, хотя не могла не осознавать, сколь нелегко этого добиться, памятуя об этнической, языковой, культурной неоднородности региона и напряженных взаимоотношениях между местными народами.

Сторонники этой идеи сформировали в марте 1917 г. Временный Центральный Комитет объединенных горцев, который возглавил балкарский общественный деятель Б. Шаханов. Наиболее подходящей моделью политико-административного устройства кавказских народов они считали объединение их под общим управлением: «...ввиду крайней разноплеменности населения Кавказа, его культурной отсталости и бедности введение федеративного строя для горских народов не может дать тех благ, которые принесет им национально-племенное самоуправление на широких демократических основах, при деятельной поддержке общей центральной власти государства...»¹⁹

Инициаторам идеи объединения пришлось преодолеть немало сложностей, прежде чем прийти к согласию. В первую очередь они должны были прояснить вопрос об этноконфессиональных границах будущего объединения. Едва ли не главной проблемой оказался конфессиональный фактор. В учредительных документах будущего Горского правительства сохранилась следующая запись: «Из трехсот тысяч осетин, занимающих центральный Кавказ, магометан 30 тысяч душ. Участие Осетии христианской в этом союзе может внести нежелательную

дисгармонию и трения в союз, силы которого в однородности религиозной платформы»²⁰. Очевидно, среди участников переговоров не все поддерживали идею общекавказской интеграции исключительно на основе конфессионального единства. В документах зафиксирована и принципиально иная точка зрения, отражающая суть разногласий: «Не в союзе объединенных горцев всего Кавказа на почве мусульманства видит Осетия общее благополучие, а в союзе, прежде всего, объединенного населения всей Терской области, в которой горские народы составляют половину, притом со всех сторон ныне окруженную тесным кольцом разноплеменного населения наших городов, селений, станиц и колоний»²¹.

Вопрос о том, какие группы населения Северного Кавказа будет представлять Союз, так и остался не до конца проясненным, растворившись в условном нарицательном определении «горцы», хотя это понятие включало в себя лишь обитателей горных районов, оставляя за скобками их соплеменников, испокон веков проживавших на равнине, не говоря уже об остальных категориях кавказского населения, не исповедовавших ислам. Несмотря на разногласия, полномочные представители – в основном выходцы из мусульман – все-таки смогли договориться между собой.

14 мая 1917 г. влиятельные предприниматели, землевладельцы, общественные деятели и духовные лица собрались во Владикавказе на съезде полномочных представителей, чтобы воплотить в жизнь свои намерения. Участники съезда с энтузиазмом встретили объявление о создании Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (позднее к Союзу присоединилась Абхазия). Они также одобрили проект будущей конституции. Согласно документу, Союз должен был стать не общественно-политической организацией, а представительным форумом полномочных делегатов от всех северокавказских народов. «Мы пойдем теперь рука об руку с великим русским народом, который провозгласил свободу и равенство всех народностей России», – заявил председатель съезда Б. Шаханов²².

Учредив Союз, его лидеры поспешили продемонстрировать свою лояльность Временному правительству. 20 мая председатель Центрального комитета Союза А.М. Чермоев в телеграмме военному министру заверил его, что горцы «искренне поддерживают революцию», а ЦК

брал на себя ответственность за «сохранение спокойствия и преданности делу свободы горского населения», утверждая, что слухи об «антигосударственных настроениях горцев» распространяются «темными силами»²³.

В конце августа Союз созвал второй съезд. По замыслу организаторов он должен был символизировать единство народов Северного Кавказа. Для проведения съезда избрали селение Анди, чтобы, как полагает автор, «оживить воспоминания о героической национально-освободительной борьбе», – именно там в свое время легендарный вождь горцев Шамиль устроил массовый сход перед началом решительных действий против российских войск²⁴.

Большинству приглашенных на съезд делегатов была близка идея федеративного государственного устройства России на основе союза равноправных самоуправляющихся автономных областей. Большинству – но не всем. Радикально настроенные духовные лица во главе с муфтием Н. Гоцинским и шейхом Узуном-Хаджи, фанатичными апологетами теократии, не согласовав свои действия с остальными делегатами, объявили Н. Гоцинского имамом Чечни и Дагестана. Из-за вспыхнувших споров съезд был фактически сорван. Датой возобновления работы съезда избрали 20 сентября 1917 г. Одним из пунктов его повестки значился вопрос о выборах в Учредительное собрание. Спустя годы российский офицер Б. М. Кузнецов, присутствовавший в качестве гостя на съезде в Анди, красочно описав церемонию подписания учредительного документа, скрепленного подписями представителей кавказских народов, заключил: «Так родилась Республика Союза Горских Народов, с добрыми намерениями, но без всяких средств к существованию»²⁵.

Появление новых политических объединений свидетельствовало об охватившем Кавказ процессе дробления центров власти между различными группами интересов. Одним удавалось привлечь больше сторонников, другим – меньше, однако ни одна не могла похвастаться сколько-нибудь серьезной массовой поддержкой. Анализируя ситуацию, сложившуюся в Терской области, автор пришел к выводу о несостоятельности всех попыток создания на протяжении 1917 г. «мало-мальски авторитетной областной власти»²⁶.

События «на периферии разваливавшейся империи» воспринимались в столицах не иначе как «раздражители». Основная масса великорусского

населения, по мнению В. Булдакова, не была готова к тому, чтобы прежде незаметные инородцы заявляли о своих собственных нуждах²⁷.

Северный Кавказ отреагировал на Октябрьский переворот в Петрограде еще более пассивно, чем на Февральскую революцию – отчасти из-за слабого представительства большевиков в действовавших на тот момент политических организациях и органах власти. На это указывал и председатель Владикавказского комитета большевиков М.Д. Орахелашвили: «Лишь в г. Грозном и, как ни странно, в Кисловодске существовали небольшие организации нашей партии, в остальных же местах наблюдалось топтание в болоте объединенчества»²⁸. Исследователи считают, что большевики особо не проявлялись в регионе вплоть до августа 1918 г., ограничиваясь тактикой лавирования между более влиятельными на тот момент политическими силами.

Основную причину сдержанного отношения жителей Кавказа к революционным событиям в столицах следует искать скорее в общественном климате, который, несмотря на будоражившие его бесчисленные социальные проблемы и выплески политической активности со стороны отдельных групп, отличался крайним консерватизмом. Сказывались и обстоятельства внутреннего характера: в течение года Кавказ все глубже захлестывала чудовищная волна насилия. Разбой и грабежи, бандитские вылазки новоявленных «абреков» – все это обрушилось на население практически всех уголков региона, включая крупные города вроде Владикавказа и Грозного. Свою негативную лепту вносили войска, возвращавшиеся с Закавказского фронта. В. Булдаков полагает, что солдаты сыграли на Северном Кавказе «колоссальную дестабилизирующую роль»²⁹. Безвластие царило в Кабарде, где бывший ротмистр российской армии З. Даутоков-Серебряков собрал внушительные вооруженные отряды и беспрестанно терроризировал население³⁰. Банды Узуна-Хаджи бесчинствовали в Хасавюртовском округе. Чеченцы и ингуши, с одной стороны, и казачество – с другой, к моменту октябрьских событий находились фактически в состоянии войны³¹. На фоне столь неблагоприятной криминогенной обстановки – практически во всех уголках Северного Кавказа – и речи быть не могло о сколько-нибудь заметной политической активности со стороны масс: подавляющей частью кавказского населения двигал исключительно инстинкт самосохранения.

О степени серьезности обстановки в регионе говорит содержание январского воззвания Моздокского военно-революционного совета к жителям Терской области: «Провокационная деятельность контр-революционеров создала национальное движение туземных народов области – чеченцев и ингушей, вызвала кровавый пожар войны с племенами, восставшими против мирного демократического населения края и нагло попирающими все блага свободы и человеческие права. Кровавый вихрь уже пронесся по Сунже, он уничтожил на своем пути целые станицы, села, хутора, он пахнул своим разрушительным дыханием на города: Грозный разгромлен, промыслы, имеющие государственное значение, сожжены, Владикавказ горит, многие станции железной дороги частью сожжены, частью разрушены. Ужас, кровь и огонь царят во всем крае...»³²

Спустя несколько дней после большевистского переворота Центральный комитет Союза объединенных горцев объявил о создании Горской республики и сформировал так называемое Горское правительство под началом А. М. Чермоева. Следом за этим Центральный комитет и руководители Терского казачьего круга, объединившись, учредили временное Терско-Дагестанское правительство на коалиционной основе (в него вошли Союз горцев, Терское войсковое правительство и Союз городов Терской и Дагестанской областей). Один из пунктов договора между Горским правительством и терскими казаками гласил: «Равным образом коалиционное правительство должно принять решительные меры к уничтожению в крае разбоев и грабежей, разорительных для населения, а также служащих причиной постоянных столкновений между отдельными группами населения»³³.

Перед правительством ставилась задача организовать сопротивление силам анархии и добиваться консолидации разрозненного населения двух областей. Однако получить серьезную массовую поддержку так и не удалось, а вскоре после гибели главы правительства, атамана М. А. Караулова, в конце 1917 г. оно фактически распалось. Союз объединенных горцев оказался неспособным сформировать «реально действенные структуры власти», которые могли бы снять наиболее острые проблемы и стабилизировать обстановку в регионе³⁴.

Борьба за влияние на массы велась и в лагере левых сил. В январе 1918 г. на авансцену вышла «народно-революционная» партия

«Кермен», к тому моменту насчитывавшая уже около тысячи членов. Активную деятельность развернул Социалистический блок, объединивший группы меньшевиков, эсеров, большевиков, керменистов и др. В него входили дагестанцы М. Дахадаев, Д. Коркмасов, А. Тахо-Годи и др. Постепенно расширяли зону своего влияния и большевики во главе с С. М. Кировым.

В январе 1918 г. на съезде Областного исполнительного комитета в Моздоке развернулась острая борьба между представителями левого блока, казаками и исламистами³⁵. Был избран Терский областной народный совет под председательством левого эсера Ю. Г. Пашковского. Совет объявил себя «народной властью». Однако вскоре из-за неразрешимых противоречий по принципиальному вопросу – о признании Совета народных комиссаров – Социалистический блок распался.

Делегаты второго съезда «народов Терека» в Пятигорске и Владикавказе (февраль – март 1918 г.), выразив доверие Совету народных комиссаров, объявили, что Терская область представляет собой территориальный союз народов, пользующийся правами национально-территориальной автономии. Они проголосовали за утверждение «Основных положений управления Терским краем», в которых декларировалось, что «Терский край есть составная часть Российской Федеративной Советской Республики».

После Февраля на политической сцене Северного Кавказа постоянно менялись действующие лица: партийные альянсы, временные политические союзы, общественные организации, религиозные объединения, локальные криминальные группировки – каждая со своими представлениями о способах преодоления нарастающего кризиса (или его усугубления)³⁶. Вероятно, в свете этнических, социальных и культурных особенностей кавказского мира иначе и быть не могло.

Поскольку немногочисленные группы либерально мыслящих общественных деятелей и интеллектуалов Северного Кавказа практически не были вовлечены в политические процессы, развернувшиеся в центре страны, они не обладали достаточным влиянием, чтобы стать во главе местных национальных движений, подобно полякам, финнам или украинцам.

В рядах казачества, генералов и офицеров царской армии, крупных землевладельцев, грозненских нефтепромышленников и буржуазных

предпринимателей, владетельных князей и беков состояли и убежденные монархисты, и ярые противники самодержавия, сторонники реставрации и приверженцы переустройства России на буржуазно-демократических началах. Разные настроения бытовали и в среде многочисленных мулл и шейхов, мусульманских богословов и их паствы: кто-то придерживался туркофильских позиций, кто-то мечтал об имамате, были и такие, кто хотел обратно под сень империи.

Основную массу кабардинского и балкарского населения, охваченного массовым аграрным движением, заботили в первую очередь, земельные проблемы. Не случайно еще до революции там возникло объединение крестьянской бедноты «Карахалк», не имевшее какой-либо политической программы.

В Чечне общество разделилось на 50–60 враждующих между собой партий (по числу более или менее влиятельных шейхов), склонявшихся то в сторону турок, то к социалистам и большевикам³⁷. По словам А. Шерипова, в Чечне было «столько партий – сколько шейхов»³⁸. В январе 1918 г. бывший подполковник царской армии А. Мутушев провозгласил себя единоличным диктатором Чечни Ахметханом³⁹. Однако его попытка сплотить соплеменников не удалась.

При всей приверженности чеченцев своим духовным наставникам их сообщество под воздействием происходивших событий утрачивало былую однородность. Разлад в чеченскую среду вносили свои же чеченцы – сторонники большевиков, которых становилось все больше. Едва ли не самый известный среди них А. Шерипов, выступая на V съезде народов Терской области в декабре 1918 г., заявил: «Мы верим в нашу победу над контрреволюционными шейхами и муллами, мы верим в нашу победу больше, чем шейхи и муллы в коран и шариат»⁴⁰. В сотрудничестве с большевиками стали вступать даже шейхи. Один из них, Али Митаев, последователь братства зикристов Кунта-Хаджи, поначалу державшийся в стороне от политических дрызг, внезапно завязал контакты с большевиками, искавшими социальную опору в среде мусульманского духовенства. В лице Митаева, обладавшего реальным авторитетом и способного контролировать общественные настроения, большевики нашли посредника для налаживания диалога с чеченцами.

Если в Чечне народ находился под влиянием шейхов, то в Осетии, традиционно поставлявшей кадры офицерства для императорской армии,

главными агентами влияния (наряду с эсерами и меньшевиками, среди которых выделялись фигуры авторитетных общественных деятелей А. Цаликова и С. Такоева) были генералы и многочисленные офицеры, развернувшие активную пропаганду против большевиков⁴¹. Не случайно именно из осетинской среды выделились региональные лидеры казачьего движения братья Георгий и Лазарь Бичераховы⁴². Летом 1918 г. Г. Бичерахов, обосновавшись со своими отрядами в Моздоке, учредил казачье-крестьянский Совет. За время своего пребывания на политической сцене он неоднократно вступал в политические и военные союзы, преследуя при этом единственную цель – защиту интересов казачества. Впоследствии он устанавливал связи и с Добровольческой армией А.И. Деникина, и с английской миссией во Владикавказе. В конечном счете Бичерахов, как и его брат, боролся за восстановление российской государственности. Один из пунктов договора, заключенного Л. Бичераховым с князем Н. Тарковским, гласил: «Тарковский обязуется признать над собой власть России, когда царящая в ней анархия будет ликвидирована и в ней установится законная власть»⁴³. В советской историографии бичераховцев называли не иначе как «бандой агента английских империалистов Л. Бичерахова»⁴⁴.

Подавляющая масса населения Дагестана находилась под влиянием различных групп мусульманского духовенства – от лояльно настроенных к прежним порядкам до радикальных, вынашивающих мечты об исламском государстве. В целом обстановка в области напоминала ситуацию в Чечне. Вот как описывает ее современник: «...к этому времени в каждом округе создался свой влиятельный центр из местных людей. Эти центры не имели никакого желания подчиняться вообще кому бы то ни было и жили себе вполне автономно...»⁴⁵

В городах Дагестана, где социалистические идеи получили более широкое распространение, чем в Терской области, развернулась борьба между местными политическими партиями. Меньшевики, дашнаки, мусаватисты и прочие созвали в Тифлисе свою конференцию. «Миллисты» прислали на конференцию четырех представителей. В ходе заседаний вспыхнули бурные дебаты. Пантюркисты настаивали на том, что Дагестан должен стать одним из вилайетов Турции, их оппоненты ратовали за создание самостоятельной республики⁴⁶.

Среди партийных объединений влиянием пользовалась Дагестанская социалистическая группа, активно действовавшая на политической

сцене с мая 1917 г. по сентябрь 1918 г.⁴⁷ В нее входил аварец М. Дахадаев, приобретший популярность в годы первой русской революции. Конкуренцию Социалистической группе составляли мусульманские деятели, поддерживаемые значительной частью населения. Руководители группы, опасаясь усиления влияния Н. Гоцинского, пытались найти более умеренного духовного лидера, которого можно было ему противопоставить. Им удалось привлечь на свою сторону авторитетного шейха Али-Хаджи Акушинского. В начале 1918 г. его провозгласили шейх-уль-исламом. В результате мусульманское духовенство оказалось расколотым на два лагеря⁴⁸.

Оценивая деятельность Дагестанской социалистической группы, А. Тахо-Годи высоко отзывался о М. Дахадаеве, обладавшем, по его словам, несомненным даром лавирования между приверженностью социалистическим идеям и необходимостью считаться с религиозными чувствами. Он громогласно объявлял, что все, кто хотят, «пусть купаются в шариате»⁴⁹.

У М. Дахадаева с Н. Гоцинским (именно эти две фигуры выдвинулись на передний план в ходе охватившей Дагестан смуты) не было ничего общего ни в политическом, ни в личностном плане. Они воплощали собой два совершенно разных типа лидеров, чьи идеологические воззрения не только не лежали в разных плоскостях, но полностью противоречили друг другу. Близко знавший обоих современник писал: «В то время как Гоцинский смотрел в сторону патриархальщины, ставил религию во главе человеческой дисциплины и общежития, Махач был всецело устремлен вперед в буржуазное развитие и был очень эластичен в вопросах религии. Гоцинский ненавидел все русское, был шовинистически-националистичен. Махач в адаптации Дагестаном русской культуры видел единственный выход для этой страны, находящейся в тупике, и готов был перевести Дагестан на русский язык»⁵⁰.

Тем не менее поначалу они сошлись на почве экономических интересов, объединив свои средства для создания завода по производству кинжалов. Помимо взаимных материальных выгод каждый из них рассчитывал за счет другого расширять круг сторонников и укреплять свою социальную базу. Дахадаев, заинтересованный в поддержании имиджа народного защитника, обретенного в годы революции 1905–1907 гг. (и практически утраченного после отхода от социал-демократических

кругов и погружения в хозяйственную деятельность), нуждался в поддержке Гоцинского, завоевавшего массовую популярность и весомый авторитет в качестве ученого-богослова в мусульманской среде⁵¹.

Подобные непрочные политические союзы, основанные лишь на общности сиюминутных интересов, как известно, недолговечны. Уже в феврале 1918 г. Дахадаеву пришлось бежать из Дагестана в Грузию.

Недолговечным оказалось и сотрудничество Гоцинского с Союзом объединенных горцев. Впрочем, от разрыва с имамом пострадали скорее лидеры Союза, лишившиеся поддержки его многочисленных сторонников. В ходе военной кампании в рядах временных союзников Н. Гоцинского перебивали самые разные люди, включая и таких, кто не разделял ни его мировоззрения, ни его идей общественного переустройства. Полковник российской армии, командир Дагестанского конного полка М. Джафаров, на каком-то этапе примкнувший к Гоцинскому (очевидно, служба в его добровольческих отрядах стабильно оплачивалась), признавался: «Мое положение было крайне затруднительным. Я, конечно, не был и не мог быть сторонником большевиков. Но я был решительным противником и имама, и имамата»⁵².

В западной историографии распространена точка зрения, согласно которой единственным выразителем интересов коренного населения Северного Кавказа являлся Центральный комитет горцев Северного Кавказа⁵³. Но, судя по развитию событий, он так и не получил сколько-нибудь серьезную массовую поддержку и не смог добиться признания в качестве реального института власти. Пожалуй, лишь на начальном этапе, во время пребывания Горского правительства во Владикавказе, и с весны 1918 г., когда оно было вынуждено перебазироваться в Темир-Хан-Шуру (и с приходом турок упрочило свои позиции), о нем можно говорить как о действующем органе власти. Фактически Горскому правительству удалось распространить свой контроль летом – осенью 1918 г., пользуясь присутствием турецких войск, лишь на часть территории Дагестана. С уходом турок, констатировал М. Джафаров, «ушла сила, которая делала эту группу людей Правительством...». По его словам, даже в находившемся в восьми верстах от Темир-Хан-Шуры (где заседало Горское правительство) селении Нижние Казанищи его приказы никакой силы не имели и не выполнялись⁵⁴. О более отдаленных территориях, в частности

границах с Чечней, или о городах, находившихся под влиянием социалистов и большевиков, и говорить не приходилось.

Очевидно, на практических действиях руководителей Союза горцев сказывалось отсутствие политического опыта. Ни одному из них не удалось стать лидером «общенационального» масштаба – даже в пределах собственного этнического сообщества. Крупный землевладелец и нефтепромышленник А.М. Чермоев, конечно, имел влияние на своих сородичей, но оно было явно ограниченным (поскольку чеченцы все больше склонялись в сторону большевиков, заманивавших их обещаниями изгнать с Кавказа казачество). То же самое можно сказать и о кабардинце П. Коцеве (министр внутренних дел Горской республики), и об ингуше В.Г. Джабагиеве (министр финансов Горской республики), и о кумыке З. Темирханове (председатель Союзного Совета Горской республики), и о наследнике шамхальского рода, князе Н. Тарковском (военный министр), и обо всех остальных их соратниках.

Военное противоборство на Северном Кавказе в конечном итоге развернулось между несколькими силами: большевиками, Союзом объединенных горцев Кавказа, воинскими отрядами казачьего полковника Г.Ф. Бичерахова и Добровольческой армией генерала А.И. Деникина, воевавшей против всех партий и группировок⁵⁵.

Если до октябрьских событий 1917 г. в сепаратистских настроениях можно было заподозрить лишь часть мусульманского духовенства, ориентированную на Турцию, то после большевистского переворота на авансцену выдвинулся Союз объединенных горцев Кавказа, открыто заявивший о своих притязаниях на независимость. А.И. Деникин боролся за реставрацию империи, Г.Ф. Бичерахов, отстаивая интересы казачества, мало чем отличался от белых, поэтому ни тот ни другой не могли восприниматься в качестве сепаратистов, стремившихся отхватить кусок территории распавшегося государства.

Каждая из четырех сил, доминирующих в регионе, стремилась действовать самостоятельно. Даже когда интересы их, казалось бы, совпадали, они шли лишь на временные компромиссы. Разрыв с деникинцами произошел у Бичерахова, несмотря на схожесть политических целей. Союз объединенных горцев Кавказа поначалу сотрудничал с деникинцами, но после того как выяснилось, что Деникин отказывается признавать не только независимость Горской республики, но и любую форму

ее автономии в составе России, между ними наступило охлаждение⁵⁶. Председатель правительства Горской республики П. Коцев, выступая 26 февраля 1919 г. на заседании Союзного Совета, заявил: «Добровольческая армия, которая допускает существование Кубанского правительства и Донского круга, мы полагаем, не должна посягать на самостоятельность и на неотъемлемые права Горского Правительства»⁵⁷.

В одиночку пыталась одолеть большевиков и Добровольческая армия. Очевидец так описывает приход деникинцев в горное селение Урахи: «Начальник отряда, казачий офицер, выступил с большой речью, призывая поддержать старые традиции и порядки, за которые, мол, борется добровольческая армия. Он требовал не слушать большевиков, не идти за ними. “Большевики вас ограбят, обманут, не слушайте этих разбойников, – говорил он”»⁵⁸. Несмотря на активную пропагандистскую работу, деникинцы не смогли добиться народной поддержки. Советские историки революции называли Белое движение контрреволюцией. Один из его участников, генерал П. И. Залесский, впоследствии оказавшийся в эмиграции, писал в 1925 г.: «Никаких “контрреволюций” и даже тенденций к ним в России не было. Гражданскую войну создали от начала до конца сами большевики»⁵⁹.

В конечном итоге увлечь за собой народы Кавказа не удалось не только Добровольческой армии, но и ни одному из трех потенциальных вдохновителей кавказского сепаратизма (Узун-Хаджи, Н. Гоцинский, Союз объединенных горцев). Этнически и культурно неоднородная традиционалистская масса оказалась невосприимчивой ни к идее консолидации на основе ислама, ни к перспективе строительства общекавказского дома на либерально-буржуазных началах.

Высшие сановники Российской империи традиционно испытывали недоверие в отношении российских мусульман и их умонастроений, хотя сами же неоднократно признавали необоснованность собственных подозрений. Между тем главной особенностью поведения мусульман в начале XX в., по утверждению исследователя, было то, что большинство из них придерживалось позиций социального непротивления, что вытекало из их этноконфессиональной психологии⁶⁰.

После Февральской революции картина уже не выглядела столь однозначной – во всяком случае, говорить о единстве взглядов у мусульман больше не приходилось. Тем не менее на Всероссийском съезде

мусульман в мае 1917 г. устами меньшевика А. Цаликова мусульмане России высказались за культурную автономию в рамках Российского государства. Их устраивало получение гарантий культурно-национальной автономии на конституционном уровне⁶¹.

На последующих мусульманских съездах в Казани в июле – августе 1917 г. вновь в большинстве оказались сторонники экстерриториальной автономии. С. Исхаков полагает, что «российские мусульмане ощущали большую потребность в культурно-конфессиональном единстве, нежели в этнонациональном самоопределении»⁶². В советской историографии сторонники идеи «братства всех мусульман» считались националистической контрреволюцией⁶³.

Что происходило после Февраля в мусульманской среде Северного Кавказа? Несколько известных деятелей (Шейхуль Ислам Тишнамаз-заде, муфтий Субханкулов и председатель Тифлисского мусульманского общества Гейдар Бамматов), находившиеся в Тифлисе, направили своим единоверцам телеграмму следующего содержания: «В России большой переворот, организовано новое правительство из верных людей, им можно верить и во внутренних, и во внешних делах. Просим всех мусульман Кавказа спокойно подчиняться новому правительству»⁶⁴. Они убеждали мусульман сохранять лояльность Временному правительству.

Как и следовало ожидать, наибольшее оживление наблюдалось в Дагестане и Чечне. Дагестанский революционер Б. Далгат так описывал ситуацию в своем родном ауле Урахи: «Особую активность проявляла религиозная верхушка аула. Она сеяла туркофильские идеи и крепла религиозный фанатизм. Русскую школу переименовали в мактаб, а детей обучали строевым занятиям, с религиозной, панисламистской хоровой песней...»⁶⁵ Духовенство регламентировало все стороны жизни и в соседней Чечне. Даже в Гойтинском народном совете большинство шло на поводу у влиятельного шейха Шугаиба-муллы Гойсумова⁶⁶.

В апреле 1917 г. в Темир-Хан-Шуре было создано Общество исламистов (Джамиат уль-исламие), а в июле – Общество ученых (Джамиат аль-уляма). В сентябре на базе Общества исламистов возник Дагестанский мусульманский национальный комитет, известный под названием милликомитет. Председателем его избрали известного религиозного деятеля М.-К. Дибирова. В состав милликомитета входили беки, князья, муллы, хаджи, кадии, дибиры (наставники), алимы (ученые), офицеры

царской армии. Наиболее влиятельными среди них были князья Казанлиповы, полковник Н. Тарковский, землевладельцы Д. Апашев и Р. Капланов, религиозные деятели Н. Гоцинский, Узун-Хаджи, предприниматель З. Темирханов, генерал М. Халилов и др.⁶⁷

28 апреля 1917 г. мусаватисты созвали в Баку съезд, намереваясь поставить вопрос об организации управления мусульманами Кавказа. Организаторы I съезда нарекли свое мероприятие учредительным съездом «кавказской мусульманской автономной государственности». Члены партии «Мусават» выдвинули идею автономного объединения тюркских народностей Дагестана вокруг Азербайджана, предлагая лезгинам и другим заняться созданием собственной государственности. Столь радикальное предложение вызвало бурную дискуссию среди дагестанских участников съезда. Разногласия усугубил приезд посланника из Владикавказа, предложившего дагестанцам ориентироваться не на Южный Кавказ, а на Северный. Предложение исходило от группы влиятельных мусульманских деятелей, среди которых были аварец Н. Гоцинский и чеченец А. М. Чермоев. После долгих споров участники съезда приняли решение разделиться на две группы: азербайджанскую и горцев Северного Кавказа⁶⁸. В качестве центра для первых постановили считать Баку, а для вторых – Владикавказ. При этом стороны договорились координировать свою деятельность. Впрочем, решение об организации координационного комитета так и осталось на бумаге⁶⁹.

После избрания муфтием Северного Кавказа дагестанского духовного деятеля Н. Гоцинского (на I съезде горских народов во Владикавказе в мае 1917 г.) его позиции существенно укрепились. Муллы и шейхи из Чечни и Дагестана, собравшиеся на съезд, настаивали на том, чтобы практически каждый вопрос разрешался «по шариату»⁷⁰.

Быстро растущая исламская партия в Чечне и Дагестане стремилась, по свидетельству современника, «очистить» Кавказ от неугодных, в частности от русского населения. Н. Гоцинскому, провозглашенному на II съезде горских народов уже имамом Чечни и Дагестана, были на руку циркулировавшие повсюду слухи о том, будто в горах действуют крупные воинские силы, истребляющие «русских и социалистов»⁷¹. Сам он до поры уклонялся от откровенных высказываний относительно своих политических предпочтений. Обратившись после

съезда в Анди с воззванием «К народам Кавказа», имам подчеркнул, что его целью является исключительно защита религии.

Гоцинский претендовал на роль единоличного лидера кавказских мусульман, и им, несомненно, двигали сепаратистские идеи. Однако он не торопился действовать, пока не обзавелся внушительным числом последователей. Методы, избираемые им для привлечения новых сторонников, порою выглядели откровенно авантюрными. Известность получила история, когда он объявил на массовом сходе, что намерен молиться на бурке, разостланной прямо на водной поверхности горного озера Эйзенам. В назначенный день к берегу озера явилось множество людей, жаждавших увидеть чудо, – не только из Аварии, но и со всего Северного Кавказа⁷². Понятно, что чудо не состоялось, однако даже откровенное надувательство не отвратило от Гоцинского мусульманскую массу. Одних привлекала перспектива заработков (имам обещал каждому бойцу, согласно шариату, часть добычи, как в традиционных набегах прошлого), другими двигала боязнь оказаться изгоями⁷³.

В свои союзники Гоцинский привлёк пожилого шейха Узуна-Хаджи, пользовавшегося авторитетом в чеченской среде. Шейх отличался крайним фанатизмом. «Я вью веревку для того, – говорил Узун-Хаджи, – чтобы перевешать всех инженеров, студентов и вообще пишущих слева направо»⁷⁴. Большевик Т. Эльдарханов вспоминал: «Узун-Хаджи призывал народ смотреть на Восток, а именно – на Турцию, и предостерегал от установления какой бы то ни было связи с большевиками, несущими, по его словам, для мусульман, неисчислимые бедствия». Он постоянно твердил о скором приходе на Кавказ турецких корпусов⁷⁵. Сотрудничество имама с шейхом продолжалось недолго: их пути разошлись после того, как Гоцинский стал налаживать контакты с Л.Ф. Бичераховым.

Шейх пошел своим путем, учредив в сентябре 1919 г. Северо-Кавказский эмират с центром в горном Ведено. Провозглашенный эмиром Узун-Хаир Хаджи-Ханом, он объявил о рождении шариатской монархии под покровительством султана Мехмеда VI, последнего правителя Османской империи. Узун-Хаджи опирался на военные формирования, возглавляемые бывшим чеченским сельским приставом И. Арсанукаевым. В течение тех нескольких месяцев, что он правил своим эмиратом (прекратившем существование с его смертью в марте 1920 г.), отрядам Узуна-Хаджи пришлось неоднократно вступать

в боевые действия против Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), что полностью истощило их ресурсы. Но Узун-Хаджи был скорее готов пойти на сотрудничество с большевиками, нежели с правительством Горской республики, о которой он отзывался как о «мифической», не имеющей опоры в народе. Впрочем, и контролируемая им самим территория ограничивалась в основном пределами горной Ичкерии.

Гоцинскому, бывшему единомышленнику Узуна-Хаджи, так и не удалось стать безоговорочным лидером кавказских мусульман, хотя он и сколотил целую армию. По свидетельству комиссара Чир-Юртовского участка Т. Кадиева, еще в августе 1917 г. сложились четыре оппозиционные Гоцинскому и Узуну-Хаджи группы духовенства, которые он условно именовал «буржуазно-националистическими» (из уроженцев Темир-Хан-Шуры и Казикумуха), и «кулацкой» (их было две: первая под началом Али-Гаджи Параульского и вторая – из жителей Аксяя). Была еще и группа Гасана Кахибского, впоследствии примкнувшая к Али-Гаджи Акушинскому⁷⁶. Противодействие Гоцинскому со стороны влиятельных духовных лиц раскололо ряды мусульман, воспрепятствовав широкому распространению радикальных идей имама как в Дагестане, так и в Чечне.

Собрав под свои знамена несколько тысяч добровольцев, Гоцинский в начале 1918 г. захватил Темир-Хан-Шуру. Склонный к внешним эффектам, он устроил из ввода своих отрядов в город демонстративную акцию, получившую название «чалмоносного шествия». Войска имама, разделенные на сотни, входили в город строго по четыре в ряд стройной шеренгой. Впереди каждой сотни шествовал барабанщик, мерно отбивавший такт, в унисон со строевым шагом. Большие лохматые шапки на головах воинов были перетянуты белыми повязками: «Имам “разъяснил” своему воинству, что в походе за правое дело ислама и тот, кто не совершал паломничество в Мекку на поклонение гробу пророка уже становится хаджем, что поход против “неверных” равносителен хаджу, а самое сражение – газават превращает борцов в праведников ислама. У воинов были шашки, кинжалы и пистолеты и у подавляющего большинства – винтовки. Аскерам не было конца и края. Вообще говоря, это была очень внушительная картина»⁷⁷.

После разрыва с Гоцинским М. Дахадаев вынашивал идею приглашения из Турции внука имама Шамиля, чтобы ослабить влияние

Гоцинского в Дагестане⁷⁸. Гибель Дахадаева осенью 1918 г. не дала этим планам осуществиться. Впрочем, о внуке Шамиля ходили разные слухи: многие считали разговоры о его грядущем приезде на Кавказ сказкой, а о нем самом отзывались весьма скептически: «Саид-бей просто турецкий авантюрист, гамшара или даже армянин»⁷⁹.

Впоследствии полковник М. Джафаров, анализируя причины неудачи Гоцинского, писал: «В этой обстановке затяжной тяжелой борьбы у нас прежде всего не было ясно осознанной и конкретной цели. Прогоним большевиков, и тогда что? Нажмудин и шариат – это никого не трогало и не удовлетворяло». В противостоянии с большевиками Гоцинскому, по мнению полковника, навредило в первую очередь то, что его ставленники утратили доверие населения, не сдержав ни одного своего обещания. Бесчинства отрядов, массовые аресты и расстрелы, поборы, конфискации – все это отвратило от них основную массу, накопившую, по словам полковника, «большое количество обид»⁸⁰.

После октябрьских событий 1917 г. деятели Союза объединенных горцев (наиболее влиятельными среди них были А.М. Чермоев, В. Джабагиев, П. Коцев, Г. Бамматов, З. Темирханов, А. Кантемиров, Р. Капланов, Б. Шаханов, М.-К. Дибиров, Н. Тарковский и др.) окончательно определились с планами и активизировали свои действия. Отказавшись признавать власть большевиков, горские лидеры воспользовались их же лозунгом о праве наций на самоопределение и стали искать контактов с внешним миром. Они объявили о формировании Правительства горских народов, которое брало на себя обязательства обеспечивать порядок на «подконтрольной» территории, имея в виду равнинные, предгорные и горные земли, населенные северокавказскими народами. Но обладало ли оно соответствующей финансовой, военной, экономической базой для выполнения своих обещаний?!

Ища поддержку, руководители Горского правительства пытались наладить дипломатические контакты с турками и странами Антанты. Они вели переговоры с меньшевистским правительством Грузии, с азербайджанскими мусаватистами, убеждая их в необходимости объединения Кавказа и Закавказья для совместной борьбы против большевиков. Весной 1918 г. посланники Союза А.М. Чермоев, Г. Бамматов и М.-К. Дибиров отправились в турецкий Трапезунд, чтобы информировать правительство Порты о своих намерениях. Эмигрантский

автор Б.М. Кузнецов утверждает, что Горское правительство «искало третью силу, чтобы не дать большевизму залить Кавказ»⁸¹. Советские историки называли Горское правительство «марионеткой германо-турецких оккупантов, американо-английских интервентов и внутренних белогвардейцев»⁸².

Вскоре стало известно, что правительство Союза объединенных горцев Кавказа обратилось к туркам с просьбой о военной помощи и передало «республику», т.е. весь Северный Кавказ и Дагестан, под протекторат султанской Турции. Согласно договору, заключенному 8 мая, «Высокая Порта приняла на себя некоторые обязательства в деле осуществления стремлений народов Северного Кавказа»⁸³.

11 мая 1918 г. на международной конференции в Батуме было объявлено о признании Горской Республики Оттоманской Турцией и Германией. Впрочем, германское правительство и парламент не подтвердили своего признания документально. На конференции была провозглашена «Декларация об объявлении независимости Республики Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана», в которой говорилось: «Союз Горцев Кавказа решается отделиться от России и образовать независимое государство»⁸⁴.

Оттоманское правительство, следуя договоренностям, направило летом 1918 г. на территорию Дагестана экспедиционный корпус во главе с генералом Юсуфом Иззет-пашой. Выразив протест против действий турок, народный комиссар иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин представил турецкому посланнику документы Терского Народного Совета. Он обращал внимание Порты на отсутствие доверия и поддержки Союзу горцев со стороны большинства населения Северного Кавказа. Спустя несколько месяцев турки, убедившиеся в непрочности позиций Союза (и ко всему прочему, оказавшиеся под давлением со стороны большевистского правительства и со стороны держав Антанты, предъявивших им ультиматум), были вынуждены покинуть Дагестан.

В ноябре делегация Союза горцев, возглавляемая А.М. Чермоевым и И. Гайдаровым, участвовала в переговорах в Баку с представителями союзных держав. Командующий британскими войсками генерал В.М. Томпсон рекомендовал горским лидерам прекратить распри и создать коалиционное правительство. Он также настаивал на том, чтобы они окончательно изгнали из Дагестана турок, покончили с турецкой

и германской пропагандой и помогли союзникам установить связи с генералом А. И. Деникиным. В телеграмме от 28 ноября 1918 г. Томпсон пообещал, что вопрос о независимости будет решаться на мирной конференции союзных государств.

Союзный Совет Горского правительства, прислушавшись к рекомендациям британцев, принял 15 декабря 1918 г. отставку А. М. Чермоева и сформировал 19 декабря в Темир-Хан-Шуре, в присутствии группы народных представителей, коалиционное правительство во главе с кабардинским коннозаводчиком П. Коцевым. Однако это мало что дало, точнее – не дало ничего: правительство Союза горцев по-прежнему оставалось властью без силы и, что самое для него неутешительное – без народа. Даже на дагестанских территориях, казалось бы подконтрольных ему, реальным влиянием обладали другие: большевики, бичераховцы, имам Гоцинский, князь Тарковский, объявивший себя диктатором Дагестана. Именно этот фактор, т. е. отсутствие прочной социальной базы и массовой поддержки, стал в конечном итоге причиной неудачи государственно-политического проекта Союза объединенных горцев⁸⁵.

Несмотря на шаткость собственных позиций и внутренние разногласия, лидеры Союза горцев продолжали вести переговоры и рассылать ноты. В мае 1919 г. в Константинополе собрались представители «вновь образовавшихся самостоятельных республик» – Украинской, Донской, Кубанской, Азербайджанской, – следовавшие на мирную конференцию в Париж. К ним присоединились и посланцы «Северо-Кавказской республики» Союза горцев.

Вместе с остальными представителями они обратились к находящимся в Константинополе представителям Антанты с меморандумом. Он гласил: «Народы, населяющие Украину, Дон, Кубань, Северный Кавказ и Азербайджан, входящие в состав бывшего государства Российского, после захвата Центральной власти в России большевиками 25 октября 1917 года, один за другим декларировали свою независимость и затем каждый из них образовали свое самостоятельное правительство, наделив его, согласно постановлениям своего парламента, всеми правами суверенной власти. Ближайшей и важнейшей задачей Правительства каждого из указанных народов было всемерное стремление оградить свой народ и территорию от небывалой в истории человечества анархии,

охватившей все части бывшего Российского государства и давшей наиболее пагубные последствия разрушительного характера в тех частях, которые подпали под власть большевиков»⁸⁶.

Пытаясь заручиться международной поддержкой, посланцы самопровозглашенных республик прибыли в октябре 1919 г. в Париж на мирную конференцию с участием премьер-министра Великобритании Д. Ллойд-Джорджа, председателя Совета министров Италии В. Э. Орландо, президента США Т. В. Вильсона и французского премьер-министра Ж. Б. Клемансо. Они обратились к делегатам конференции со следующим заявлением: «Мы, нижеподписавшиеся, представители независимых республик: Азербайджана, Грузии, Кубани, Латвии, Литвы, Горцев Северного Кавказа, Украины и Эстонии в дополнение к совместной нашей декларации от 7 июня 1919 г., а также в дополнение деклараций, представленных на имя конференции мира представителями каждой из поименованных республик, считаем необходимым в настоящее время выявить нижеследующее: Верховный совет союзных держав при открытии своей деятельности застал следующее: новые государства, естественно, возникнув из бывшей Российской империи, строились на началах демократических принципов, которые были приняты и провозглашены также державами Антанты». Декларацию подписали: от Азербайджана – А. М. Топчибашев, от Кубани – Л. Быч, от Республики Горцев Северного Кавказа – А. Чермоев, от Эстонии – С. Р. Пуста, от Латвии – И. Сескис, от Литвы – Ф. Нарушевич, от Грузии – Н. С. Чхеидзе, от Украины – граф М. Тышкевич⁸⁷.

Добиваясь от стран Антанты и остального международного сообщества поддержки, представители самопровозглашенных республик отреклись и от большевистской власти, и от бывшей империи: «Российские большевики стремились на территории всей бывшей России установить диктатуру пролетариата и коммунизм, а российские реакционные круги стремились на той же территории установить свою военную диктатуру и реставрировать прежнюю Россию с порабощением народностей»⁸⁸.

Неудача на международной арене по большому счету уже мало что значила для Союза объединенных горцев, потерпевшего гораздо более болезненное «внутреннее» поражение. В то время как лидеры Горской республики метались в поисках признания, на Северном Кавказе

разворачивались драматические события Гражданской войны, итоги которой не оставили им ни единого шанса...

4(17) марта 1918 г. на съезде в Пятигорске большевики провозгласили Советскую власть, объявили об образовании Терской республики, приняли конституцию и избрали Терский Народный Совет. Если до Октябрьского переворота они делали все, чтобы оказаться главными разрушителями империи, то после захвата власти мгновенно обратились в собирателей земель, ревностных защитников государственности. Активная внешнеполитическая деятельность Союза объединенных горцев вызвала у них серьезные опасения и побудила к ответным мерам.

24 апреля на экстренно созванном заседании Терского Народного Совета была принята резолюция от имени чеченской, кабардинской, осетинской, ингушской, балкарской, казачьей и иногородней фракций, отвергавшая правомочность действий самозванных делегатов Горского правительства в Константинополе: «Терский Народный Совет, в составе перечисленных фракций, заявляет, что народы Терского края составляют неотъемлемую часть Российской Федеративной Республики»⁸⁹.

Признав нелегитимными требования сепаратистов, большевики принялись укреплять собственные позиции. 22 мая открылся Терский областной народный съезд в Грозном. «Съезд всенародно заявляет о своем негодовании и презрении к врагам народа и предателям, дерзнувшим повести переговоры с германо-турецкими империалистами об отделении Северного Кавказа от Российской республики, – гласил текст принятой резолюции. – Терская республика в братском единении со всеми свободными народами и республиками Северного Кавказа, стоя на платформе признания рабоче-крестьянской власти, заявляет о своей нерасторжимости с Российской Федеративной Советской Республикой»⁹⁰.

Кабардинский большевик Б. Калмыков, выступая на VI съезде народов Нальчикского округа в декабре 1918 г., заявил, что кабардинцы не должны мечтать об обособлении, но оставаться в общей трудовой семье и с оружием в руках отстаивать власть трудящихся и обездоленных⁹¹.

С таким же посылом обратился к участникам съезда народов Дагестана в ноябре 1920 г. и нарком по делам национальностей И.В. Сталин: «Считаю необходимым заявить, что автономия Дагестана не означает

и не может означать отделения его от Советской России. Автономия не предоставляет независимости»⁹².

На учредительном съезде Советов Горской АССР в 1921 г. С.М. Киров особо подчеркнул важность борьбы с сепаратизмом. Даже перспектива предоставления местным народам автономии рассматривалась большевистскими лидерами исключительно сквозь призму сепаратистской угрозы.

В.И. Ленин, переняв имперскую традицию (опасения перед кавказским сепаратизмом), настраивал своих соратников действовать на Северном Кавказе осторожно, проявляя максимум доброжелательности к мусульманам, особенно в Дагестане. Красноречивым свидетельством тому служит выдержка из его телеграммы Г.К. Орджоникидзе от 2 апреля 1920 г.: «Всячески демонстрируйте, и притом самым торжественным образом, симпатии к мусульманам, их автономии, независимости и прочее»⁹³.

Однако заигрывания с кавказскими мусульманами прекратились, как только большевики взяли верх над своими противниками в жесточайшем военном противостоянии.

¹ *Кашкаев Б.О.* От Февраля к Октябрю. М., 1972. С. 228.

² *Дегоев В.В.* Кавказ и судьбы российской государственности (вольные мысли по случаю) // Россия. 1999. № 3. С. 13.

³ *Кашкаев Б.О.* Указ. соч. С. 31.

⁴ Цит. по: Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции (Материалы к сессии Научного совета). Вып. 1 (далее: Национальный вопрос – 1). М., 1964. С. 33.

⁵ Цит. по: *Зульпукарова Э.М.-Г.* Формирование и деятельность дагестанской интеллигенции: конец XIX – середина XX века. Махачкала, 2003. С. 317.

⁶ *Далгат А.* В огне революции. Воспоминания. Махачкала, 1960. С. 101.

⁷ *Ошаев Х.* Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, [б.г.]. С. 24.

⁸ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. М., 2017. Т. 1. С. 561.

⁹ *Далгат А.* Указ. соч. С. 103.

¹⁰ Там же. С. 119.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 112.

- ¹² Коренев Д.З. Революция на Терекке. 1917–1918 годы. Орджоникидзе, 1967. С. 169, 170, 172, 173.
- ¹³ Далгат А. Указ. соч. С. 103.
- ¹⁴ Коренев Д.З. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁵ Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1986. С. 29–30.
- ¹⁶ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 230.
- ¹⁷ Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. С. 29–30.
- ¹⁸ Дегоев В.В. Кавказ и судьбы российской государственности. С. 13.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 5.
- ²⁰ Там же. Л. 3.
- ²¹ Там же. Л. 4–5.
- ²² URL: <http://www.dosh-journal.ru/3%2817%292007/1187526205.htm> (дата обращения: 25.08.2017). Подробнее о становлении и деятельности Союза см.: Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. М., 2007.
- ²³ Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 269.
- ²⁴ Коренев Д.З. Указ. соч. С. 67.
- ²⁵ URL: www.dk1868.ru/history/DAGESTAN.html (дата обращения: 11.10.2017).
- ²⁶ Коренев Д.З. Указ. соч. С. 37.
- ²⁷ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 223.
- ²⁸ Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. С. 21.
- ²⁹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 251; Его же: Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. С. 227, 231, 267, 270, 306, 338, 384, 395, 437; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Раздел 6. Л. 67, 68.
- ³⁰ Гугов Р.Х., Кумыков Т.Х. Б.Э. Калмыков – выдающийся общественный и государственный деятель Кабардино-Балкарии [Текст]: сб. ст. и воспоминаний. Нальчик, 1960. С. 31.
- ³¹ Коренев Д.З. Указ. соч. С. 68.
- ³² Там же. С. 98.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 7–8.
- ³⁴ Кажаров А.Г. Национально-государственные процессы на Северном Кавказе в 1917–1919 гг. // Россия и Кавказ: материалы междунар. юбилейной науч. конф. 6–7 октября 2009 г. Владикавказ, 2009. С. 109.

- 35 Кашкаев Б. О. Указ. соч. С. 252–258.
- 36 О борьбе среди политических партий см.: *Сергеев В. Н.* Крах мелкобуржуазной демократии на Дону, Кубани и Тереке (1917–1920 гг.): дисс. ... докт. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1988; Гасанов Б. К. Политические движения и партии на Северном Кавказе в 1917–1920 гг.: идеология, практика, исторические судьбы и уроки: дисс. ... докт. ист. наук. М., 1997; Кулиев Ф. М.-О. Политическая борьба на Северном Кавказе в 1917 году: дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002.
- 37 *Джамбулатов Р. Т.* Революция и гражданская война на Тереке. Хасав-Юртовский округ и Кизлярский отдел. Махачкала, 2012. С. 44.
- 38 *Коренев Д. З.* Указ. соч. С. 69.
- 39 Далгат А. Указ. соч. С. 339.
- 40 *Янчевский Н. Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1927. Т. 1. С. 72.
- 41 *Малиев Н. Д.* Историография Великой Октябрьской Социалистической революции и гражданской войны на Тереке. Орджоникидзе, 1977. С. 23.
- 42 Подробнее см.: *Безугольный А. Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Незвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М., 2011.
- 43 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 129–130.
- 44 Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа. Дооктябрьский период. Махачкала, 1967. С. 55.
- 45 Полковник Магомед Джафаров. Махачкала, 2005. С. 13.
- 46 Кашкаев Б. О. Указ. соч. С. 266.
- 47 Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. С. 24.
- 48 Кашкаев Б. О. Указ. соч. С. 260–261.
- 49 Там же. С. 62.
- 50 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Раздел 6. Л. 100.
- 51 Там же. Л. 99.
- 52 Там же. Л. 19.
- 53 Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. С. 22.
- 54 Полковник Магомед Джафаров. С. 14.
- 55 Россия и Кавказ. История и современность. Владикавказ, 2005. С. 148.
- 56 *Дзидзоев В. Д.* От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.) (Начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX веке). Владикавказ, 2003. С. 50.
- 57 Там же. С. 62.

- 58 Далгат А. Указ. соч. С. 198.
- 59 Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. С. 30–31.
- 60 *Исхаков С.М.* Мусульмане России: особенности социального поведения в начале XX века // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 19.
- 61 *Цховребов З.П.* Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии (вторая половина XIX – начало XX века). М., 1977. С. 170–172.
- 62 *Исхаков С.М.* Мусульмане России: особенности социального поведения в начале XX века. С. 18.
- 63 Национальный вопрос. С. 87.
- 64 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Раздел 6. Л. 98.
- 65 Далгат А. Указ. соч. С. 123.
- 66 Там же. С. 333.
- 67 Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 109–110.
- 68 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Раздел 6. Л. 106.
- 69 Там же.
- 70 Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 38.
- 71 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Раздел 6. Л. 68.
- 72 Далгат А. Указ. соч. С. 113.
- 73 Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 264.
- 74 См. там же. С. 263.
- 75 Коренев Д.З. Указ. соч. С. 72.
- 76 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 111.
- 77 Далгат А. Указ. соч. С. 128–129.
- 78 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Раздел 6. Л. 100.
- 79 Там же. Л. 53. Гамшара (хамшара) – по некоторым сведениям, в переводе с азербайджанского – босяк. В Азербайджане так часто называли иранцев.
- 80 Там же.
- 81 URL: www.dk1868.ru/history/DAGESTAN.htm (дата обращения: 11.10.2017).
- 82 Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 345.
- 83 Коренев Д.З. Указ. соч. С. 227.
- 84 Дзидзоев В.Д. Указ. соч. С. 29.
- 85 Кажаров А.Г. Указ. соч. С. 113.
- 86 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1133. Л. 1.

⁸⁷ Там же. Л. 5.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Коренев Д.З. Указ. соч. С. 227.

⁹⁰ Там же. С. 237.

⁹¹ Калмыков Б.: сб. ст. и воспоминаний. С. 34.

⁹² Цит. по: Дзидзоев В.Д. Указ. соч. С. 85.

⁹³ Там же. С. 78.

Тюркско-мусульманский вариант федерализма эпохи Великой революции и Гражданской войны в России*

Для понимания специфики этнокультурной политики раннего советского периода важно учесть: миру Традиции противостояли и национализм, и интернационализм – две версии западной прогрессивной парадигмы модерна. Они активно обсуждались в кругах этнических элит как перспективные представления народов о себе и о других¹. Неотъемлемые черты модерна: национальные лозунги, темы нации, национальная идентичность – преобладающие темы обсуждений. В федеративных проектах осмыслился «внешний» план: комплексы представлений о той или иной форме федеративной связи с центром, с тем или иным соседом, их связь с собственной и соседней идентичностью. На обсуждения влияли «воображённая история», литературный язык, художественная литература, структуры общества, формы искусства, объединяющие и сплачивающие данное сообщество на действия институтов власти.

У каждой этнической группы элит имелись свои представления о федерализме и проекты встраивания этнокультурных интересов на его

Т.Ю. Красовицкая

основе в общий государственный механизм. До созыва Учредительного собрания имелся опыт формирования «протофедеральных» структур власти и управления. Целый ряд проектов акцентировали внимание на взаимоотношениях между центром и этническими территориями².

Выделялась склонность и к централизму: политическая и другая жизнь в отдельных частях государства должна регулироваться решениями общих органов. Но элиты требовали сохранить локальную культурную самобытность народов. Идеологическим обоснованием служил тезис (который был усилен революционными движениями 1917 г.): только народ образует единственно законный источник суверенной власти. Его решения являются приоритетными и обязательными. Этой позиции больше соответствовала такая форма федерации, как союз государств.

Для освоения «проблемного» поля от руководителя Наркомнаца требовалась огромная эрудиция, знание ментально-культурных, языковых и религиозных подоплек и исторических причин формирования или отказа от тех или иных управленческих конструкций. Мирового опыта использования федерализма не было. Через кабинет возглавляемого Сталиным наркомата проходили самые разнообразные сотрудники, прибывавшие со всех концов разрушаемого (в том числе и ими самими или соплеменниками) государства. Среди них были как образованные и умные, так и те, у которых на лбу написана святая наивность. Первые национальные комиссары представляли преимущественно западные этносы с наработанным фондом культурных ценностей и ресурсов, с развитыми системами духовного производства.

Этнические элиты, проживавшие внутри страны, были не менее активны, их федеральные проекты разогревали политическое поле и касались будущего государственного устройства России, ее этнокультурной политики. Тюркско-мусульманский вариант федерализма в своей ментальности большевики связывали с ориентализмом. Тот, в свою очередь, опирался на значительное количество нарративов о своем прошлом, большевикам не интересным. В основе термина «ориентализм» лежала дихотомия «Восток – Запад», почти изначальное разделение географического пространства в культурном и интеллектуальном измерении на Окцидент (Запад) и Ориент (Восток). Ориентализм был далек от политического и идеологического

дискурса интеллектуальной и культурной карты Запада. Тем не менее он как «знание второго порядка» утверждался в интеллектуальном пространстве культуры российских тюрков после 1917 г. Им приходилось ощущать на себе ориентализм как синоним слабости Востока, триумф западной модели знания, управления и развития. Неудивительно, что методологически и интеллектуально ориентализм был более зависим от Запада, чем от Востока, но мусульманским элитам удавалось успешнее мобилизовать своих адептов. Однако и этносов на востоке Российской империи было достаточно. Многочисленны и их элиты, и их проекты федерации.

Интеллектуальное деление на Запад и Восток играло важную роль в проектах, например, бурятской элиты в планах обновления буддизма на просветительских началах, адаптировать к новым историческим реалиям. Базовым маркером была территориальная принадлежность. Бурятские элиты использовали опыт цинского права³. Панмонголизм оформился в среде европейски образованных бурят Восточной Сибири, учившихся в русских и европейских университетах. В сознании формировалось осознание земель своей родиной, поддержка и перегруппировка этнокультурных ресурсов в проектах федерализма⁴. Казахская элита продвигалась по пути стандартизации письменного языка, издания национальной газеты, используя автономию для сплочения сообщества на базе продуктов и инструментов культуры. Структуры и термины автономии казахи перенимали у сибирских областников⁵. Российские тюрки отвергли османизм как политическую концепцию государственного устройства, хотя их подозревал в симпатиях к нему П. А. Столыпин (потом и Сталин).

И те и другие, конечно, не были модерными однородными культурными сообществами. Но в их федеративных конструкциях отражались полезные цели Окцидента: общее гражданство вне зависимости от религиозной и этнической принадлежности, равенство перед законом, увеличение роли светских организаций, начальное образование и др.

«Окраины России мигом покрылись “общенациональными” учреждениями... “Национальные советы” в Латвии, Эстонском крае, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, на Северном Кавказе, в Киргизии и Среднем Поволжье; “Рада” на Украине и Белоруссии; “Сфатул-Цэрий” в Бессарабии; “Курултай” в Крыму и Башкирии; “автономное

правительство” в Туркестане, – вот те “общенациональные” институты, вокруг которых собирала силы национальная буржуазия, – писал Сталин в первую годовщину Октябрьской революции. – Эти “национальные правительства” и слышать не хотели о социалистической революции»⁶.

Сталин изначально был нацелен проводить более централистскую политику, чем русификаторскую. Он воспринимал федерализм в схемах большевизма и ориентировался не на реальную демократизацию власти, а на «преодоление национального гнета», в эти рамки он вписывал развитие этнокультурных практик. Сталин, как будет показано ниже, не противостоял им.

С этой точки зрения Сталину важно бы знать федералистские проекты соперников или соратников. Какие планы вынашивают этнические элиты, какими властными полномочиями планируют наполнить структуры власти больших пространств? Важно не упускать из виду главную задачу наркома: увидеть слабые места в позициях и проектах. Поэтому фокус внимания у него концентрировался на России как на шахматной доске: Черные и белые клетки. Фигуры черного и белого цвета.

«Все русское мусульманство разделилось на два лагеря по вопросу о формах будущей государственности, – писал в 1917 г. А. Тамарин, князь Хан-Гирей, генерал из свиты Николая II. – Эти два течения: унитаризм и федерализм. Сторонники демократической республики на федеративных началах придерживаются программы, доложенной на последнем всероссийском съезде мусульман видным федералистом Расул-Заде. Федералисты исходят из следующих положений: «Будущая государственность наша должна покоиться на двух началах. Это – общечеловечность интересов, с одной стороны, и свобода индивидуального развития отдельных национальностей – с другой. Особенности каждой народности должны быть сохранены, обеспечены. Сохранение национальной физиономии необходимо в интересах всего человечества»⁷.

Летом 1918 года мусульманские социалисты подошли к идее создания исламской социалистической республики, создав государственный аппарат, партию и армию. Две родственные «иллюзии» – религия и социализм – внезапно обратились друг к другу, перепутав и смешивая карты большевикам, считавшим себя наследниками Просвещения. Восточные элиты, конечно, видели неудачный перенос на Восток

западных культурных практик, но хотели, используя их, провести модернизацию своих ресурсов⁸. Первым шагом в этом направлении они считали необходимым создать институты власти. Интеллектуальные возможности претендентов на них тех, кто не признал большевиков, в ноябре 1918 г. в Константинополе охарактеризовал лидер Мусавата А.М. Топчибашев представителям стран Антанты: «Сразу же после распада Закавказской Федеративной Республики Национальным Советом Азербайджана ... сформировано правительство (Кабинет), состоявшее из 12 министров. Получив блестящее образование в лучших европейских и русских университетских и высших технических учебных заведениях, о чем свидетельствует наличие в составе Кабинета четырех докторов права, четырех инженеров, трех докторов медицины и одного доктора филологии, они, будучи азербайджанскими тюрками, являются истинными подданными и патриотами своей страны»⁹.

Правительство Алаш-Орды состояло из 25 комиссаров (15 казахов). 8 членов из 15 имели высшее юридическое образование, 4 в 1906–1907 гг. избирались депутатами I и II Государственной Думы. 5 членов Алаш-Орды (А. Букейханов, М. Чокаев, М. Тынышпаев и др.) занимали должности комиссаров Временного правительства, двое (А. Букейханов, М. Тынышпаев) являлись членами Чрезвычайного комитета Временного правительства по управлению Туркестаном; А. Беремжанов, как и А. Турлубаев, имел солидный опыт работы в судебной системе. Среди комиссаров и кандидатов в комиссары Алаш-Орды были востоковед, инженер железнодорожного транспорта, военный врач, агроном, ученый-лесовод, математик и другие высококвалифицированные кадры. Все 15 членов Алаш-Орды были избраны в Учредительное собрание¹⁰.

Сложная комбинаторика этнического и конфессионального обуславливала гетерогенность тюркско-мусульманского пространства. Этноконфессиональные модели федерализма тех, кто их придерживался, мультиплицировались, генерируя модели, адекватные разным социокультурным условиям в обществе. Яркий тому пример – строительство таких структур на Северном Кавказе, как имамат Н. Гочинского, Северокавказский эмират Узун-Хаджи и др. Сходная ситуация характерна и для Средней Азии.

Ислам мог превратиться в интегратор культурной идентичности, если бы сумел адаптироваться к новым вызовам национального про-

свещения и пробуждения: реформировать социокультурное бытие тюркских народов России, обновить их образ мыслей, круг знаний, формы их распространения (школа, печать и пр.). В июле 1917 г. С. Максуди уже пытался вписать ислам в институциональный дизайн власти новой России. Была создана единая структура автономных органов мусульман Внутренней России и Сибири. Административный талант Максуди заключался в том, что он использовал их для решения управленческих задач. В тюркском мире проект выделялся своим соотношением религиозной и светской власти. Цель Милли Идарэ: поставить духовную власть под контроль светской: администрация опиралась бы на светские корпорации и коллегиальные формы. В этом проекте доминировала татарская элита¹¹. С. Максуди возглавил Милли Идарэ, заместителем стал И. Ахтямов.

Но более важным принципом самоидентификации тюркских народов, их знаменем, а не только формальным признаком языкового сходства, предстояло стать тюркизму. По мнению Хади Максуди, основным лозунгом тюркистов было: «В национально-культурной жизни тюрки Внутренней России и Сибири, не разделяясь на племена, должны идти естественным путем под знаменем тюркизма и объединять вокруг этого знамени культурные дела». Национально-культурная автономия должна осуществляться при любом государственном устройстве России¹².

Среди волжских и крымских татар нашла почву и доктрина пантюркизма. На нее оказали влияние либеральные тенденции интеллектуального дискурса и идей Гаспринского о цивилизационном единстве славян и тюрков в России, своего рода «евразийстве» еще до евразийства 1920 гг.

Влиятельные группы элит пытались использовать близость и родство всех интеллектуальных ресурсов и наработок, этнокультурную ситуацию в Поволжье в целом, чтобы добиться признания за тюркскими этносами права самостоятельной публично-правовой корпорации.

Решение о провозглашении особого Штата на Волге и Южном Урале (Идель-Урал) было предоставлено Учредительному собранию. Коллегия по осуществлению автономии Урало-Волжского штата (КУВШ) должна была обеспечить созыв съезда в Уфе, определить границы Штата, принять временную конституцию и создать структуры управления. Этот вопрос должны были урегулировать представители национальных организаций, входящих в Штат народов.

Национальное собрание (Миллет меджлис) работало в Уфе с 22 ноября 1917 г. по 11 февраля 1918 г., участвовало более 80 человек. Председателем был избран С. Максуди, его заместителями – И. Ахтямов, И. Алкин. 22 ноября 1917 г. Национальное собрание приняло «Основы национально-культурной автономии мусульман внутренней России» как конституцию. 16 января 1918 г. конституция была опубликована в официальном органе Национального управления в журнале «Мухтариат»¹³.

3 января 1918 г. на сессии Миллет Меджлис, выступая от имени КУВШ, Г. Шараф докладывал о трех проектах проработки территориального, демографического и этнокультурного аспектов. Миллет Меджлис остановился на втором проекте, известном как вторая карта Идель-Урала. Для этнокультурной политики важным было согласие решать самые сложные вопросы путем открытых дискуссий и убеждений. Вмешательство центра в вопросы образования, развития духовности и культуры Штата Идель-Урал считалось недопустимым. Но было и отличие: лидеры Милли Идарэ делали ставку на городской средний класс и на общеевропейскую модель развития. А.-З. Валидов и другие башкирские лидеры учитывали наличие полукочевого стиля жизни.

Правовой основой для воплощения проекта в жизнь стало принятие 5 января 1918 г. Всероссийским Учредительным собранием «Постановления о государственном устройстве России». В соответствии с ним на следующий день Миллет Меджлис заявил о рождении субъекта новой федерации – Штата Идель-Урал: «Идель-Урал Юлъясе, являясь по способу своего правления народной республикой, вместе с другими “улъя” (государствами. – Т.Ю.) образует Российскую Федеративную Республику»¹⁴. Документ носил предварительный характер и должен был претерпеть изменения в ходе переговоров с центральным правительством и федеральным парламентом.

Но А.-З. Валидов, лидер башкирского национального движения, не поддержал проект Штата Идель-Урал. 6 января 1918 г. на заседании Миллет Меджлис он заявил, что общешкирский съезд учредил Автономную Башкирскую республику. В ней есть место и татарам¹⁵. С согласия Башкирского курултая создается Временное правительство под председательством Ш. Манатова¹⁶. Против Штата Идель-Урал от имени Мусульманского комиссариата в Казани в конце февраля

1918 года выступил и М. Султангалиев¹⁷. Произошло размежевание татар и башкир относительно будущего субъекта публично-правовой корпорации тюркских этносов в Российской Федерации.

Г. Исхаки публично обвинил Валидова в расколе тюркского единства, расценив его цели как амбициозные: «Заки Валиди ... вместе с провокатором Шарифом Манатовым, обидевшись на то, что их не избрали в Центральный комитет I Всероссийского съезда, подбрасывают на политическую арену “башкирский вопрос”». Мотивы конфликтов и с другими деятелями, считал Исхаки, заключаются в стремлении занять руководящий пост. Г. Исхаки поддержал М. Чокаев. «Невежды, поднявшиеся выше уровня своей неграмотной стихии... почитают себя призванными учить весь мир», – отметил он¹⁸.

Если в кругу федералистских проектов тюрко-мусульманских элит выделялись башкирские элиты, то чувашские депутаты в Учредительном собрании эсеры Д. П. Петров-Юман и Г. Ф. Алуюнов (тюркоязычные христиане) констатировали: у чувашей нет своих ресурсов для национально-территориального штата. Но они и «не возлагали никаких надежд на Советскую власть в деле разрешения национального вопроса», – писал эсер А. Д. Краснов.

Проект вхождения в «штат, который предполагают в ближайшем будущем осуществить мусульмане в местностях с тюрко-татарским, финским и русским населением» чувашские лидеры сочли перспективным сложением политических ресурсов, поскольку «у мусульман для осуществления своих стремлений имеются и силы и инициатива». В проекте они видели свой этнос самостоятельным субъектом и штата, и России как федерации. Чувашаи заняли бы положение «третьей силы», что не только смягчало бы противоречия между тюрко-татарской мусульманской и русской православной элитами, но и уберегло от гражданской войны внутри штата¹⁹. Сотрудничество с родственными тюрками создавало бы особый базис для этнокультурной политики в федеративном государстве, открывая путь к общероссийским ресурсам, прежде всего культуры, их развитию и обогащению.

Всероссийский чувашский военный съезд 12 января 1918 г. в Казани принял этот вариант – о самоопределении чувашской нации в федеративной России²⁰. На II Всероссийском мусульманском военном съезде 8 января – 18 февраля 1918 г. готовилось провозглашение Штата Идель-

Урал. На съезд прибыли представители башкирского, чувашского, марийского, литовского, польского, белорусского, татарского народов, Украинской Центральной Рады и др.²¹

19 января 1918 г. решение о вхождении чувашского народа в создаваемый Штат было принято практически единогласно. Было принято решение провозгласить Штат до 25 января, избрана контактная комиссия со специальной мусульманской коллегией²². Но споры татарских и башкирских деятелей не утихали. Председатель башкирской фракции съезда Т. Имаков доказывал: «Нужно придерживаться такой идеи: первоначально утвердить Башкирский штат, а затем к Башкирии присоединить Казань»²³.

1 февраля 1918 г. в Казани должен был состояться областной съезд Советов: «И, безусловно, этот съезд будет против штата, – отмечал чувашский лидер И. В. Васильев, – ... вот почему – Советы состоят главным образом из русских, притом большевиков. А отношение ... большевистской власти к национальному движению известно. Поэтому осуществление штата после съезда может привести к гражданской войне». Так, по сути, и произошло.

Провозглашенный 16 февраля Идель-Уральский Штат (Забулачная республика)²⁴ был ликвидирован Советской властью 16 марта. Это означало, что реальный федерализм будет существенно отличаться от той «идиллии», которая была заявлена на III Всероссийском съезде Советов.

На другом конце России в далекую Якутию М. К. Амосову из Томского учительского института писал П. А. Ойунский 13 октября 1917 г.: «Нам необходима автономия территориально-национальная и культурная, полная, вплоть до федеративного устройства»²⁵. События октября 1917 г. активизировали этнокультурное движение, его идеологами выступили якутские интеллектуалы. К концу 1917 г. Якутский трудовой союз федералистов насчитывал 1198 членов в 20 комитетах²⁶. Его лидеры (Г. В. Ксенофонтов – историк, избранный в Учредительное собрание, В. В. Никифоров – писатель и журналист, кадет с 1917 г., С. А. Новгородов – лингвист и др.) уделили большое внимание в программе Союза вопросам этнокультурной политики и развития якутской культуры. «Каждая народность, населяющая Россию, – подчеркивалось в ней, – имеет право на полное культурное самоопределение, употребление родного языка в общественной жизни и публично-правовых

учреждениях, открытие национальных школ, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы, культуры и самобытности каждой народности»²⁷.

26–29 ноября 1917 года в Коканде на IV Чрезвычайном Всетуркестанском съезде Туркестан был объявлен автономией Федеративной демократической Российской республики. Основными вопросами съезда были: 1) вхождение Туркестана в «Юго-Восточный союз» и 2) об автономии Туркестана. С проектом «Юго-Восточного союза» выступил атаман А. Дутов, считавший Ленина «провокатором». Он предложил объединить области оренбургского, уральского, кубанского и семиреченского казачьих войск, казахские, киргизские, калмыцкие, башкирские земли к югу и востоку от Оренбурга, а также земли кавказских горцев и азербайджанских татар. Выступление А. Дутова вызвало бурные прения. Ораторы указывали на необходимость объявить Туркестан автономным, и автономия «не должна смущать европейцев, так как религия ислама не против демократического образа правления»²⁸. С. Герцфельд, будущий министр финансов правительства Кокандской автономии, касаясь политического устройства Туркестана, отмечал: «Утром выступал в защиту мусульман против некоторых зубров. Говорил о федеративной республике, национальном самоопределении и т. п. Имел грандиозный успех»²⁹.

Был создан Временный Совет. Председателем и министром внутренних дел был избран М. Тынышпаев, бывший депутат Государственной думы II созыва, из Мусульманской фракции и Сибирской группы³⁰, окончивший Институт инженеров путей сообщения в Петрограде. В 1919 году он перейдет на сторону Советской власти, займет ответственные должности в автономных наркоматах. В 1920-е гг. он будет собирать информацию о происхождении жузов, казахских родов, составлять таблицы к их генеалогии, выступать с лекциями в Туркестанском отделе Русского географического общества, опубликует ряд исследований, не теряющих значения.

Сменил Тынышпаева М. Чокаев, считая того «исключительно бездельным»³¹. М. Чокаев был тюркистом, учебу на правовом факультете Петербургского университета он сочетал с работой в Государственной Думе, защищая интересы туркестанских депутатов. Не одобряя племенное обособление казахов, киргизов и узбеков, Чокаев признавал:

каждый тюркский этнос может представить собственный этнокультурный проект федерации. Но «построить с ходу полнокровное государство нелегко. Для этого нет ни кадров, ни опыта... Как бы ни была ослаблена Россия, она гораздо сильнее нас. С Россией мы должны жить в мире и дружбе. Это диктует сама география»³². Этот подход разделял присяжный поверенный Ш.-И.С. Шагиахметов, избранный в Учредительное собрание. Близкий народным социалистам, он примыкал к «ленинскому течению», но был членом Всероссийского Милли-Шуро. Во Временном правительстве Кокандской автономии первого состава он занимал пост вице-премьера.

Как видим, федеративные проекты тюркистов оспаривали те, кто в их основу клал интересы отдельных этносов (А.-З. Валидов и др.). Но и те и другие выступали за федеративное устройство России.

С. Максуди оставался сторонником создания большой политической нации российских тюрков. Тюркизм не являлся «турецким импортом», как казалось многим, им еще П.А. Столыпин запугивал как перспективой «отуречивания». Правда, рамки идеологического тюркизма выходили за пределы российского социокультурного пространства. Российские сторонники тюркизма понимали необходимость усложнять (модернизировать) формы жизни, активизировать межкультурные взаимодействия. Максуди хотел объединить родственные ресурсы для использования вестернизаторских практик Модерна. Его ставки на религию – один из эффективных связующих факторов – в таком контексте вполне понятны.

Таким образом, в тюркско-мусульманской среде имелось немало число федералистских проектов. Они вполне могли быть обсуждены новой властью, учитывая последнее решение Учредительного собрания и декларации Советской власти. Однако Сталин принялся «перетаскивать» тех, кто подрывал тюркистские федералистские проекты и отстаивал интересы отдельных этносов, в Наркомнац.

С некоторыми членами Учредительного собрания – А. Цаликовым (на этом особенно настаивал Ленин), М. Вахитовым, Г. Ибрагимовым, Ш. Манатовым и даже С. Максуди, позже – Досмухаметовыми – Сталин вел переговоры. Информация об их содержании достаточно противоречивая. Ее и нет в достаточном количестве, особенно о переговорах с Максуди. Однако достоверно, что переговоры велись и до открытия, и после разгона Учредительного собрания.

Особый интерес Ленина к личности А. Цаликова вызывала его позиция на II Всероссийском мусульманском съезде в Казани летом 1917 г. Социалист и «унитарист» Цаликов поддерживал идею национально-культурной автономии, чем нравился Ленину. Критикуя «Робеспьеров Чебоксар и Тетюшей ... вред, который приносит общему делу бесчестолюбия этих лиц», Цаликов говорил: «Я ... выступал против федерализма ... Вопрос о федерализме, это вопрос, главным образом, населения окраин. Если после свободного взвешивания за и против этот вопрос будет решен окраинами в том или ином смысле, то это и будет голос политического самоопределения этого населения. Конечно, это “самоопределение” должно встретить, в конечном счете, поддержку каждого, кто признает право народа на самоопределение»³³.

Все вышеупомянутые мотивы (и отношение к европейским практикам, и влияние тюркистского компонента в осмыслении перспектив развития своих культур (а в нем и судьба родных языков, и неугасимый авторитет проектов самого И. Гаспринского), и остаточное воздействие пантюркизма и др.) в разном соотношении заполняли бурную атмосферу Петрограда. Не стоит сбрасывать со счетов и личные мотивы: опасения потерять бывший авторитет, связи и поддержку, а также неопределенность новых перспектив.

25 декабря газета «Йолдыз» в статье «Большевики и мусульмане» опубликовала сообщение о начавшихся в Петрограде переговорах И. Сталина с председателем Всероссийского Милли Шуро А. Цаликовым. Но И.К. Мухарямов считает: Цаликов приглашен в Смольный к Сталину уже 1 декабря 1917 г. (с ним Сталин был знаком по социал-демократической организации в Грузии). Встреча с И. Сталиным состоялась в здании Всероссийского Милли Шуро. Цаликов требовал реального учета этнокультурных, бытовых и религиозных особенностей, «с особой силой сказывающихся» в местностях с «преобладающим мусульманским населением». Следовало признать Россию Федеративной Республикой уже образованных, а также образующихся штатов, таких как «Поволжье», «Южный Урал», «Туркестанский» и др.; признать всю полноту власти за Учредительным собранием³⁴. Сталин же предложил Цаликову возглавить советский комиссариат, который избирался бы президиумом всех мусульманских народов. При этом заместителем комиссара был бы один из мусульманских социалистов³⁵.

А. Цаликов обсудил этот вопрос с Миллет Меджлисом и Всероссийским Милли Шуро. Принять предложение Сталина отсоветовал Цаликову и председатель Милли Меджлиса С. Максуди³⁶. Цаликов заявил, что отношение мусульман России к большевистскому правительству выражено в его «Открытом письме» в адрес СНК. Письмо опубликовано в ряде татарских газет: мусульманами «такое одностороннее правительство» не будет признано³⁷.

М. Вахитов, возглавивший Мусульманский комиссариат, вскоре погиб, не оставив воспоминаний. Многие участники позже остереглись откровенно писать их по понятным причинам. Лишь Ш. Манатов вспоминал, что по совету В.И. Ленина он с Вахитовым и Ибрагимовым вели переговоры с другими мусульманскими депутатами Учредительного собрания, которые, однако, отказались от сотрудничества с Советской властью. Тогда, рассказывает Манатов, «мы втроем решили образовать мусульманский комиссариат. Через 4–5 дней наш декрет... подписан Лениным»³⁸.

А.-З. Валидов приводил более «приземленные» мотивы, побудившие Манатова к сотрудничеству. Они касались «отношения ... с остальными лидерами башкирского движения». «Он тяжело переживал, что курултай не возложил на него никаких ответственных обязанностей, его открыто нелюбезно упрекали в связях с монархистами и реакционерами, подаренная ему шуба стала предметом насмешек. Он оказался в изоляции и когда высказал пожелание выехать в качестве члена Учредительного собрания в Петроград, Хурматулла ему сказал: “Ты поедешь не в Учредительное собрание, а к своему товарищу Ленину, чтобы помочь ему разрушить Учредительное собрание и всю демократию. Там похвалят тебя за то, что ты здесь вкупе с монархистами пытался разрушить наше начинание”. Центральное шуро и правительство предоставили ему возможность поступать по его усмотрению и по делам Башкортостана никаких обязанностей на него не возложили. Манатов вошел в комитет коммуниста Муллачура Вахитова, который действовал против нас»³⁹.

Член мусульманской социалистической фракции Учредительного собрания Г. Ибрагимов летом 1917 г. поддержал в программе эсеров пункт о федерации. Осенью 1917 г. он одобрил создание Штата Татарстан как территориальную автономию. Привлекательность идеи для Ибрагимова заключалась в том, что автономия имела бы государственные

институты управления, заменяющие органы национального самоуправления, возглавляемые татарской элитой. Правительство автономии, контролируя бюджет территории, назначало бы своих сторонников на ответственные посты. В 1917 г. эсеры, сторонники Ибрагимова, уже возглавили отделы мусульманского просвещения в уездных управах.

Г. Ибрагимов покинул Учредительное собрание вместе с большевиками после, как утверждает Л. Хакимова, встречи со Сталиным. Сталин предложил организовать советский мусульманский комиссариат⁴⁰. А. Хабутдинов, характеризуя Ибрагимова, пишет, что он «человек, фактически создавший концепцию татарской истории джадидской эпохи». Относительно перехода его в Наркомнац полагает, что «это история о договоре с властью, которая позднее откажется от своих обязательств и потребует крови от подписавшего договор. А все начиналось так оптимистично»⁴¹.

Г. Ибрагимов встретился с депутатом от Казанской губернии М. Вахитовым. Оба уговаривали А. Цаликова. К ним присоединился Манатов. Но Цаликов, выступая 5 января 1918 г. на заседании Учредительного собрания, негативно оценил первые политические действия СНК: «С особой ясностью несостоятельность новой власти сказалась в области социального творчества и переустройства России на началах подлинного признания за всеми населяющими её народами права на территориальное и национально-культурное самоопределение»⁴².

Покинув Петроград, Цаликов работал на Северном Кавказе в структурах местной власти вплоть до Союзного меджлиса горцев Кавказа, возглавляя его. Он считал, что мусульмане, «оставаясь на почве великой древней культуры», хотя и «приобщиться к современной культуре великих завоеваний человечества. Мы хотим идти собственным путем ... к великим человеческим целям», но «здесь сказывается ... странное пренебрежительное отношение к народам Востока», которых считают «людьми низшей расы»⁴³. М. Чокаев, избранный в Учредительное собрание от Ферганы, также возмущался: «Советская власть в Туркестане началась с огульного отрицания за местным коренным населением права на участие во власти: ... включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой власти является неприемлемым... Какая же это была власть в мусульманской стране без мусульман?»⁴⁴.

Как видим, практически все крупные и средние этносы тюркской языковой группы имели планы, проекты и соображения о федералистских перспективах в составе России. Но их разделяло важное отличие. Часть из них (преимущественно татары с наиболее развитой культурной инфраструктурой) строили проекты на тюркистской основе с привлечением ислама как культурного ресурса. Совокупность ресурсов существенно умножала силы сообщества.

Большинство тюркоязычных активистов строило планы на этнокультурной (индивидуальной) основе. Единства не было. Реальность заключалась и в том, что с переходом власти к большевикам заманчивыми казались будущие должности в структуре новой власти.

Какой же выбор сделает Сталин? В поле зрения попадают активисты протофедеральных структур периода февраля – октября. Сталин нацеливался поставить под контроль центральной власти уже созданные Милли Шуро (законодательную ветвь, ее возглавлял А. Цаликов) и Милли Меджлис (исполнительную ветвь, ее возглавлял с 5 января 1918 г. С. Максуди). Конечно, социалист и «унитарист» Цаликов, поддерживавший идею национально-культурной автономии, лучше подходил для сотрудничества на посту главы Мусульманского комиссариата. Так увеличивался бы его политический ресурс. Переговоры с С. Максуди (если только они состоялись!) завершились неудачей.

На сотрудничество с Советской властью пошли фигуры второго ряда. М. Вахитову, возглавившему Мусульманский социалистический комитет (МСК), пройти в Учредительное собрание помог А. Цаликов, отдав свое место в казанском списке. Он, уточняет А. Хабутдинов, прибыл в Петроград уже после разгона Учредительного собрания⁴⁵. В этот же день, 6 января 1918 г., он встречается с Г. Ибрагимовым, они обсуждают предложение Сталина организовать мусульманский комиссариат как структуру общероссийской Советской власти. В тот же день они уговаривают А. Цаликова возглавить комиссариат. 7 января 1918 г. происходит встреча Ленина и Сталина с ними и Манатовым как с депутатами Учредительного собрания⁴⁶.

М. Вахитов, защищавший с юношеским идеализмом и высокой патетикой идеи возрождения ислама на страницах «Мусульманской газеты», понравился Сталину. Учась в Петроградском психоневрологическом институте, Вахитов прогресс мусульманских народов

видел в достижении цели, «где среди вечной весны огнями ликования сияет святая Кааба тихого мира и неиссякаемой любви». Вахитов надеялся, что там «родятся новые Харун-аль-Рашиды, аль-Батани, Аверроэсы»⁴⁷. Тем не менее социализм он рассматривал как механизм «освобождения от империализма и европейской буржуазии». Взгляды его формировались под влиянием европейской позитивистской доктрины на развитие татарской нации. А. Беннигсен считал возглавляемый Вахитовым Мусульманский социалистический комитет «школой национализма»⁴⁸.

Накануне Октябрьской революции Вахитов заявлял: «Главная наша задача заключается в том, чтобы подтолкнуть многомиллионные массы мусульман произвести национальную революцию, чем вы (большевики. – *Т.К.*) не интересуетесь». Цель этнокультурной политики МСК заключалась в том, что «под жизненными лучами социализма расцветет великая культура ислама, и создателем этой культуры будет являться не буржуазия, а простой народ»⁴⁹. Но велико было недоверие М. Вахитова к творческой роли своей элиты. И с этой точки зрения он был близок большевикам.

Идеи федерализма Вахитова отличались от идеи тюркской федерации С. Максуди и Г. Исхаки. Он искал корни федерации не в тюркизме, а в древнем болгарском государстве, представлявшем, по его мнению, собой федерацию⁵⁰.

Другой участник встречи – уфимский эсер Г. Ибрагимов – этнокультурный аспект политической программы видел в сотрудничестве буржуазии и трудящихся в вопросах школы, образования, языка, театра и религиозного управления⁵¹. Силой жизненных обстоятельств, считал он, тюрки России разделены на пять наречий. Каждое из них имеет свою азбуку, литературу, синтаксис и морфологию. Хотя с Вахитовым они являлись противниками идеи тюркского единства и не имели реальных позиций на общетюркской арене, Ибрагимов включал в федеративный проект пять отдельных штатов: Казахстан, Кавказ, Туркестан, Татарстан и Крым. Уфу он также видел центром территориальной автономии, активно сотрудничая с лидером башкирских автономистов А.-З. Валидовым⁵².

Но Ленин не оставлял надежд привлечь более солидных политиков. Манатов вспоминал, что Ленин и 7 января вновь выяснял возможность

привлечь на сторону Советской власти А. Цаликова, после чего они несколько раз беседовали с ним. Но Цаликов «не осмелился участвовать вместе с нами»⁵³.

Точнее историю «уговоров» Цаликова не восстановить, но «федеративные» мотивы сторон понятны. Для Ленина важнее бóльший политический «вес» Цаликова, для Сталина – он опасный соперник с немалым аппаратным весом. Для них обоих он – противник федерализма, и это важно: он носитель идеи иной природы власти. В итоге им пришлось остановиться на Вахитове, Ибрагимове и Манатове. Те, по-разному поддерживая идеи федерализма, решили сотрудничать с Советской властью.

Декрет СНК об учреждении Комиссариата по делам мусульман Внутренней России был принят 17 января. Конечно, в названии его отразилась цель установить контроль советских структур над этнокультурным многообразием мусульман. В тексте декрета указывалось, что комиссариат учреждается при Наркомнаце; комиссаром был назначен «член бывшего Учредительного собрания от Казанской губ. Мулла Нур-Вахитов». Он – глава МСК, оппонент Милли Идарэ и С. Максуди, федералистского тюркистского проекта. Название комиссариата отражало борьбу с федералистами и их идеей культурно-лингвистического (тюркского) единства мусульман.

Задача Сталина заключалась в том, чтобы соединить кадровые ресурсы Мусульманского комиссариата Наркомнаца и МСК как социально и политически «близких» друг другу, что ему на этот период удалось. Неважно, что после Октябрьского переворота на совместном заседании национальных организаций Казани 8 ноября 1917 г. М. Вахитов поддержал передачу власти в России в руки Учредительного собрания, а у татар – в руки Миллет Меджлиса. Неважно, что Вахитов, по словам председателя Казанского ВРК К. Я. Грасиса, продолжал прокламировать «отблеск идей панисламизма»⁵⁴. Он занимал сильную позицию в левых «кругах», его политический почерк отличался решительностью, эмоциональностью, стремлением охватить влиянием комиссариата большинство сторон общественно-государственной жизни в центре и на местах.

Сталин пренебрег сведениями о Вахитове одного из «информаторов» Наркомнаца Эдгема Булбуловича, сообщенных «наверх». Казанский журнал «Эхо веков» недавно опубликовал его характеристику А. Вахитова:

«Вахитов является человеком с очень богатой фантазией, но очень плохим администратором и партийным вождем. Он оставил реальную почву и бросился в атмосферу фантастики. На словах он сильный, а на деле очень слабый революционер. Вахитов, как очаровательный оратор, своим красноречием вводит многих в заблуждение и заставляет пойти за ним. Он не соответствует своему назначению. Люди такого свойства не смеют занимать ответственного поста»; «Вахитов больной, нервный и самолюбивый человек и требует всеобщего подчинения ему и его капризам»⁵⁵. Как ни относиться к оценке Булбуловича, скорее, субъективной, подобные сведения раскрывают «кухню» «кадровых» ставок в Наркомнаце и практическое отношение Сталина к носителям федералистских идей и практик. Но в записке членов коллегии Наркомнаца в ЦК РКП (б) 16 мая 1918 г. о конфликте Сталина с членами комиссии по устройству Татаро-Башкирской Республики оценка Булбуловича подтверждалась: «т. Сталин выдвинул кандидатуру т. Вахитова, мусульманского комиссара, октябрьского большевика такого сорта, на который коллегия Народного комиссариата ни в коем случае согласиться не может»⁵⁶. В воспоминаниях Ш. Манатов отмечал, что и Ленин, говоря о создании «центрального мусульманского учреждения», подчеркивал: «Надо поспешать», «Нельзя затягивать это дело». Это важные свидетельства о негативном отношении к федерализму⁵⁷.

Очевидны карьерные мотивы тех, кто шел сотрудничать с Советской властью. «Руководители советского комиссариата, – подчеркивалось в докладе, – члены бывшего Учредительного Собрания от Уфимской губ. Галимзян Ибрагимов и от Оренбургской губ. Шариф Манагов»⁵⁸. В Мусульманском комиссариате Манатов возглавил отдел просвещения. Принадлежность назначаемых «бывшему» Учредительному собранию повышала статус советского органа власти и служила противовесом консолидации других членов Учредительного Собрания на антисоветской платформе. Когда Башкирское шуру в Оренбурге потребовало ареста Манатова за сотрудничество с Советской властью, Сталин в марте 1918 г. в телеграмме поднял его статус еще выше, подчеркивая, что он «уже стал членом Мусульманского комиссариата при Совнаркоме РСФСР»⁵⁹.

Те, кто поддерживал Милли Идарэ, объявили Мусульманский комиссариат незаконной организацией. Тех, кто поддержал большеви-

ков, называли «агентами русского правительства». 4 февраля 1918 г. восемь членов Башкирского правительства, в их числе А.-З. Валидов, С. Мрясов, А. Ягафаров и М. Г. Смаков были арестованы большевиками по «классовым» мотивам⁶⁰.

Сталин поручил Манатову разработать Положение о Татаро-Башкирской Советской Республике, реализуя советское представление о федерализме. Собственно, это та же концепция Штата Идель-Урал, но уже на базе социалистической идеологии. Самому проекту, по мнению Д. Ж. Валеева, «суждено было потерпеть фиаско, так как движение это возникло не в самих массах, а в головах идеологов, т. е. оно было движением не народным, а навязанным ему сверху». При этом «преследовалась цель дезавуировать движение башкир, татар и других народов региона за национальное самоопределение»⁶¹.

Теоретическое обоснование этнокультурной политики планируемой республики отсутствовало, однако пропагандистская работа была разнообразной. Переводились первые советские декреты, литература социалистической направленности, брошюры о Советской власти, об известных личностях и видных большевиках.

В первые месяцы Советской власти мусульманские организации, независимые от местных советов, контролировались Центральным мусульманским комиссариатом и имели в своей структуре культурно-просветительные отделы – они формировались в первую очередь. Некоторые из них создавались вопреки воле местных советов, воспринимаемых русскими структурами власти. Они сохраняли автономность мусульманской организации «в эпоху, когда многое делалось еще анархическим образом, представляли собой для мусульманских масс одновременно политический центр и организацию, занимавшуюся образованием...»⁶².

8 марта 1918 г. М. Вахитов провел в Москве конференцию мусульманских рабочих России, объединившую коммунистов и сочувствующих мусульман из Казани, Москвы, Петрограда, Архангельска, Мурманска, Самарканда и Коканда. Рассматривался вопрос о сотрудничестве с русскими структурами управления, т. е. советами. К концу 1918 г. Центрмуском уже имел 69 филиалов по всей России. Самым активным был Казанский комиссариат, возглавлял его М. Султангалиев. Комиссариат был образован 21 февраля 1918 г. еще МСК, наличие его

давало перевес мусульманским автономным организациям и уменьшало авторитет советов.

Мусульманские комиссариаты проводили активную политику в сфере культуры. С 23 по 31 мая 1918 г. М. Султангалиев и М. Вахитов провели в Казани съезд мусульманских учителей, избравший Центральную мусульманскую научную коллегию, которая должна была возглавить работу по народному просвещению в мусульманских регионах. Коллегия разработала проект организации мусульманского университета в Казани и приняла решение открыть в будущем Музей Востока и Центральную мусульманскую библиотеку. Учреждения предназначались для подготовки марксистов-мусульман. Центрумском вел активную пропаганду и через прессу: за десять месяцев (с января по ноябрь 1918 г.) было издано более четырех миллионов экземпляров газет на татарском, киргизском (казахском) и турецком языках, не считая 229 000 экземпляров различных брошюр, воззваний, манифестов. В Москве на татарском языке выходили: «Culpan» («Утренняя звезда»), «Kzyl Armija» («Красная Армия»), «Esce» («Трудящийся»). Региональные мусульманские комиссариаты имели свои самостоятельные печатные органы в Казани, в Уфе, в Астрахани и т. д. М. Султангалиев видел в мусульманских структурах своеобразные интеллектуальные центры Востока, откуда коммунизм шагнет во все отдаленные уголки Азии. Однако общая ситуация в России была слишком угрожающей, чтобы Сталин, представлявший центральную власть, мог поддерживать эту тенденцию.

С созданием Центрумскома Сталин получил возможность частичного контроля над религиозным компонентом татарского и башкирского движения. В апреле 1918 г. он вместе с М. Вахитовым подписал постановление о ликвидации Милли Шуро и в мае 1918 г. – Милли Идарэ.

Центрумском неоднократно менял названия, они отражали борьбу этнических активистов на советской платформе за федерализм. Но интересы Вахитова и Сталина довольно быстро разошлись. Стиль действий Сталина, расчленявшего исламское культурно-политическое пространство и его структуры по этническому признаку, напоминал политику имперской России. Центрумском был переименован в Татаро-башкирский комиссариат. В конце марта 1918 г. дискуссия о переименовании достигла такой остроты, что события приняли драматический

характер. Она грозила организационным расколом. Вахитов сообщил Сталину: «Ввиду разногласий в вопросе реорганизации комиссариата и ввиду не нахождения общей линии компромисса весь состав комиссариата выходит в отставку»⁶³. Документ подписали Г. Ибрагимов, Ш. Манатов, Ю. Ибрагимов, И. Асякаев и др.

Разногласия пытались снять «усилив» классовый и региональный компонент в названии комиссариата. Как указывает В.Г. Чеботарева, был внедрен региональный компонент. Отдел по делам мусульманского пролетариата Кавказа и Туркестана в апреле 1918 г. состоял из трех (на самом деле четырех) подразделов: по делам Северного Кавказа и Дагестана, Крыма, по делам Туркестана и по делам Закавказья. Далее выделялись самостоятельные национальные отделы. В их названиях отразились большевистские идеи. Но «классовая» нота в названии не прижилась – перевесила «этнокультурная», что более соответствовало федеративному дискурсу.

Но конфликт не был исчерпан. 10 октября 1918 г. в СНК РСФСР поступила «Апелляция Центрального мусульманского комиссариата в СНК на постановление Наркомнаца от 9 октября 1918 года по поводу непризнания временной инструкции об отделах Наркомнаца на местах и письмо от 31 октября 1918 года об ее отзыве». Коллегия Наркомнаца 19 октября приняла проект об организации местных отделов Наркомнаца, согласно которому их права сводились «почти к нулю». Проект оставлял местным мускомам право утверждать заведующих национальными секциями (п. 5) и надзор за правильностью их отчетности (п. 9). Право руководства «в финансовом и политическом отношении у них отпадает, так в этом отношении они, являясь лишь секцией общих отделов Наркомнаца, всецело подчиняются непосредственно Наркомнацу».

Ценмуском не согласился на такое ограничение прав своих местных органов, а стало быть, и его самого. На заседании 17 октября коллегия Ценмускома решила, в случае принятия коллегией Наркомнаца проекта, обжаловать его в СНК, а в случае утверждения его СНК, «оставить за собой право апелляции в Шестой Всероссийский Съезд Советов». Основными пунктами расхождения Центрмускома с коллегией Наркомнаца являются «следующие положения и принципы:

1. Конструкция Наркомнаца и национальных комиссариатов должна определяться теми принципами, которые положены в основу образо-

вания Российск. Социал. Федерат. Советской Республики, а именно: принцип свободного федерирования трудовых элементов отдельных наций и вытекающий отсюда принцип культурно-национальной автономии для пролетариата этих наций.

2. Конкретно этот принцип может выразиться лишь в создании отвечающих задачам развития всемирной революции постоянных и единых органов культурно-национальной автономии нации. Такими органами являются национальные комиссариаты с их провинциальными разветвлениями.

3. Взаимоотношения государства в целом и национальных комиссариатов в отдельности должны регулироваться созданием Народного Комиссариата по делам национальностей по компромиссному сочетанию принципа пропорционального представительства пролетариата отдельных национальностей и принцип[а] установления государственного контроля над централизованными при Наркомнаце национальными комиссариатами.

Конкретная форма выражения такого сочетания: Коллегия Наркомнаца конструируется из представителей трудовых элементов входящих в него наций, избираемых национальными секциями Всероссийского Съезда Советов. Комиссариат возглавляется Народным комиссаром по делам национальностей, избираемым Всероссийским съездом Советов. Все решения Наркомнаца принципиального значения санкционируются Совнаркомом.

4. Централизация местных органов культурно-национальной автономии трудовых элементов отдельных наций (губерн. и уездн. национальных комиссариатов) происходит через центральные национальные комиссариаты, централизованные в свою очередь при Наркомнаце. Этим совершенно устраняется необходимость искусственного создания на местах отделов Наркомнаца, непосредственно подчиняющих себе отделы центральных национальных комиссариатов. Централизованный государственный аппарат культурно-национальной автономии наций, населяющих Российскую Социал. Федер. Советскую Респ., выразится тогда в следующей конструкции:

а) Народный Комиссариат по делам национальностей (с большой и малой Коллегией).

б) При нем – центральные комиссариаты по делам отдельных национальностей (Мусульманский, Еврейский, Латышский и т. д.).

в) В провинции существуют отделы центральных комиссариатов по делам национальностей (отдел Центрального Комиссариата по мусульманским делам, отдел Центральн. Еврейск. Комис. и т.д.).

Что же касается представленного Наркомнацем на утверждение Совнаркому проекта, то он в корне противоречит выдвигаемым Центрумуском принципам, так как стремится как раз к обратному, а именно: децентрализации отделов центральных комиссариатов национальностей, т. е. к распылению частей единого целого и к сведению таким путем на нет аппаратов культурно-национальной автономии отдельных национальностей. Обойти же молчанием этот вопрос Центральн. Комиссариат по мусульм. делам не может».

Далее СНК напоминалось: созданные для мусульман Внутренней России и Сибири национальные парламенты (Миллет Меджлисы) вылились в 1917 г. в форму временных национальных правительств территорий. Большевики выдвинули лозунг установления диктатуры пролетариата, потребовали уничтожить эти организации, построенные по принципу коалиции, заменить их организациями, построенными по принципу диктатуры пролетариата. Ими и явились комиссариаты по мусульманским делам. Далее напоминалось: «В моменты, когда спровоцированные правыми эсерами и меньшевиками русские красноармейские части организовали в Казани восстание против Советской власти, красноармейцы Мусульманского комиссариата в один голос заявляли, что они с оружием в руках принудят их признать Советскую власть. То же самое можно сказать и относительно Уфимского комиссариата... когда русские селения проявляли враждебное отношение к советским войскам, мусульманское население выражало им свое сочувствие, всячески помогая им и облегчая их борьбу с чехословаками». Документ подписали председатель Центрумскома М. Султангалиев и члены коллегии Кильдибяков, Гайнуллин, Альмухаметов. 31 октября 1918 г. они же уведомили СНК, что «внесенная ... 24-го октября в Совет Народных Комиссаров апелляция ... берется им обратно, а потому и не будет защищаться»⁶⁴.

Этот фрагмент показательной пробы сил окончился поражением М. Султангалиева и объясняется тем, что он не понимал силы административного ресурса центральной власти. Деятельность Центрумскома осудил первый съезд мусульманских коммунистов, те, кого он планировал возвращать в вышеупомянутых институтах культуры и науки.

Они оценили результаты его деятельности неудовлетворительными. «В связи с тем, что деятельность Центрального мусульманского комиссариата не велась в соответствии с определенным планом, его отделения создавались спонтанно и не получали конкретных инструкций; местные мусульманские комиссариаты не были соответствующим образом в контакте с Центральным Комиссариатом и вследствие этого также не имели четких инструкций; было решено, что Центральный Комиссариат не смог должным образом выполнять возложенные на него задачи. В итоге съезд обратился к Центральному Бюро Мусульманских Организаций РКП (б) с просьбой о реорганизации Центрального мусульманского Комиссариата»⁶⁵.

Отделы по внешней работе и пропаганде были ликвидированы, отделы по делам кавказских народов и горцев отданы в прямое подчинение Наркомнаца, а по делам Туркестана – в подчинение правительства Туркестанской АССР.

В результате подобного «маневра» Центральный мусульманский комиссариат был переименован в Татаро-башкирский – орган с узкими полномочиями. Сталин изгнал исламские названия из своих структур управления. Они заменялись национальными. Политические и организационные функции переходили к Центральному бюро коммунистических организаций народов Востока. Его председатель Сталин продвигал подход «разделяй и властвуй!».

Но к этнокультурным названиям органов власти элиты склонялись и на местах. В ноябре 1917 г. ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана в своей Декларации об образовании Горской республики подчеркнул федералистскую основу объединения семи самостоятельных «штатов»: Дагестана, Чечено-Ингушетии, Осетии, Карачаево-Балкарии⁶⁶, Кабарды, Адыгеи, Абхазии⁶⁷. В программе Союза еще до октября 1917 года указывалось: «Первым условием для проведения демократических начал свобод горцы признают установление в России через Учредительное собрание Демократической Федеративной Республики ... Только федеративное государственное устройство, т.е. союз отдельных самоуправляемых автономных областей, с особыми законодательными палатами ... без всякого участия центральной власти, во главе с единой общероссийской палатой или конгрессом соединенных штатов Российской Республики, выбранным

палатой президентом и ответственным перед палатой министерством, явится наилучшей формой правления»⁶⁸.

Горское правительство отменило декреты Советской власти, опубликовало Декларацию о независимости Республики Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана: «Ввиду царящей в России анархии и, пользуясь признанным самим Петроградским правительством правом за всеми народами бывшей империи царей свободно создавать свою политическую будущность, Правительство Союза Горцев 11 мая 1918 г. опубликовало декларацию: 1. Союз Горцев Кавказа решает отделиться от России и образовать независимое государство...»⁶⁹

Идея «сеveroкавказской нации» — явление, исторически присущее народам Северного Кавказа, пользовалась большим влиянием. Имелись и противники этой идеи. Основное различие в позициях заключалось в отношении к существующему на Северном Кавказе этническому, религиозному и, главное, языковому разнообразию народов. Многие интеллектуалы считали это непреодолимым препятствием для формирования единой северокавказской нации. Для построения теории государственности использовались понятия «кавказской» и «северокавказской солидарности». По поздним оценкам эмигрантов-горцев, «пышно расцвел узкий национальный эгоизм. Умы кавказских государственных деятелей всецело были заняты устройством отдельных народов, каждый ограждал и устанавливал только свои границы, не обращая внимания на то, что делалось у соседей»⁷⁰. Важный мотив, имеющий значение и для этнокультурной политики: сложение имеющихся ресурсов. Как и в тюркском культурном сообществе, в северокавказском сообществе успех федерализма ставился в зависимость от их объединения для повышения конкурентоспособности. Б. Билатти позже писал: «Федерация не терпит принуждения... Федеративная связь может заключаться только между величинами материально и духовно равноценными. В противном случае она рискует превратиться в ширму, под прикрытием которой сильный будет стремиться поглотить слабого».

Позднее, в эмиграции, осмысляя политические практики первых лет после 1917 г., Бало Билатти подчеркивал: «Геополитическое положение Северного Кавказа и общие условия, в коих он пребывает ... ставят нас в такое исключительное положение, при котором не только не следует базировать идею национального возрождения на племенном

партикуляризме, но, смеем думать, и сама мысль ... является опасной для нашего общенационального дела». Поэтому у народов Кавказа нет другого пути, как внедрять идею «национального централизма»⁷¹. Любопытны немногим более поздние проекты противодействия большевистской политике: зимой 1935 г. при Восточном Институте в Варшаве специальная комиссия планировала разработать унифицированный алфавит и создать единый язык для всех северокавказских народов. В состав комиссии вошли: сенатор С. Седлецкий, профессора О. Гурка, С. Понятовский, А. Зайончковский, М. Домашевич. От кавказских эмигрантов в комиссию вошел Балло Билатти и др. О горском единстве писал и кабардинец Э. А. Бекович-Черкасский: «Мы объясняем наше единство тем, что в горском религиозно-общественном быту лежат основы старых исторических культур, влиявших веками на самобытность горской массы»⁷².

Сталина раздражали северокавказские федералистские проекты. Он возмущался: «Что это за загадочные “правительства”, откуда они пришли?»⁷³. Его возмущал и Закавказский комиссариат: «Долго ли еще просуществует этот контрреволюционный комиссариат, которому уже начертала история смертный приговор ... Несомненно ... в лице Закавказского комиссариата и его “сеймово-национальных” привесок мы имеем дело с самым злостным контрреволюционным блоком»⁷⁴.

На I Северокавказском краевом съезде Советов в Екатеринодаре 7 июля 1918 г. Г. К. Орджоникидзе выдвинул «советскую» альтернативу Горской республике: появившиеся Кубано-Черноморскую, Терскую и Ставропольскую республики объединить «в единую Северокавказскую Советскую республику – часть великой Российской Советской Социалистической Федеративной Республики». Делегаты съезда обещали: «Тогда Республика Северного Кавказа, сольется со своими соседями в единую Южнорусскую социалистическую Республику»⁷⁵.

В июле 1918 г. представители горцев Северного Кавказа, приехавшие на V Всероссийский съезд Советов, выступили против федералистов из Горского правительства. Так, делегат съезда У. Д. Алиев был назначен руководителем нового отдела горцев в Наркомнаце. Он отдавал приоритет работе с тюркскими этносами. В 1918 г. в Кисловодске и Пятигорске в Советах были созданы «горские отделы по делам карачаевцев под руководством группы революционно настроенной

молодежи Карачая, более или менее старавшейся проводить идеи советской власти в Карачае»⁷⁶.

Рассмотрим специфику федерализма в среде казахской и среднеазиатской элит. Обращаясь к крестьянам, рабочим и солдатам («Памятка крестьянам, рабочим и солдатам»), 1 декабря 1917 г. А. Букейханов обличал «черносотенную сущность» новой власти, сравнивал Ленина с Николаем II: «Большевистский председатель Ульянов-Ленин, как Николай, распоряжается самодержавно. Ульянов-Ленин, как Николай, считает народ за бессловесное животное»⁷⁷. В программе партии Алаш указывалось: «Форма государства Россия должна быть демократической, федеративной республикой»⁷⁸.

В ноябре 1917 г. Г.Н. Потанин, лидер сибирских областников, считал: «Казахское движение ничего не заключает в себе опасного для государства. Это здоровое национальное движение. Государству никакой опасности не предвидится в том, что казахи, в пределах своего народа, займутся развитием своих творческих сил»⁷⁹. После 1917 г. собственные структуры казахских автономистов обретали организационные контуры, претендуя на новый характер отношений с общероссийской властью⁸⁰. В декабре 1917 г. по инициативе А. Букейханова на II Всеказахском учредительном курултае была провозглашена Алашская автономия «в целях спасения области Алаш от общего развала анархии»⁸¹. В нее вошли области, «представляющие сплошную территорию с господствующим населением казак-киргизского единого происхождения, единой культуры, истории и единого языка». Г.Н. Потанин считал: «Оптимальной формой государственного устройства для них выступала не “родственная автономия, а автономия, привязанная к земле”, обеспечивающая мирное сожительство разных народов». Высшим органом власти стал Временный Народный Совет – Алаш-Орда, председателем был избран А. Букейханов. Конституцию автономии Алаш должно было утвердить Всероссийское Учредительное собрание.

На заседании общекиргизского съезда в Оренбурге 5–13 декабря 1917 г. член правительства автономного Туркестана М. Чокаев заявил о создании Туркестанской автономии. Федерализм лидеров Туркестана не обособлял его от Алашской автономии. Чокаев считал необходимым вхождение Туркестана в Алашскую автономию⁸². В дискуссиях по поводу

федерализма и автономизма А. Букейханов высказывался за межэтническую интеграцию: «Я смотрю на наши дебаты, как на дебаты вообще народов Сибири, и это дело не партийное...»⁸³. Однако он опасался консервативных религиозных традиций, переходящих в Средней Азии в религиозный фанатизм, различий в культурной жизни. Д. Аманжолова относит эти процессы к разным вариантам региональной консолидации элит. И Букейханов, и Чокаев отстаивали федерализацию России, но в каждом регионе принимались собственные организационно-управленческие решения, вокруг них разворачивались политические процессы.

А. Букейханов считал важным избегать прямого столкновения с Советской властью в условиях, когда «большевизмом, как эпидемией, был заражен весь организм русского государства», а его разрушительная сила достигла кульминации. По его мнению, прямое столкновение с Советской властью «вовлекло бы казахское население в кровавую бойню, ... и дало бы подонкам казахского общества возможность вторгнуть идею большевизма в степь, вызвать дифференциацию в обществе и, таким образом, разрушить основы и традиции веками сложившегося национального нашего быта»⁸⁴.

Как вспоминал член Учредительного собрания Ж. Досмухамедов, он с Х. Досмухамедовым приехал в Москву в конце февраля 1918 г. после сложных коллизий и согласований цели поездки с А. Букейхановым и Х. Габбасовым.

Ж. Досмухамедова принимал в Совнарком Сталин. 1 апреля по прямому проводу из СНК Ленин и Сталин обратились к руководству Алаш-Орды. Переговоры продолжались с 19 час. 45 мин. до 21 часа 30 мин. 2 апреля состоялась встреча с Лениным и Сталиным⁸⁵, после чего Букейханов решил «признать центральную власть Федеративной Советской Республики». В 1929 г., в тюрьме, Х. Габбасов так излагал содержание переговоров со Сталиным: «Я ... настаивал на необходимости скорейшего осуществления идеи самоопределения наций, согласно провозглашенной Соввластью декларации о самоопределении»⁸⁶.

Как и в случае с горскими этносами Северного Кавказа, аппаратным решением в Наркомнаце был создан киргизский отдел. В июне М.Х.-Г. Тунгачин, учитель из Социалистической партии Киргизии, прибывший на V Всероссийский съезд Советов, был назначен руководителем отдела⁸⁷.

Этнические лидеры, вошедшие в состав правительств типа Милли Идарэ, Алаш-Орды, Икомуса, Горского, Башкирского и пр., значительно отличались уровнем и наличием политического опыта. В. Зеньковский отнес их к «среднему типу ... учителя, журналиста, адвоката». Но разве можно сравнивать их по владению идеологическими технологиями, по опыту, выдержке и революционной настойчивости с деятелями русской революции (Лениным, Троцким и др.), которые прошли теоретическую школу Западной Европы. «Мечтатели и литераторы», – называл их В. Зеньковский⁸⁸. Но и те и другие, во-первых, стремились попасть в центральные структуры власти, стать ее партнерами, надеясь соотнести личный опыт, традиции своего этноса с реальными процессами и уровнем прогресса, происходившими в мире. Последнее отражалось в дискуссиях о выборе модели развития, контроле над издержками в формировании прямых и обратных связей этнического с унификационным. Многие перемещались в центр событий, используя пафос идеологических лозунгов для продвижения собственного политического, символического, информационного продукта. Они «облучали» друг друга с разных аспектов регионального или общероссийского масштаба.

Тюркский вариант федерализма, начав с религиозного компонента, даже поместив его в центр своей конструкции, под влиянием не только обстоятельств, но и интересов своих элит трансформировался в этнокультурный вариант автономизма. Для Сталина, руководителя центрального наркомата, одинаково неприемлемы были как практики С. Максуди (объединение на почве тюркизма и ислама), так и практики А.-З. Валидова (если федерация, то только честная!). 10 мая 1918 г. Сталин на конференции по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Республики критиковал деятельность татарских, башкирских, казахских национальных структур. По его мнению, они добивались одного: чтобы центральная власть не вмешивалась в их деятельность и не контролировала их. «Дайте нам, – интерпретировал он их требования, – автономию, мы тогда признаем центральную Советскую власть, но местных советов не можем признать, они не должны вмешиваться в наши дела, мы организуемся, как хотим, как знаем». Сталин отметил, что Советская власть не признает такие автономии⁸⁹. Работники Наркомнаца М. Вахитов, К. Якубов

и Г. Ибрагимов, авторы проекта Татаро-Башкирской Республики, поддерживали его. Но башкирский лидер Валидов, ранее не поддерживавший проект Максуди об общемусульманской федерации, теперь хотел честной федерации, но пришел к выводу: «Политика Советов лжива, коварна: может быть, в Центре и есть хорошие люди, однако, те русские, с которыми нам предстоит работать на местах, – люди вероломные, отъявленные шовинисты». Он отмечал: «Лично от Чичерина я узнал, что Советы ... были такими же ярыми националистами, как и царские чиновники»⁹⁰. Но русские интеллектуальные круги, исключая, кажется, К.Н. Леонтьева, не усмотрели важность туранского элемента⁹¹. Элиты превратили этот вариант модернизации этнокультурных институтов в отдельный проект тюркско-мусульманской государственности на основе федерализма. И. Яковенко считает: концепция «Идель-Урал» в процессе поиска исторической справедливости стала восточной альтернативой синтеза этнокультурного субстрата языков тюркской языковой семьи⁹². За этими настроениями стояло нечто большее, чем психология и социальные интересы.

Свою роль в формировании негативного отношения к деятелям, подобным Валидову, сыграл размер территории (на которой военные действия вел А. Колчак и др.), а также численность тюркоязычного населения воображаемой федерации (около 6 млн.). Но идея честной тюркской федерации в сознании тюркских элит не умерла.

¹ Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. М., 1998; Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.

² Элейзер Д.Дж. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5.

³ В период правления династии Цин (с 1644 по 1912 г.) применялись нормы обычного права, сформированного на принципах развития взаимоотношений первичных структур общества: деревенских общин, купеческих гильдий, семейных кланов.

⁴ Попов А., Решетов А. Основные проблемы этнографии халха // Советская этнография. 1991. № 5. С. 138.

⁵ Аманжолова Д. На изломе. Алматы, 2009. С. 302.

⁶ Сталин И.В. Октябрьский переворот и национальный вопрос / Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 155–167.

**Тюркско-мусульманский вариант федерализма
эпохи Великой революции и Гражданской войны в России**

- ⁷ *Тамарин А.* Мусульмане на Руси. М., 1917.
- ⁸ *Кирчанов М. В.* [Пост]колониальные ситуации: среднеазиатские национализмы в контексте политических модернизаций. Воронеж, 2010.
- ⁹ *Топчибаев А. М.* Меморандум, предъявленный находящимся в Константинополе почетным представителям держав Антанты, членом правительства Азербайджанской республики, Чрезвычайным министром-посланником при правительствах Блистательной Порты Армении и Грузии Алимардан-беком Топчибаевым (ноябрь 1918 г.). Баку, 1993. С. 30.
- ¹⁰ *Кенжетаяев Б. А.* Казахские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX – нач. XX вв. 1998.
- ¹¹ *Хабутдинов А.* Начальные этапы формирования татарского управленческого аппарата // Вестник Евразии. 1999. № 1/2. С. 66-67.
- ¹² Тормыш. 1917, 26 ноября.
- ¹³ *Исхаков С.* Российские мусульмане и революция 1917-18 гг. М., 2004. С. 505.
- ¹⁴ *Хабутдинов А.* Миллет Меджлисе – парламент российских мусульман // Медина аль-Ислам. № 45; Его же. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М., 2013.
- ¹⁵ *Фахрутдинов Р. Р.* Национальное собрание (Миллет мэджлисе) и концепции национально-государственного устройства татар (1917–1918 гг.) // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2006. № 5. С. 41-47.
- ¹⁶ *Юлдашбаев Б. Х.* Учредительный курултай как вершина башкирского национального движения в 1917 году // http://old.ica.ras.ru/books/13_BASH2/080420041101_3.htm
- ¹⁷ Известия Всероссийского Мусульманского Военного Шуро. 1918, 17 февраля.
- ¹⁸ Из истории российской эмиграции. М., 1999. С. 91.
- ¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 10. Л. 20–21.
- ²⁰ *Щербаков С.* «В пределах штата все народности должны быть равны» (Идеи культурно-национальной автономии на Первом Всероссийском чувашском военном съезде) // Эхо веков. 2008. № 1.
- ²¹ Первый год пролетарской диктатуры в Татарии. Сборник документов и материалов по истории парторганизации и Гражданской войны в 1918 году. Казань, 1933.
- ²² Щербаков С. Указ. соч.
- ²³ *Юлдашбаев Б. Х.* Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. Уфа, 1984. С. 52.
- ²⁴ См.: Русские ведомости. 1918, 9(22) февраля.
- ²⁵ См.: НА РС (Я). Ф. 182. Оп. 1. Д. 31а. Л. 23 об.
- ²⁶ Вольная Сибирь. 1918, 10 апреля.
- ²⁷ Программа Якутского трудового союза федералистов. Якутск, [б.г.]. С. 1–2; *Сушко А. В.*

К вопросу об идеологии якутского трудового союза федералистов в 1917 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2009. № 11 (79). С. 361–365.

28 Алексеев П. Кокандская автономия. Ташкент, 1931. С. 21–23.

29 Мясотин Е. Сила в нас самих. Чтение архива Соломона Герцфельда // Еврейская старина. 2015. № 1(84).

30 Иванов Б. Ю., Комзолова А. А., Ряховская И. С. Государственная дума Российской империи: 1906–1917. М., 2008. С. 632.

31 Исхаков С. М. Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии.

32 Иванов Г. Негостеприимный Узбекистан // <http://beta-press.ru/article/12>

33 Мусульманская фракция в Учредительном собрании. Речь Ахмеда Цаликова. Казань, 1917.

34 См.: Учредительное собрание. С. 57–59; Исхаков С. М. Цаликов А. // Политические деятели России. 1917 год: биографический словарь. М., 1993. С. 337; В. И. Ленин и Башкирия: документы, материалы, воспоминания. Уфа, 1984. С. 368.

35 Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI вв.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011.

36 Мухарямов М. К. Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. Казань, 1989. С. 8–9.

37 Хабутдинов А. Органы национальной автономии тюрко-татар мусульман внутренней России и Сибири в 1917–1918 гг. Вологда, 2001.

38 В. И. Ленин и Башкирия. С. 368.

39 Заки Валиди Тоган. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Книга I. Уфа, 1994. С. 220.

40 Хакимова Л. З. Формирование и эволюция общественно-политических и исторических взглядов Галимджана Ибрагимова: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.

41 Хабутдинов А. Лидеры нации. Рождение татаризма. Галимджан Ибрагимов (1887–1938). Казань, 2003.

42 Учредительное собрание. С. 57–59.

43 Цит. по: Исхаков С. М. Меньшевик А. Цаликов об отношении российских мусульман к Первой мировой войне. 1917 г. // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2014. № 2. С. 185–200.

44 Чокай-оглы М. Туркестан под властью Советов. К характеристике диктатуры пролетариата. Алматы, 1993. Он цитирует: «Началась новая эра Туркестана под властью самобытных ташкентских “большевиков” – отбросов колониального режима... Колонизаторский характер новой советской власти был закреплен резолюцией 3-го Туркестанского Съезда Советов» (Тажеев Р. Б. В долине роз и крови. М., –Л., 1927. С. 65).

45 Хабутдинов А. Органы национальной автономии тюрко-татар.

**Тюркско-мусульманский вариант федерализма
эпохи Великой революции и Гражданской войны в России**

- ⁴⁶ *Хабутдинов А.* Лидеры нации. Революция в мусульманском мире. Мулланур Вахитов (1885–1918). Казань.
- ⁴⁷ См.: *Вахитов М.* Избранное. Казань, 1967. С. 29-37.
- ⁴⁸ *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch.* Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie: Le «Sultangalievisme» au Tatarstan. P., 1960. P. 71.
- ⁴⁹ Кызыл байрак. 1917, 19 июля.
- ⁵⁰ Кызыл байрак. 1917, 18 июня; ЦГАИПД РТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 103. Л. 49-50; *Хабутдинов А.* Легенды татарской истории: Мулланур Вахитов // Идель. 1997. № 10. С. 36-40.
- ⁵¹ Ирек. 1917, 5 июля.
- ⁵² *Хабутдинов А.* Политические и правовые идеи левых мусульманских социалистов-татар в 1917-1918 гг. // Новые скифы. 2015, 3 марта.
- ⁵³ См.: Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики: сб. док. и матер. Уфа, 1959. С. 84.
- ⁵⁴ Цит. по: *Хабутдинов А.* Лидеры нации. Революция в мусульманском мире.
- ⁵⁵ *Султанбеков Б., Шарафутдинов Д.* Политическая «бомба» Эдгема Булбуловича // Эхо веков. 1997. № 3/4; ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 37. Л. 71–75. 23 декабря 1950 г. в особый сектор ЦК ВКП (б) поступило письмо из Казани. Татарские историки интересовались мнением И. Сталина о М. Вахитове. Зав. Особым сектором ЦК ВКП(б) А.Н. Поскребышев направил письмо начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М.А. Сулову. Через Казанский обком ВКП (б) сообщалось: при освещении революционной деятельности Мулла-Нура Вахитова не следует преувеличивать его роль, выставляя его как одного из главных руководителей трудящихся масс Татарии в предоктябрьский период, когда он еще не был большевиком. («Нам хотелось бы, дорогой Иосиф Виссарионович, узнать ваше мнение о Мулла-Нуре Вахитове» // Эхо веков. 1996. № 1/2; РГАСПИ. Ф.17. Оп. 133. Д. 4. Л. 12).
- ⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 883. Л. 2–3.
- ⁵⁷ *Ергин Ю.В.* «От имени башкир – Шафир Манатов» // Педагогический журнал. 2008. № 1 (14). С. 131.
- ⁵⁸ В тексте ошибочно Манатов назван Манаговым.
- ⁵⁹ См.: *Ергин Ю.В.* Аллабирде Ягафаров – первый нарком просвещения малой Башкирии // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 6.
- ⁶⁰ В начале апреля 1918 г. З. Валидов узнал, что его разыскивают в Петрограде для обсуждения проекта Ш. Манатова о создании Татаро-Башкирской республики.
- ⁶¹ *Валеев Д.Ж.* Очерки истории общественной мысли Башкортостана. С. 53.
- ⁶² <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1131095220>
- ⁶³ *Кавиев А.Ф., Сабиров И.Т.* Мулланур Вахитов и деятельность комиссариата по делам мусульман Внутренней России // В мире научных открытий. 2014. № 1. С. 10–16.
- ⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 17. Д.19. Л. 49–51 об., 54.

- 65 Жизнь национальностей. 1917, 17 ноября. № 2.
- 66 «После Февральской революции 1917 г. процесс политического самоопределения привел к образованию Карачаево-Балкарского штата в составе Горской республики» (См.: Карачаевцы. Балкарцы. Серия энциклопедий «Народы и культуры». М., 2014. С. 7).
- 67 *Шаститко П.* Обреченные догмы: большевизм и национальный вопрос. М., 2002. С. 44.
- 68 *Боров А.Х., Думанов У.М., Кожаров В.Х.* Становление государственности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1999. С. 54.
- 69 *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 61–62.
- 70 *Авалов З.* Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Париж, 1924. С. XI–XII; *Бабич И.Л.* Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917–1930-е годы): миф или реальность. СПб., 2012; Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.): док. и матер. Махачкала, 1994. С. 4–5, 134.
- 71 *Билатти Б.* Национальный централизм – залог успеха // Северный Кавказ 1937. № 35. С. 12; *Куихабиев А.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик, 2007.
- 72 *Бекович-Черкасский Э.* «Возрождение» о сепаратизме горцев Кавказа // ГК. 1929. № 8–9. С. 27.
- 73 *Сталин И.* О Донщине и Северном Кавказе (Факты и махинации) // Правда. № 108. 1918, 1 июня.
- 74 *Сталин И.* Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма. Соч. Т. 4. С. 65.
- 75 *Миц И., Городецкий Е.* Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. Первый этап гражданской войны. М., 1941.
- 76 *Алиев У. Карачай.* С. 168, 169; *Чеботарева В. Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. М., 2003.
- 77 *Булдаков В. П.* Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1.
- 78 История Казахстана: хрестоматия. Алматы., 2011. С. 50.
- 79 Цит. по: *Amanzholova D. A.* From the History of Interaction of Provisional Siberian Government and Alash-Orda // Russkaya Starina. 2015. Vol. (13). P. 8.
- 80 Алаш-Орда: сб. док. Кызыл-Орда, 1929. С. 34–35, 38, 39–40.
- 81 <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.enu.kz>
- 82 *Аманжолова Д.* Партия Алаш ...
- 83 *Amanzholova Dina A.* Op. cit. P. 7.

**Тюркско-мусульманский вариант федерализма
эпохи Великой революции и Гражданской войны в России**

⁸⁴ Цит. по: *Султан Хан Аккулдулы*. Жизнь и смерть лидера Алаш Орды // http://www.nklibrary.kz/elib/collect/statyii/life_death.htm

⁸⁵ Абай. Семипалатинск, 1918, 20 марта; Владимир Ильич Ленин: биографическая хроника (октябрь 1917 г. – июль 1918 г.). М. Т. 5.

⁸⁶ *Койгелдиев М.* Алаш-Орда как альтернатива Советской власти. Часть 2-я. <http://www.matritca.kz/news/51241-alah-or-da-kak-alternativa-sovetskoy-vlasti-chašt-2-ya.html>

⁸⁷ *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты... ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 91. Л. 97. 18 декабря 1919 г. его, уже как члена Киргизского ревкома, арестовали. Политбюро ЦК РКП (б) 30 октября 1919 г. решило «отозвать из состава Кирревкома Тунгачина, предложив Кирревкому выдвинуть вместо него кандидата-киргиза партийным путем, принять меры к тому, чтобы этот кандидат был коммунист и, во всяком случае, советский человек».

⁸⁸ *Протопресвитер Василий Зеньковский*. Пять месяцев у власти (15 мая –19 октября 1918 г.). Воспоминания. М., 1995.

⁸⁹ Известия ВЦИК. 1918, 21 мая.

⁹⁰ Цит. по: *Ергин Ю.В.* Аллабирде Ягафаров – первый нарком просвещения малой Башкирии; *Исхаков С.А.* – 3. Валидов: пребывание у власти // Отечественная история. 1997. № 6.

⁹¹ См.: *Леонтьев К.* Восток, Россия и славянство. СПб., 1885–1886. Т. 1. С. 285.

⁹² *Яковенко И.* Я – русский. Кто я и зачем я? // Нева. 2004. № 6.

Казачи Дальнего Востока в период революционных и военных потрясений 1917–1922 гг. на западе и востоке России*

События эпохи Гражданской войны и военной интервенции на Дальнем Востоке тесно связаны с ролью казачества и взаимоотношениями казачьей верхушки с японскими, американскими, английскими, китайскими и другими руководителями войск, повлиявшими на ход и результаты военных действий в регионе в 1918–1922 гг.

В начале XX в. казачество представляло собой достаточно мощную силу, в том числе в военном отношении. В 1917 г. в России насчитывалось в общей сложности 11 казачьих войск, отдельный Якутский казачий полк, казачье население в Иркутской и Енисейской губерниях, а также на Камчатке. Большинство из одиннадцати войск и отдельные части дислоцировались на востоке страны. Последнее не было случайным явлением, так как именно на востоке необходимы были вооружённые силы для охраны рубежей страны. Помимо функций пограничной охраны перед казачеством ставилась задача хозяйственного

* О. И. Сергеев

обустройства территории, включая самообеспечение. Накануне революций 1917 г. на Дальнем Востоке, в частности, располагалось Забайкальское войско численностью около 265 тыс. человек, Амурское – более 49 тыс. и Уссурийское – примерно 34 тыс. человек¹. При этом по количеству населения в целом казачьи войска, расположенные в европейской части страны, в разы превосходили казачье население азиатской части.

Главной обязанностью казаков являлась военная служба, которую они должны были нести с 18 лет. В 1909 г. срок службы был сокращен на два года за счёт пребывания в приговорительном разряде. Военная служба для казаков востока страны была не единственной, выполнялись также многочисленные натуральные повинности (например, ремонт и содержание дорог, караульная служба, гоньба, сопровождение арестованных и т. д.).

За свою нелёгкую военную службу казаки имели некоторые льготы и привилегии, главная из которых – наделение казачьих войск и отдельных казаков большими участками земли. Характер землевладения в казачьих войсках закреплял представление об общности интересов всех членов сословия. В то же время к началу XX в. серьезных размеров достигло имущественное расслоение в казачьей среде. Примерно 35% хозяйств составляли бедняцкие, около 40% – средняцкие и 25% – кулацкие².

Существует мнение, что единство казачества определялось одной религией – православием. Действительно, последнее являлось религией большинства казаков. Но в казачьей среде было значительное количество представителей иных конфессий: мусульман, ламаитов, казаков иудейского вероисповедания. Уровень образования казаков был выше, чем в среднем по стране. Накануне Первой мировой войны и революций 1917 г. казачество России, включая её восточные районы, являлось весьма крупной силой в экономическом, социальном и военном отношениях.

Процент призванных на военную службу казаков был необычайно высок. Ни в одной из воюющих держав ни один слой населения не был в такой степени затронут мобилизацией, как российское казачество. Процент же мобилизации казаков по войскам востока страны выглядит ещё более впечатляющим: если в среднем по казачьим войскам России

удельный вес мобилизованных составлял 7,2%, то в восточных районах – 8,5%. Забайкальское казачье войско выставило 12 конных полков, 1 гвардейскую конную полусотню, 5 батарей, 1 запасной дивизион; Амурское войско – 2 конных полка, 6 отдельных сотен и 1 батарею; Уссурийское войско – 1 конный полк, 1 конный дивизион, 6 отдельных сотен. Казаки восточных районов России воевали практически на всех фронтах Первой мировой войны³.

К февральско-мартовским событиям 1917 г. и падению монархии казаки отнеслись довольно сдержанно. Как на фронте, так и в тылу в казачьих частях и поселениях не было ни одного заслуживающего внимания противодействия переменам. Приказ № 1 Петроградского совета, вводивший новые порядки в армии, рядовыми казаками был встречен с явным одобрением.

Первоочередной проблемой весны 1917 г. была организация власти как в центре, так и на местах. Например, система назначения правительством атаманов и большей части казачьих старшин, действовавшая довольно эффективно до революции, оказалась совершенно неприемлемой в переломное время. Революция в значительной степени политизировала население. Имевшиеся ранее, часто скрытые, противоречия в казачьей среде в условиях революции начали катастрофически быстро расти. Усилилась социально-политическая дифференциация, в рядах казаков назревал раскол. Особенно ощутимым он был в процессе организации власти на местах. В первые же послереволюционные дни во многих казачьих районах возникло даже не двоевластие, как по всей стране, а самое настоящее троевластие: комиссары Временного правительства, Советы и собственно казачьи органы управления – атаманы с войсковыми правительствами.

Среди дальневосточных казаков Февральская революция 1917 г. нашла известную поддержку. Так, избранный 3 марта Уссурийскими казаками исполнительный комитет во главе с есаулом А. Шестаковым объявил о проведении Войскового схода, который проходил в г. Никольске-Уссурийском 11–13 марта 1917 г. Сход сместил Наказного атамана и членов Войскового правления со своих постов. Делегаты пришли к выводу, что казачество как особое сословие должно быть ликвидировано, а казачье население слиться с остальным населением России. Окончательное решение этого вопроса постановили перенести

до созыва Учредительного собрания. Сход избрал Временный исполнительный комитет (ВИК), председателем которого стал есаул Н.Л. Попов. Станичные и поселковые правления были упразднены, управление на местах передавалось в станичные и поселковые комитеты. 14 марта 1917 г. члены ВИК приняли управление Войском на себя. Однако ввиду требования Временного правительства сохранить институты Наказного атамана и Войскового правления 18 марта 1917 г. ВИК был вынужден возложить обязанности Наказного атамана на своего председателя – есаула Н.Л. Попова, а 20 марта назначить его председателем Войскового правления. Проходивший 5–9 апреля 1917 г. в г. Никольске-Уссурийском 2-й Войсковой круг избрал Войскового атамана (он же председатель Войскового правления), которым вновь стал Н.Л. Попов, а также Войсковой совет. Круг принял проект самоуправления Уссурийского казачьего Войска⁴.

Формирование новых органов власти сразу же после получения сообщений о событиях в Петрограде началось и в Забайкальской области. 7 марта 1917 г.и.о. Наказного атамана Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) И.А. Толстихин издал приказ, извещавший казаков об отречении императора, о формировании Временного правительства и программе его действий. Наказной атаман приказывал всем станичным, поселковым и урочищным обществам служить верой и правдой и всеми силами новому правительству, а в лице его – всему Отечеству. Основная масса забайкальских казаков одобрила смену государственного строя. Так, казаки 2-й запасной конной сотни и артиллерийского взвода, расквартированные в Нерчинске, 10 марта на собрании приняли «Обращение ко всем казакам», призывая их «...служить образовавшемуся правительству верой и правдой, ибо оно на первых же порах позаботилось о нас, дав нам свободу гражданина»⁵.

21 марта 1917 г. состоялось первое собрание лиц войскового сословия, проживающих в Чите. Собрание создало Союз лиц войскового сословия ЗКВ, который приветствовал новый строй и призвал казаков к поддержке революции. Под влиянием эсеров и социал-демократов, выступавших за ликвидацию сословий, Союз решил рассмотреть вопрос об уничтожении постоянных армий и замены их вооружением народа. А на собрании 31 марта впервые прозвучало требование о необходимости ликвидации казачьего сословия как пережитка старины.

Противоположную точку зрения высказал состоявшийся 23-29 марта в Петрограде Общеказачий съезд, в котором принимали участие казаки-фронтовики ЗКВ, представлявшие 1-ю Забайкальскую казачью дивизию, 1-й Верхнеудинский полк, 1-й Читинский полк, 1-й Аргунский, 2-й Верхнеудинский, 1-й Нерчинский и др. Съезд постановил, что «...все земли казачьих войск, леса, недра, рыболовные воды и прочие угодья, как историческое достояние казачества, составляют неотъемлемую и неприкосновенную собственность каждого казачьего войска». Съезд образовал Всероссийский Союз казачьих войск и избрал его правление. Кроме фронтовиков, решение Съезда на местах поддерживали казаки расквартированных в Верхнеудинске и Нерчинске 1-й и 3-й запасных конных казачьих сотен⁶.

16 апреля 1917 г. в Чите открылся 1-й Областной съезд ЗКВ. С докладом «Быть или не быть казачеству?» выступил Большаков, предложивший ликвидировать казачье сословие. Большинство делегатов его поддерживали, против – за сохранение казачьего сословия – выступил только делегат Кударинской станицы. Подавляющее большинство делегатов проголосовали за резолюцию, которая предлагала: «...казачье сословие как пережиток старины и следствие существования постоянных армий должно быть уничтожено и сравнено со всеми свободными гражданами России». С принятием такой резолюции ЗКВ стало первым и единственным из всех казачьих войск, добровольно отрёкшимся от казачества⁷.

Весной 1917 г. сильные настроения, направленные на упразднение казачества, существовали и среди амурцев и уссурийцев. Но к лету того же года под влиянием появившихся в апреле «Воззвания к казачьим Войскам», «Программы казачьей партии», усиленной агитации сторонников сохранения казачества, целенаправленной политики Временного правительства эти настроения стали меняться. 3-й Войсковой круг подвёл итог дискуссии о судьбе уссурийского казачества, постановив сохранить его как сословие. В решении отмечалось: «Ввиду того, что демократические начала, провозглашенные великой русской революцией в смысле уничтожения сословий, не противоречат стремлению казачества о предоставлении ему права на оставление за ним самостоятельности в границах исторически сложившегося быта... круг единогласно постановил: уссурийское казачество, являющееся частью

трудового народа и имеющее свои культурно-бытовые особенности, остается как таковое»⁸.

В стране в целом наряду с усилением леворадикальных сил, прежде всего большевиков, вызревало требование правых о военной диктатуре, с помощью которой они рассчитывали железной рукой навести порядок в стране. Правые силы группировались вокруг Верховного главнокомандующего русской армии генерала Л.Г. Корнилова, казака по происхождению. Для осуществления планов установления военной диктатуры Л.Г. Корнилов предлагал двинуть на Петроград 3-й конный корпус генерала Крымова и ряд других соединений, распустить Советы, реорганизовать Временное правительство, навести порядок в стране. В составе 3-го корпуса действовала Уссурийская конная дивизия, включавшая амурских, забайкальских и уссурийских казаков.

Планам, намеченным Л.Г. Корниловым, не суждено было осуществиться. Против переворота выступили левые силы во главе с большевиками, направившие в корниловские войска своих агитаторов. И казаки, на которых возлагались особые надежды, вышли из повиновения. Они были готовы отдать жизнь за Отечество, но на фронте. Подавлять и расстреливать русских людей они не захотели. В полках Уссурийской дивизии недовольство казаков обернулось против собственных офицеров. В частности, в 1-м Нерчинском, 1-м Уссурийском и 1-м Амурском казачьих полках большая часть офицеров была арестована казаками.

Октябрьская революция повернула историю казачества, в том числе дальневосточного, на новые пути. Прибывшие в начале января 1918 г. с фронта казачьи полк и дивизион в массе своей были настроены про-большевистски. Однако проходивший 20–31 января 1918 г. 4-й Войсковой круг отметил тяжёлое экономическое положение Войска и его раскол. Круг не признал Советскую власть, осудил разгон Учредительного собрания и объявил об автономии Уссурийского казачьего войска. Войсковым атаманом был избран подъесаул И.П. Калмыков. Не все станицы и посёлки поддержали решения Круга. Многие высказывались в поддержку Советской власти. Эти разногласия проявились и на 5-м Войсковом круге, проходившем 3–5 марта 1918 г. в г. Иман, где вновь не признали Советскую власть, но фронтовики отказались считать Калмыкова своим атаманом. 6 марта Калмыков совместно с англичанами и японцами разработал план свержения Советской

власти в Приморье, но уже 12 марта, опасаясь ареста, бежал на ст. Пограничную (КВЖД) и объявил о создании Особого Уссурийского казачьего отряда (ОКО)⁹.

В конце мая 1918 г. против ОКО атамана Калмыкова Дальсовнарком развернул Гродековский фронт, в составе которого был отряд красных уссурийских казаков во главе с Г.М. Шевченко. В начале июля 1918 г. против чехословаков и белогвардейцев был образован Уссурийский фронт¹⁰.

Заняв 4 июля 1918 г. ст. Гродеково, атаман Калмыков объявил мобилизацию уссурийцев на борьбу против Советской власти. ОКО принял участие в боях на Уссурийском фронте в начале августа. После вступления в борьбу интервентов в конце августа советские части фронта потерпели поражение и стали отступать. 5 сентября ОКО и японцами был занят Хабаровск, в 20-х числах сентября 1918 г. Советская власть на Дальнем Востоке была ликвидирована. Хабаровск стал резиденцией атамана Калмыкова. Войсковое правление находилось во Владивостоке. Калмыков продолжил объявленную 4-м Кругом политику автономии по отношению к различным белым правительствам в Сибири и на Дальнем Востоке, опираясь на поддержку Японии. По отношению к населению Калмыков проводил политику террора.

Проходивший 21–31 октября 1918 г. в Хабаровске 5-й Войсковой круг присвоил И.П. Калмыкову чин генерал-майора, объявил о дополнительной мобилизации уссурийских казаков в ряды ОКО. Круг постановил вернуть в ведение Войска земельный отвод генерала Духовского (изъятый в 1914 г.), подчеркнув, что отвод является главным источником войсковых доходов. Делегаты признали необходимым создать союз трёх Дальневосточных казачьих Войск (Забайкальского, Амурского и Уссурийского). Войсковым атаманом Уссурийского казачьего войска был вновь избран И.П. Калмыков.

В Забайкальском казачьем войске решение 1-го Казачьего съезда в Чите о ликвидации ЗКВ большинством станиц было встречено крайне отрицательно. Оно привело к первому глубокому расколу среди забайкальских казаков, разделив их на граждан (одобривших ликвидацию казачьего сословия) и казаков (выступивших за его сохранение). Также неоднозначно отнеслись к решению 1-го съезда казаки-фронтовики. Все полки и артиллерийский дивизион 1-й Забайкальской казачьей ди-

визии выступили против ликвидации войска. В частности, казаки 1-го Нерчинского полка приняли резолюцию, в которой говорилось: «...ознакомившись с программой Забайкальского казачьего съезда об уничтожении казачества, сильно возмущены решением съезда... А без наших фронтовых представителей решение съезда об уничтожении казачества считаем недействительным»¹¹. За сохранение казачества высказались также 3-й Верхнеудинский полк и 2-я Забайкальская батарея¹².

14 мая 1917 г. наказному атаману ЗКВ в Читу поступила телеграмма из Петрограда за подписью помощника военного министра полковника Туманова: «Решение войскового съезда об упразднении ЗКВ вызывает протесты большинства строевых частей войска ... При таких обстоятельствах решение вопроса об упразднении войска должно быть отложено до возвращения фронтовых частей войска и до тех или иных постановлений по казачьим войскам, какие будут приняты Учредительным собранием. До тех пор войско и его войсковые учреждения должны быть сохранены на существующих основаниях»¹³.

Однако фронтовое казачество, как и станичники, не было единым. Во 2-м Нерчинском полку 3 июля 1917 г. была принята резолюция, в которой говорилось: «...необходимо удержать позицию, занятую Войсковым съездом в апреле 1917 г., т.е. встать под общее знамя русской демократии, поддерживать безсословность»¹⁴. В поддержку решения съезда в Чите выступили и казаки 2-го Аргунского полка ЗКВ, 3-й Забайкальской казачьей бригады. В решении полка говорилось: «Рассмотрев вопрос об упразднении звания казак и основываясь на постановлениях и решениях сотенных и командных комитетов пришли к соглашению большинством с постановлением 1-го Читинского казачьего съезда»¹⁵.

В то же время проходившие в конце лета – осенью 1917 г. казачьи съезды разных войск делают уже акцент на необходимости сохранения казачьего сословия и, соответственно, его особых прав на владение землей. В том же Забайкальском казачьем войске работавший с 8 августа по 4 сентября 1917 г. 2-й съезд Забайкальского казачьего войска в противовес решению 1-го съезда постановил сохранить казачье сословие. Подобное решение принял и Съезд уссурийских казаков. Дело не ограничивалось только резолюциями: в Забайкалье казаков, которые вели агитацию за упразднение войскового сословия, лишали казачьего звания, отбирали земельные наделы, выселяли из станиц¹⁶.

Антисоветские силы в ЗКВ с ноября 1917 г. начали объединяться вокруг Г.М. Семёнова, который хорошо знал обычаи и особенности ЗКВ, получил богатейший военный опыт в период Первой мировой войны (воевал в рядах 1-го Нерчинского полка). В мае 1917 г. Г.М. Семёнов подал Временному правительству докладную записку с предложением организовать добровольческую бурят-монгольскую часть и получил соответствующее разрешение. Для формирования части он прибыл в Забайкалье, а после Октябрьской революции открыто заявил о непризнании Советской власти и вступил в бой с большевиками. Первая попытка вооружённой борьбы (столкновение с гарнизоном Верхнеудинска) оказалась неудачной, и Семёнову пришлось отступить за границу, в Маньчжурию. Управляющий КВЖД Д.Л. Хорват оказал ему помощь, и вскоре у Семёнова был в подчинении «особый маньчжурский отряд» (ОМО) численностью до 500 человек¹⁷.

Ставку на атамана Семёнова делали и интервенты. 20 декабря 1917 г. семёновцы разоружили русский гарнизон на станции Маньчжурия и разогнали местный Совет рабочих депутатов. При ОМО стали появляться зарубежные военные инструкторы, в том числе японские, и началось финансирование отряда, снабжение его оружием и боеприпасами. Вскоре на первый план в союзе интервентов с семёновцами выдвинулись японцы. В частности, через своего представителя при Семёнове капитана Куроки японцы передали ОМО почти 3 млн. руб., а в октябре 1918 г. – еще 1 млн. руб.¹⁸

Благодаря щедрой финансовой и материальной помощи интервентов Семёнову удалось собрать довольно значительные силы. 8 апреля 1918 г. ОМО вторгся в Забайкалье. Первоначально семёновскому отряду не удалось решить задачу по захвату Читы, и они вынуждены были даже отступить на территорию Китая вновь. Но затем военно-политическая обстановка в регионе резко изменилась: с запада приблизились части мятежных чехословаков, с востока наступали японцы. 26 августа чехословаки и белогвардейцы вступили в Читу. В сентябре они соединились с японскими войсками, продвигавшимися от Благовещенска¹⁹.

Продвигались к Чите и семёновцы вместе с японским отрядом генерал-лейтенанта Фудзия и другими частями. К 20 сентября в Забайкалье развернулась 3-я японская дивизия, сменившая отряд

Фудзия. На оккупированной территории Забайкалья советская власть была ликвидирована и была установлена диктатура атамана Семёнова. Жёсткое и даже жестокое правление Семёнова вызвало подъём партизанского движения.

Японское командование было вынуждено заговорить об эвакуации своих войск из Забайкалья. В мае 1920 г. японское правительство опубликовало декларацию о переговорах с правительством Дальневосточной Республики (ДВР). 3 июля 1920 г. японское правительство объявило об эвакуации своих войск из Забайкалья. Но даже заявив об уходе, японцы не скрывали своих симпатий к семёновскому режиму. Эвакуация японских интервентов из Забайкалья закончилась 15 октября 1920 г. 22 октября части Народно-революционной армии ДВР вступили в город, и с 25 октября Чита становится столицей республики²⁰.

В результате переворота в Омске 18 ноября 1918 г. Верховным правителем России стал адмирал А. В. Колчак. Проводившие политику казачьего сепаратизма и поддерживаемые Японией атаманы Г. М. Семёнов и И. П. Калмыков отказались признать власть А. В. Колчака. Политика автономии и непризнания колчаковской власти, прояпонская ориентация, террор привели к восстанию 27–28 января 1919 г. в Хабаровске 1-го Уссурийского казачьего полка. Это заставило Калмыкова в срочном порядке созвать Войсковой круг.

Проходивший 21 февраля – 6 марта 1919 г. в Хабаровске 6-й Войсковой круг признал адмирала А. В. Колчака Верховным правителем. При расследовании восстания казаков Круг не указал, что главной его причиной послужила деятельность атамана Калмыкова. Сам атаман Калмыков заявил о своём решении выступить с ОКО на Восточный (Уральский) фронт. Весной 1919 г. шла подготовка к отправке на фронт как частей ОКО, так и отрядов Забайкальского казачьего войска. Но атаманы Семёнов и Калмыков, выдвигая различные условия, на фронт свои части так и не отправили.

Для поддержания своего авторитета атаманы Калмыков совместно с японцами 29 мая – 9 июня 1919 г. провёл Хорско-Киинскую операцию в районе Хабаровска, разбив и рассеяв партизанские отряды. Кроме того, против партизан в это же время в Приморье действовал отряд Иманского гарнизона под командованием есаула А. Г. Ширяева, а в Южно-Уссурийском районе – Уссурийский казачий полк вой-

скового старшины Н. И. Савельева²¹. Проходивший в ст. Гродеково 17–24 июня 1919 г. 7-й Войсковой круг вновь избрал Калмыкова Войсковым атаманом. На Круге был фактически снят вопрос об отправке ОКО на фронт, что мотивировалось ростом партизанского движения на Дальнем Востоке.

23 июня в Гродеково прибыл Походный атаман всех казачьих Войск генерал-лейтенант А. И. Дутов, который находился на Дальнем Востоке до конца июля 1919 г. Июль – начало августа прошли в операциях против партизан, для чего была даже проведена мобилизация Уссурийского казачьего войска.

2 сентября 1919 г. атаман Калмыков был назначен уполномоченным по охране государственного порядка и спокойствия в Хабаровском и Иманском уездах. В октябре этого же года началось развёртывание частей ОКО в Отдельную Уссурийскую бригаду атамана Калмыкова. Осенью 1919 г. общая военно-политическая обстановка для Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке была очень сложной. Части колчаковской армии в Сибири отступали, в её тылу ширилось партизанское движение, большинство населения уже не поддерживало режим. Это заставило атамана Калмыкова в декабре 1919 г. объявить о созыве Войскового круга, а 23 декабря – о мобилизации Уссурийского казачьего Войска. Однако Калмыков столкнулся с отказом уссурийских казаков подчиниться данной мобилизации. В начале января 1920 г. прошли выступления казаков в ряде станиц и посёлков в Южном Приморье, протестовавших против Гражданской войны и надвигавшейся оккупации края японцами.

В начале 1920 г. военно-стратегическая обстановка стала складываться в пользу Советской России. Основные силы армий Колчака и Деникина были разгромлены, и 4 января 1920 г. Колчак сложил с себя полномочия «верховного правителя» и предоставил атаману Семёнову всю «полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной окраины»²².

26 января 1920 г. Никольск-Уссурийский был занят партизанами и восставшими войсками. В городе образован Военно-революционный штаб (ВРШ). 26 января казаки Полтавского и Гродековского станичных округов, а также казачьи части, расквартированные в округах, заявили о поддержке ВРШ. 31 января революционными войсками был занят

г. Владивосток. Было создано Временное правительство Приморской областной земской управы. Хабаровск оказался отрезанным от остального мира кольцом партизанских отрядов. 4 февраля 1920 г. против атамана Калмыкова были двинуты революционные войска из Никольска-Уссурийского под командованием И. Г. Булгакова-Бельского.

12 февраля 1920 г. Калмыков объявил о сворачивании сформированной 1 января 1920 г. Отдельной Сводной Уссурийской дивизии атамана Калмыкова в Особый Уссурийский казачий отряд на строго добровольческих началах. В тот же день атаман Калмыков вручил хорунжему Карпинскому войсковое знамя и дивизионное георгиевское – для передачи атаману Семёнову. В мае 1920 г. Карпинский выехал в Читу, где и передал их атаману. 13 февраля 1920 г. Особый казачий отряд под командованием атамана Калмыкова ушёл из Хабаровска, пересек границу с Китаем и в начале марта в г. Фугдине был разоружен китайцами. Сам Калмыков был арестован, находился в Гиринской тюрьме и в начале сентября 1920 г. был убит китайцами при попытке к бегству²³.

21–24 февраля 1920 г. в ст. Гродеково прошёл съезд делегатов Уссурийского казачьего войска от 5 станичных округов (делегаты Гленовского округа не прибыли из-за ведения в районе Хабаровска боевых действий против Калмыкова). Съезд осудил деятельность атамана Калмыкова, постановил упразднить казачество и слиться с крестьянством. Взамен Войскового правления был образован Временный Военно-революционный комитет (ВРК). 26 февраля ВРК признал власть Временного правительства Приморской областной земской управы. 1 июля 1920 г. в ст. Гродеково из Харбина прибыл помощник атамана Калмыкова Ю. А. Савицкий, который объявил о восстановлении полномочий старого состава Войскового правления и созыве 9-го Войскового круга в Гродеково. В войске произошёл раскол. 9-й Войсковой круг, созданный Савицким, проходил в ст. Гродеково с 10 по 23 июля 1920 г. Круг аннулировал протоколы Гродековского февральского съезда 1920 г., постановил не признавать Временного правительства Приморской областной земской управы, восстановил уссурийское казачество как отдельное сословие и старый состав Войскового правления во главе с атаманом Калмыковым²⁴.

В ноябре – декабре 1920 г. в район ст. Гродеково стали прибывать выбитые Народно-революционной армией Дальневосточной Респу-

блики (НРА ДВР) из Забайкалья семёновские и капшелевские части. Полковник Ю. А. Савицкий был произведён атаманом Семёновым в генерал-майоры.

В январе 1921 г. проходили выборы в Учредительное собрание ДВР, в которых приняло участие и дальневосточное казачество. Озабоченное антигосударственной политикой Войскового правительства Уссурийского казачьего Войска, в январе 1921 г. Приморское Областное Управление объявило о созыве Войскового круга. Гродековское Войсковое правительство объявило об игнорировании этого Круга. 10-й Войсковой круг проходил 8–13 марта 1921 г. в г. Иман. Круг осудил деятельность Гродековского Войскового правительства, выразил поддержку Учредительному собранию ДВР, постановил отстранить Войсковое правление во главе с Савицким, а вместо него избрал новое Войсковое правление во главе с С. С. Петрологиновым. Правительство ДВР 2 апреля 1921 г. утвердило итоги 10-го Иманского круга, объявило правительство Савицкого врагом народа и перестало его финансировать. Новое Войсковое правление расположилось в Хабаровске. Таким образом, в Уссурийском казачьем Войске оказалось два Войсковых правления²⁵. Войско разделилось на две части. Одна часть во главе с Войсковым правлением в Хабаровске находилась на стороне правительства ДВР и стояла на позициях ликвидации казачества как сословия и слияния его с крестьянством. Другая – пыталась отстоять старые казачьи обычаи и традиции, находясь на позициях сохранения казачества как особого сословия.

26 апреля 1921 г. в ст. Гродеково на съезде представителей 9 казачьих Войск России была принята программа противодействия ДВР. Походным атаманом всех казачьих Войск Российской восточной окраины был избран генерал Г. М. Семёнов. 26 мая 1921 г. в результате переворота во Владивостоке ДВР в лице Приморского Областного Управления оказалась свергнутой, и власть перешла в руки Временного Приамурского правительства (ВПП), которое возглавили С. Д. и Н. Д. Меркуловы. Гродековское Войсковое правительство во главе с Савицким объявило о поддержке Меркуловых²⁶.

В результате претензий атамана Семёнова на власть между ним и ВПП началась борьба. Большинство организаций Приморья, в том числе и представители казачьих Войск, заявили о полной поддержке Меркуловых, что заставило атамана Семёнова 25 июня 1921 г. уехать

из Владивостока в Гродеково. В составе семёновских войск в районе Гродеково находились Уссурийский казачий полк под командованием полковника Н.В. Ловицкого и Особая Уссурийская сотня под командованием полковника А.Г. Ширяева. 27 июня 1921 г. Войсковое правление из Гродеково переехало во Владивосток, а 28 июня начало формировать Отдельную Уссурийскую казачью сотню под командованием есаула Ярославцева. Проигравший борьбу с ВПП за власть атаман Семёнов в сентябре 1921 г. был вынужден покинуть пределы Приморья. Семёновские войска заявили о своём подчинении ВПП²⁷.

В это время Хабаровское Войсковое правление проводило политику на расказачивание. 23 сентября 1921 г., завершив порученную 10-м Иманским кругом работу в Приамурской области, оно объявило о переносе своей деятельности в Приморскую область.

Проходивший с 26 декабря 1921 г. до начала января 1922 г. в Гродеково 11-й Чрезвычайный Войсковой круг попытался объединить Уссурийское казачье Войско, сгладить последствия раскола и мобилизовать казаков против ДВР. Однако объявленную Кругом мобилизацию казаки не поддержали.

В июне 1922 г. ВПП объявило о созыве Земского Собора, где должны были участвовать и представители казачества. 22 июля во Владивостоке открылся Приамурский Земский Собор. 8 августа он избрал генерала М.К. Дитерихса Правителем Земского Приамурского края. В состав Земской Приамурской Думы должны были войти представители от казачества²⁸.

После поражения под Спасском 7–9 октября 1922 г. белые войска стали отступать в сторону Владивостока и ст. Гродеково. Последняя была занята частями НРА 16 октября. Белые части генерала Смолина, в составе которых были и казаки, 19 октября 1922 г. прибыли на ст. Пограничную (КВЖД). Вместе с белыми войсками в Китай и другие страны ушли и представители казачества, связанные с Белым движением. Некоторые из них смогли взять с собой семьи.

С этого времени началась долгая и трагическая жизнь казаков в эмиграции в Китае.

- ¹ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 3. XX век. С. 15.
- ² Там же. С. 19.
- ³ Там же. С. 24–25.
- ⁴ Уссурийское казачье войско: история и современность (к 110-й годовщине образования УКВ). Владивосток, 1999. С. 43.
- ⁵ *Василевский В.И.* Забайкальское казачье войско в годы революции и Гражданской войны. Чита, 2007. С. 7–8.
- ⁶ Там же. С. 9–10.
- ⁷ Протоколы 1-го казачьего съезда. Чита, 1917. С. 2.
- ⁸ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1468, Оп. 2. Д. 569. Л. 5.
- ⁹ Уссурийское казачье войско: история и современность. С. 45–46.
- ¹⁰ Там же, С. 46.
- ¹¹ *Василевский В.И.* Забайкальское казачье войско в годы революции и гражданской войны. Чита, 2007. С. 18–19.
- ¹² РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 553. Л. 58.
- ¹³ Там же. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 567. Л. 148.
- ¹⁴ *Василевский В.И.* Забайкальское казачье войско в годы революции и гражданской войны. С. 20.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 553. Л. 38 об.
- ¹⁶ Забайкальская новь. 1917 г. 24 июня.
- ¹⁷ *Василевский В.И.* Забайкальское казачье войско в годы революции и гражданской войны. С. 50–51.
- ¹⁸ *Василевский В.И.* Из истории борьбы с интервентами в Восточном Забайкалье // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Владивосток, 1988. С. 47–48.
- ¹⁹ Там же. С. 48–49.
- ²⁰ Уссурийское казачье войско: история и современность (к 110-й годовщине образования УКВ). Владивосток, 1999. С. 47–48.
- ²¹ Там же. С. 58–60.
- ²² Там же. С. 55.
- ²³ Там же. С. 49–50.
- ²⁴ Там же. С. 50.
- ²⁵ Там же. С. 50–51.
- ²⁶ Там же. С. 52.
- ²⁷ Там же. С. 52–53.
- ²⁸ Там же. С. 53.

Хакаское национальное движение в 1917 — начале 1920-х гг.*

Национальный вопрос занимал значительное место в общественной и политической жизни России и ее окраинах в начале XX в. Кризис царской национальной политики, революционные события 1905–1907 гг. обусловили рост национального движения в Российской империи и распространение идей национализма.

Распад СССР и проблема новых взаимоотношений между народами бывшего СССР заставляют вновь обращаться к событиям столетней давности, чтобы выяснить, какую роль в революции 1917 г. сыграл национальный вопрос.

Историю хакаского национального движения условно можно разделить на три этапа. Первый этап совпал с революцией 1905–1907 гг. Второй этап связан с революцией 1917 г. Третий этап – с активизацией национального движения в условиях перестройки и демократизации в стране в конце 1980-х гг. – начале 1990-х гг.¹ Как отмечено, второй этап национального движения связан с революцией 1917 г. Интерес к революции особо проявился в связи с ее 100-летием.

Первая мировая война ухудшила положение как сельского, так и городского населения, обострила социально-экономические и политиче-

* В.Н. Тугужекова

ские противоречия в российском обществе. Всё это привело к усилению политической активности населения, в том числе в Сибири.

Одна из причин политической активности коренного населения в Минусинском уезде была связана с призывом мужского населения на тыловые работы. В связи с нехваткой рабочей силы в 1916 г. был издан царский указ о мобилизации «инородцев» на тыловые работы действующей армии. Так, хакасы, ранее освобожденные от воинской повинности, были привлечены на работы в трудовой армии. 1 октября 1916 г. мобилизованных хакасов собрали в селе Усть-Абаканское и на пароходе отправили в Красноярск. Из них более 500 человек были направлены в западные регионы России, а остальные – на угольные копи в Ольховку и Черемхово². Всего, вместе с бурятами Иркутской губернии, как подсчитал В. Я. Бутанаев, было отправлено 8725 человек³.

Наиболее политически активными в регионе являлись рабочие промышленных предприятий. Их интерес к социалистическим идеям формировался политическими ссыльными, активную работу среди населения вели большевики и эсеры. Так, ещё в 1915 г. членом РСДРП стал конторщик банка, хакас И. С. Бузулаев⁴.

Довольно сильные позиции в регионе занимала партия социалистов-революционеров. Наиболее известной представительницей этой партии являлась Е. К. Брешко-Брешковская, отбывавшая ссылку в Минусинском уезде. Активными деятелями местной эсеровской организации являлись И. П. Бедро, Л. Злобина, П. Н. Тарелкин и др. Представители партии эсеров, работавшие в сельских школах, различных кооперативных организациях, других учреждениях уезда, приобрели большое влияние не только среди русских крестьян и части промышленных рабочих Минусы, но и зажиточных крестьян-хакасов, национальной интеллигенции.

К февралю 1917 г. стали создаваться национальные партии, число которых, по некоторым подсчетам, в России достигло 47, ставивших во главу угла необходимость защиты интересов этнических меньшинств⁵. В апреле 1917 г. в Сибири была создана Якутская национальная политическая партия союза «Свобода», позднее, в июне 1917 г., получившая новое название – Якутский трудовой союз федералистов⁶.

Большое влияние на формирование политических взглядов сибирских инородцев оказывали областники. Февральская революция сибирскими областниками была воспринята как шанс для осуществления своих автономистских устремлений, причем как «автономисты» во главе с Г. Н. Потаниным, так и центристы, признававшие наличие «бытовых особенностей, дающих право на автономные законодательные учреждения лишь у инородческого населения Сибири, они отвергали необходимость общесибирского законодательного органа и предлагали организовать законодательные учреждения только для крупных коренных этносов»⁷.

Коренные этносы Сибири активно включались в создание органов самоуправления на местах. Так, руководитель Урскульского волостного комитета в Горном Алтае Аргымай Кульджин в решении от 30 марта 1917 г. записал об установлении демократического республиканского правления⁸. Газета «Жизнь Алтая» писала: «Как только в России пали цепи самодержавия – алтайские инородцы, руководимые своими интеллигентами-областниками, двинулись к устройству своего самоуправления»⁹.

12 мая 1917 г. Григорий Иванович Гуркин, выступая в Томске на первой сессии губернского народного собрания, сделал заявление о выделении инородцев Алтая в самостоятельный уезд, и сессия предоставила им право на самоопределение. Алтайцы воспользовались этим правом, на съезде представителей инородческих волостей Бийского и Кузнецкого уездов Томской губернии 1 июля 1917 г. было принято решение о выделении Горного Алтая в самостоятельный уезд, а также была принята программа по социально-экономическому и культурному возрождению алтайского народа¹⁰. Председателем Алтайской Горной Думы был избран Григорий Иванович Гуркин, руководителем Кузнецкого отдела Алтайской Горной Думы – Леонид Алексеевич Сары-Сэп Конзычаков¹¹.

После Февральской революции 1917 г. преемником старой власти в Енисейской губернии стал Комитет общественной безопасности во главе с В. М. Крутовским (1856–1945), образованный 3 марта на заседании Красноярской городской управы. А до этого в феврале группа социал-демократов организовала Совет рабочих, солдатских,

казахских депутатов во главе с Я. Ф. Дубровинским (1882–1918). Установилось двоевластие¹². Советы стали органами народного самоуправления. Многие из них заняли лояльную позицию по отношению к Комитету.

Одной из самых влиятельных политических сил в Минусинском уезде, как указывалось выше, была партия эсеров. При их активной поддержке весной – летом 1917 г. на местах стали создаваться земские учреждения. Именно они должны были решать все вопросы местной жизни. Эсеры принимали активное участие и в подготовке выборов в Учредительное собрание, они составили большинство в Минусинском Совете рабочих и солдатских депутатов, созданном 15 марта 1917 г.

Членом партии эсеров был лидер хакасского национального движения С. Д. Майнагашев. Февральскую революцию он воспринял как важнейшее событие в истории России. Он писал в своем обращении «Иногородцам Минусинского и Ачинского уездов»: «Блеснула заря новой жизни, свободной жизни от верхов Петрограда до низин наших улусов, при свете свободы не должно быть и не будет угнетенных национальностей. Я верю, что наш народ поднимет преклонную голову, вздохнет полной грудью. Приветствую иногородцев этим переломом жизни от души, чтобы он получил начало национального возрождения нашего народа»¹³.

С весны 1917 г. С. Д. Майнагашев становится лидером национальной интеллигенции, выступавшей за переустройство жизни хакасского народа, ликвидацию территориальной разобщенности, объединение хакасов Ачинского и Минусинского уездов и создание органов местного самоуправления.

В преддверии демократических реформ национальные лидеры стремились придать организационный характер процессам переустройства жизни хакасов. В улусах среди коренного населения они проводили собрания, сходы, во время которых принимались указы на предстоящие иногородческие съезды. 6–7 апреля 1917 г. в Аскизе состоялся Первый иногородческий съезд. На съезд прибыло 50 делегатов, в том числе и представители Ачинского уезда. Председателем съезда делегаты избрали известного бая Сатыка Окунева. На повестку

дня съезда были вынесены следующие вопросы: об инородческом землевладении, о земстве в Сибири, о представительстве хакасов в Учредительном собрании, об организации Союза минусинских и ачинских инородцев (выборы депутатов из 4 человек для поездки к якутам, бурятам, киргизам и др.), об организации Союза сибирских инородцев¹⁴.

15 апреля 1917 г. Иван Барашков опубликовал в газете «Свобода и труд» статью «Инородческий съезд». В ней он писал, что «съезд начался 6-го апреля и закончился на следующий день, председателем был избран Сатык Окунев». Далее он подробно описывает повестку дня съезда. Он пишет: «Первым очень долго и подробно обсуждался вопрос об инородческом землевладении». На самом деле из-за массового переселения крестьян на территорию Хакасии тема землепользования была достаточно острой. Резолюция по этому вопросу была следующая: «Находящиеся сейчас в фактическом пользовании инородцев земли должны остаться за ними ввиду того, что этого требует преимущественно скотоводческий уклад их хозяйственной жизни»¹⁵.

Тема автономии, объединения и территориальной независимости национального региона остро стояла на съезде, закономерно встал и «вопрос о земстве в Сибири». В ходе слушания делегаты съезда приняли решение: «Мелкие земские инородческие единицы должны состоять из одной-двух волостей, и что все они в свою очередь по Минусинскому и Ачинскому уездам должны составить в целом как бы инородческий земский уезд, совершенно самостоятельный, находящийся в непосредственном ведении губернского земского Управления».

Съезд обсудил «Проект земского положения среди инородцев». Было постановлено принять все зависящие от инородцев меры к тому, чтобы их голос был услышан в Учредительном собрании. Для достижения этой цели было намечено следующее: послать мотивированную записку Государственной Думе, Временному правительству и особой комиссии по выработке положения о выборах в Учредительное собрание; избрать особую депутацию из 4 человек для поездки на Восток и Запад Сибири к якутам, бурятам, киргизам и другим сибирским народностям для того, чтобы ознакомить национальных лидеров этих народов с нуждами минусинских и ачинских инородцев.

Съезд принял решение «Об организации Союза минусинских и ачинских инородцев», а также о создании Союза сибирских инородцев. На съезде была избрана делегация в составе С. Окунева, С. Д. Майнагашева, И. И. Аланова, И. В. Барашкова для поездки по Сибири «в целях ознакомления передовых людей» с положением минусинских и ачинских инородцев. Делегация должна была изучить опыт перестройки общественной жизни народов Сибири после Февральской революции¹⁶.

В мае 1917 г. в Минусинске прошел первый свободный крестьянский съезд Минусинского уезда, который сформировал своё отношение к коренному народу: «Выделить инородческое население Минусинского и Ачинского края в самостоятельную земскую самоуправляемую единицу»¹⁷. Реализация данного решения крестьянского съезда началась в рамках введения Временным правительством России Земского административного управления как формы местного самоуправления в Сибирском регионе. Часть своих полномочий государство возложило на законодательные уездные Земские Собрания и исполнительные уездные управы. Во время работы крестьянского съезда образовалась инородческая секция, объявившая себя Временным Национальным комитетом инородцев Минусинского и Ачинского уездов. В задачу комитета входили подготовка и созыв второго съезда инородцев¹⁸.

Второй инородческий съезд проходил в улусе Чарков с 20 по 30 июля 1917 г. На съезд прибыло 75 человек, представлявших все инородческие волости Минусинского и Ачинского уездов¹⁹. На съезде были рассмотрены вопросы о местном самоуправлении, землепользовании, судопроизводстве, о самоназвании, о выборах в Учредительное собрание, о потребительской кооперации, об образовании национального комитета, о медицинской помощи и др. Разногласия по поводу вопроса о местном самоуправлении привели к созданию национального комитета и избранию «особого инструктора – организатора общественной жизни» в лице С. Д. Майнагашева²⁰.

Важным и судьбоносным для коренных жителей явился вопрос о самоназвании. По предложению Майнагашева на съезде было принято постановление о самоназвании. Он, в частности, сослался на то, что коренное население Хакасии учеными А. А. Спицыным (1858–1931),

Д. А. Клеменцем (1848–1914), И. П. Кузнецовым-Красноярским (1851–1916) уже именуется как этническая общность – хакасы²¹. Позднее известный сибирский ученый и общественный деятель Н. Н. Козьмин (1872–1938) писал о национальных лидерах тех лет: «К великой революции хакасы выдвинули из своей среды ряд общественных и научных деятелей, уже не порывавших связей с народной средой. Если профессор-турковед Н. Ф. Катанов работал и жил вдали от своих соплеменников, то молодые деятели из хакасов стремились к созданию местных культурных очагов и научно-просветительных центров. Из них безвременно погибший молодой сагай С. Д. Майнагашев не только выдвинулся среди хакасов, но и обратил внимание ученых центра своими талантливыми исследованиями в области шаманизма и фольклора»²².

По итогам работы съезда вышла статья В. Кузьмина в газете «Свобода и труд» под названием «Новые горизонты в жизни минусинских инородцев»²³. Он писал: «Съезд этот настолько важен в жизни инородцев, что мы считаем необходимым познакомить своих читателей более подробно о его работе». Особый акцент автор статьи делает на вопросе о местном самоуправлении. В резолюции съезда по данному вопросу было отмечено, что для инородческого населения уезда необходимо установление самостоятельного Земства. Введение земского самоуправления улучшит хозяйственную жизнь народа, но необходимо местное законодательство. На съезде ставился вопрос об объединении с урянхайцами и алтайцами для создания единой Национальной Думы²⁴.

Съезд избрал новый состав Национального комитета в составе 18 человек. В него вошли: В. Кузьмин, О. Горбунов, Н. И. Окунев, И. И. Тютюбеев, И. И. Аланов, С. Д. Майнагашев, Г. И. Кыштымов, Н. А. Алешина (в статье, а это – Н. А. Аёшин), И. В. Барашков, К. П. Амзараков, Н. И. Орешков, И. П. Окунев, С. И. Коуроков, Е. И. Чарков, Албаль Райков, Арш. Шоев, П. С. Доможаков и А. П. Шоев. Кроме того, решено было ввести в состав Национального комитета по одному представителю от волостных комитетов и кооперативов²⁵.

О значении и роли второго инородческого съезда в жизни хакасского народа обсуждалось на Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию первых съездов хакасского народа (август 2017 г.)²⁶. С пленарными докладами выступили И. Л. Кызласов –

«Столетие возрождения исторического имени хакасского народа»²⁷ и В.Н. Тугужекова – «1917 год и хакасское национальное движение: к 100-летию первых съездов хакасского народа»²⁸.

По данным Е.П. Мамышевой, в период 1917–1918 гг. прошло 8 съездов хакасского народа: 6–7 апреля 1917 г., с. Аскиз; 20–30 июля 1917 г., у. Чарков; 29 октября 1917 г., у. Чарков; 14–17 марта 1918 г., с. Аскиз; середина мая 1918 г., у. Чарков; 7–9 июля 1918 г., у. Синявино; 2–3 августа 1918 г., с. Аскиз; 30 сентября 1918 г. (нет сведений, где проходила)²⁹. Прошедшие съезды сыграли важную роль в самоопределении народа после революций 1917 г., росте национального самосознания. Так, общенациональный съезд хакасов, состоявшийся 7–9 июля 1918 г. в у. Синявино, восстановил Степную думу и избрал ее исполнительный орган – Хакасскую Степную управу во главе с председателем С.Д. Майнагашевым³⁰.

Следует отметить, что возвращению памяти и доброго имени С.Д. Майнагашева мы обязаны прежде всего историкам А.Н. Гладышевскому, А.П. Шекшееву и Н.С. Абдину. Впервые в сентябре 2006 г. мы совместно с Хакасским национальным краеведческим музеем им. Л.Р. Кызласова провели региональную научно-практическую конференцию, посвященную 120-летию со дня рождения С.Д. Майнагашева³¹.

Известно, что С.Д. Майнагашев, будучи студентом университета им. Шанявского (1911–1915), дважды, в 1913 и 1914 гг., по поручению и на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии приезжал в Хакасию с целью научного изучения и исследования местного населения. Отчёты по итогам этих двух поездок были позднее опубликованы в «Известиях Русского комитета» в 1914 г., их копии имеются в рукописном фонде ХакНИИЯЛИ³² Так, в «Отчёте по поездке к турецким племенам долины р. Абакана летом 1913 года С.Д. Майнагашева» он пишет, что задача его командировки состояла в исследовании лингвистического и этнографического материалов местного населения³³.

По итогам исследования С.Д. Майнагашев выступил на заседании этнографического отделения Императорского Географического Общества по теме «Из материалов по шаманству у сагайцев и соседских племён». Выступление С.Д. Майнагашева получило высокую оценку известных учёных и было опубликовано.

В 1914 г. Русский комитет вновь отправил С.Д. Майнагашева в Хакасию для продолжения сбора историко-этнографических, лингвистических материалов. Результаты командировки были изложены в опубликованном «Отчёте по поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 года»³⁴. В этой экспедиции он был на шести жертвоприношениях, где производил записи и фотографировал. Всего С.Д. Майнагашев сделал 251 фотографию, собрал 30 сказаний и рассказов религиозного характера, 17 призываний духов, сделано 50 фонографических записей. Кроме этого, для музея были куплены разные вещи, в том числе костюм шамана с бубном и колотушкой³⁵.

В рукописном фонде ХакНИИЯЛИ хранится работа С.Д. Майнагашева «Загробная жизнь по представлениям турецких племён Минусинского края», опубликованная в журнале «Живая старина», издаваемом Русским Географическим Обществом (Спб., 1916) с автографом С.Д. Майнагашева и надписью «Многоуважаемому Александру Робертовичу Шнейдеру от автора (ропись). 19 декабря 1919 г. Улус Иресов»³⁶. Работа написана Степаном Дмитриевичем в 1915 г. по итогам экспедиций 1913 и 1914 гг. Она посвящена обряду похорон хакасов, их представлению о загробной жизни, снабжена фотографиями. Работы по итогам экспедиций в Хакасию были высоко оценены научной общественностью.

В 1915 г. после окончания университета С.Д. Майнагашев вернулся в Хакасию и стал заниматься обработкой историко-этнографических материалов, собранных во время экспедиций. Одновременно он активно участвовал в хозяйственной и общественной деятельности, став инструктором Аскизского кредитного товарищества. Он проводил работу по организации кооперативов в улусах Иресов, Усть-Чуль, Синявино³⁷. Деятельность в кооперативах позволяла С.Д. Майнагашеву быть ближе к крестьянской жизни, знать интересы и проблемы простых людей.

С весны 1917 г. С.Д. Майнагашев становится лидером национального движения, выступавшего за переустройство жизни хакасского народа, ликвидацию территориальной разобщенности, объединения хакасов Ачинского и Минусинского уездов и создания местных органов самоуправления³⁸. Он принимает активное участие в съездах хакасского народа, проходивших в 1917, 1918 гг. Именно С.Д. Майнагашев

на Втором инородческом съезде предложил самоназвание – хакасы, ссылаясь на исследования российских ученых. Известный сибирский исследователь Н. Н. Козьмин писал: «Имя “кара-кас”, вероятно, восходит к государству, когда, быть может, кас’ы составили основное ядро хакасской государственности. Китайское “хакас” нужно считать традицией имени “кара кас” (как из “турк” получилось “тугю”, а из уйгур – “хойху”»)»³⁹.

Следует отметить, что общенародные съезды, проходившие в эти годы, явились одной из форм политической самоорганизации коренного населения Сибири. Именно благодаря съездам позднее положительно решились вопросы автономии алтайцев, бурят, хакасов. И конечно, вопросы их самоназвания.

Леонид Романович Кызласов считал, что от «самоназвания народа многое зависит в его жизни, судьбе, психологии, самопознании и самоутверждении»⁴⁰. Вопрос о самоназвании народа обосновал С. Д. Майнагашев, выступивший с докладом на Втором съезде инородцев в Чарковом улусе в 1917 г. Съезд единогласно постановил вернуть народу его древнее самоназвание – хакасы. Постановления уездного съезда Советов 1918 г. подтвердили это решение. В то время это имя с энтузиазмом было принято хакасским народом и прочно вошло в употребление всех его этнических групп. Ныне к хакасам себя причислили и бывшие камасинцы, и так называемые чулымские татары⁴¹.

В апреле 1918 г. Минусинским Советом было принято «Положение о Хакасском степном самоуправлении», разработанном членом исполкома Минусинского Совета хакасом Ф. И. Окуневым⁴². В соответствии с «Положением территории с хакасским населением» часть Кузнецкого уезда Томской губернии, часть Ачинского уезда Енисейской губернии и хакасские волости Минусинского уезда объединились в «Хакасское степное общество». Высшей властью на этой территории был признан Хакасский степной Совет, местными органами – районные, сельские и улусные Советы.

27 апреля 1918 г. Минусинский Совет ввел в действие «Положение о суде хакасов», сменившее обычное хакасское судебное право⁴³.

Прологом, репетицией Гражданской войны в Енисейской губернии, по мнению историка А. П. Шекшеева, стала борьба Советской власти и некоторой части казачества⁴⁴. Это известный казачий мятеж эсера

Сотникова в феврале 1918 г. в Каратузе и его жестокое подавление.

Весной 1918 г. прошли антисоветские и частично погромные крестьянские выступления в Канском, Ачинском уездах Енисейской губернии⁴⁵. В Минусинске антисоветские провокации начались в начале апреля 1918 г⁴⁶. В июне 1918 г. Советская власть в районе пала. 6 июня произошло свержение Советской власти в селе Усть-Абаканское. 10 июня была прервана телеграфная связь Минусинского Совета с Красноярском. 19 июня 1918 г. Красноярск заняли белогвардейские отряды.

Уездный комиссариат, к которому перешла власть после падения Советов в июне 1918 г., отменил решения Минусинского уездного совета о национальном самоопределении хакасов. «Положение о Хакасском степном самоуправлении» не было претворено в жизнь. Новыми властями не предусматривалось образование в Сибири уездных земств по национальному признаку.

7–8 июля 1918 г. в д. Сениявино состоялся Шестой съезд хакасского народа, который решил восстановить Степную думу и избрал ее исполнительный орган – Хакасскую Степную управу. Образование Хакасской Степной управы явилось созданием самостоятельного уездного земства. Однако она не получила санкцию от Минусинского Уездного Земского собрания. Председателем управы стал С.Д. Майнагашев, заместителем – И.В. Барашков, секретарем Ф.И. Окунев, членами – Е.П. Саражаков (имевший высшее юридическое образование, ставший начальником колчаковской милиции), П.И. Нарылков, Н.П. Каргин, Н.Н. Орешков⁴⁷.

В 1919 г. в Минусинском уезде вновь установилась Советская власть. Волости, где компактно проживало коренное население, стали называться «Инородческим районом». Своеобразным продолжением съездов хакасского народа в условиях победившей Советской власти стали инородческие беспартийные конференции, проводившиеся в 1921–1923 гг. На одной из таких конференций в июне 1922 г., определяя пути дальнейшего развития самоуправления, ее участники отметили возможность объединения с родственными хакасам соседними тюрками Кузнецкого Алтая в одну административную единицу губернского или областного масштаба⁴⁸.

Поднимался и вопрос о создании республики Ойрот – федерации алтайского, шорского и хакасского народов и Урянхайского края

(Танну – Тувинской Республики). Эта идея не была поддержана Советской властью, поскольку ее реализация обуславливала опасность отторжения народов юга Сибири от Советской России. Против создания республики были выдвинуты следующие доводы. Говорилось о том, что алтайцы, шорцы, хакасы, тувинцы не составляют единой народности, каждый из этих народов имеет свой язык, свои исторически сложившиеся бытовые, культурные, экономические особенности. Отмечались и такие факторы, как сложность сообщения между народами, обусловленная географическим фактором (почти непроходимые горы – Саянский хребет и Кузнецкий Ала-Тау), и нарушение исторически сложившихся экономических и культурных связей народов с промышленными и земледельческими соседними районами, что могло бы серьезно затормозить их развитие⁴⁹.

После установления Советской власти 3 января 1921 г. при Минусинском уездном совете был создан Минусинский отдел по делам национальностей. Заведующим отделом был назначен И.Г. Сафьянов. Заведующим инородческим подотделом стал Л.С. Колдышев, секретарем – М. Райков. Отдел проводил организационно-политическую работу, занимался расследованием юридических и гражданских дел между национальностями Минусинского уезда. В результате его деятельности 30 мая 1921 г. открылась Первая инородческая конференция в г. Минусинске. На конференции присутствовал 41 делегат. На ней разбирались вопросы о просвещении среди хакасов, медицинской помощи⁵⁰.

В 1922 г. в Минусинске проходили Вторая и Третья конференции хакасов. На Третьей конференции был решен вопрос о выделении хакасского региона в особую административную единицу. Принимая во внимание особый хозяйственный уклад, значительный количественный состав и особый культурный уровень населения в территориальном, физико-географическом и экономическом отношениях, Третья конференция хакасов постановила: «Просить Губисполком при предстоящем районировании Республики выделить инородческий край в особый район с созданием в нем административного аппарата и непосредственно подчиненному областному органу». Кроме того, в резолюции было высказано предложение о создании Республики Ойрат, в которой «родственные тюркские племена Минусинска, Куз-

нецка и Алтая соединятся вместе в одну административную единицу губернского или областного характера для коллективного творчества и исторической жизни, для совместного создания общегосударственных и общечеловеческих ценностей совместно с РСФСР»⁵¹. На этой же конференции были выбраны делегаты на Второй съезд народов Сибири в г. Тюмени, на который поехали: К. М. Худяков, Сатик Окунев, Н. В. Барашков, К. С. Тодышев, Г. Н. Киштымков.

8 июня 1923 г. в г. Минусинске была проведена Четвертая конференция хакасов, где был поднят вопрос о будущем Ревкома Хакасии для более продуктивной работы по ликвидации бандитизма и поднятию культурного уровня хакасов. Среди делегации конференции были представители хакасского байства, которые выступили с националистическими требованиями. Так, например, делегаты Барашков, Худяков и Орешков «настаивали инородческий район выделить в самостоятельную Хакасскую республику, опираясь на сохранение инородческих обычаев, и даже высказывались за выселение русских жителей из-за Енисея, мотивируя малым количеством земель». Но конференция отвергла такую постановку вопроса⁵².

Однако Президиум ВЦИК, отвечая на требования хакасских съездов и конференций, 14 ноября 1923 г. принял постановление «Об образовании Хакасского уезда Енисейской губернии» с центром в с. Усть-Абаканском.

Таким образом, в результате национального движения хакасов на протяжении всего 1917 г. и до 1923 г. при различной политической власти удалось отстоять идею создания и объединения хакасов в единый Хакасский уезд.

¹ См. подробнее: *Тугужекова В. Н.* Хакасское национальное движение // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 429–430.

² *Сагалаков Э. А.* Социально-политическое развитие Южной Сибири в 1917–1918 гг. Абакан, 2010. С. 16.

³ *Бутанаев В. Я.* Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX вв.). Абакан, 1987. С. 101.

⁴ Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. Красноярск, 1987. С. 28.

- ⁵ *Лапина И.А.* Дискуссии о национально-государственном устройстве и положении этнических меньшинств в периодической печати революционной эпохи. 1917 // Общество, среда, развитие. Санкт-Петербург, 2012. № 1. С. 60.
- ⁶ *Демидов В.А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923. Новосибирск, 1978. С. 96, 97.
- ⁷ См.: *Нам И.В.* Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законотворческой и политической практике Сибирской областной думы (1917 – январь 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 47.
- ⁸ *Демидов В.А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923. Новосибирск, 1978. С. 80.
- ⁹ Там же. С. 91.
- ¹⁰ *Тенгереков И.С.* 90 лет Ойротской автономной области // Мой Алтай. 2012. № 1(8). С. 8.
- ¹¹ *Тенгереков И.С.* Указ. соч. С. 1.
- ¹² Красноярск: пять веков истории. Край с 1917 по 2006 годы: учеб. пособие по краеведению. Красноярск, 2006. Часть II. С. 5.
- ¹³ *Майнагашев С.Д.* Инородцам Минусинского и Ачинского уездов // Свобода и труд. 2017, 20 апреля.
- ¹⁴ *Орешкова Ю.А.* Взгляд в прошлое: к 95-летию со дня проведения I съезда хакасского народа (по документам ГКУ РХ «Национальный архив») [Электронный ресурс] / Ю.А. Орешкова – URL: <http://arhivrh19.ru/assets/files/1%20cezd.pdf> (дата обращения: 24.03.2018).
- ¹⁵ *Барашков И.В.* Инородческий съезд // Свобода и труд. 1917, 15 апреля.
- ¹⁶ *Гладышевский А.Н.* След на земле // Хакасия. 2003, 12 сентября; *Мамышева Е.П.* Хакасия: от степных Дум – к автономии (1822–1930 гг.). Абакан, 2008. С. 61–62.
- ¹⁷ *Тотышев С.М.* Аскизский инородческий съезд 1918 года // Проблемы сохранения природы и культурно-исторического наследия Хакасии. Абакан, 1994. Вып. 1. С. 74.
- ¹⁸ *Гладышевский А.Н.* Из истории съездов хакасского народа // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. Абакан, 1998. С. 132.
- ¹⁹ *Гладышевский А.Н.* Степан Дмитриевич Майнагашев. 1886–1920. Очерк жизни и деятельности. Абакан, 1999. С. 31.
- ²⁰ *Тугужекова В.Н.* Степан Дмитриевич Майнагашев – ученый и политик (к 120-летию со дня рождения) // Проблемы сохранения и развития историко-культурного наследия народов Саяно-Алтая. Абакан, 2006. С. 8.
- ²¹ *Гладышевский А.Н.* Степан Дмитриевич Майнагашев. С. 29.
- ²² *Козьмин Н.Н.* Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1925. С. 183.
- ²³ *Кузьмин В.* Новые горизонты в жизни Минусинских инородцев // Свобода и труд. 1917, 8 октября.
- ²⁴ Там же.

- 25 Там же.
- 26 Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы этногенеза хакасского народа», посвященной 100-летию первых съездов хакасского народа и возрождения народного имени. Абакан, 2017.
- 27 *Кызласов И.Л.* Как нам себя называть? // Ключевые вопросы истории хакасов. Абакан, 2016. С. 13–22.
- 28 *Тугужекова В. Н.* Степан Дмитриевич Майнагашев – ученый и политик. С. 23–37.
- 29 *Мамышева Е. П.* Хакасия: от степных Дум – к автономии (1822–1930 гг.). Абакан, 2008. С. 121–122.
- 30 *Мамышева Е. П.* Там же. С. 68.
- 31 См.: *Тугужекова В.Н.* Степан Дмитриевич Майнагашев – ученый и политик (к 120-летию со дня рождения); *Мамышева Е.П.* С.Д. Майнагашев – студент Московского городского народного университета им. Шанявского // Проблемы сохранения и развития историко-культурного наследия народов Саяно Алтая: матер. региональной научно-практич. конференции. Абакан, 2006. С. 3–12; 12–14.
- 32 См.: Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 1397.
- 33 *Майнагашев С.Д.* Отчет по поездке к турецким племенам долины р. Абакана летом 1913 года // Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 1397, 128 л.
- 34 *Майнагашев С.Д.* Отчет по поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 года // Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 1397, 128 л.
- 35 Там же. Л. 126.
- 36 *Майнагашев С.Д.* Загробная жизнь по представлению турецких племен Минусинского края. Петроград, 1916. С. 1.
- 37 *Гладышевский А.Н.* Степан Дмитриевич Майнагашев. С. 29.
- 38 См. подробнее: *Е.П. Мамышева.* Общественно-политическая деятельность С.Д. Майнагашева // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. Абакан, 1998. С. 126–131; Ее же. Хакасия: от Степных дум к автономии (1822–1930 гг.). С. 56–72; Ее же. Национально-государственное строительство в Южной Сибири в 1917–1941 гг.: история, опыт, проблемы. Абакан, 2011. С. 40–44.
- 39 *Козьмин Н.Н.* Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренек. Д. А. Клеменц / Сост. В.К. Чертыков, С.А. Угдыжеков. Абакан, 2010. С. 224.
- 40 Кызласов Л.Р. Указ. соч. С. 7.
- 41 Там же. С. 8.
- 42 Сагалаков Э. А. Указ. соч. С. 43.
- 43 *Мамышева Е.П.* Национально-государственное строительство в Южной Сибири в 1917–1941 гг. С. 50.
- 44 *Шекшеев А.П.* Власть и крестьянство: начало гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.). Абакан, 2007. С. 71.
- 45 Там же. С. 73, 74.

⁴⁶ Там же. С. 77.

⁴⁷ *Мамышева Е.П.* Национально-государственное строительство в Южной Сибири в 1917–1941 гг. С. 52.

⁴⁸ *Гладышевский А.Н.* Степан Дмитриевич Майнагашев. С. 33–34.

⁴⁹ Артеменко А.Л. Осуществление национальной политики в Хакасии в 1921–1925 годы // Вопросы социально-экономического развития Хакасии (история, экономика, культура, наука). Абакан, 1968. С. 29.

⁵⁰ *Мамышева Е. П.* Национально-государственное строительство в Южной Сибири в 1917–1941 гг. С. 67.

⁵¹ *Ултургашев С.П.* Слово от Итыгине Г.И. (К 125-летию со дня рождения) // Ежегодник института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Абакан, 1999. Вып. III. С. 156.

⁵² *Мамышева Е.П.* Национально-государственное строительство в Южной Сибири в 1917–1941 гг. С. 89.

Раздел II

**«ВНЕШНИЙ» ВОСТОК И РОССИЯ
В ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫМ
КОНТЕКСТЕ**

«Да здравствует союз всего ислама с большевиками!» Революции 1917 г. в России и страны Востока^{*}

«Внутренний» Восток и революционная реальность

Для большинства россиян, и тем более союзников России, революционные события Февраля 1917 г. были неожиданностью. Консервативная часть общества, в том числе знать мусульман России, их военная элита и духовенство, конечно, сожалели и называли это событие «Великой анархией, от которой нам надо поскорее избавиться»¹.

В то же время мусульманские либералы (джадиды) поддержали «революционный Февраль». Но более влиятельные «кадимисты», т.е. приверженцы старого, считали, что свержение «Ак Падишаха» (т.е. «Белого царя»), несомненно, подрывает авторитет России и ее способность выполнять свои обязательства в отношении мусульман. В целом непредсказуемость российской действительности, порожденная Февралем 1917 г., внедрила в среду мусульман разброд, усилив, а кое-где породив почти отсутствовавшие прежде настроения сепаратизма.

Временное правительство формально гарантировало всем национальностям России право собственности, свободы передвижения, выбор профессии,

^{*} Р.Г. Ланда

право быть избирателем и обучаться на родном языке. Оно разрешило создать такие организации мусульман, как Комитет горцев Северного Кавказа при участии Саид-бея (внука имама Шамиля), назначило комиссарами Временного правительства и Госдумы влиятельных представителей знати мусульман Ахмеда Байтурсуна и Абдул Азиза Давлетшина. В Москве был создан Мусульманский народный комитет из лояльных властям касимовских татар-предпринимателей. К ним присоединились потом такие оппозиционеры, как меньшевик-осетин Ахмед Цаликов (Цаликатты) и популярный татарский писатель-эсер Гаяз Исхаки. В Петербурге было создано Временное центральное бюро российских мусульман во главе с А. Цаликовым (ВЦ БРМ). Оно созвало в Москве в мае 1917 г. Первый Всероссийский мусульманский съезд.

Часть его участников выступала за «победу наших доблестных войск», но остальные поддерживали главного делегата партии кадетов (одновременно – лидера джадидов) Садри Максуди, заявившего: «Мы, мусульмане, по вопросу о проливах и Константинополе не разделяем тех чувств, которые вас волнуют». Он высказался за отказ от «раздела Турции и уничтожения Константинополя», но его выступление за «войну до победного конца» вызвало неприятие большинства ВЦ БРМ, осудившего «империалистические лозунги» кадетов. Вопреки мнению «традиционалистов» (в том числе А. Букейханова – кадета, масона и старшего из потомков Чингисхана в Казахстане) ВЦ БРМ поддержало «идею свободы не только в Европе, но в Азии и Африке, среди всех народов мира, без различия их происхождения, религии, цвета и расы»².

Так впервые было сказано о проявлении солидарности сторонников «русского Февраля» с угнетенными народами Азии и Африки. Реально это – первая попытка «февралистов» заявить о себе на международной арене. Однако Февраль 1917 г. вне России отклика почти не получил. У этого события оказалось слишком много проблем, противоречий и неувязок, слишком много разногласий, боровшихся друг с другом идеологий и фракций, этноконфессиональных течений, интересы которых расходились, а лидеры откровенно соперничали.

Элен Каррер д'Анкокс писала впоследствии: «Крах монархии в Феврале 1917 г. породил у каждой национальности и у каждого социального слоя России самые большие надежды. По мере распространения революции по территории старой империи, меньшинства ждали от Временного правительства провозглашения их равенства»³. «Но Петро-

градский Совет, – продолжала она, – высказался лишь за культурно-национальную автономию, идея которой уже была отброшена ходом событий и полыхавшими страстями времени. Февральские лидеры были парализованы войной (общий развал России не способствовал военным усилиям) и придерживались формально юридического подхода ко всем важным проблемам в ожидании предполагаемых выборов в Учредительное собрание. Такой подход (“жди, а там посмотрим”) сначала разочаровал, а потом возмутил национальные меньшинства России. В течение лета нации начали отходить от революции, которая не брала на себя инициативу ответа на их чаяния...» Провал Временного правительства в национальном вопросе был очевиден, тем более что вставшие у власти политические партии включили еще раньше в свои программы принцип федерализма⁴.

Приведенная выше картина была не вполне точна. Каррер д'Анкосс, будучи права в принципе, все же дала не совсем точную картину событий. Временное правительство, многое наобещав, вовсе не собиралось выполнять обещанное. «Туземцам не следует предоставлять... полностью прав», – заявил, уже будучи премьером, А.Ф. Керенский бывшему генерал-губернатору Туркестана А.И. Куропаткину⁵. «Временные» не отдавали себе отчет в масштабах перемен, произошедших после Февраля 1917 г., прежде всего в настроениях рабочих, крестьян, мобилизованных в армию, в их жажде немедленных, а не откладываемых на неопределенное будущее преобразований. Кроме того, «временные» совершенно не интересовались (на деле) желаниями и требованиями национальных и религиозных меньшинств России, тем самым отталкивая их от себя. Хотя только мусульман в России было 20 млн. в 1910 г. и 30 млн. в 1923 г. (несмотря на потери в Первой мировой и Гражданской войнах). Эта сила могла многое решить (и решила!) в ходе кипевшей в России политической борьбы 1917-1921 гг.⁶, но «временные» не приняли этот фактор во внимание, как бы «проглядели» его.

За все время правления они просто не могли осознать значение тысяч поданных с мест резолюций, петиций, заявлений и обращений разных организаций, комитетов и собраний. Их обилие свидетельствовало как о невообразимом многообразии проблем, накопившихся в русском обществе, так и о надеждах решить эти проблемы с помощью новых властей. К лету 1917 г. выяснилось, что эти надежды иллюзорны. Поэтому не только нацменьшинства, но и целые социальные слои и группы,

общероссийские партии и организации стали отходить от Временного правительства, что и привело к его краху в октябре 1917 г. Сыграли свою роль, естественно, размытость, ненадежность, неопределенность опоры Временного правительства и сплоченность, организованность, решительность численно небольшой партии большевиков, революционной энергии которых «временным» нечего было противопоставить.

«Внешний» Восток в контексте революционных коллизий России

Февраль 1917 г. в России не имел зарубежного отклика еще и потому, что был сосредоточен на решении внутрироссийских проблем, но их не решил. Поскольку Россия продолжала вести войну, ее союзники по блоку Антанты были спокойны. Остальные воевавшие страны (всего их было 38 с населением около 1,5 млрд. чел., считая жителей Китая, Индии, Египта и других колоний и полуколоний) были чересчур втянуты в боевые действия. В итоге из 70 млн. человек, вставших в разных странах под ружье, в 1914-1918 гг. погибли 9,5 млн., свыше 20 млн. были ранены, из них 3,5 млн. остались на всю жизнь калеками⁷.

Значительными были потери самой великой державы ислама – Османской империи: 600 тыс. убитых, 2 млн. раненых, падение производства в промышленности и сельском хозяйстве в 2-3 раза. В Сирии и Ливане, например, от голода и болезней умерло в 1914-1916 гг. до 40% населения⁸. Немногим лучше было положение в Ираке, Палестине и других арабских областях. К октябрю 1917 г. ни одна арабская страна практически не была независимой. Алжир был колонией Франции, Ливия – Италии, Марокко находилось под протекторатом Франции и Испании, Египет – Англии, Судан – тоже Англии, хотя формально он считался «совместным» владением Англии и Египта. Йемен и другие страны Аравии входили в состав Османской империи, за исключением Адена, ставшего еще в начале XIX в. одной из первых британских колоний в арабском мире, и ряда княжеств Персидского залива, превращенных к тому времени в британские протектораты.

На территории Ближнего Востока с самого начала шли военные действия: английские войска (в значительной мере состоявшие

не из англичан, а из жителей британских колоний, прежде всего индийских мусульман) воевали с османскими армиями, находившимися под командованием немецких генералов и имевшими в своих рядах сотни тысяч солдат-арабов. В то же время на стороне Англии выступали бедуинские ополчения племен Хиджаза, поднявших в 1916 г. под руководством эмира Фейсала и британского разведчика полковника Лоуренса знаменитое «восстание в пустыне» против османского господства.

Подчиненная немцам, разоренная войной, Османская империя, населенная 60 этносами и 12 конфессиями, была «тюрьмой» народов. Пришедшие к власти в 1909 г. младотурки проводили массовые репрессии против нетурецких жителей империи, усилив их в годы войны, особенно против армянского народа. В ходе этих преследований, пыток, голода и изгнания мирного населения из мест традиционного проживания погибло до 1,5 млн. армян⁹.

Столь же тяжела была судьба других национальных меньшинств – греков, ассирийцев и, конечно, арабов. Последние по численности (10,5 млн. чел.) в полтора раза превосходили проживавших в империи этнических турок (7 млн. чел.). Однако в парламенте они имели только 60 депутатских мест против 150, представлявших турок.

Насильственная ассимиляция нацменьшинств, преследование их национальных организаций, уничтожение их школ, обучавших на родном языке, были обычным делом. Поэтому и внутри империи, и вне ее, а также в рядах османской армии стали возникать нелегальные патриотические организации угнетенных народов¹⁰. Османы стремились к укреплению своей власти, и в частности к восстановлению господства над Египтом. А Великобритания заранее договорилась с Францией о разделе арабских провинций Османской империи. И хотя этот сговор («соглашение Сайкс – Пико») держался в секрете, его суть стала ясна всем по завершении войны в 1918 г., когда, как писал в 1923 г. народный комиссар иностранных дел СССР Г.В. Чичерин, «во весь рост встала основная послевоенная проблема: победоносная олигархия антантовских государств стремилась превратить весь мир в свои колонии»¹¹. Арабского мира это коснулось в первую очередь. И поэтому для арабов идеи Октября имели первостепенное значение, а влияние их было весьма весомым в самых разных слоях населения.

Борьба велась арабскими патриотами с конца XIX в.: достаточно вспомнить имена таких творцов Арабского возрождения, как Мустафа Кямиль и Неджиб Азури, Абд ар-Рахман Кавакиби и Азиз аль-Масри, многочисленные «общества реформ» на Ближнем Востоке. Однако они были еще далеки от народных масс и в конечном счете почти ничего не достигли. Более того, с началом Первой мировой войны положение в большинстве арабских стран ухудшилось. Сотни тысяч арабов погибли от чудовищных лишений, были убиты, ранены и искалечены в рядах османской армии, умерли от голода и болезней. Только в Ливане в годы войны погибло от голода 100 тыс. человек¹².

Все это способствовало возникновению революционного кризиса в арабском мире. Явления экономического и политического краха усугубились за счет воздействия столь мощного фактора всемирного значения, каким явилась для арабов Октябрьская революция в России. Небывалый подъем освободительной борьбы арабов стимулировался тем, что к 1918 г. войска Антанты находились в Египте, Палестине, Сирии, Ливане, Ираке, где стремились подавить все попытки арабов обрести свободу, тем самым провоцируя их ответное сопротивление.

На арабов оказали влияние как события в России в октябре 1917 г., так и позиция мусульман России в ходе этих событий. В ходе Гражданской войны и превращения России в федеративное государство произошло чудо: «мусульманский социум оказался фактором стабилизации, эффективно противодействующим его распаду»¹³. Конечно, это произошло после долгой, тяжелой и упорной борьбы, вклад в которую мусульман России нельзя отрицать, потому что революция вовсе не была только делом русских. И мусульмане участвовали в ней, лишь иногда помогая большевикам «исключительно ввиду своего недоверия Временному правительству». Это недоверие сыграло свою роль, как и другие пороки «временных», да и повторявших их ошибки белых генералов. Но все же мусульмане России не стояли в стороне от революции. Они активно в ней участвовали, вопреки утверждениям знающих, но все же субъективно настроенных западных знатоков советской истории Александра Беннигсена и Шанталь Лемерсье-Келькежэ¹⁴.

Советское правительство уже в ноябре 1917 г. опубликовало «Декларацию прав народов России», в которой речь шла о равенстве, праве на самоопределение и свободе развития всех нацменьшинств¹⁵.

Через две недели, 20 ноября (3 декабря) 1917 г., в своем историческом обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» правительство объявило «верования и обычаи», а также «национальные и культурные учреждения» мусульман «свободными и неприкосновенными», одновременно призвав угнетенные народы мира свергнуть империалистических «хищников и поработителей»¹⁶. Наряду с В.И. Лениным это обращение подписал и выдающийся татарский революционер Мулламур Вахитов, в январе 1918 г. возглавивший Центральный мусульманский комиссариат при Наркомнаце России.

Западный колониализм и арабский отклик на Революцию 1917 г.

Тогда же, в декабре 1917 г. Советское правительство объявило утратившими силу тайные договоры бывшего царского режима со странами Антанты. Среди этих договоров числилось и ставшее впоследствии позорно известным «соглашение Сайкс – Пико». Это был секретный сговор Великобритании и Франции, заключенный в 1916 г. при участии царского правительства и предусматривавший раздел стран Арабского Востока, в то время входивших в состав Османской империи. Разоблачение этого сговора Советским правительством, огласившим содержание «соглашения Сайкс – Пико», вызвало подъем патриотизма среди арабов. Для них было особенно нестерпимо осознать, что западные державы, наживавшиеся на войне и тяжких бедствиях народов, обманывают их самым бесчестным образом, сговариваясь за их спиной.

Секретные документы, включая «соглашение Сайкс – Пико», преданные гласности в Петрограде, были немедленно, еще в декабре 1917 г., опубликованы в Бейруте. Эта публикация произвела эффект разорвавшейся бомбы. В январе 1918 г. этот эффект усилился также известиями, полученными в Каире через Лондон и Париж, о решениях II Всероссийского съезда Советов, отвергнувшего методы тайной дипломатии, аннексий и захватов. В то же время съезд поддержал право наций на самоопределение.

Лидеры Антанты предприняли сверхусилия, стремясь скрыть от арабов как истинную суть своих намерений, так и провозглашенное Советским правительством главное условие демократического мира без аннексий и контрибуций – «каждая народность без единого исключения, и в Европе, и в колониях, получает свободу». 7 января 1918 г. правительства Великобритании и Франции постепенно декларировали свое

намерение «освободить» арабские страны от османского гнета. Далее последовали еще несколько таких же лживых заявлений и обещаний. Ту же цель преследовали и пресловутые «четырнадцать пунктов» президента США Вудро Вильсона, изложенные им в послании Конгрессу 8 января 1918 г. В этом послании, претенциозно названном «программой мира», президент США предусматривал возможность автономии для нетурецких народов Османской империи и якобы «справедливое» решение колониальных проблем. Но и англо-французские декларации, и «четырнадцать пунктов» Вильсона преследовали, по признанию тогдашнего британского премьер-министра Дэвида Ллойд-Джорджа, одну цель – «предупредить разрыв с арабами»¹⁷.

Как считал арабский историк Амин Саид, Вильсону на какое-то время будто бы «удалось обмануть мировую общественность»¹⁸. Однако другой, еще более известный, историк, Абдаррахман ар-Рафии, указал, что уже в апреле 1919 г., когда Вильсон вопреки своему якобы антиколониализму вполне официально признал протекторат Великобритании над Египтом, произвольно провозглашенный Лондоном вопреки воле египтян, народ Египта «начал понимать, что представляют собой в действительности пункты Вильсона, и ему стало ясно, что в них нет ничего серьезного»¹⁹. Подобные настроения среди арабов далее распространились еще шире, так как политика США была не менее колониалистской по своей сути, нежели политика Великобритании и Франции, отличаясь от нее лишь бóльшим ханжеством и лицемерием.

Уже весной 1918 г. в арабских странах стали создаваться комитеты действия против «соглашения Сайкс – Пико»²⁰. Разоблачение Советским правительством этого тайного заговора колонизаторов против арабских народов явилось одним из стимулов подъема освободительной борьбы арабов. Доказательство тому – революционные движения 1919-1921 гг. в Египте, Ливии, Ираке, Сирии, Ливане, Палестине, Тунисе и Марокко. Характерно, что именно в это время на Парижской мирной конференции по инициативе США разрабатывалась система мандатного управления, которая была в дальнейшем применена именно к тем арабским странам, раздел которых предусматривался «соглашением Сайкс – Пико». И не менее характерно, что В.И. Ленин еще в 1919 г. заклеил систему мандатов, заявив, «что это – раздача прав ничтожной части населения земли на эксплуатацию большинства населения земного шара»²¹.

**«Да здравствует союз всего ислама с большевиками!»
Революции 1917 г. в России и страны Востока**

При реализации своей программы Великобритания и Франция, несмотря на подавляющее военное превосходство, столкнулись с мощным сопротивлением арабов, 1 тыс. сирийцев погибла в боях с 50-тысячной французской армией у горного прохода Майсалун. Французы овладели Дамаском, но борьба продолжалась (сирийцы, к примеру, только в 1922 г. восставали 35 раз). К лету 1924 г. французы потеряли в этой борьбе до 9 тыс. военнослужащих²². Сирийский комитет единения арабов заявил в декабре 1920 г.: «Правительство Ленина и его друзей и поднятая ими Великая Революция для освобождения Востока от ига европейских тиранов почитается арабами великой силой, способной дать им счастье и благополучие. Счастье и покой всего мира зависят от союза арабов и большевиков. Для достижения своей великой цели большевики жертвуют многим... Да здравствует Ленин, его товарищи и советская власть! Да здравствует союз всего ислама с большевиками!». В 1922 г. Комитет национальной независимости Ирака послал в Москву заявление о том, что «народ Месопотамии не остановится ни перед какими жертвами, чтобы отстоять свою независимость». Показательно также заявление в 1927 г. лидера панарабистов и вожда друзов Сирии эмира Шакиба Арслана: «Я не коммунист, не читал Маркса, но знаю, что Ленин был первым, кто внушил пролетариату чувство братской дружбы к народам колоний»²³. В 2001 г. о двух веках дружественных отношений с Россией говорил премьер-министр Ливана Рафик аль-Харири, подчеркнувший: «Наши взгляды с Москвой совпадают по многим вопросам»²⁴.

Все эти заявления были тесно связаны с борьбой арабов Ирака, добившихся в 1921 г. признания их государства, Египта, пережившего революции 1919 г. и 1921 г., во время которых египтяне называли создававшиеся ими органы власти русским словом «совет»²⁵. Также с борьбой берберской республики Риф на севере Марокко в 1921-1926 гг. было связано заявление её руководства: «Россия освободилась от своих угнетателей, и мы идем по её пути»²⁶. Долше всего сопротивлялись французским и испанским колонизаторам арабы и берберы Марокко (до 1934 г.), а итальянским фашистам – арабы Ливии (до 1932 г.). И для них, как и для народов Алжира, Палестины и других арабских стран, российский Октябрь послужил несомненным примером мужества и стойкости.

- ¹ Абдуллаев М.А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX века. М., 1987. С. 45, 47.
- ² Мухаммед-Гаяз Исхаки: из политической биографии писателя // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 6; Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 118–125; Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи). Нижний Новгород, 2007. С. 111.
- ³ Элен Каррер д'Анкокс – член Французской Академии, ведущий специалист Франции по истории России и советской проблематике, связанная происхождением с русской и грузинской аристократией, свободно владеет русским языком. Автор многих трудов, переведенных на основные европейские языки.
- ⁴ *Carrère d'Encausse H.* The Great Challenge. Nationalities and the Bolshevik State, 1917–1930. New York, 1992. P. 71–72.
- ⁵ Верт Н. История Советского государства. М., 1992. С. 84–86; Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и проблемы ареальной типологизации и периодизации. М., 1993. С. 44; Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Конец басмачества. М., 1976. С. 13.
- ⁶ История Востока. М., 2006. Т. V. С. 26, 29–30.
- ⁷ Там же. С. 10.
- ⁸ Там же. С. 12.
- ⁹ Новейшая история стран Азии и Африки. XX век. 1900–1945. М., 2001. Ч. I. С. 34.
- ¹⁰ История арабских стран. М., 2005. С. 177.
- ¹¹ Чичерин Г.В. Статьи и речи. М., 1961. С. 261.
- ¹² Новейшая история арабских стран. М., 1968. С. 536.
- ¹³ История Востока. С. 29–30; Исхаков С.М. Указ. соч. С. 323–332, 513; Эхо веков (Гасырлар Авазы). Казань, 1999. № 1–2. С. 78–79.
- ¹⁴ *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay. Ch. Sultan Galiev.* Le père de la révolution tiersmondiste. P., 1986. P. 75–76.
- ¹⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. I. С. 15.
- ¹⁶ Там же. С. 34–35.
- ¹⁷ Новейшая история арабских стран. С. 14–15.
- ¹⁸ Саид А. Восстания арабов в XX веке. М., 1964. С. 39.
- ¹⁹ Ар-Рафии А. Восстание 1919 года в Египте. М., 1964. С. 263.
- ²⁰ Тума Э. Национально-освободительное движение и проблема арабского единства. М., 1977. С. 147.
- ²¹ Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 327–328.

**«Да здравствует союз всего ислама с большевиками!»
Революции 1917 г. в России и страны Востока**

²² Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965. С. 346–348; Les Arabes du Message à l'histoire. Sous la direction de Dominique Chevallier et Andre Miquel. P., 1995. P. 471–474.

²³ История Востока. С. 44.

²⁴ Известия. 01.11.2001.

²⁵ История Востока. С. 43.

²⁶ Там же. С. 44.

Японская интервенция в Сибирь в контексте военно-революционных событий 1918-1920 гг.*

В советской и – позже – в российской историографии сибирская интервенция (яп. *сибэриа сюнпей*) часто рассматривается как один из ярких эпизодов колониальной политики Японии первой половины XX в. Однако анализ событий конца XIX – начала XX в. показывает, что этот процесс был несколько сложнее, а принятие решения об интервенции прошло долгий путь в японских правящих кругах.

Для того чтобы ответить на вопрос, «почему Япония решилась на интервенцию в Сибирь летом 1918 г.?», нам необходимо проанализировать события, которые происходили в мире в тот период, посмотреть, в какой ситуации находилась Япония и кто принимал решения по вопросам внутренней и внешней политики. Для этого обратимся к событиям, предшествовавшим Первой мировой войне и Октябрьской революции 1917 г.

На пути к Сибирской интервенции

В 1868–1869 гг. в Японии произошла Реставрация Мэйдзи¹ – историческое событие, в результате которого кардинальные изменения затронули все сферы японского общества: политическую, социальную, экономическую и культурную. Именно преобразования второй

* В.В.Досовицкая

половины XIX в. открыли перед Японией путь к широкомасштабной индустриализации. Они не только предотвратили угрозу потери ею национальной независимости, но и позволили стать ведущей державой в Азии с активным внешнеполитическим курсом, направленным на расширение своего влияния в регионе и подчинение территорий сопредельных государств – Кореи, Китая и Монголии.

В 1912 г. на престол вступил император Ёсихито. Началась новая эпоха, которая получила название Тайсё, т. е. «великая справедливость»². Период Тайсё продолжался с 1912 по 1926 г. и вошел в историю как эпоха становления и развития демократических тенденций в японском обществе³.

Во главе государства стоял император, но он являлся лишь формальным главой государства, представлял собой ритуальную фигуру, не обладавшую какой-либо властью. Вся власть находилась в руках Кабинета министров, его главы – премьер-министра (яп. *найкакү сори дайдзин*)⁴ и императорского парламента (яп. *тэйкоку гикай*)⁵.

Во второй половине XIX в. в Японии появился уникальный институт *гэнро* – советники при императоре на пожизненном сроке. Они выдвигали кандидатуру для назначения премьер-министра, а император соглашался с предложением. Статус *гэнро* не определялся конституцией или законодательством. Они контролировали состав правительства и во многом проводимую им политику⁶. С начала XX в. роль *гэнро* шла на спад, а к 1918 г. осталось только три активно действовавших члена – Ямагата Аритомо⁷, Мацуката Масаеси⁸ и Сайондзи Киммоти⁹.

В 1916 г. Кабинет Окума Сигэнобу¹⁰ сложил свои полномочия. Ямагата хотел поставить своего ставленника, а не того, кого поддерживал Окума. Им стал Тэраути Масатакэ¹¹ из княжества Тёсю¹². Окума же хотел, чтобы его ставленник, Като¹³, также участвовал в формировании Кабинета и продолжал его политику. Но позиция Ямагата была сильнее, и Окума не мог одержать победу в таких условиях¹⁴.

В 1918 г. кабинет Тэраути сменился Кабинетом Хара Такаси¹⁵, лидером самой влиятельной партии того времени – Сэйюкай¹⁶. Кабинет Хара стал первым Кабинетом ведущей парламентской партии и прервал почти не имевшую исключений традицию, когда Кабинет возглавлялся представителями давно упраздненных княжеств – Сацума или Тёсю. Хара заручился поддержкой Ямагата Аритомо и армии.

Премьер-министры Японии и поддержка парламентских партий¹⁷

Премьер-министр	Годы работы	Поддержка парламентской партии
Сайодзи Киммоти	1906–08	Сэйюкай
Кацура Таро	1908–11	Сэйюкай
Сайодзи Киммоти	1911–12	Сэйюкай
Кацура Таро	1912–13	Досикай
Ямамото Гоннохё	1913–14	Сэйюкай
Окума Сигэнобу	1914–16	Коалиция
Тэраути Масатакэ	1916–18	Сэйюкай
Хара Такаси	1918–21	Сэйюкай
Такахаси Корэкиё	1921–22	Сэйюкай
Като Томосабуро	1922–23	Сэйюкай
Ямамото Гоннохё	1923	Сэйюкай

Внутренние перемены второй половины XIX в. отразились и на внешнеполитическом курсе, и уже в 1894–1895 гг. Япония одержала победу в японо-китайской войне. Это стало мировым событием для самой Японии и всех ведущих стран, а для Китая «война закончилась катастрофой»¹⁸. По окончании войны в 1895 г. был подписан Симоносекский договор, в соответствии с которым Китай признал «окончательно полную и безусловную независимость и автономию Кореи»¹⁹, что создало благоприятные условия для японской экспансии в Корею. Кроме того, Китай уступил Японии «навсегда и в полное верховенство»²⁰ южную часть провинции Фэнтянь (Мукден), остров Формоза (Тайвань), Пескадорский архипелаг. Таким образом, Япония приобрела свою первую колонию и стала колониальной империей (если не считать острова Рюкю, которые были аннексированы в 1879 г. и до аннексии находились под сильным японским влиянием). Правда, в интересах России было поддержать Китай, так как появление Японии в Маньчжурии становилось явной угрозой для России. В соответствии с чем посланники России настоятельно рекомендовали Японии отказаться от аннексии южной

части провинции Фэнтянь – Ляодуна²¹. Так, в ноябре 1895 г. в Пекине была подписана японо-китайская конвенция о возвращении Ляодунского полуострова²².

Буквально через несколько лет Япония одержала еще одну победу теперь уже в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Многие историки полагают, что именно с этого события в истории Японии открывается новая страница. Японии отошел Южный Сахалин, права на аренду Ляодунского полуострова и Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД). Международный авторитет Японии резко возрос, и ее начали считать одной из великих держав. В 1905–1908 гг. европейские государства, США и Россия возвели в ранг послов своих дипломатических представителей в Японии (до тех пор – посланников)²³. Япония продолжила поиски своего места в системе международных отношений на Дальнем Востоке и в мире: она продлевает союзнический договор с Англией (так называемый Англо-Японский союз)²⁴, а также заключает новые союзнические договоры с Российской империей²⁵.

Первая мировая война 1914–1918 гг., в которую были вовлечены все мировые державы, также оказала влияние на Японию и ее внешнюю политику. Перед ней как единственной азиатской державой открываются бесконечные возможности. Этот период называют временем беспрецедентного процветания. У. Бизли отметил, что сам процесс индустриализации Японии начался, безусловно, еще в период Мэйдзи, но именно Первая мировая война способствовала росту промышленного развития Японии в таких масштабах и такими темпами²⁶.

Целью Японии в первой мировой войне стали обширные завоевательные планы в Восточной Азии. Япония приложила огромные усилия к тому, чтобы укрепиться в Китае и подчинить его своему военно-политическому и экономическому контролю. Внимание ее конкурентов – США и Великобритании, а также России, Германии, Франции – было отвлечено от дальневосточных дел военными событиями в Европе. Министр иностранных дел Като Такааки откровенно предупреждал министра иностранных дел Великобритании Эдуарда Грея, что Япония будет использовать войну в своих целях – усилении своих позиций в Китае и Маньчжурии²⁷. В 1914 г. японские войска захватили Циндао – германскую морскую базу в Шаньдуне, а позже – и бывшие германские «арендованные территории» в Китае и островные

владения на Тихом океане (Маршалские, Каролинские, Марианские острова). Война на европейском театре принимала затяжной характер, и Япония получала полную свободу действий на Дальнем Востоке. В 1915 г. она предъявила Китаю знаменитое «двадцать одно требование», целью которого, по словам некоторых японских историков, было «подчинение своему господству всего Китая и прежде всего Маньчжурии и Монголии»²⁸.

В годы мировой войны экономическая ситуация складывалась благоприятно для Японии и обеспечила страну четырьмя годами относительного процветания²⁹. В 1914–1918 гг. азиатский рынок остался без своих традиционных европейских поставщиков. И особенно значительным был рост продукции тяжелой промышленности. Вскоре после начала войны союзные державы начали размещать в Японии заказы на военное снаряжение и другую продукцию³⁰. «Производство стали и чугуна увеличилось более чем в два раза. Стоимость продукции машиностроения и химической промышленности выросла в 1919 г. по сравнению с 1914 г. в семь раз. Мощность электростанций удвоилась. Монопольное положение японских товаров в годы войны на азиатских рынках (Китай, Индия, Индонезия) обеспечивало огромный рост японского экспорта, увеличившегося почти в четыре раза»³¹.

После окончания войны европейские державы потеряли свои позиции в Восточной Азии. Японское влияние, напротив, укрепилось и создало благоприятные условия для дальнейшего усиления Японии на континенте.

Мир накануне Гражданской войны в России и иностранной интервенции: реакция японского общества

Итак, в 1917 г. в России произошла Октябрьская революция. К власти пришли большевики, и страны Антанты всерьез начали опасаться за будущее региона. Гражданская война в России стала настоящей угрозой стабильности, и в этой обстановке мировым державам предстояло решить, какую политику проводить в отношении России.

Сибирская интервенция стала частью союзнической интервенции стран Антанты в период Гражданской войны в России 1918–1922 гг.

Участниками военных событий в России стали красные (большевики и союзные им силы) и белые (антибольшевистское движение) – две половины расколотого общества. Формальными союзниками белых выступили страны Антанты (Великобритания и Франция).

В соответствии с официальными заявлениями, англичане намеревались оказать экономическую помощь России и вести борьбу с Германией. США также декларировали экономическую поддержку и собирались спасать чехословацкий корпус. Япония поддержала позицию союзников.

Изначально страны Антанты, особенно Великобритания и США, были против какого-либо участия Японии. Англичане, например, боялись, что японцы могут напасть на Дальний Восток и Сибирь без согласования и без участия союзников, а также станут игнорировать мнение Антанты³². Кроме того, англичане были уверены, что Япония попросит существенную компенсацию за свое военное вмешательство. Что касается США, то их политика диктовалась собственными экономическими и геополитическими интересами, также направленными на противодействие политическому и экономическому усилению Японии. США старались связать Токио обязательствами не предпринимать широких операций без ведома и согласия Антанты и, в случае успешной ликвидации большевиков, срочно покинуть Россию. США не спешили втягиваться в Гражданскую войну и обеспечивали материальное снабжение участников интервенции. А после провозглашения «четырнадцати пунктов» Вильсона стало понятно, что американцы негативно отнесутся и к японской интервенции в Сибирь³³.

Затем ситуация изменилась, и Японию стали считать неким противовесом в расширении американского влияния на Тихом океане. Великобритания стала выступать за участие Японии и считала, что японская интервенция – это лучшее средство для разрушения японо-американского сотрудничества в отношении Дальнего Востока.

Что касается Японии, то к 1917 г. у нее появилось много сфер интересов в азиатской части России. Япония много инвестировала в Россию, выстроила прибыльную военную торговлю с российскими азиатскими портами, все больше японских компаний открывали офисы в ключевых городах Северной Маньчжурии и Восточной Сибири и все больше

японцев переезжали в этот регион³⁴. Соответственно, Япония опасалась, что кто-либо начнет посягать на японские интересы в Азии, да и вообще, что Дальний Восток России попадет под чье-либо влияние.

Япония боялась не установления власти большевиков на Дальнем Востоке, а того, что Германия усилит свое влияние в Китае, в том числе в Маньчжурии и Монголии. А слабость большевиков и возможное усиление Германии могли способствовать приходу и американцев – японцы опасались этого не менее, чем усиления Германии³⁵. Министр иностранных дел Японии Мотоно Итиро³⁶, полагал, что в случае прихода на Дальний Восток США или Германии у Японии будет немного шансов³⁷.

Союзники столкнулись еще с одной проблемой – запасы оружия и других военных материалов, которые посылали Япония и США во Владивосток, никогда не покидали порт. В результате в середине 1917 г. склады во Владивостоке были переполнены, а излишки лежали прямо вдоль берега около города³⁸. К апрелю 1917 г. там скопилось больше 700 тыс. тонн груза³⁹. Эта проблема стала самой насущной после Октябрьского переворота. Еще в июне 1917 г. французы заявили, что необходимо предпринять какие-либо меры, чтобы оружие и боеприпасы во Владивостоке не попали в руки врагов. Ходили слухи, что большевики собираются передать эти запасы Германии, с которой они начали переговоры о заключении сепаратного мира. Во многом и этот фактор повлиял на решение о начале интервенции⁴⁰.

29 ноября – 3 декабря 1917 г. представители США, Великобритании, Франции и Японии приняли участие в конференции в Париже, где обсудили ситуацию в России. Были оговорены дальнейшие планы, а именно интервенция в Россию. Предложение японцам выдвинул маршал Фердинанд Фош⁴¹, хотя и немного в иной форме, нежели ожидали японцы. Он предложил американским или японским войскам оккупировать Владивосток и захватить контроль над Транссибом, затем взять Харбин и двинуться на Москву. Ставка на американцев и японцев была сделана не случайно, так как они лучше всего подходили для этой роли из-за своего географического положения, военных возможностей и национальных интересов⁴². Японские власти, включая кабинет Тэраути Масатакэ и командующего армией Уэхара Юсаку⁴³, понимали, что этот план невозможно осуществить. Даже заместитель

начальника штаба Танака Гиити⁴⁴, один из приверженцев односторонней интервенции, не хотел рисковать⁴⁵.

В конце декабря 1917 г. вопрос об интервенции вступил в критическую фазу. Японское правительство тайно отправило 2 военных корабля, и 12 января 1918 г. они прибыли во Владивосток (японский крейсер «Ивами», 17 января – крейсер «Асахи»). Это вызвало осуждение со стороны Советской России⁴⁶. Утверждалось, что японское правительство не должно «вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России». Великобритания и США также высадили свой воинский контингент в январе. Японцы обосновали свою высадку тем, что на Дальнем Востоке России царит анархия и необходимы войска, которые бы контролировали порядок в городе и защищали проживающих в нём японских граждан. Оправдывая приход японских кораблей, японские газеты писали о безопасности 20 тыс. японцев, проживавших в разных местах Восточной Сибири, главным образом во Владивостоке и Харбине⁴⁷. На второй неделе февраля стало понятно, что силы России потерпят поражение и что участие Японии станет очень дорогостоящим⁴⁸. В Вашингтоне все эти рассуждения о безопасности японского населения воспринимались как психологическая подготовка к высадке японцев во Владивостоке. Токио категорически отрицал слухи о готовившейся интервенции⁴⁹.

23 апреля 1918 г. министра иностранных дел Мотоно Итиро сменил Гото Симпэй. Он был активным сторонником интервенции в Сибирь и пересмотрел всю политику по этому вопросу. Гото пользовался поддержкой военных (клан Тёсю) и значительной части деловых кругов, а также понимал необходимость учитывать мнение партий и ладить с ними⁵⁰.

29 июня 1918 г. с помощью восставшего чехословацкого корпуса⁵¹ во Владивостоке была свергнута Советская власть. Президент США Вудро Вильсон попросил Японию о выделении 7 тыс. человек в состав 25-тысячного международного контингента, который должен был обеспечить эвакуацию чехословацкого корпуса с территории России. Эта просьба вызвала бурные дебаты в японском парламенте, и администрация премьер-министра Тэраути Масатакэ согласилась на предоставление 12 тыс. человек. Войска японской армии оккупировали Приморье, Приамурье и Забайкалье.

Изначально мнения относительно будущей интервенции в правящих кругах Японии разделились. Гэнро Сайодзи, лидер партии Сэйюкай, и Хара Такаси (на тот момент – претендент на пост премьер-министра), бывшие министры иностранных дел Като, Макино⁵², Исии⁵³ высказывались против интервенции. Они примыкали к проангло-американскому лагерю. Известно, что был подготовлен доклад «Анализ европейской экспедиции», где были изложены все проблемы, с которыми придется столкнуться, если экспедиция осуществится. И даже если эта экспедиция станет возможной, она потребует много финансовых и трудовых затрат⁵⁴.

За интервенцию выступали русофилы во главе с Мотоно Итиро и Гото Симпэй. Они стремились к сохранению отношений с Россией и того политического режима, с которым привыкли иметь дело и с которым было налажено сотрудничество. Ко всему прочему, политическая нестабильность на Дальнем Востоке могла помешать экономической деятельности Японии в этом регионе, а «коммунистическая агитация, направленная на “освобождение” других народов, в том числе китайцев и корейцев, от “гнета эксплуататоров и колонизаторов”, представляла непосредственную опасность для японской колониальной политики»⁵⁵.

Сибирская интервенция вызвала большую волну недовольства в японском обществе, что видно на примере японских газет, которые резко критиковали парламент и армию и призывали прекратить военную кампанию⁵⁶. Критика заключалась в том, что Япония игнорировала «триумф» демократии и интернационализма В. Вильсона, призывавшего к миру и международному сотрудничеству, равенству и справедливости. Нужна была новая внешняя политика – интернационалистская, антимилитаристская, которая шла вразрез с правительственным курсом⁵⁷. Интересно, что даже наиболее популярные газеты выступали против интервенции с самого начала, хотя обычно средства массовой информации всегда поддерживали решения правительства еще со времен преобразований эпохи Мэйдзи. Это было уникальным явлением и периодом радикальных перемен для японских газет, которые появились в Японии в 1860-х гг. и с тех пор развивались быстрыми темпами⁵⁸. В Симоносэки, в одном из центров, откуда отправлялись войска в Сибирь, выходило несколько газет. Среди них – «Бакан майнити» и «Камон нитинити». В газете «Камон нитинити» отмечалось, что интервенция оправдана стремлением

оказать помощь русским, которые ждут ее от Японии, и необходима для защиты цивилизации⁵⁹. В газете «Бакан майнити» шло активное обсуждение и выдвигались аргументы против интервенции в Сибирь, в частности ее противники настаивали на высоких экономических рисках для Японии в случае интервенции⁶⁰.

Что касается простых японцев, рабочих и крестьян, то интервенция в Сибирь сильно повлияла на их жизнь. Хотя она и считалась добровольной, мужчин, даже единственных кормильцев в семье, призывали на службу. Они оставляли свои семьи, а также больных, беременных или только родивших жен⁶¹.

Союзники отозвали свои войска из России в 1920 г. – два года они боролись за усиление антибольшевистского фронта, а японцы покинули Сибирь и Дальний Восток только в 1922 г., проведя в Сибири 50 месяцев: с августа 1918 г. по октябрь 1922 г., а Сахалин покинули еще позже – в 1925 г.

Таким образом, мы видим, что решение об интервенции принималось в сложных условиях, и мнения в правящей верхушке разделились. Даже военные, традиционно выступавшие за активную внешнюю политику, были против интервенции и не хотели рисковать. В итоге победила позиция пророссийски настроенных политиков, которые ратовали за прежние политические договоренности с Российской империей. В дальнейшем, как мы знаем, демократические тенденции эпохи Тайсё эволюционировали и приобрели более авторитарную форму в 1930-х гг., что в итоге привело Японию ко Второй мировой войне.

¹ Реставрация Мэйдзи (яп. *мэйдзи-исин*) – комплекс политических, военных и социально-экономических реформ в Японии 1868–1889 гг., превративший отсталую аграрную страну в одно из ведущих государств мира. Являлась переходом от сёгуната (система правления военных) к прямому правлению в лице императора и правительства.

² В Японии наряду с общепринятым календарем существует традиционный календарь, где счет годов происходит по годам правления императоров. При избрании на престол император принимает девиз (обычно состоящий из двух иероглифов), означающий некоторый благой принцип. Девиз служит названием эры.

³ Это явление вошло в историю как «демократия Тайсё» – термин, введенный японскими историками после Второй мировой войны для обозначения политической ситуации, которая стала промежуточной между политической системой периода Мэйдзи

и современной демократией. Период «демократии Тайсё» принято относить к 1918–1932 гг., от начала работы кабинета Хара Такаси (1918–1921) до окончания работы Кабинета Инукаи Цуёси (1931–1932). Речь шла именно о демократических тенденциях в рамках существовавшей политической системы, а не о каких-либо кардинальных ее реформах. Суть новой системы заключалась в расширении участия различных социальных слоев в политической жизни, в стремлении к воплощению общественных идеалов, включавших в себя расширение избирательных прав, вплоть до введения всеобщего избирательного права для мужчин, легализацию деятельности рабочих и крестьянских союзов, борьбу за повышение общественного статуса женщины. По мнению В.Э. Молодякова, этот термин «связывали с системой партийных кабинетов, которая начала складываться в эти годы, а также с распространением идей демократии, интернационализма, индивидуализма и социализма, которые считались органически несвойственными японской цивилизации» (Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. История Японии. XX век. С. 86). По мнению других историков, «демократию Тайсё» относят к 1905–1932 гг., т.е. период начинается с подписания Портсмутского договора 1905 г. и носит название «имперская демократия» (Gordon A. A Modern History of Japan: From Tokugawa Times to the Present. Oxford University Press. 2003, P. 161).

⁴ Пост премьер-министра был учрежден в 1885 г. и современную форму приобрел после принятия конституции 1947 г.

⁵ Императорский парламент впервые был созван в 1889 г. Он был учреждён конституцией Мэйдзи и просуществовал до 1947, когда была принята современная японская конституция и парламент стал высшим органом государственной власти и приобрел современный вид.

⁶ Beasley W.G. The Modern History of Japan. NY – L., 1963. P. 178.

⁷ Ямагата Аритомо (1838–1922) – японский политический и государственный деятель, военный. 3-й (1889–1891) и 9-й (1898–1900) премьер-министр Японии. Генерал Императорской армии Японии, маршал, председатель Генерального штаба армии. Участник гражданской войны Босин (1868–1869), Сацумского восстания (1877), японо-китайской (1894–1895) и Русско-японской (1904–1905) войн. Министр армии (1873–1878), министр внутренних дел (1883–1890), 4-й министр юстиции (1892–1893), 5-й, 9-й и 11-й председатель Тайного совета (1893–1894, 1900–1903, 1909–1922). Гэнро. За свой вклад в формирование современных вооружённых сил Японии получил прозвище – «отец японской армии».

⁸ Мацуката Масаеси (1935–1924) – японский политический и государственный деятель, 4-й (1891–1892) и 6-й (1896–1898) премьер-министр Японии.

⁹ Сайондзи Киммоти (1849–1940) – японский политический и государственный деятель, дипломат, выпускник Сорбонны. 12-й (1906–1908) и 14-й (1911–1912) премьер-министр Японии. Министр культуры (1896, 1898), министр иностранных дел (1896, 1906), председатель Тайного совета (1900–1903).

¹⁰ Окума Сигэнобу (1838–1922) – японский государственный и политический деятель, дипломат, финансист, педагог в периоды Мэйдзи и Тайсё. 8-й (1898) и 17-й (1914–1916) премьер-министр Японии. Основатель университета Васэда.

**Японская интервенция в Сибирь
в контексте военно-революционных событий 1918-1920 гг.***

¹¹ Тэраути Масатакэ (1852–1919) – японский государственный и политический деятель, граф, маршал, 18-й премьер-министр Японии (1916–1918), 1-й генерал-губернатор Кореи.

¹² Выходцы из княжеств Тёсю и Сацума сыграли важную роль в свержении сёгуната Токугава, а впоследствии, в периоды Мэйдзи и Тайсё, стали значительными фигурами в политической и общественной жизни страны.

¹³ Като Такааки (1860–1926) – японский государственный и политический деятель, 24-й премьер-министр Японии. В 1894–1899 гг. посол Японии в Великобритании, в 1901 и 190 гг. занимал пост министра иностранных дел Японии. В 1906 г. – президент газеты «Майнити симбун». В 1913 г. становится министром иностранных дел в Кабинете Кацуры Таро. В том же году избирается председателем консервативной партии Риккэн Досикай. В 1914 г. Като разрабатывает программу «21 требование», направленное в начале 1915 г. правительству Китая.

¹⁴ *Morley J.W.* The Japanese thrust into Siberia, 1918. NY: Columbia University Press, 1957. P. 9.

¹⁵ Хара Такаси (1856–1921) – японский государственный и политический деятель, премьер-министр Японии в 1918–1921 гг.

¹⁶ Сэйюкай – официальное название Риккэн Сэйюкай. Одна из основных политических партий в довоенной Японии. Основана в 1900 г. Ито Хиробуми. В период с 1900 по 1921 гг. Сэйюкай была самой могущественной политической партией Японии. Несмотря на то что сами её члены называли Сэйюкай «либеральной партией», она ориентировалась на консервативные ценности, зачастую выступала в оппозиции к социальным реформам и поддерживала милитаризм.

¹⁷ *Jansen M.B.* The Making of Modern Japan. Belknap press of Harvard University press, 2002. P. 503.

¹⁸ Китай и соседи в Новое и Новейшее время. М., 1982. С. 75.

¹⁹ *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других инструментов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С. 94.

²⁰ Там же. С. 94.

²¹ Китай и соседи в Новое и Новейшее время. С. 75.

²² Гримм Э.Д. Указ. соч. С. 103–104.

²³ История Японии. М., 1999. Т. 2. 1868–1998. С. 217.

²⁴ Первый договор между Великобританией и Японией был заключен в 1902 г. на 5-летний срок. Он был нацелен остановить возrastавшее влияние России на Дальнем Востоке. Однако уже в 1905 г., по окончании Русско-японской войны, договор был пересмотрен и переподписан на 10-летний срок. В отличие от первого, договор 1905 г. предусматривал военную помощь одного союзника другому в случае войны даже с одной какой-либо державой.

²⁵ 30 июля 1907 г. в Петербурге была подписана русско-японская конвенция (Извольский – Мотоно), которая признавала территориальную целостность обеих стран, принципа «открытых дверей» и статус-кво на Дальнем Востоке. Кроме того, в со-

глашении также существовала секретная часть, в соответствии с которой был зафиксирован раздел Северо-Восточного Китая на русскую (северную) и японскую (южную) сферы влияния. Россия обязывалась «не затруднять ни прямо, ни косвенно всякого рода действия» для развития отношений между Японией и Кореей. А Япония признавала наличие особых интересов России во Внешней Монголии. Тремя годами позже, в 1910 г., было подписано еще одно русско-японское соглашение (Извольский – Мотоно), которое развивало результаты конвенции 1907 г. В опубликованной части договора заявлялось, что стороны обязуются оказывать друг другу «дружественное содействие для улучшения соответственных им железнодорожных линий в Маньчжурии», поддерживать статус-кво в этой части Китая и в случае угрозы консультироваться о мерах по его сохранению. В секретной части Россия и Япония обязывались не нарушать специальных интересов друг друга в их сферах влияния в Маньчжурии, установленных соглашением 1907 г., не противодействовать дальнейшему укреплению этих интересов, воздерживаться от политической активности в сфере специальных интересов другой стороны, консультироваться о совместных мерах защиты в случае угрозы их интересам в Маньчжурии. Соглашение фактически означало согласие России на последовавшую в том же 1910 г. аннексию Кореи Японией.

²⁶ *Beasley W.G.* Op. cit. P. 214.

²⁷ *Аварин В.Я.* Борьба за Тихий океан. М., 1952. С. 213.

²⁸ *Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С.* История современной Японии. М.? 1955. С. 88.

²⁹ *Nish I.* Japanese foreign policy in the interwar period. Praeger studies of foreign policies of the great powers. 2002. P. 14.

³⁰ История Востока в 6 т. М. 2006. Т. 5. Восток в Новейшее время: 1914–1945 гг. С. 595.

³¹ Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 4.

³² *Woodward D.R.* The British Government and Japanese Intervention in Russia during World War I. The Journal of Modern History. Vol. 46. No. 4 (Dec., 1974). P. 666.

³³ *Nish I.* Japanese Foreign policy 1869–1942. From Kasumigaseki to Miyakezaka. Foreign policies of the Great Powers. Vol. XI. L. & NY, 2002. P. 112.

³⁴ *Morley J.W.* The Japanese thrust into Siberia, 1918. NY., 1957. P. 36.

³⁵ Ibid. P. 53.

³⁶ Мотоно Итиро (1862–1918) – японский дипломат. В 1901–1905 гг. – посланник во Франции, в 1906–1916 гг. – посол в России. Подписал русско-японские политические соглашения 1907, 1910, 1912, 1916 гг. Министр иностранных дел Японии в 1916–1918 гг.

³⁷ *Dunscomb P.E.* Japan's Siberian intervention, 1918–1922: «A Great Disobedience Against the People». Lexington Books, 2011. P. 35.

³⁸ *Dunscomb P.E.* Japan's Siberian intervention, 1918–1922. P. 34.

³⁹ *Асада М.* Маммо. Ниторотю-но сайдзэнсэн. Коданся, 2014. С. 124.

⁴⁰ Там же. С. 125–126.

Японская интервенция в Сибирь

- ⁴¹ Фердинанд Фош (1851–1929) – французский военный деятель, военный теоретик. Военачальник времён Первой мировой войны, маршал Франции с 6 августа 1918 г. Главнокомандующий союзными войсками с 26 марта по 11 ноября 1918 г.
- ⁴² *Morley J.W.* Op. cit. P. 32.
- ⁴³ Уэхара Юсаку (1856–1933) – фельдмаршал Императорской армии Японии.
- ⁴⁴ Танака Гиити (1863–1929) – генерал Императорской армии Японии, политик, 26-й премьер-министр Японии.
- ⁴⁵ *Dunscomb P.E.* Japan's Siberian intervention, 1918–1922. P. 36.
- ⁴⁶ *Ibid.* P. 37.
- ⁴⁷ *Саркисов К.О.* Японская интервенция в Сибири. Прелюдия. Часть 1 // Японские исследования. 2017. № 3. С. 20.
- ⁴⁸ *Woodward D.R.* Op. cit. P. 669.
- ⁴⁹ Саркисов К.О. Указ. соч. С. 20.
- ⁵⁰ *Молодяков В.Э.* Гото Симпэй и русско-японские отношения. Серия «АИРО – монография». М., СПб., 2006. С. 95–96.
- ⁵¹ Чехословацкий корпус – национальное добровольческое воинское соединение, сформированное в составе российской армии в годы Первой мировой войны.
- ⁵² Макино Нобуаки (1861–1949) – японский государственный деятель, министр иностранных дел Японии в 1913–1914 гг.
- ⁵³ Исии Кикудзиро (1866–1945) – японский дипломат, министр иностранных дел Японии в 1915–1916 гг.
- ⁵⁴ *Morley J.W.* Op. cit. P. 30.
- ⁵⁵ Молодяков В.Э. Указ. соч. С. 91.
- ⁵⁶ *Dunscomb P.E.* A Great Disobedience against the People: Popular Press Criticism of Japan's Siberian Intervention, 1918–22 // *The Journal of Japanese Studies.* 2006. Vol. 32, No. 1. P. 53.
- ⁵⁷ *Ibid.* P. 55.
- ⁵⁸ *Ibid.* P. 56.
- ⁵⁹ *Идзао Т.* Симоносэки-но сибэриа-сюппей то убэ-но комэ-содо, 1918. Ямагути кэнрицу дайгаку кокусай бунка гакубу киё, 2004. С. 34.
- ⁶⁰ Идзао Т. Указ. соч. С. 34.
- ⁶¹ Там же. С. 35.

«Забытая трагедия». Закавказье, Анатолия и Северо-Западный Иран в 1917-1922 гг. в политике Советской России*

После Февральской и Октябрьской революций 1917 г., повлекших распад Российской империи и дезорганизацию Восточного и Кавказского фронтов Первой мировой войны, выхода России из войны с Германией под влиянием политики пришедших к власти большевиков, резко изменилась ситуация в Закавказье, Восточной Анатолии, Киликии, Северо-Западном Иране, на части территории которых образовалось Армянское государство, где к власти пришла партия Дашнакцутюн. Террористический характер партии определился еще до трагических событий Первой мировой войны, направленной не только против мусульманских народов Османской империи – турок и курдов, мусульман Южного Кавказа, – но и против России, когда VI съезд Дашнакцутюн, проходивший в Стамбуле с 17 августа по 17 сентября 1911 г., объявил политику тайного и открытого террора против Российской империи.

* А. Ш. Кадырбаев

Если до революционных событий 1917 г. русские войска Кавказского фронта были сдерживающим фактором как той кровавой вакханалии, что учинили власти Османской империи по отношению к армянам, так и не менее кровавым действиям дашнаков в отношении мусульман – курдов, турок и азербайджанцев, – то с этого времени мусульманские народы этих регионов становятся объектом почти беспрепятственных этнических «чисток» со стороны дашнаков. Из доклада дашнакского офицера, написанного им из нового Баязета – Ваарама в 1920 г., мы узнаем следующее: «Я уничтожил татарское (т.е. азербайджанское. – *А.К.*) население в Бассар-Гечаре, не разбираясь ни в чем. Иногда жалеешь пули. Самое верное средство против этих собак – это после боя собрать всех уцелевших, переполнить ими колодцы и сверху давить тяжелыми камнями, чтобы их не было больше на свете. Я (...) так и поступил: собрал всех мужчин, женщин и детей и покончил с ними, набив камнями колодцы, в которые они до этого были мною брошены»¹. Аналогичные события произошли в Северо-Западном Иране и Закавказье: «В Джульфинском (северо-запад Ирана. – *А.К.*) и Нахичеванском (Азербайджан. – *А.К.*) районах земли мусульман захвачены дашнаками, более года прерваны связи. Местное население защищается своими силами, выступая против дашнакского правительства. В этой борьбе они надеются только на свои силы и на турецкие войска. После того, как наши (российская Красная армия. – *А.К.*) войска освободят эти земли, они должны быть присоединены только к Азербайджану. При обсуждении этих вопросов просим учесть информацию и мнение местных организаций и ответственных лиц. Из доклада за подписями председателя Ревкома и Совнаркома Советского Азербайджана Нариманова Н. и представителя РСФСР в Закавказье Мдивани П.Г., направленного наркому иностранных дел РСФСР Чичерину Г.В.»². «Из опубликованных в Советской Армении воспоминаний азербайджанца В. Вейсова из Бассар-Гечарского района: «Дашнаки под свист пуль в зимнюю пору согнали нас (азербайджанцев. – *А.К.*) из деревень. Этой “работой” руководили генералы Силиков и Татевосов. У нас в районе тюркские деревни были сожжены дотла, и вместо них остались черные бугры. Каких только зверств не совершали дашнаки! Сколько они убивали людей, сколько людей

умерло из-за них! Из нашей семьи, которая состояла из 8 душ, только я уцелел. На этих горах... было много человеческих трупов. Камни и воды этих гор пугали людей. С наступлением темноты мы обычно со страхом ожидали нашествия грабителей и убийц – дашнаков. После советизации я и мои соседи возвратились в наши разрушенные дашнаками деревни и увидели, что из каждой семьи остался только один человек»³. «Из письма Нахичеванского ревкома правительству дашнаков от 1 августа 1920 г. Население Нахичеванского района готово дать отпор на любые попытки закабалить и превратить в рабов... будет продолжать борьбу против коварных, жестоких дашнаков. Дашнаки силой оружия пытались подчинить себе население Нахичевани. В результате произошли кровавые столкновения между дашнакской армией и населением Нахичевани, и лилась кровь народа»⁴. Как очевидно из вышеизложенного, погибшие от акций армянских боевых отрядов азербайджанцы в подавляющем большинстве своем были представителями мирного населения.

Действия армянских боевых отрядов вызывали протесты и властей Северо-Западного Ирана, тогда известного как Персия: «Телеграмма от 29 января 1918 г. генерала-майора Левандовского. Вне очереди. Эривань. Генералу Образцову. Сегодня Штабом фронта получено донесение, что персидский консул в Джульфе заявил, что персы в знак протеста против формирования армянских и ассирийских войск закрыли границу для русских и их союзников. Донесение это прислано переводчиком Штаба седьмого корпуса Прапорщиком Сергеевым, находящимся в Джульфе. Главкоав (главком Кавказской армии. – А.К.) приказал Вам срочно выехать в Джульфу и произвести расследование этого случая и о результатах донести безотлагательно по прямому проводу. 07575. Наштакавфронта (Начальник штаба Кавказского фронта). Генмайор (генерал-майор) Левандовский»⁵.

Активности отрядов Дашнакцутюн способствовало поражение Османской империи в Первой мировой войне, когда в Восточной Анатолии турецкие власти были парализованы, а их войска разбиты и капитулировали. Это способствовало возрождению экономической активности в Турции греческой и армянской общин: «Греко-армянская буржуазия вновь, под покровительством опять-таки англо-французского капитала, занимает свои утерянные во время войны экономические позиции.

Турецкая национальная “чумаза” буржуазия стоит перед угрозой превращения в небытие...»⁶. Экономическая активность сочеталась с идеологией, ставящей под сомнение не только государственность турок, но и само существование турецкого народа. Вот свидетельство статьи, опубликованной еще в 1912 г. в печатном органе Дашнакцутюн «Оризон»: «Пусть знают турецкие государственные деятели, вершители судеб Турции, что ни турок, ни турецкое государство отныне не имеют никакой ценности для армян...»⁷ В книге Гарегина Нжде «Мое кредо», ставшей наглядным пособием по идеологии армянского национализма, есть такие строки: «Не должно быть ни одного дня без борьбы с турком». Он также был уверен в невозможности проживания армян с другими народами, отказывая, в частности, мусульманам в праве иметь одну родину с армянами: «Родная земля одного народа не может стать родиной другого». По мнению другого идеолога дашнаков А. Аракеляна, «...приговор истории неумолим: Турция не в состоянии жить как самостоятельный, независимый орган; она должна погибнуть, распасться, и на ее обломках должны возвыситься новые государства, которые начнут независимую, свободную и цивилизованную жизнь. Турция должна быть разделена на части – этого требуют неумолимая история и логика»⁸. Такой приговор вынес турецкой государственности и турецкому народу Дашнакцутюн, многие годы пытаясь привести его в исполнение.

После создания независимого Армянского государства в 1918 г. на руинах Российской империи (на землях бывшего Эриванского ханства – государства мусульман Закавказья, завоеванного Россией в начале XIX в.) дашнаки, при поддержке стран Антанты, уже используя государственный ресурс, продолжали политику на уничтожение в отношении мусульманских народов, да и не только их. «Достаточно вспомнить войны с Азербайджаном, Грузией, Турцией за короткий период бесславного существования дашнакской “республики”, зверства, резню, грабежи, которые имели место в Зангезуре, Шаруре, Мегры, Агбабе, Зангибасаре, Еюк-Веди, в тюркских селах и деревнях, где окровавленными руками дашнаков тысячи трудящихся тюрков были уничтожены, а их села разрушены и превращены в пепелища»⁹. «В период диктатуры контрреволюционного Дашнакцутюна (1918–1920 гг.) все неармянское население считалось вне закона. “Идеи” Дашнакцутюна

об “арменизации” страны путем истребления азербайджанского и курдского населения, живущего на территории Армении, и преследование всех остальных национальных меньшинств разжигали в стране национальную рознь.(...)

На протяжении двух с половиной лет своего господства Дашнакцутюн вел вооруженную борьбу против азербайджанцев, живущих на территории Армении, убивая и грабя мирное население азербайджанских и курдских деревень (бомбардировались также и армянские деревни) под предлогом “невыполнения государственных требований”. А в 1920 году после подавления героического майского восстания рабочих и крестьян Армении Дашнакцутюн бомбардировал азербайджанские и курдские селения и убивал мирных жителей под лозунгом: “Мусульмане – наши враги”»¹⁰. Если накануне Первой мировой войны население Эриванской губернии и Еревана в составе Российской империи, чьи земли вошли в состав независимой Армении, до 45% от общего числа было мусульманским, то ко времени свержения власти дашнаков и во время советизации Армении число мусульман здесь сократилось в десять раз и насчитывало 4% (вместе со всем неармянским населением) к 1991 г., когда после образования современного Армянского государства политика этнических «чисток» была возобновлена и последние мусульмане – азербайджанцы и курды – были изгнаны из Армении и Нагорного Карабаха. К этому остается добавить, что в конце 1940-х гг. по решению армянских советских республиканских властей в центре Еревана были разрушены и снесены памятники мусульманской архитектуры, остававшиеся со времен Эриванского ханства, вероятно, с целью, чтобы ничто не напоминало о том, что здесь когда-то жили мусульманские народы.

«За период трехлетнего пребывания дашнаков у власти столкновения на этнической почве приобрели невообразимые масштабы. Один раз дашнаки воевали с меньшевистской Грузией, дважды с Турцией, несколько раз – с Азербайджаном. Внутри страны они вели политику, направленную на физическое истребление турецкого населения... Из-за межнациональных конфликтов контрреволюционное правительство дашнаков с целью уничтожения турецкого населения мобилизовало порядка 40 тысяч человек. Помимо так называемой “регулярной” армии дашнакское правительство создавало десятки хумб (добровольческие

отряды. – *А.К.*)... дашнакское правительство обратилось за помощью к английским и американским империалистам и получило от них в значительных количествах снаряжение...»¹¹ «Телеграмма Иваницкого – комиссара провинций Турции, занятых по праву войны. Гасан-Кала Генералу Левандовскому. От временного комиссара Гасанкалинского округа Сперанского мной и Представителем особого Закавказского комитета получена телеграмма 18 мая № 2691: последние две-три недели в селения района Пассинской долины переселяется масса семейств армян-беженцев из тыла, большей частью русских подданных, которые занимают самовольно помещения, отведенные для войсковых частей, а также пашни сенокоса, выгоняя местных жителей-турок. Расселение армян по селениям Гасанкалинского округа производится без ведома Окружного комиссариата, препятствуя плану переселения эвакуируемого населения из Огнот Эрзинджана. Прошу срочного решения приостановить таковое переселение, организованное частными армянскими обществами, дав мне руководящие по сему указания. Сообщая это Штабу армии, по поручению особого Закавказского комитета прошу распоряжения воинским частям оказать комиссару Сперанскому должное содействие. 1862. Комиссар Иваницкий. Командующий приказал оказать Комиссару Сперанскому содействие»¹².

Для пресечения действий погромщиков русское командование даже вынашивало планы вооружения турецкого населения оккупированных русскими войсками территорий Восточной Анатолии огнестрельным оружием: «4 сентября 1917 года. № 1962. Гор. Тифлис. Доклад Генерал-Комиссару. Вследствие резолюции Вашей на представляемом при сем докладе за № 11353 докладываю: Проект нового положения об управлении занятыми областями Турции предусматривает вооружение сельской милиции во всех вообще сельских общинах края, независимо от их национальности. Таким образом, в силу означенного проекта будет вооружаться и сельская милиция чисто турецких селений. Вопрос этот детально и всесторонне обсуждался комиссией, вырабатывавшей положение, причем было признано не делать исключения для турок, так как Лазистан (причерноморская часть Восточной Анатолии. – *А.К.*) сплошь заселен турками и отуреченными лазами (картлийским этносом, близким к грузинам по языку и исповедующим ислам. – *А.К.*), деревни коих подвергаются нападениям разбойничьих шаек не менее, чем

в других местностях, а поэтому в интересах справедливости и во избежание национальной розни и вражды необходимо дать и туркам орудие самозащиты. К тому же лазистанское население по характеру своему мирное, и с его стороны эксцессов по отношению к (русским. – *А.К.*) войскам не наблюдалось... Полковник Острянский»¹³.

Свою лепту в истребление мусульманского населения Анатолии внесла Франция, ныне идущая в авангарде осуждения Турции за геноцид армян, противник османов в Первой мировой войне, чьи войска заняли некоторые районы Турции после ее поражения в 1918 г. и установили «в оккупированных районах режим террора». После Мудросского перемирия 30 октября 1918 г. французы направили из состава своих вооруженных сил три армянских батальона, известные как Армянский легион и имевшие свой флаг, для оккупации турецкой области Киликии. Его предполагалось задействовать «только в областях Киликии и Малой Армении, которые знакомы армянам (из легиона. – *А.К.*), так как они являются выходцами оттуда», «при первой возможности, которая представится подходящей с военной точки зрения». Армянский легион сразу начал мстить турецкому населению. Турецкие авторы говорят о зверствах, в том числе об «изнасилованиях женщин, убийствах невинных женщин и детей и поджогах мечетей, заполненных местными мусульманами». Даже сторонние наблюдатели признали, что армянские легионеры совершали многочисленные преступления. В конечном итоге французы были вынуждены расформировать легион, хотя многие его бойцы остались в Киликии. При этом были сформированы «французами отряды жандармерии из состава дашнаков, которые совершают массовые убийства турецкого населения»¹⁴.

Многие легионеры продолжили свою службу в этих отрядах. Воодушевленные обещаниями освобождения из-под турецкой власти со стороны премьер-министров Великобритании Г. А. Аксвита и Д. Ллойд-Джорджа, дашнаки претендовали не только на шесть восточных провинций Анатолии, но также и на Киликию, чтобы иметь порт на Средиземном море. Союзники (Великобритания, Франция, США. – *А.К.*) официально обсуждали проект «Великой Армении» от Средиземного до Черного моря, включая Киликию и восточные провинции Турции до Трапезунда. «Дашнакские банды... вырезали в ряде случаев поголовно целые деревни... Эта программа физического

истребления турецкого населения проводилась вполне сознательно под руководством оккупантов (англичан и французов. – *А.К.*)...»¹⁵. Именно к Франции апеллировали дашнаки в своем стремлении создать армянское государство на руинах Османской империи: «4 февраля 1921 г. По проверенным данным из французских источников, армянское Национальное собрание в Константинополе (Стамбуле. – *А.К.*) провозгласило единственной полномочной делегацией турецких армян в Европе делегацию Погоса Нубара... Так, Нубар был принят... французским премьером, который выслушал его мнение по киликискому вопросу. Турецкие армяне через Нубара ведут переговоры с Антантой о предоставлении Киликии и Хараветскому вилайету независимости под протекторатом Франции»¹⁶. Киликия представляла собой плодородную область Турции, где армянское население насчитывало тогда до 33%. В 1920 г. армяне Киликии провозгласили независимую республику под протекторатом Франции, создали органы управления и сформировали 10-тысячный «легион армянской самообороны».

Правительство недавно образовавшейся на руинах Османской империи Турецкой Республики во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком направило в Киликию войска, оттеснив французов к морю. Были разгромлены армянские селения и убиты 16 тысяч их жителей. В 1921 г. французы заключили мирный договор с Турцией, согласно которому Франция отказалась от своих претензий на Киликию и бросила на произвол судьбы ее армянскую общину. Осажденные турками в своих опорных пунктах в Хаджине и Зейтуне, армянские силы сопротивления после ожесточенных боев были уничтожены. Погибло до 20 тысяч армян¹⁷.

Активность в решении «армянского вопроса» за счет мусульманских народов проявляли и другие державы Антанты. Великобритания обеспечила дашнакскую Армению военным обмундированием и снаряжением на 30 000, а США – на 150 000 человек¹⁸. В 1922 г. «Англия вооружает дашнаков в Керманшахе, в Тавризе (Тебризе. – *А.К.*) и в горах Карадага... Армянский вопрос очень сильно волнует общественное мнение в Англии и Америке... Как раз по этому вопросу произошли серьезные разногласия между Францией и Англией»¹⁹. Но Великобритания, как уже не раз бывало, после оккупации Стамбула в марте 1920 г., укрепившись на Ближнем Востоке, охладела к армянскому

вопросу и вопрос о судьбах Армении на конференции в Сан-Ремо (апрель – май 1920 г.) был передан США. Отстаивая лозунг «Великой Армении», дашнаки предполагали вручить мандат на это «независимое» государство США, президент которого В. Вильсон согласился с данным политическим проектом. Так, «Великая и независимая» Армения с Киликией и выходами к Черному и Средиземному морям представляла собой «американский проект, рожденный фантазией победителей (стран Антанты. – *А.К.*), живших тогда еще иллюзиями своего могущества; он приводил бы к соотношению на новой территории мусульманского населения к армянскому, как четыре к одному»²⁰, что, вне сомнения, вызвало бы у дашнакских лидеров, небезосновательно надевавшихся на поддержку Антанты, соблазн продолжить этнические «чистки» мусульман для резкого сокращения их числа и упрочения положения армянской общины в предполагаемом армянском государстве, создание которого на долгую перспективу тогда так и осталось нереализованным. Верховный совет Лиги Наций признал, что «без внешней поддержки» Армения как государство существовать не сможет. В. Вильсон принял поручение Лиги определить границы, которые надлежит отвести Армении за счет побежденной Османской империи, и внес предложение на рассмотрение союзников по Антанте присудить ей большую часть Эрзурумского и Трапезундского вилайетов с портом (ныне Трабзон) на Черном море, а также полностью Битлисский и Ванский вилайеты общей площадью 30 000 кв. миль с береговой линией в 150 миль. В случае реализации этого проекта территория предполагаемого Армянского государства могла бы составлять 150 тыс. кв. км с выходом к морю. Но американский Сенат отверг этот мандат большинством при голосовании, лишив опустошенную и разоренную Армению поддержки США.

Отсутствие своей государственности на территории бывшей Османской империи не остановило дашнаков. После разгрома армянской общины в Киликии силы дашнаков сосредоточились в Закавказье и Карсской области, которая после Первой мировой войны перешла под контроль дашнакского Армянского государства, где, несмотря на очевидное крушение их «великоармянских» надежд, они продолжали свою политику воинствующего национализма. Олицетворением ее стала деятельность военно-полевого командира дашнаков Гарегина

Нжде, который в 1919 г. проводил в Зангезуре «арменизацию» этого района, изгоняя оттуда остатки мусульманского населения и жестоко подавляя восстание 22 азербайджанских сел. Бывший первый секретарь правительства первой Республики Армения О. Деведжян позже признавал, что Г. Нжде использовался армянскими властями «по очищению Зангезура от азербайджанцев, а затем по борьбе против (русской. – *А.К.*) Красной армии». Когда части Красной армии вошли в Зангезур, он возглавил антисоветское восстание, что стоило жизни 12 тысячам красноармейцев.

«После разгона парламента (меджлиса Османской империи в Стамбуле) англичанами, оккупировавшими Стамбул 16 марта 1920 года... воспользовавшись смутным положением... они (армянские боевики. – *А.К.*) производят, прежде всего, “чистку населения”. Все мусульманское население Карсской области, Эриванской губернии или уничтожается, или принудительно выселяется на территорию Турции и Персии. Районы Шурагел, Кагызмана, Каракурта, Сарыкамыш, Сурманли превращаются в пепелища, население же десятками тысяч убегает, куда глаза глядят»²¹. «Копия телеграммы главнокомандующего Кавказским фронтом Пржевальского М. А. от 10 мая сего [1917] за № 4269. Тифлис. Вогенгуберу (военному генерал-губернатору. – *А.К.*). [В] половине апреля... по донесению начальника разведчиков, партия вольнонаемных турок, работающих в железнодорожном отряде района Ашкалы, заявила ему, что они принуждены будут скоро забастовать, ибо прибывающие из России армяне-беженцы собираются устроить [в] скором времени резню турок. Прошу Ваших распоряжений, [для] недопустимости подобных выступлений [со] стороны армян. Пржевальский»²². «Дашнаки, уверенные в пассивности турок, систематически производят налеты на села, поголовно вырезая турок. В Каракилис явились представители Сурмалинского и Кагизманского округа, просят защиты. В уезде из 105 сел осталось 35 горных деревушек. В августе из них вырезано еще 8 сел. Дашнаками практикуется поголовное уничтожение всех мусульман смешанных сел пограничной полосы, заселяемых затем армянами для будущих мирных переговоров. В Кагизманском районе последнее смешанного состава село Порин вырезано 20 августа. 14 сентября 1920 г. Телеграмма секретаря первой советской посольской делегации в Турцию Упмала»²³. Но не только мусульмане стали жертвами

этнических «чисток»: «Террор дашнаков не прекращается... дашнаки всю силу гнева направили против мусульман, русских. Из тридцати тысяч русского населения Карсской области осталось пятнадцать, остальное или разбежалось в Турцию или в Россию, или погибло... Пятнадцать мусульманских селений Тухурцского района вырезаны и разбежались. 29 июня 1920. № 94. Киров»²⁴.

Армянские источники, хотя и враждебные Дашнакцутюн, в лице армянских коммунистов также сообщали, что русское население терроризировалось дашнаками не только в Карсской области, но и «огнем и мечом уничтожались мусульманские и русские деревни в Армении...»²⁵ Хотя, образно говоря, еще российские имперские власти в условиях мировой войны на территории Восточной Анатолии или Турецкой Армении сами «выпустили джина из бутылки», когда способствовали формированию армянских добровольческих отрядов под руководством Дашнакцутюн и Гнчак, обеспечивая их оружием, с целью использования против Османской империи.

Всплеск погромов дашнакскими формированиями в Восточной Анатолии и Киликии сошел на нет только после возрождения турецкой государственности Мустафой Кемалем Ататюрком, а в Закавказье – после установления в 1921 г. Советской власти в Восточной Армении с помощью российской Красной армии, положившей конец недолгому существованию независимой Армении под властью дашнаков, целью которой, как откровенно выразился ее начальник Генштаба полковник Зинкевич 17 августа 1919 г., было «стремление собрать весь армянский народ, чтобы уберечь его от рассеяния по свету, подобно евреям. Для этого нужна площадь, освобожденная от мусульман, и нужен покровитель, который защитил бы и поднял экономически будущую Армению...». При этом Россия, уже ставшая советской, была исключена из «покровителей» армян «как страна людей (...) равно относящаяся ко всем нациям», которая «не позволит армянам выселить татар», тем более, «что касается экономической помощи, то она может быть оказана Россией только через 15 лет»²⁶, в чем можно усмотреть истинное, а именно потребительское отношение «власть имущих» дашнакской Армении к России.

Следует отметить, что в руководстве Советской России были разные мнения по поводу политики в отношении «армянского вопроса».

По мнению известного деятеля Советского государства А.И. Микояна, «...крупной ошибкой явился декрет Советской России о самостоятельности Турецкой Армении [1917], не имевший никаких положительных результатов, но восстановившим против себя все мусульманское население не только Турции, но и Кавказа. Ибо Советская власть, узаконивая все вожеления армянского населения и умалчивая о таковых [у] мусульман, в глазах последних как бы становилась на сторону армянских шовинистов, врагов мусульман...»²⁷ Если нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин выступил с требованием к Турции уступить дашнакской Армении Ван, Муш и Битлис, то его требование было дезавуировано вышестоящими советскими инстанциями, о чем свидетельствует телеграмма представителя ЦК партии большевиков на Кавказе Г.К. Орджоникидзе, направленная в Кремль: «... требование Чичерина Муша – Вана – Битлиса сразу усилило сторонников Антанты (в руководстве Турции. – *А.К.*)... Армянский вопрос является самым больным местом турецкой политики... Армянский вопрос – это вопрос Восточной Анатолии. Из-за того, что Антанта требовала передачи Муша, Вана, Битлиса и др. Армении (мусульманское. – *А.К.*), население Восточной Анатолии ненавидит Антанту... № 59. Орджоникидзе»²⁸. На этой телеграмме на имя Председателя Совнаркома РСФСР В.И. Ленина – первого лица Советского государства и других руководителей РСФСР – Л.Д. Троцкого, Г.В. Чичерина рукой И.В. Сталина, генерального секретаря ЦК РКП (б) было написано: «Тов. Ленин! Я вчера только узнал, что Чичерин послал когда-то туркам дурацкое [и провокационное] требование об очищении Вана, Муша и Битлиса [турецкие провинции с громадным преобладанием турок] в пользу Армении. Это армяно-империалистское требование не может быть нашим требованием. Нужно запретить Чичерину посылку нот туркам под диктовку националистических армян. 12/02 [1921] Сталин»²⁹. А годом раньше Сталин писал на телеграмме, посланной Г.К. Орджоникидзе: «8 июля 1920 г. Мое мнение таково, что нельзя без конца лавировать между двумя сторонами, нужно поддерживать одну из сторон, в данном случае, конечно, Азербайджан с Турцией. Я говорил с Лениным, он не возражает. Сталин [копия оригинала с подписью Сталина И.В.]»³⁰. М.В. Фрунзе, видный государственный, военный и партийный деятель Советской России и Советской Украины, в свою очередь, писал Предсовнаркому В.И. Ленину и Председателю

революционного военного совета РСФСР Л.Д. Троцкому: «Шифротелеграмма из Батума. Сообщаю некоторые свои впечатления о кавказской обстановке... татары (азербайджанцы. — *А.К.*) — народ хороший, вот грузины да армяне — провокаторы — одно слово. Необходимо на это обратить серьезное внимание ЦК Грузии... 23 ноября, № 161. Фрунзе»³¹. Но среди большевиков были и другие мнения. Например, А.А. Иоффе, посол РСФСР в Германии в 1918 г., занял позицию в пользу дашнаков: «Мы (РСФСР. — *А.К.*) грозим испортить свои отношения с кемалистами, так как покушаемся на их территорию. Но мы покушаемся не для себя, а для независимой Армении». Далее следует и другой его довод: «Защита нами интересов армян, как максимально угнетенного народа, поднимает доверие к нам среди мусульманских народных масс, как тоже угнетенных, даже и в Турции, а еще больше — в других странах Востока, у нас в Туркестане, в Афганистане, Персии, Индии». «Все это рассуждение настолько наивно и свидетельствует о таком абсолютном незнании Востока, что я могу... (удивляться мнению. — *А.К.*) Иоффе... 16 июля 1921 г. В ПОЛИТБЮРО ЦК РКП. Наркоминдел (т.е. Чичерин. — *А.К.*)»³². Как очевидно из приведенного выше документа, к этому времени позиция Г.В. Чичерина в отношении «армянского» вопроса изменилась принципиально.

Ни в коей мере не оправдывая действий османских властей и войск в отношении армянского населения, а также их пособников из местного мусульманского населения, поскольку резне и убийствам кого бы то ни было нет оправданий, какими бы причинами это не мотивировалось, вместе с тем необходимо, чтобы должную оценку получили и политические провокаторы — участники мусульманских погромов из армянских боевых организаций и силовых структур Армянского дашнакского государства, из числа пришлого и местного армянского населения, во имя своих политических целей, сознательно провоцировавших османские власти своими действиями в отношении как мирного мусульманского населения, так и османской армии, и ныне сделавшие эту трагическую страницу истории армянского, курдского, греческого, ассирийского, азербайджанского, персидского, русского и турецкого народов объектом спекуляции во имя своих сомнительных политических и финансовых целей. Вместе с тем, хотя армяне действительно серьезно пострадали, не всех из них можно отнести к числу невинных

жертв, а некоторые из них спровоцировали случившуюся трагедию. Как отмечал глава Бакинской коммуны большевик С.Г. Шаумян, один из 26 бакинских комиссаров, виновным в трагедии армянского народа является «в первую очередь... – кровавый Дашнакцутюн»³³, хотя и сам он несет ответственность за резню мусульманского населения в марте – апреле 1918 г. в Баку. С.Г. Шаумян признавал это: «У нас были вооруженные силы – около 6000 человек. У “Дашнакцутюн” имелось также 3–4 тысячи национальных частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы сознательно шли на это. Мусульманская беднота сильно пострадала...»³⁴. В цифрах это выглядит как 20 тыс. убитых мусульманских жителей. К сказанному остается добавить, что и большевистские части Бакинской коммуны на 70% были укомплектованы армянами³⁵. К тому же карательные органы Бакинской коммуны, ее ЧК – Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией возглавлял представитель армянской общины С. Тер-Габриэлян, которому Шаумян передал от В.И. Ленина из Москвы рукописное распоряжение, датированное 3 июня 1918 г.: «Можете ли вы передать Теру, чтобы он все приготовил для сожжения Баку полностью, в случае нашествия (турецких или английских войск. – А.К.), и чтобы печатно объявил это в Баку»³⁶.

После падения режима дашнаков в Армении ряд его лидеров и военно-полевых командиров эмигрировали в Германию, страну, бывшую пособником османов в их резне и депортации армянского народа. К их числу относится упомянутый выше Гарегин Нжде. В 1930-е гг. он разработал идеологию цехакронизма – армянского национализма, согласно которой высшей ценностью для индивида является его нация, вне которой он не может полноценно существовать, – перекликавшуюся с идеологией германского национал-социализма, не только по сути, но и по терминологии. Нацистскими идеологами армяне были признаны «арийцами», т.е. принадлежащими, согласно нацистам, к «избранным нациям». Известно, что во время Второй мировой войны Г. Нжде состоял в Кавказском блоке из представителей эмигрантских организаций кавказских народов на платформе поддержки нацистской Германии и ее вооруженных сил в качестве «освободителей» Кавказа от «советской оккупации». В 1942 г. он сформировал из пленных

армян-красноармейцев и эмигрантов-дашнаков части в составе вермахта. 15 декабря 1942 г. Г. Нжде стал одним из семи членов учрежденного немцами Армянского национального совета. Сохранился документ этого органа – обращение к А. Розенбергу – министру по делам оккупированных восточных территорий нацистской Германии о превращении советской Армении в колонию Третьего рейха. Как сообщают историки, созданные в Германии армянские военизированные формирования под руководством Нжде, так называемый «Армянский легион СС» под лозунгом – «Сражаясь за Германию, вы сражаетесь за Армению!» – принимали активное участие в операциях по захвату немецкими войсками Крыма и наступлении на Кавказ. Армянские добровольцы участвовали в депортации евреев и других «неудобных» нацистскому режиму в концентрационные лагеря Германского рейха. В создании печально известного «Армянского легиона» Г. Нжде помогал Драстамат Канаян, известный под именем генерала Дро, о котором известно как командиру армянской дружины в Ване во время резни курдского населения в годы Первой мировой войны. Как указывал в своих работах австрийский историк Эрик Файгл, в декабре 1942 г. Дро нанес визит рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру – третьему лицу в «табели о рангах» нацистской Германии и главе ее карательных органов. «У Дро была практика и опыт убивать, не испытывая никаких угрызений совести, – на Гиммлера это производило очень сильное впечатление, – указывает Э. Файгл. – Ни Дро, ни Гиммлера не беспокоило, что они и сами посылали людей на гибель»³⁷. В оккупированном нацистами Симферополе Дро возглавил созданную под патронажем немецких властей разведывательную организацию «Дромедар» и несколько армянских комитетов, целью которых являлась подрывная и шпионская деятельность в тылу советских войск. Около 30 тыс. армян откликнулись на призыв Дро и присоединились к нацистам». Они также служили в передовых частях вермахта и участвовали в борьбе с партизанами. В конце войны Г. Нжде был арестован СМЕРШем и направлен в Москву, во внутреннюю тюрьму МГБ на Лубянке. В 1946 г. он был переведен в ереванскую тюрьму. Но преступления Нжде в отношении мусульманских народов даже не рассматривались советскими судебными органами. Нжде обвинялся в контрреволюционной деятельности, прежде всего в участии в антисоветском восстании в Зангезуре в 1920 г., которое он возглавил,

и массовых убийствах армянских коммунистов во время этого восстания. 24 апреля 1948 г. Особое совещание при МГБ СССР приговорило его к 25 годам тюремного заключения³⁸.

Тем не менее сегодня в Армении, считающейся близкой союзницей России, созданы масштабные культы генерала Дро и Г. Нжде, а последнему в Ереване недавно воздвигнут памятник, также его именем в этом городе названы площадь и станция метро, что практически не вызвало должной реакции со стороны общества и правящей «элиты» современной России, позиционирующих себя как наследников победителей нацизма, если не считать запоздалого протеста, озвученного пресс-атташе МИД РФ М. Захаровой. То есть здесь налицо демонстрация двойных стандартов, несмотря на то что лидеры дашнакских формирований, виновных в этой трагедии, в годы Второй мировой войны продолжали свою преступную деятельность на стороне нацистов.

Свою долю ответственности несут российские и западные СМИ, по сути продолжающие и в наши дни курс своих предшественников времен Антанты в освещении трагических событий в Восточной Анатолии, Киликии, Закавказье и северо-западных областях Ирана 1914-1922 гг. Освещается в основном трагедия армянского народа, отчасти – ассирийцев, греков и курдов-йезидов и умалчивается аналогичная трагедия курдского, турецкого, персидского, русского и азербайджанского народов. Лишь отдельные представители западных держав, например верховный комиссар Соединенных Штатов Марк Бристол, подтверждали факты резни мусульманского населения. Он писал 30 марта 1920 г., что армянская пропаганда наводнила СМИ Западной Европы и Америки «односторонними рассказами о преступлениях, насилии и убийствах (со стороны мусульман. – А.К.); эти рассказы неточны, преувеличены и искажены, они содержат выводы и цифры, которые обманчивы и лишь вводят в заблуждение». А любая информация о действиях дашнаков против мусульман замалчивалась и искажалась³⁹. Но Бристол не был одинок на Западе в своем мнении. Англичанин М. Питхок также признавал наличие сильных антитурецких настроений и констатировал, что армяне «приняли вид невинного агнца перед сентиментальными народами Запада»⁴⁰.

Если парламенты ведущих мировых держав Запада (всего 30 стран), последней из них совсем недавно стала Германия (к которой, кстати,

тоже можно предъявлять счет за пособничество ее властей геноциду армян), а также современной России принимают заявления с осуждением Турции как исторической наследницы Османской империи за события 1914–1915 гг., связанные с депортацией и резней армян во время Первой мировой войны, и даже видные представители турецкой культуры, такие как лауреат Нобелевской премии писатель Орхан Памук, выступают с покаянием в связи с этим, то не слышно осуждения политики насилия со стороны Дашнакцутюн и Армянского государства 1918–1921 гг., выразившейся в истреблении мусульманских народов Восточной Анатолии, Киликии, Закавказья и Северо-Западного Ирана – курдов, турок, персов и азербайджанцев, а также русских в Карсской и Эриванской губерниях в течение 1914–1922 гг. Вместе с тем было бы несправедливо считать, что среди академических ученых стран Запада и России нет известных исследователей, выступающих за объективное освещение этих событий. Еще в 1922 г. Арнольд Тойнби писал, что западными авторами турецкие преступления «безусловно, преувеличиваются, тогда как о других подобных беззакониях, совершенных христианами Ближнего Востока в похожей ситуации, обычно молчат»⁴¹.

Не способствовала до недавнего времени объективной оценке действий армянских погромщиков в Восточной Анатолии, Киликии, Закавказье и Северо-Западном Иране в 1917–1922 гг. и политическая конъюнктура, сложившаяся на фоне кратковременного резкого ухудшения российско-турецких отношений, когда представители армянской общественности как в Армении и странах Запада, так и в России старались по максимуму использовать данное обстоятельство, и поныне демонстрируя неприятие в отношении трагедии мусульманских народов Восточной Анатолии, Киликии, Закавказья и Северо-Западного Ирана.

Вместе с тем, справедливости ради, стоит отметить, что так было не всегда. Во всяком случае, в 1917–1922 гг. руководство Советской России, а затем СССР в лице Ленина, Сталина, Орджоникидзе, Микояна, Фрунзе, Кирова, Шаумяна, Мясникова (Мясникяна), Мдивани давали объективную оценку кровавым действиям Дашнакцутюн и Армянского государства в отношении мусульманского и русского населения Восточной Анатолии, Киликии, Закавказья и Северо-Западного Ирана, что нашло полное отражение в материалах российских архивов, лишь частично приведенных в данной статье.

**«Забытая трагедия». Закавказье, Анатолия и Северо-Западный Иран
в 1917-1922 гг. в политике Советской России**

- ¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Д. 272. Л. 42, 42 об.
- ² РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 20. С. 52, 52 об.
- ³ Документы и материалы во внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 42–43.
- ⁴ Центральный государственный архив Нахичеванской АССР. Ф. 314. С. 6.
- ⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2178. Л. 1.
- ⁶ Лалаян А.А. Контрреволюционная деятельность партии Дашнакцутюн // Исторические записки. 1928. № 2. С. 106.
- ⁷ Оризон. 1912. № 196: Цит. по: Карамян К.Н. Положение западных армян, «Армянский вопрос» и международная дипломатия в последней четверти XIX века и начале XX века. Ереван, 1972. С. 81.
- ⁸ Мшак. 1914. 20 сентября. № 208. Цит. по: Киракосян Дж. Западная Армения в годы Первой мировой войны. Ереван, 1974. С. 212.
- ⁹ Центральный государственный архив Грузинской ССР. Ф. 13. Оп. 1. Д. 114. Л. 94.
- ¹⁰ Кариби. Красная книга. Тифлис, 1920. С. 21–22, 25.
- ¹¹ Ирандуст. Движущие силы кемалистской революции. М.-Л., 1928. С. 67–69.
- ¹² РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 1142. Л. 113.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 22137. Л. 2, 2 об.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 1191. Л. 40–40 об.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 22. Л. 130, 130 об.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 72. Л. 43.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 698. Л. 4–5.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 272. Л. 42, 42 об.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 181. Д. 13. Л. 47, 47 об., 48.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1985. С. 97–98.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 110. Л. 1.
- ²² РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1202. Л. 8, 8 об., 9, 9 об.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Лалаян А.А. Указ. соч. С. 108.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1202. Л. 8, 8 об., 9, 9 об.
- ²⁷ Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5214. Л. 1, 1 об [Подлинник].

- ²⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5214. Л. 1, 1 об. [Подлинник]; Оп. 11. Д. 338. Л. 4, 4 об. [Заверенная копия]).
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4018. Л. 1–2 [Копия]; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 142а [Копия оригинала с подписью И.В. Сталина].
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 758. Л. 1–4.
- ³¹ . РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22137. Л. 2, 2 об.
- ³² Шаумян Степан. Письма. 1896–1918. Ереван, 1959. С. 63–65.
- ³³ Исмаилов Э. Степан Шаумян – обреченный на забвение. Портрет «легендарного» комиссара без ретуши. Баку, 2012. С. 261.
- ³⁴ Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. Ленинское рукописное распоряжение председателю Бакинского ЧК С. Тер-Габриэлян. М., 1994.
- ³⁵ Feigl E. Armenian Mythomania. Wien, 2007. P. 83.
- ³⁶ Feigl E. Eine Mythos des Terror: Armeninischer Terrorismus, seine Ursachen und Hintergrunde. Freilassing.Salzburg,1986. S. 39,65, 91, 92.
- ³⁷ Ibid. S. 121.
- ³⁸ Леви Г. Армянский вопрос в Османской империи: мифы и реальность. М., 2016. С. 148.
- ³⁹ Pickthall M. Massacres and the Turks: The Other Side //Foreign Affairs. 1920. July (special supplement). P. XIV–XVI.
- ⁴⁰ Toynbee A.J. The Western Question in Greece and Turkey: A Study in the Contact of Civilizations. 2nd edition. New York howard Fertig 1970. P. 354; Lewis B. The emergence of Modern Turkey. New York, 1966.
- ⁴¹ Toynbee A.J. The Western Question in Greece and Turkey: A Study in the Contact of Civilizations. ...

Революции 1917 г. в России в советской и японской историографии 1920-1960-х гг.*

Исследований, посвященных вопросу о влиянии Октябрьской революции на страны Востока, в СССР было опубликовано сравнительно немного. Однако эта тема затрагивалась почти во всех работах по новейшей истории стран Востока¹.

Материал о Японии не вошел в эти работы, поскольку их целью было показать влияние революции на колониальные и зависимые страны, а Япония 1917 г. была империалистической державой, и характер влияния революции на нее был иным, чем, скажем, на Индию или Китай.

Следует отметить, что в значительной степени изучение этого вопроса имело несистематический характер, и до сих пор не опубликованы исследования, где были бы охвачены все стороны влияния Октября на Японию.

В литературе 20–30-х гг. XX в. этот вопрос освещался в общих трудах по истории Японии или по истории рабочего движения. Это работы Х. Т. Эйдуса, Е. М. Жукова, А. Турова, Вл. Виленского-Сибирякова. Большей частью это были книги популярного или научно-популярного характера, имеющие целью познакомить советского читателя с состоянием рабочего движения в Японии, с положением рабочего класса и т. д.²

* Н. Ф. Лещенко

Значительную роль в разработке этого вопроса в довоенный период сыграли работы основателя Коммунистической партии Японии Сэн Катаямы³, написанные на базе японских материалов. Часто они являлись единственным источником для советских исследователей того времени.

В послевоенный период этому вопросу было уделено большое внимание, и нет почти ни одной работы о Японии, где не было бы отдельной главы о влиянии Октябрьской революции на эту страну. Выдвигая тезис о ее воздействии на различные стороны внутриполитической жизни Японии, советские историки подкрепляли его многочисленными примерами и фактами. Освещение этой проблемы было поставлено на научную основу и качественно отличалось от довоенного. Советские японоведы неоднократно указывали, что такие события, как «рисовые бунты» 1918 г., подъем забастовочного движения среди японских транспортников в начале 20-х гг., усиление демократического движения и создание Коммунистической партии Японии в 1922 г., являются прямым результатом влияния Октября на умы японцев.

Первое сообщение об Октябрьской революции в Петрограде донеслось до Японии 9 ноября 1917 г. Особый интерес представляют собой номера японских газет за 11 ноября, где довольно подробно печатались репортажи из зала заседаний II Всероссийского съезда Советов. И что интересно, в некоторых случаях корреспонденты получали информацию прямо из «Правды». Особое внимание уделялось личности В. И. Ленина. В газете «Дзидзи симпо» от 11 ноября 1917 г. была помещена первая подлинная его фотография, опубликованная в Японии.

Разумеется, можно было встретить различные трактовки характера событий ноября 1917 года и личности В. И. Ленина, но интерес к этой теме очень заметен. И публикации в японских газетах того времени дают японоведам-историкам интересный материал⁴.

Следует отметить, что буржуазная печать Японии не сразу сориентировалась в изменившейся обстановке, поэтому на ее страницы попало изрядное количество объективной информации о Революции 1917 г.

В послевоенный период появилось гораздо больше возможностей для глубокого изучения этой проблемы. В Японии были опубликованы многие архивные материалы тех лет; ряд советских ученых, побывав в Японии, обнаружили и впервые опубликовали

интересные сведения, ранее у нас неизвестные. Так, например, И. Латышев и В. Цветов нашли уникальные материалы в японских газетах, показывающие, как и в какой трактовке доходили до Японии сведения о социалистической революции в России, о В.И. Ленине. В послевоенной Японии было опубликовано много исторических исследований, основанных на объективном научном анализе, где приводятся документы, письма, воспоминания, относящиеся к 20-30-м гг. Поэтому в работах, изданных у нас после Второй мировой войны, вопрос о влиянии революции на Японию освещался уже на базе большого фактического материала.

Состоявшийся в апреле 1967 г. симпозиум японоведов Москвы и Ленинграда подвел итоги изучения вопроса о влиянии Октябрьской революции на Японию, показал степень характер и формы этого влияния. Материалы симпозиума были изданы отдельной книгой⁵.

Говоря о влиянии Октябрьской революции на Японию, надо иметь в виду, что оно проявилось не сразу и особенно усилилось к середине 20-х гг.

Лучше всего в советском японоведении изучен вопрос о влиянии революции на рабочее и крестьянское движение в Японии. Это работы Д.И. Гольдберга, О.С. Николаевой, Б.В. Родова, И.М. Сырицына, П.П. Топехи, Х.Т. Эйдуса⁶.

В работах Е.М. Жукова, Д.И. Гольдберга, П.П. Топехи⁷ отмечалось, что до 1917 г. рабочее и крестьянское движение в Японии отличалось отсталостью, преодоленной после создания соответствующих экономических и политических предпосылок в стране лишь накануне и, особенно, во время первой мировой войны.

Забастовки, носившие раньше экономический характер, очень скоро приобрели политическую окраску: «Стачечная война в августе и сентябре 1918 года была уже непосредственно связана с мощным, хотя и стихийным, революционным движением, разгоревшимся в Японии в специфической форме “рисовых бунтов”, которые показали, что общий великий революционный штурм, который пронесся по всем странам земного шара после Великой Октябрьской социалистической революции в России, коснулся и Японии»⁸.

Специально вопросу о влиянии Октябрьской революции на рабочее движение в Японии посвящены статьи Д.И. Гольдберга (ЛГУ), И.М. Сырицына (МГУ) и Х.Т. Эйдуса (ИНА)⁹. Этот вопрос освещался

и во всех общих работах по Японии¹⁰. В связи с этим необходимо подробнее остановиться на «рисовых бунтах».

В советском японоведении существует точка зрения, что наиболее ярким проявлением влияния Октября на японское рабочее движение являются «рисовые бунты». Подчеркивая важность этого движения, многие исследования выделяют этот вопрос в отдельную главу¹¹. Специально «рисовым бунтам» посвящена статья О.С. Николаевой «Августовско-сентябрьское движение в Японии в 1918 году», в которой отмечалось: «Влияние революции в России сказалось на огромном по масштабам и боевом по характеру августовско-сентябрьском движении 1918 г., показавшем, сколь велика может быть энергия угнетенных масс в революционные периоды истории. Глубокое революционизирующее воздействие Великой Октябрьской социалистической революции придало этому стихийному движению огромный размах и боевой, наступательный характер. Сам факт победы угнетенных над угнетателями и первые декреты Советской власти о мире и земле оказали сильное влияние на японских трудящихся. Они способствовали повышению их активности. Вести о победе русского народа проникали в Японию, несмотря на строжайшую цензуру. Августовско-сентябрьское движение 1918 г. отличалось чрезвычайным разнообразием форм... Широко применялась чисто пролетарская форма борьбы – стачка»¹².

По авторитетному заявлению Сэн Катаямы, это было «первое в истории Японии массовое боевое выступление японского пролетариата»¹³, которое произошло «под прямым влиянием русской революции» и дало «толчок рабочему движению по всей стране»¹⁴.

Идеи русской революции были восприняты участниками «рисовых бунтов» в малоосознанной форме, и хотя эти выступления окончились поражением, их значение для развития революционного движения в Японии огромно. Это подчеркивалось во всех работах¹⁵.

«Рисовые бунты» сопровождались массовым стачечным движением. В 1919 г. количество забастовок выросло более чем в девять раз по сравнению с 1914 г. В 1921 г. помимо чисто экономических выдвигались требования 8-часового рабочего дня, создания фабрично-заводских комитетов, введения рабочего контроля, заключения коллективных договоров и т. д.¹⁶

Несмотря на поражение «рисовых бунтов», они имели большое значение для дальнейшего развития рабочего движения. Сэн Катаяма так

оценил их итоги: «Опыт “рисовых бунтов” и огромной стачечной волны показал, что стихийное массовое выступление пролетариата не может быть победоносным. Ключ к революционной победе – в организации. Вот урок, который извлек японский пролетариат из этой борьбы»¹⁷.

Революция оказала большое идеологическое воздействие на формирование рабочего и социалистического движения в Японии, она способствовала отходу рабочего движения от анархо-синдикализма. «Она сделала гораздо более популярными и притягательными идеи социализма...»¹⁸ Подчеркивая этот факт, Б.Г. Сапожников отмечал следующее: «Учитывая опыт русской революции, марксисты смелее разоблачают буржуазные и мелкобуржуазные теории социализма. Распространение идей научного социализма способствовало отходу честных и преданных марксизму интеллигентов от анархо-синдикализма, в марксистские кружки вошли многие передовые рабочие Японии. Октябрьская социалистическая революция в России оказала серьезное влияние на рост классового самосознания рабочих и крестьян Японии, на формирование марксистского направления в социалистическом движении»¹⁹.

Об этом же писал Х.Т. Эйкус в своей статье «Великий Октябрь и революционное движение в Японии»: «После Октябрьской революции в стране обострились идеологические разногласия между марксистами и анархистами... Марксизм становится господствующей идеологией в рабочей среде, подавляющее число рабочих и студенческих кружков по существу стали коммунистическими»²⁰.

Массовый подъем, охвативший Японию в 1918–1919 гг., привел к оживлению не только забастовочного и профсоюзного движения, но и социалистического движения. Здесь надо отметить, что Октябрьская революция значительно повлияла на изменение характера социалистического движения. Инициатором на этот раз выступило японское студенчество. «Создаваемые в 1919–1920 гг. при ряде университетов социалистические кружки и общества вначале существуют изолированно, но потом начинают координировать и объединять свои действия»²¹.

Говоря о влиянии Октябрьской революции на рабочее и социалистическое движение Японии, советские историки отметили, что она способствовала и подъему общедемократического движения, в частности всенародному движению за всеобщее избирательное право. Так, ленинградский историк З. Ханин писал: «С начала 20-х годов по всей стране развернулось движение за всеобщее избирательное право. Оно в значительной степени

явилось результатом подъема общедемократического движения во всем мире, вызванного Великой Октябрьской революцией»²².

Октябрь и революционное движение создали условия для возникновения коммунистических партий в капиталистических странах. Образование Коммунистической партии Японии в 1922 г. было итогом революционного подъема японских трудящихся и крупным завоеванием японского рабочего класса²³. В образовании Коммунистической партии Японии проявилось, как писал И. М. Сырицын, «наиболее полно влияние Великой Октябрьской социалистической революции»²⁴.

Признание огромного международного значения победы русского пролетариата, классовую солидарность с ним проявил японский пролетариат в 1932 г., когда в условиях жесточайшего политического террора в Японии во многих местах состоялись выступления, посвященные 15-летию Октября, и «празднование Октябрьской революции всколыхнуло пролетариат Японии, дало еще один политический урок»²⁵.

Интересные факты о праздновании Октября в Японии приведены в диссертации К. А. Гамазкова «Роль общества “Юйбуцурон кэнкюкай” в распространении марксизма-ленинизма в Японии...». Он отмечает: «...через десятки лет страницы журнала “Юйбуцурон кэнкюкай” вызывают волнение и прилив добрых чувств к людям, которые в трудное, жестокое время оставались на своем посту и мужественными делами отмечали каждый день Первого мая и каждую годовщину Октября»²⁶.

Классовую солидарность проявили японские трудящиеся, выступавшие против интервенции на Советском Дальнем Востоке. Контакт японских рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели, с русскими рабочими и крестьянами и произвел большой переворот в их сознании. Десятки профсоюзных и общественных организаций прогрессивного направления, передовые представители интеллигенции, невзирая на жестокие полицейские репрессии и преследования, вели широкую разъяснительную кампанию под лозунгом «немедленного и полного вывода войск, открытия торговых сношений и признания Советской республики».

Одним из факторов, способствовавших срыву японской интервенции, явились брожение в армии, а также отказы японских солдат от выступлений против русских рабочих и крестьян, братание с советскими партизанами и т. д.²⁷

В своих работах советские историки приводили много примеров, показывающих, с какой симпатией относилась к молодому Советскому государству передовая часть японского общества. О том, как была принята в Японии в 1925 г. первая советская рабочая делегация во главе с Лепсе, рассказывает книга В. Ваксова²⁸.

Дальнейшее научное исследование источников, особенно архивных документов, мемуарной литературы, автобиографий, переписки, работ японских историков впишет новые страницы в дело изучения вопроса о влиянии Октябрьской революции на Японию.

Едва ли не самой характерной чертой послевоенной японской историографии является стремление объективно подойти к историческим процессам в противовес официозной историографии 20–30-х гг. Появление в современной Японии целого ряда работ под стереотипным названием «История Японии в новом освещении» отражает тенденцию к переосмыслению хода исторического процесса; их авторы пытаются раскрыть связь между явлениями, обосновать закономерности исторического развития. Это касается и событий 1917 г. в России. Революция воспринимается как историческое событие, оказавшее влияние на мир, а не как на событие, имеющее отношение только к России. Японские историки разной политической ориентации не обходят молчанием русскую революцию, они отмечают её влияние и на внутривнутриполитические события в стране, стараются найти ключ к пониманию важнейших процессов в мировой истории.

В первую очередь следует упомянуть две книги, целиком посвященные Октябрьской революции. Первая из них принадлежит перу японского журналиста, специалиста в области международных отношений и культуры Утияма Цутому. Автор в публицистической форме излагает предысторию и историю Октябрьской революции, оценивая ее как начало новой эпохи, а день 7 ноября как рассвет новой эры²⁹.

Ровесник Октябрьской революции Кацубэ, Хадзимэ в своей книге «Великая пролетарская революция» на основе конкретных материалов излагает подробную историю русской революции. Как пишет сам автор, его цель – разоблачить ложь и демагогию правящих классов и рассказать правду японскому народу, от которого скрываются действительные исторические факты. По всей видимости, автор стоит на позициях марксизма или, во всяком случае, близок к ним³⁰.

Специальные разделы посвящены Октябрьской революции в исследованиях Синобу Сэйдзабуро, Эгути Бокуро, Оконоги Синдзабуро, Иноуэ Киёси, Судзуки Масаси. Отмечая историческое значение Октября, Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Масаси пишут, что революция «явилась решающим поворотным пунктом в развитии мировой истории; на одной шестой части земного шара рухнула капиталистическая система»³¹. Эгути Бокуро в своей книге «Империализм и нации» подчеркивает, что при периодизации современной истории «необходимо учитывать как величайший момент русскую Октябрьскую революцию 1917 г. и установление Советской власти»³².

Указывая, что главным показателем общего кризиса капитализма является прорыв всемирного фронта империализма и раскол мира на две системы, авторы книги «Современная история Японии» характеризуют русскую революцию как решающий фактор в этом процессе: «Великая социалистическая революции в России свидетельствовала о противоречиях, разрывавших капиталистический мир, и о его чрезвычайной слабости. Мировой капитализм, стремившийся путем развязывания захватнической войны избежать кризиса, после революции в России вступил в полосу глубокого всеобщего кризиса»³³. В работе «Лекции по истории Японии» под редакцией Уэхара Сэнроку и Нисиока Тораноскэ в разделе «Начало всеобщего кризиса» также подчеркивается, что «советская социалистическая революция поделила мир на две части, ввергла мир капитализма во всеобщий кризис»³⁴. Мацудзима Хироси в статье «Рисовые бунты и отправка войск в Сибирь» пишет, что благодаря русской революции «цепь мирового империализма была прорвана, и наряду с капитализмом стал существовать социализм и начался всеобщий кризис капитализма»³⁵.

Касаясь вопроса об Октябре, японские историки подробно анализируют историческую обстановку, сложившуюся к октябрю 1917 г., исследуют причины победы революции. Так, в книге «Современная история Японии» о предреволюционной обстановке в России говорится: «После временного поражения революции 1905 г. с весны 1912 г. поднялась новая волна революционного движения. Постепенно увеличивалось количество забастовок, росла политическая роль рабочих. Поднялось на борьбу с помещиками крестьянство. Начались революционные выступления в царской армии и флоте. В 1914 г. это

движение продолжало расти. Одной из причин форсирования войны царизмом явилось стремление отвлечь внимание от революционной борьбы подогреванием милитаризма. Однако война еще более углубила кризис господствующего класса России... Борьба народа проходила под руководством партии большевиков, которая была организующей и руководящей силой»³⁶.

Эгути Бокуро отмечает высокую концентрацию производства в России, рост рабочего класса, его организованность, экономическую зависимость страны от иностранного капитала как объективные факторы, способствовавшие победе революции, вместе с тем указывает на значение теоретической базы революционного движения. Работу В.И. Ленина «Что такое друзья народа» он оценивает как новую ступень в развитии революционной теории. Автор специально останавливается на значении для России крестьянского и национального вопросов.

Касаясь проблемы характера русской революции, Эгути Бокуро подчеркивает, что это революция эпохи империализма, что она вызвана всем ходом исторического развития общества. «Нечего и говорить о том, что хотя на русскую революцию большое влияние оказали исторические особенности русского общества, причина того, что русская революция стала предметом обсуждения в этой книге, заключается в ее связи с современной мировой историей; нельзя объяснить русскую революцию только особенностями России».

Далее он пишет: «Русская революция несомненно является социалистической революцией; декреты, обнародованные непосредственно после революции, были направлены на решение социалистических задач – прекращение империалистической войны, национализацию банков и крупных предприятий, установление рабочего управления на заводах и т.д. Вместе с тем благодаря Октябрьской революции были решены земельный и национальный вопросы; без этого русская революция не имела бы успеха»³⁷.

Японские историки отмечают как факт большого исторического значения возникновение пролетарского государства, осуществление социализма на практике. Характеризуя русскую революцию, авторы «Современной истории Японии» подчеркивают: «Советское правительство и большевистская партия создали новое государство, национализировали землю, все крупные предприятия, решительно ликвидировали пережитки

капитализма в сфере общественной жизни, уравнивали в правах женщин, постепенно осуществили революционный курс на уравнивание в правах и на свободное развитие всех национальностей России, которая при царизме была тюрьмой народов»³⁸.

Сиота Сёбэй, прогрессивный японский исследователь в области истории рабочего движения, так пишет об этом: «Социализм, который в течение долгого времени был мечтой человечества, впервые стал реальностью. На земном шаре стали сосуществовать две общественные системы – капитализм и социализм и... человечество решительно повернуло к социализму; началась новая эра. Капитализм уже сыграл свою историческую роль»³⁹.

Мацудзима Хирosi, называя Октябрьскую революцию «коренным поворотом в мировой истории и в истории Азии», подчеркивает, что «Октябрьская революция явилась отправной точкой – впервые в истории пролетариат взял политическую власть и построил новое общество без эксплуатации и классов»⁴⁰.

Но, пожалуй, больше всего внимания японские историки уделяют влиянию Октябрьской революции на Японию, на развитие социалистического движения, национально-освободительной борьбы в колониальных и зависимых странах, интернациональному характеру и международному значению русской революции. В многотомной истории Японии, к работе над которой были привлечены такие известные историки, как Исимода Сё, Тояма Сигэки и другие, конкретно показывается влияние русской революции на страны Восточной Азии⁴¹.

В книге Сиота Сёбэй есть специальная глава «Успехи русской революции и ее влияние», где он пишет, что вслед за русской революцией поднялась колониальная и зависимая Азия, угнетаемая иностранным империализмом. Это движение за независимость в Корее, «движение 4 мая» в Китае. «В Японии также поднялось массовое движение, охватившее летом 1918 г. всю страну. Это – рисовые бунты»⁴². Мацудзима Хирosi также отмечает, что Октябрьская революция не только оказала революционное влияние на пролетариат всех капиталистических государств, но и воодушевила народы зависимых и колониальных стран, страдающих от господства империализма, и привела к новому подъему национально-освободительного движения». Далее, оце-

нивая значение образования Советского государства, он пишет, что «национально-освободительное движение и революционное движение пролетариата в капиталистических странах наряду с фактом существования Советского Союза создали основу для формирования великого антиимпериалистического лагеря»⁴³. Иноуэ Киёси и Судзуки Масаси в книге «История Японии нового времени» выделяют специальную главу «Влияние русской революции», где они отмечают то большое воздействие, которое она оказала на революционное, рабочее и крестьянское движение в Японии и в Европе⁴⁴. В книге «Политическая история», написанной профессором университета Хосэй Накамура Акира, где почти ничего не говорится о русской революции, отмечается ее влияние на забастовочное движение и «рисовые бунты»⁴⁵.

О непосредственном влиянии революции в России на Японию говорится в книге «Современная история»: «Свержение царизма и установление революционной власти ввергло в шок японские господствующие круги»⁴⁶. Это и понятно, поскольку «для японской политики на Дальнем Востоке падение Российской империи и установление социалистического строя означили крушение системы внешней политики Японии»⁴⁷.

Акамацу Кацумаро, деятель социалистического и профсоюзного движения, останавливаясь на событиях, связанных с Октябрем, пишет, что «новости о революции, ежедневно публикуемые всеми иностранными газетами, воспринимались прогрессивными интеллигентами и рабочими Японии как чудо»⁴⁸. По поводу того, как встретили русскую революцию японские социалисты, Окоти Кадзуо и Мацуо Хироси пишут, что «то обстоятельство, что в России на практике совершилась социалистическая революция и утвердилась впервые рабоче-крестьянская власть, чрезвычайно обрадовало японских социалистов»⁴⁹.

Профессор университета Васэда Нисиока Такао отмечает, что «русская революция 1917 г. оказала стимулирующее влияние на рабочее движение в нашей стране»⁵⁰.

В популярном издании «История Японии», выпущенном газетой «Ёмиури» (в ее создании принимали участие различные по своим взглядам историки – Тоёда Сиро, Вакамори Таро, Окада Акио и др.), отмечается глубокое идеологическое влияние русской революции на японских рабочих и интеллигенцию⁵¹.

В 2017 г. вышло фундаментальное исследование, связанное со 100-летием революции в России. Оно было подготовлено совместно с Российским государственным архивом социально-политической истории и Фондом японских историков. И Япония в этой работе представлена одним из лучших специалистов в области российской истории – профессор Вада Харуки. Он пишет: «Влияние Российской революции на мировое сообщество трудно переоценить. Даже в событиях, казалось бы, чрезвычайно от нее далеких, прослеживаются отголоски этого грандиозного исторического явления, навсегда изменившего картину мира. Последствия революции сказались практически на всех странах и режимах, вынужденных не только принять этот неожиданный вызов истории, но и надлежащим образом осмыслить его в контексте своих собственных внутренних политических и социальных проблем... Научное осмысление Российской революции началось в Японии только после 1956 года, когда было создано японское общество исследователей Российской истории (ЯОИРИ). Его костяк составили бывшие аспиранты, учителя высших средних школ и студенты. Некоторые из них были коммунистами испытывавшими разочарование в политике. Самой малочисленной группой общества оказались университетские профессора... Новая концепция русской революции как феномена эпохи мировых войн стала формироваться в начале 1980-х годов, после моего годичного пребывания в Советском Союзе... 11 ноября 2017 года на ежегодной конференции Сигакукай, старейшего общества историков Японии, прошла сессия, посвященная столетию Российской революции, где я выступил с основным докладом “Раздумья о столетии Российской революции”... Закljučая обзор, должен заметить, что японское научное сообщество чрезвычайно активно включилось в юбилейный процесс накануне столетия Русской революции и во многом способствовало росту интереса японской общественности к столетию этого масштабного события, оказавшего огромное влияние на развитие человечества в XX столетии»⁵².

Даже беглый обзор японской историографии дает возможность убедиться, что японские историки в подавляющем большинстве дают объективную оценку эпохальному значению Октябрьской революции. Это свидетельствует о росте в послевоенной Японии удельного веса исторических исследований, основанных на объективном научном анализе.

- ¹ Великий Октябрь и народы Востока. М., 1957; *Ким Г.Ф., Шариф М.А.* Великий Октябрь и страны Востока. М., 1957; Ленин и Восток. М., 1960 и др.
- ² *Топеха П.П.* Японский пролетариат в борьбе против империалистической войны. М., 1932; Юрковский. Япония, М.-Л., 1928 и др.
- ³ См. работы Сэн Катаямы: К 15-летию «рисовых бунтов» 1918 года в Японии // Коммунистический Интернационал. 1933. № 26/27. С. 11–18; Октябрьская революция и трудящиеся Японии // Правда. 7.XI.1933; К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии // Коммунистический Интернационал. 1933. № 7/8. С. 76–87.
- ⁴ См.: *Латышев И.А.* Эхо Октября в Японии // Азия и Африка сегодня. М., 1962. № 11. С. 5–8.
- ⁵ Октябрь и Япония (по материалам симпозиума). М., 1968.
- ⁶ См.: *Жуков Е.* История Японии: краткий очерк. М., 1939. С. 175; *Гольдберг Д.И.* Октябрь и революционное движение в Японии в 1917–1922 гг. // Вестник ЛГУ. 1960. № 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 5–8; *Николаева О.С.* Августовско-сентябрьское движение в Японии в 1918 году // Современный Восток. 1957. С. 104–106; Очерки новой истории Японии. М., 1958. С. 496; *Эйдус Х.Т.* Очерки новой и новейшей истории Японии. М., 1955. С. 114–116 и др.
- ⁷ *Жуков Е.М.* Первый этап развития социалистического движения в Японии и марксизм // Памяти Карла Маркса. М.-Л., 1933; *Гольдберг Д.И.* Возникновение и первый этап рабочего и социалистического движения в Японии // Вопросы истории. 1956. № 8; Его же. Третий этап рабочего и социалистического движения в Японии (1907–1917) // Проблемы востоковедения. 1959. № 6; *Топеха П.П.* Влияние октябрьской революции на Японию // Народы Азии и Африки. 1967. № 5. С. 67–75.
- ⁸ *Жуков Е.* История Японии... С. 175.
- ⁹ *Гольдберг Д.И.* Октябрь и революционное движение в Японии в 1917–1922 гг. С. 5; *Сырицын И.М.* Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на рабочее движение в Японии // Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М., 1952. С. 185–190; *Эйдус Х.Т.* Великий Октябрь и революционное движение в Японии // Современный Восток. М., 1957. № 6. С. 4–6.
- ¹⁰ Так, в «Очерках новейшей истории Японии» (М., 1957) отмечается, что «проникшая в Японию весть о пролетарской революции в России способствовала росту политического самосознания японских трудящихся и подъему борьбы трудящихся масс против эксплуататорских классов» (С. 6).
- ¹¹ См.: *Эйдус Х.Т.* Очерки новой и новейшей истории Японии. С. 114–116.
- ¹² *Николаева О.С.* Августовско-сентябрьское движение в Японии в 1918 году. С. 107–108.
- ¹³ *Сэн Катаяма.* К 15-летию «Рисовых бунтов» 1918 года в Японии. С. 11.
- ¹⁴ *Сэн Катаяма.* Япония. М., 1929. С. 29.

- 15 По этому вопросу см. также: Страны Тихого океана. М., 1942. С. 84; Юрковский. Япония. С. 82; *Хаяма У.* Рабочее движение в Японии. М., 1937. С. 49–50; Очерки новой истории Японии. М., 1958. С. 496; *Эйдус Х.Т.* Очерки новой и новейшей истории Японии. С. 117; Новая история стран зарубежного Востока. М., 1952. Т. 2. С. 171 и др.
- 16 *Хаяма У.* Рабочее движение в Японии. С. 50–67.
- 17 *Сэн Катаяма.* Статьи и мемуары. М., 1959. С. 139.
- 18 Очерки новой истории Японии. С. 497.
- 19 *Сапожников Б.Г.* Японская историография Октябрьской социалистической революции в России // Зарубежная литература об Октябрьской революции. М., 1961. С. 271.
- 20 *Эйдус Х.Т.* Великий Октябрь и революционное движение в Японии. С. 5.
- 21 *Хаяма У.* Рабочее движение в Японии. С. 112. Тот же факт отмечается и в «Очерках новейшей истории Японии»: «Великая Октябрьская социалистическая революция оказала большое влияние на распространение социалистических идей среди японской интеллигенции, в особенности студенчества. В 1917–1920 гг. во многих японских университетах возникли социалистические группы или кружки» (С. 12).
- 22 *Ханин З.* Из истории крестьянского движения в Японии // Ученые записки ЛГУ. 1959. № 288. Серия востоковедных наук. Вып. 11: История и философия стран Востока. С. 52.
То же отмечает Гольдберг: «В 1918–1919 гг. происходил подъем демократического движения в японской интеллигенции; одна из основных его целей заключалась в расширении избирательных прав... Значительно усилилось движение левой профессуры и студенчества» (Вестник ЛГУ. 1960. № 14. Серия истории, литературы и языка. Вып. 3. С. 13). См. также: *Хаяма У.* Рабочее движение в Японии. С. 115–116 и др.
- 23 Вестник ЛГУ. 1960. № 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 17.
- 24 Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М., 1952. С. 189.
- 25 *Туров А.* Война и революционное движение в Японии. Хабаровск, 1933. С. 48–50.
- 26 *Гамазков К.А.* Роль общества «Юйбуцурон кэнкюкай» в распространении марксизма-ленинизма в Японии (1932–1938 гг.): дисс. канд. ист. наук. М., 1965. С. 16–17, 176.
- 27 Новейшая история стран зарубежного Востока. М., 1952. С. 138; *Хаяма У.* Рабочее движение в Японии. С. 114–115; Виленский В. Япония. М., 1929. С. 196–197 и др.
- 28 *Ваксов В.* Семь дней, которые потрясли Японию. М., 1925; см. также: *Эйдус Х.Т.* Рабочее движение в стране Восходящего солнца. М., 1929; Его же. Профдвижение в Японии. М., 1930 и др.
- 29 *Утияма Цутому.* Рэкиси-но цукурарэру хи (День, создавший историю). Токио, 1959. С. 159.
- 30 *Кацубэ Хадзимэ.* Пурорэтэриа дай какумэй (Великая пролетарская революция). Токио, 1949. Т. 2. С. 325–326.

Революции 1917 г. в России в советской и японской историографии 1920-1960-х гг.

- ³¹ *Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Масаси*. Гэндай нихон-но рэкиси (Новейшая история Японии). Т. 1. С. 5.
- ³² *Эгүти Бокуро*. Тэйкокусюги то миндзоку (Империализм и нация). Токио, 1963. С. 141.
- ³³ *Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Масаси*. Гэндай Нихон-но рэкиси (Современная история Японии). Т. 2. С. 29.
- ³⁴ Нихон рэкиси кодза (Очерки истории Японии). Токио, 1956. Т. 6. С. 62.
- ³⁵ Киндай нихон-но аюми (Ход японской истории в новое время). Киото, 1961. С. 146.
- ³⁶ *Иноуэ Киёси, Судзуки Масаси*, Нихон киндай си (Новая история Японии). Токио, 1956. Т. 2. С. 29.
- ³⁷ *Эгүти Бокуро*, Тэйкокусюги то миндзоку. С. 142–150, 154–155.
- ³⁸ *Иноуэ Киёси, Судзуки Масаси*, Нихон киндай си (История Японии в новое время). Т. 2. С. 33.
- ³⁹ *Сиота Сёбэй*, Нихон родо ундо-но рэкиси (История рабочего движения в Японии). Токио, 1965. С. 66.
- ⁴⁰ Киндай нихон-но аюми. С. 146.
- ⁴¹ Нихон-но рэкиси иванами кодза. Токио, 1963. Т. 19. С. 41.
- ⁴² *Сиота Сёбэй*, Нихон родо ундо-но рэкиси. С. 67.
- ⁴³ Киндай нихон-но аюми. С. 146.
- ⁴⁴ *Иноуэ Киёси, Судзуки Масаси*. Нихон киндай си. С. 2. С. 45.
- ⁴⁵ *Накамура Акира*. Сэйдзи си (Политическая история). С. 180.
- ⁴⁶ Гэндай си (Современная история). Токио, 1957. С. 26.
- ⁴⁷ Нихон рэкиси кодза. Т. 6. С. 62.
- ⁴⁸ *Акамацу Кацумаро*. Нихон сякай ундо си (История общественного движения в Японии). Токио, 1959. С. 149.
- ⁴⁹ *Окоти Кадзуо, Мацуо Хироси*. Нихон родо-кумий моногатари (Японские профсоюзы). Т. 2, Токио. С. 88.
- ⁵⁰ *Нисиока Такао*. Нихон родо-кумий сосики. Токио, 1961. С. 91.
- ⁵¹ Нихон-но рэкиси. Ёмиури хэн. Токио, 1960. Т. 12. С. 86–87.
- ⁵² *Вада Харуки*. Юбилейный год российской революции в Японии // Революция – 100: реконструкция юбилея. М., 2017. С. 805–819.

Революционные события и Гражданская война в «урянхайском измерении» (1917-1921 гг.)

Синьхайская революция в Китае привела в 1911–1912 гг. к свержению Цинской династии и отпадению от государства сначала Внешней Монголии, а затем и Тувы. Внешняя Монголия, получив широкую автономию, вернулась в состав Китая в 1915 г., а Тува, принявшая покровительство России, стала полунезависимой территорией, которая накануне Октябрьской революции в России была близка к тому, чтобы стать частью Российской империи. Но последний шаг – принятие тувинцами российского подданства – сделан не был¹.

В целом можно отметить, что в условиях российского протектората в Туве началось некоторое экономическое оживление. Этому способствовали освобождение от албана (имперского налога) и долгов Китаю, сравнительно высокие урожаи сельскохозяйственных культур, воздействие на тувинскую, в основном натуральную, экономику рыночных отношений, улучшение транспортных условий и т.п. Шло расширение русско-тувинских торговых связей. Принимались меры по снижению цен на ввозимые товары. Укреплялась экономическая связь Тувы с соседними сибирскими районами, особенно с Минусинским краем. Все

* Н. М. Моллеров (Кызыл)

это не подтверждает господствовавшее в советском тувиноведении мнение об ухудшении в Туве экономической ситуации накануне революционных событий 1917–1921 гг. Напротив, социально-политическая и экономическая ситуация в Туве в 1914–1917 гг., по сравнению с предшествующим десятилетием, заметно улучшилась. Она была в целом стабильной и имела положительную динамику развития. По каналам политических, экономических и культурных связей Тува (особенно ее русское население) была прочно втянута в орбиту разностороннего влияния России².

Обострение социально-политического положения в крае с 1917 г. стало главным образом результатом влияния революционных событий в России. В конце 1917 г. в центральных районах Тувы среди русского населения развернулась борьба местных большевиков и их сторонников за передачу власти в крае Советам. Противоборствующие стороны пытались привлечь на свою сторону тувинцев, однако сделать этого им не удалось. Вскоре краевая Советская власть признала и в договорном порядке закрепила право тувинского народа на самоопределение. Заключение договора о самоопределении, взаимопомощи и дружбе от 16 июня 1918 г. позволяло большевикам рассчитывать на массовую поддержку тувинцев в сохранении Советской власти в крае, но, как показали последующие события, эти надежды во многом не оправдались.

Охватившая Россию Гражданская война в 1918 г. распространилась и на Туву. Пришедшее к власти летом 1918 г. Сибирское Временное правительство и его новый краевой орган в Туве аннулировали право тувинцев на самостоятельное развитие и проводили жесткую и непопулярную национальную политику. В комплексе внешнеполитических задач Советского государства «важное место отводилось подрыву и разрушению колониальной периферии (“тыла”) империализма с помощью национально-освободительных революций»³. Китай, Монголия и Тува представляли собой в этом плане широкое поле деятельности для революционной работы большевиков. Вместе с тем нельзя сказать, что первые шаги НКВД РСФСР в отношении названных стран отличались продуманностью и эффективностью. В первую очередь это касается опрометчивого заявления об отмене пакета «восточных» договоров царского правительства. Жертвой такой политики на китайско-монгольско-урянской направленности стала «кяхтинская система»

(соглашения 1913–1915 гг.), гарантировавшая автономный статус Внешней Монголии. Ее подрыв также сделал уязвимым для внешней агрессии бывший российский протекторат – Урянхайский край.

Китай и Япония поначалу придерживались прежних договоров, но уже в 1918 г. договорились об участии Китая в военной интервенции против Советской России. В соответствии с заключенными соглашениями, «китайские милитаристы обязались ввести свои войска в автономную Внешнюю Монголию и, опираясь на нее, начать наступление, ... чтобы отрезать Дальний Восток от Советской России»⁴. В сентябре 1918 г. в Ургу вступил отряд чахар (одного из племен Внутренней Монголии) численностью в 500 человек. Вслед за китайской оккупацией Монголии в Туву были введены монгольский и китайский военные отряды. Это дало толчок заранее подготовленному вооруженному выступлению тувинцев в долине р. Хемчик. В январе 1919 г. Ян Ши-чао был назначен «специальным комиссаром Китайской республики по Урянхайским делам»⁵. В Туве его активно поддерживали хемчикские нойоны Монгуш Буян-Бадьргы⁶ и Куулар Чимба⁷. В начальный период иностранной оккупации в Туве начались массовые погромы российских поселенцев (русских, хакасов, татар и др.), которые на время прекратились с приходом в край по Усинскому тракту партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина (июль – сентябрь 1919 г.).

Прибытие в край довольно сильной партизанской группировки насторожило монгольских и китайских интервентов. 18 июля 1919 г. партизаны захватили Белоцарск (ныне Кызыл). Монгольский отряд занял нейтральную позицию. Китайский оккупационный отряд находился далеко на западе. Партизан преследовал большой карательный отряд под командованием есаула Г. К. Бологова. В конце августа 1919 г. он вступил на территорию Тувы и 29 августа занял Кызыл. Партизаны провели ложное отступление и в ночь на 30 августа обрушились на белогвардейцев. Охватив город полукольцом, они прижали их к реке. В ходе ожесточенного боя бологовцы были полностью разгромлены. Большая их часть утонула в водах Енисея. Лишь две сотни белогвардейцев спаслись. Общие потери белых в живой силе составили 1500 убитых. Три сотни принудительно мобилизованных новобранцев, не желая воевать, сдались в плен. Белоцарский бой был самым крупным и кровопролитным сражением за весь период Гражданской войны

в Туве. Пополнившись продовольствием, трофейными боеприпасами, оружием и живой силой, сибирские партизаны вернулись в Минусинский край, где продолжили войну с колчаковцами. Тува вновь оказалась во власти интервентов.

Для монголов, как разделенной нации, большое значение имел лозунг «собирая» монгольских племен и территорий в одно государство. Возникнув в 1911 г. как национальное движение, панмонголизм с тех пор последовательно и настойчиво ставил своей целью присоединение Тувы к Монголии. Объявленный царским правительством протекторат над Тувой монголы никогда не считали непреодолимым препятствием для этого. Теперь же, после отказа Советской России от прежних договоров, и вовсе действовали открыто. После ухода из Тувы партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина в начале сентября 1919 г. монголы установили здесь военно-оккупационный режим и осуществляли фактическую власть. В ее осуществлении они опирались на авторитет амбын-нойона Тувы Соднам-Бальчира⁸ и правителей Салчакского и Тоджинского хошунов. Монголы притесняли и облагали поборами русское и тувинское население, закрывали глаза на погромы русских населенных пунктов местным бандитствующим элементом. Вопиющим нарушением международного права было выдвижение монгольским командованием жесткого требования о депортации русского населения с левобережья Енисея на правый берег в течение 45 дней. Только ценой унижений и обещаний принять монгольское подданство выборным (делегатам) от населения русских поселков удалось добиться отсрочки исполнения этого приказа.

Советское правительство в июне 1919 г. направило обращение к правительству автономной Монголии и монгольскому народу, в котором подчеркивало, что «в отмену соглашения 1913 г. Монголия, как независимая страна, имеет право непосредственно сноситься со всеми другими народами без всякой опеки со стороны Пекина и Петрограда»⁹. В документе совершенно не учитывалось, что, лишившись в лице российского государства покровителя, Монголия, а затем и Тува уже стали объектами для вмешательства со стороны Китая и стоявшей за ним Японии (члена Антанты), что сама Монголия возобновила попытки присоединить к себе Туву.

В октябре 1919 г. китайским правительством в Ургу был направлен генерал Сюй Шучжэн с военным отрядом, который аннулировал трех-

стороннюю конвенцию от 7 июня 1913 г. о предоставлении автономного статуса Монголии¹⁰. После упразднения автономии Внешней Монголии монгольский отряд в Туве перешел в подчинение китайского комиссара. Вскоре после этого была предпринята попытка захватить в пределах Советской России с. Усинское. На территории бывшего российского протектората Тувы недалеко от этого района были уничтожены пос. Гагуль и ряд заимок в верховьях р. Уюк. Проживавшее там русское и хакасское население в большинстве своем было вырезано. В оккупированной китайским отрядом долине р. Улуг-Хем были стерты с лица земли все поселения проживавших там хакасов. Между тем Советская Россия, скованная Гражданской войной, помочь российским переселенцам в Туве ничем не могла.

До 1920 г. внимание советского правительства было сконцентрировано на тех регионах Сибири и Дальнего Востока, где решалась судьба Гражданской войны. Тува к ним не принадлежала. Советская власть Енисейской губернии, как и царская в период протектората, продолжала формально числить Туву в своем ведении, не распространяя на нее свои действия. Так, в сводке Красноярской Губернской Чрезвычайной Комиссии за период с 14 марта по 1 апреля 1920 г. отмечалось, что «губерния разделена на 5 уездов: Красноярский, Ачинский, Канский, Енисейский и 3 края: Туруханский, Усинский и Урянхайский... Ввиду политической неопределенности Усинско-Урянхайского края, [к] формированию милиции еще не преступлено»¹¹.

Только весной 1920 г. советское правительство вновь обратило внимание на острую обстановку в Урянхае. 16–18 мая 1920 г. в тувинском пос. Баян-Кол состоялись переговоры Ян Шичао и командира монгольского отряда Чамзрына (Жамцарано) с советским представителем А. И. Кашниковым¹², по итогам которых Тува признавалась нейтральной зоной, а в русских поселках края допускалась организация ревкомов. Но достигнутые договоренности на уровне правительств Китая и Советской России закреплены не были, так и оставшись на бумаге. Анализируя создавшуюся в Туве ситуацию, А. И. Кашников пришел к мысли, что решить острый «урянхайский вопрос» раз и навсегда может только создание тувинского государства. Он был не единственным советским деятелем, который так думал. Но, забегаая вперед, отметим: дальнейшие события показали, что и после создания тувинского го-

сударства в 1921 г. этот вопрос на протяжении двух десятилетий продолжал оставаться предметом дипломатических переговоров СССР с Монголией и Китаем.

В конце июля 1920 г., в связи с поражением прояпонской партии в Китае и усилением освободительного движения в Монголии, монгольский отряд оставил Туву. Но его уход свидетельствовал не об отказе панмонголистов от присоединения Тувы, а о смене способа достижения цели, о переводе его в плоскость дипломатических переговоров с Советской Россией. Глава делегации монгольских революционеров С. Данзан во время переговоров 17 августа 1920 г. в Иркутске с уполномоченным по иностранным делам в Сибири и на Дальнем Востоке Ф.И. Гапоном интересовался позицией Советской России по «урянхайскому вопросу»¹³. В Москве в беседах монгольских представителей с Г.В. Чичериным этот вопрос ставился вновь. Учитывая, что будущее самой Монголии, ввиду позиции Китая еще неясно, глава НКВД обдумывал иную формулу отношений сторон к «урянхайскому вопросу», ставя его в зависимость от решения «монгольского вопроса»¹⁴.

Большинство деятелей Коминтерна, рассматривая Китай в качестве перспективной зоны распространения мировой революции, исходили из необходимости всемерно усиливать влияние МНРП на Внутреннюю Монголию и Баргу, а через них – на революционное движение в Китае. С этой целью объединение всех монгольских племен (к которым, без учета тюркского происхождения, относились и тувинцы) признавалось целесообразным¹⁵. Меньшая часть руководства Коминтерна уже тогда считала, что панмонголизм создавал внутреннюю угрозу революционному единству в Китае¹⁶.

Вопросами текущей политики по отношению к Туве также занимались общесибирские органы власти. Характеризуя компетентность Сиббюро ЦК РКП (б) и Сибревкома в восточной политике, уполномоченный НКВД в Сибири и на Дальнем Востоке Ф.И. Гапон отмечал: «Взаимосплетение интересов Востока, с одной стороны, и Советской России, с другой, так сложно, что на тонкость, умелость революционной работы должно быть обращено особое внимание. Солидной постановке этого дела партийными центрами Сибири не только не уделяется внимания, но в практической плоскости этот вопрос вообще не ставится»¹⁷. Справедливость этого высказывания находит подтверждение

в практической деятельности Сиббюро ЦК РКП (б) и Сибревкома, позиция которых в «урянхайском вопросе» основывалась не на учете ситуации в регионе, а на общих указаниях Дальневосточного Секретариата Коминтерна (далее – ДВСКИ).

Ян Шичао, исходя из политики непризнания Китайской Республики Советской России, пытаясь упрочить свое пошатнувшееся положение из-за революционных событий в Монголии, стал добиваться от русских колонистов замены поселковых советов одним выборным лицом с функциями сельского старосты. Вокруг китайского штаба концентрировались белогвардейцы и часть тувинских нойонов. Раньше царская Россия была соперницей Китая в Туве, но китайский комиссар в своем отношении к белогвардейцам руководствовался принципом «меньшего зла» и намерением ослабить здесь «красных» как наиболее опасного соперника.

В августе 1920 г. в ранге Особоуполномоченного по делам Урянхайского края и Усинского пограничного округа в Туву был направлен И.Г. Сафьянов¹⁸. На него возлагалась задача защиты «интересов русских поселенцев в Урянхае и установление дружественных отношений как с местным коренным населением Урянхая, так и с соседней с ним Монголией»¹⁹. Решением президиума Енисейского губкома РКП (б) И.Г. Сафьянову предписывалось «самое бережное отношение к сойотам (т.е. к тувинцам. – *Н.М.*) и самое вдумчивое и разумное поведение в отношении монголов и китайских властей»²⁰. Практические шаги по решению этих задач он предпринимал, руководствуясь постановлением ВЦИК РСФСР, согласно которому Тува к числу регионов Советской России отнесена не была²¹.

По прибытии в Туву И.Г. Сафьянов вступил в переписку с китайским комиссаром. В письме от 31 августа 1920 г. он уведомил Ян Шичао о своем назначении и предложил ему «по всем делам Усинского Пограничного Округа, а также ... затрагивающим интересы русского населения, проживающего в Урянхае», обращаться к нему. Для выяснения «дальнейших взаимоотношений» он попросил назначить время и место встречи²². Что касается Ян Шичао, то появление в Туве советского представителя, ввиду отсутствия дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем, было им воспринято настороженно. Этим во многом объясняется избранная Ян Шичао

тактика: вести дипломатическую переписку, уклоняясь под разными предложениями от встреч и переговоров.

Сиббюро ЦК РКП (б) в документе «Об условиях, постановке и задачах революционной работы на Дальнем Востоке» от 16 сентября 1920 г. определило: «...пока край не занят китайскими войсками (видимо, отряд Ян Шичао в качестве серьезной силы не воспринимался. – Н.М.), ...должны быть приняты немедленно же меры по установлению тесного контакта с урянхами и изоляции их от китайцев»²³. Далее говорилось о том, что «край будет присоединен к Монголии», в которой «урянкам должна быть предоставлена полная свобода самоуправления... [и] немедленно убраны русские административные учреждения по управлению краем»²⁴. Центральным пунктом данного документа, несомненно, было указание на незамедлительное принятие мер по установлению связей с тувинцами и изоляции их от китайцев. Мнение тувинцев по вопросу о вхождении (невхождении) в состав Монголии совершенно не учитывалось. Намерение упразднить в Туве русскую краевую власть (царскую или колчаковскую) запоздало, поскольку ее там давно уже не было, а восстанавливаемые советы свою юрисдикцию на тувинское население не распространяли. Этот план Сиббюро был одобрен Политбюро ЦК РКП (б) и долгое время определял политику Советского государства в отношении Урянхайского края и русской крестьянской колонии в нем.

18 сентября 1920 г. Ян Шичао на первое письмо И.Г. Сафьянова ответил, что его назначением доволен, и принес свои извинения в связи с тем, что вынужден отказаться от переговоров по делам Урянхы, как подлежащим исключительному ведению правительства²⁵. На это И.Г. Сафьянов в письме от 23 сентября 1921 г. пояснил, что он переговоры межгосударственного уровня не предлагает, а собирается «поговорить по вопросам чисто местного характера». «Являясь представителем РСФСР, гражданами которой пожелало быть и все русское население в Урянхее, – пояснил он, – я должен встать на защиту его интересов...» Далее он сообщил, что с целью наладить «добрососедские отношения с урянхами» решил пригласить их представителей на съезд «и вместе с ними обсудить все вопросы, касающиеся обеих народностей в их совместной жизни»²⁶, и предложил Ян Шичао принять участие в переговорах.

Одновременно И.Г. Сафьянов отправил еще два официальных письма. В письме тувинскому нойону Даа хошуна Буяну-Бадыргы он сообщил, что направлен в Туву в качестве представителя РСФСР «для защиты интересов русского населения Урянхая» и для переговоров с ним и другими представителями тувинского народа «о дальнейшей совместной жизни». Он уведомил нойона, что «для выяснения создавшегося положения» провел съезд русского населения, а теперь предлагал созвать тувинский съезд²⁷. Второе письмо И.Г. Сафьянов направил в Сибревком (Омск). В нем говорилось о политическом положении в Туве, в частности об избрании на X съезде русского населения (16–20 сентября) краевой Советской власти, начале работы по выборам поселковых советов и доброжелательном отношении к проводимой работе тувинского населения. Монгольский отряд, писал он, покинул Туву, а китайский – ограничивает свое влияние районом торговли китайских купцов – долиной р. Хемчик²⁸.

28 сентября 1920 г. Енгубревком РКП (б) на своем заседании заслушал доклад о ситуации в Туве. В принятой по нему резолюции говорилось: «Отношение к Сафьянову со стороны сойотов очень хорошее. Линия поведения, намеченная Сафьяновым, следующая: организовать, объединить местные Ревкомы, создать руководящий орган “Краевую власть” по образцу буферного государства»²⁹. В протоколе заседания также отмечалось: «Отношения между урянхами и монголами – с одной стороны, китайцами – с другой, неприязненные и, опираясь на эти неприязненные отношения, можно было бы путем организации русского населения вокруг идеи Сов[етской] власти вышибить влияние китайское из Урянхайского края»³⁰.

В телеграфном ответе на письмо И.Г. Сафьянова председатель Сиббюро ЦК РКП (б) и Сибревкома И.Н. Смирнов³¹ 2 октября 1920 г. сообщил, что «Сиббюро имело суждение об Урянхайском крае» и вынесло решение: «Советская Россия не намерена и не делает никаких шагов к обязательному присоединению к себе Урянхайского края». Но так как он граничит с Монголией, то, с учетом созданных в русской колонии советов, «может и должен служить проводником освободительных идей в Монголии и Китае». В связи с этим, сообщал И.Н. Смирнов, декреты Советской России здесь не должны иметь обязательной силы, хотя организация власти по типу советов, «как агитация действием»,

желательна. В практической работе он предписывал пока «ограничиться» двумя направлениями: культурно-просветительным и торговым³². Как видно из ответа, Сиббюро ЦК РКП (б) настраивало сторонников Советской власти в Туве на кропотливую революционную культурно-просветительную работу. Учитывая заграничное положение Тувы (пока с неясным статусом) и задачи колонистов по ведению революционной агитации в отношении к Монголии и Китаю, от санкционирования решений краевого съезда оно уклонилось. Напротив, чтобы отвести от Советской России обвинения со стороны других государств в продолжение колониальной политики, русской колонии было предложено не считать декреты Советской власти для себя обязательными. В этом прослеживается попытка вполне оправдавшую себя с Дальневосточной Республикой (ДВР) «буферную» тактику применить в Туве, где она не являлась ни актуальной, ни эффективной. О том, как И.Г. Сафьянову держаться в отношении китайского военного отряда в Туве, Сиббюро ЦК РКП (б) никаких инструкций не давало, видимо полагая, что на месте виднее.

5 октября 1920 г. И.Г. Сафьянов уведомил Ян Шичао, что урянхайский съезд созывается 25 октября 1920 г. в местности Суг-Бажи, но из полученного ответа убедился, что китайский комиссар контактов по-прежнему избегает. В письме от 18 октября 1920 г. И.Г. Сафьянов вновь указал на крайнюю необходимость переговоров, теперь уже по назревшему вопросу о недопустимом поведении китайских солдат в русских поселках. Дело в том, что 14 октября 1920 г. они застрелили председателя Атамановского сельсовета А. Сниткина и арестовали двух русских граждан, отказавшихся выполнить их незаконные требования. В ответ на это местная поселковая власть арестовала трех китайских солдат, творивших бесчинства и произвол. «Как видите, дело зашло слишком далеко, – писал И.Г. Сафьянов, – и я еще раз обращаюсь к Вам с предложением возможно скорее приехать сюда, чтобы совместно со мной обсудить и разобрать это печальное и неприятное происшествие. Предупреждаю, что если Вы и сейчас уклонитесь от переговоров и откажетесь приехать, то я вынужден буду прервать с Вами всякие сношения, сообщить об этом нашему Правительству, и затем приму соответствующие меры к охране русских поселков и вообще к охране наших интересов в Урянхае». Сафьянов также предлагал

во время встречи обменяться арестованными пленными³³. В течение октября между китайским и советским представителями в Туве велась переписка по инциденту в Атамановке. Письмом от 26 октября 1920 г. Ян Шичао уже в который раз, ссылаясь на нездоровье, от встречи уклонился и предложил ограничиться обменом пленными³⁴. Между тем начатая И.Г. Сафьяновым переписка с тувинскими нойонами не могла не вызвать беспокойства китайского комиссара. Он, в свою очередь, оказал давление на тувинских правителей и сорвал созыв намеченного съезда.

Из вышеизложенного явствует, что китайский комиссар Ян Шичао всеми силами пытался удержаться в Туве. Революционное правительство Монголии поставило перед Советским правительством вопрос о включении Тувы в состав Внешней Монголии. НКВД РСФСР, учитывая в первую очередь «китайский фактор» как наиболее весомый, занимал по нему нейтрально-осторожную линию. Большинство деятелей Коминтерна и общесибирские партийные и советские органы в своих решениях по Туве, как правило, исходили из целесообразности ее объединения с революционной Монголией. Практические шаги И.Г. Сафьянова, представлявшего в то время в Туве Сибревком и Сиббюро ЦК РКП (б), были направлены на вовлечение представителя Китая в Туве в переговорный процесс о судьбе края и его населения, установление с той же целью контактов с влиятельными фигурами тувинского общества и местными советскими активистами. Однако китайский комиссар и находившиеся под его влиянием тувинские нойоны от встреч и обсуждений данной проблемы под разными предлогами уклонялись.

Концентрация антисоветских сил вокруг китайского штаба все более усиливалась. В конце октября 1920 г. отряд белогвардейцев корнета С.И. Шмакова перерезал дорогу, соединяющую Туву с Усинским краем. Водный путь вниз по Енисею в направлении на Минусинск хорошо простреливался с левого берега. Местные партизаны и сотрудники советского представительства в Туве оказались в окружении. Ситуация для них становилась все более напряженной³⁵. 28 октября 1920 г. И.Г. Сафьянов решил в сопровождении охраны выехать в местность Оттук-Даш, куда из района Шагаан-Арыга выдвинулся китайский отряд под командованием Линчана и, как ожидалось, должен был прибыть Ян Шичао. Но переговоры не состоялись.

На рассвете 29 октября 1920 г. китайские солдаты и мобилизованные тувинцы окружили советскую делегацию. Против 75 красноармейцев охраны выступил многочисленный и прекрасно вооруженный отряд. В течение целого дня шла перестрелка. Лишь с наступлением темноты окруженным удалось прорвать кольцо и отступить в Атамановку. В этом бою охрана И. Г. Сафьянова потеряла несколько человек убитыми, а китайско-тувинский отряд понес серьезные потери (до 300 человек убитыми и ранеными) и отступил на место прежней дислокации. Попытка Ян Шичао обеспечить себе в Туве безраздельное господство провалилась³⁶.

Инцидент на Оттук-Даше стал поворотным пунктом в политической жизни Тувы. Неудача китайцев окончательно подорвала их авторитет среди коренного населения края и лишила поддержки немногих, хотя и влиятельных, сторонников из числа хемчикских нойонов. Непозволительное в международной практике нападение на дипломатического представителя (в данном случае – РСФСР), совершенное китайской стороной, а также исходящая из китайского лагеря угроза уничтожения населенных пунктов русской колонии дали Советской России законный повод для ввода на территорию Тувы военных частей.

И. Г. Сафьянов поначалу допускал присоединение Тувы к Советской России. Он считал, что этот шаг «не создаст... никакого осложнения в наших отношениях с Китаем и Монголией, где сейчас с новой силой загорается революционный пожар, где занятые собственной борьбой очень мало думают об ограблении Урянхая...»³⁷. Теперь, когда вопрос о вводе в Туву советских войск стоял особенно остро, он, не колеблясь, поставил его перед Енгубкомом и Сибревкомом. 13 ноября 1920 г. И. Г. Сафьянов направил в Омск телеграмму: «Белые банды, выгоняемые из северной Монголии зимними холодами и голодом, намереваются захватить Урянхай. Шайки местных белобандитов, скрывающиеся в тайге, узнав это, вышли и грабят поселки, захватывают советских работников, терроризируют население. Всякая мирная работа парализована ими ... Теперь положение еще более ухудшилось, русскому населению Урянхая, сочувствующему советской власти, грозит полное истребление. Требую от вас немедленной помощи. Необходимо сейчас же ввести в Урянхай регулярные отряды. Стоящие в Усинском войска боятся нарушения международных прав. Ничего

они уже не нарушат. С другой стороны совершено нападение на вашего представителя...»³⁸

В тот же день председатель Сибревкома И. Н. Смирнов продиктовал по прямому проводу сообщение для В. И. Ленина (копия – Г. В. Чичерину), в котором обрисовал ситуацию в Туве. На основании данных, полученных от него 15 ноября 1920 г., Политбюро ЦК РКП (б) рассматривало вопрос о военной помощи Туве. Решение о вводе в край советских войск было принято, но выполнялось медленно. Еще в течение месяца И. Г. Сафьянову приходилось посылать тревожные сигналы в высокие советские и военные инстанции. В декабре 1920 г. в край был введен советский экспедиционный отряд в 300 штыков. В начале 1921 г. вошли и рассредоточились по населенным пунктам два батальона 190-го полка внутренней службы. В с. Усинском «в ближайшем резерве» был расквартирован Енисейский полк³⁹.

Ввод советских войск крайне беспокоил китайского комиссара в Туве. На его запрос от 31 декабря 1920 г. о причине их ввода в Туву И. Г. Сафьянов письменно ответил, что русским колонистам и тяготеющим к Советской России тувинцам грозит опасность «быть вырезанными»⁴⁰. Он вновь предложил Ян Шичао провести в Белоцарске 15 января 1921 г. переговоры о дальнейшей судьбе Тувы. Но даже в такой ситуации китайский представитель предпочел избежать встречи⁴¹.

Еще в первых числах декабря 1920 г. в адрес командования военной части в с. Усинском пришло письмо от заведующего сумоном Маады Лопсан-Осура⁴², в котором он сообщал: «Хотя вследствие недоразумения... вышла стычка на Оттук-Даше (напомним, что в ней на стороне китайцев участвовали мобилизованные тувинцы. – *Н.М.*), но отношения наши остались добрососедскими ... Если русские военные отряды не будут отведены на старые места, Ян Шичао намерен произвести дополнительную мобилизацию урянхов, которая для нас тяжела и нежелательна»⁴³. Полученное сообщение 4 декабря 1920 г. было передано в высокие военные ведомства в Иркутске (Реввоенсовет 5-й армии), Омске, Чите и, по-видимому, повлияло на решение о дополнительном вводе советских войск в Туву. Тревожный сигнал достиг Москвы.

На пленуме ЦК РКП (б), проходившем 4 января 1921 г. под председательством В. И. Ленина, вновь обсуждался вопрос «Об Урянхайском крае». Принятое на нем постановление гласило: «Признавая

формальные права Китайской Республики над Урянхайским краем, принять меры для борьбы с находящимися там белогвардейскими каппелевскими отрядами и оказать содействие местному крестьянскому населению...»⁴⁴ Вскоре в Туву были дополнительно введены подразделения 352 и 440 полков 5-й Красной Армии и направлены инструкторы в русские поселки для организации там ревкомов.

Ян Шичао, приведший ситуацию в Туве к обострению, вскоре был отозван пекинским правительством, но прибывший на его место новый военный комиссар Ман Шани продолжал придерживаться союза с белогвардейцами. Вокруг его штаба, по сообщению от командования советской воинской части в с. Усинское от 1 февраля 1921 г., сосредоточились до 160 противников Советской власти⁴⁵. А между тем захватом Урги Р. Ф. Унгерном фон Штернбергом в феврале 1921 г., изгнанием китайцев из Монголии их отряд в Туве был поставлен в условия изоляции, и шансы Китая закрепиться в крае стали ничтожно малыми.

Повышение интереса Советской России к Туве было также связано с перемещением театра военных действий на территорию Монголии и постановкой «урянской проблемы» – теперь уже революционными панмонголистами и их сторонниками в России. 2 марта 1921 г. Б.З. Шумяцкий⁴⁶ с И.Н. Смирновым продиктовали по прямому проводу для Г.В. Чичерина записку, в которой внесли предложение включить в состав Монголии Урянхайский край (Тува). Они считали, что монгольской революционной партии это прибавит сил для осуществления переворота во всей Монголии. А Тува может «в любой момент ... пойти на отделение от Монголии, если ее международное положение станет складываться не в нашу пользу»⁴⁷. По этому плану Тува должна была без учета воли тувинского народа войти в состав революционной Монголии. Механизм же ее выхода из монгольского государства на случай неудачного исхода революции в Китае продуман не был. Тем не менее, как показывают дальнейшие события в Туве и Монголии, соавторы этого плана получили на его реализацию «добро». Так, когда 13 марта 1921 г. в г. Троицкосавске было сформировано Временное народное правительство Монголии из семи человек, в его составе одно место было зарезервировано за Урянхаем⁴⁸.

Барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг, укрепившись в Монголии, пытался превратить ее и соседний Урянхайский край в плацдарм для

наступления на Советскую Россию. Между тем советское правительство, понимая это, вовсе не стремилось наводнить Туву войсками. С белогвардейскими отрядами успешно воевали главным образом местные русские партизаны, возглавляемые С.К. Кочетовым, а с китайцами – тувинские повстанцы, которые первое время руководствовались указаниями из Монголии. Позднее, в конце 1920-х гг., один из первых руководителей тувинского государства Куулар Дондук⁴⁹ вспоминал, что при Р.Ф. Унгерне фон Штернберге в Урге было созвано совещание монгольских князей, которое вынесло решение о разгроме китайского отряда в Туве⁵⁰. В первых числах марта 1921 г. в результате внезапного ночного нападения тувинских повстанцев на китайцев в районе Даг-Ужу он был уничтожен.

18 марта Б.З. Шумяцкий телеграфировал И.Г. Сафьянову: «По линии Коминтерна предлагается вам немедленно организовать урянхайскую нар[одно-] рев[олюционную] партию и народ[н]о-революционное правительство Урянхая... Примите все меры, чтобы организация правительства и нар[одно-] рев[олюционной] партии были осуществлены в самый краткий срок и чтобы они декларировали объединение с Монголией в лице создавшегося в Маймачене Центрального Правительства... Вы назначаетесь... с полномочиями Реввоенсовета армии 5 и особыми полномочиями от Секретариата (т.е. Дальневосточного секретариата Коминтерна. – Н.М.)»⁵¹. Однако И.Г. Сафьянов не поддерживал предложенный Шумяцким и Смирновым план, особенно ту его часть, где говорилось о декларировании тувинским правительством объединения Тувы с Монголией.

21 мая 1921 г. Р.Ф. Унгерн фон Штернберг издал приказ о переходе в подчинение командования его войск всех рассеянных в Сибири белогвардейских отрядов. На урянхайском направлении действовал отряд генерала И.Г. Казанцева⁵². Однако весной 1921 г. он был по частям разгромлен и рассеян партизанами (Тарлакшинский бой) и хемчикскими тувинцами⁵³.

После нескольких лет вооруженной борьбы наступила мирная передышка, которая позволила И.Г. Сафьянову и его сторонникам активизировать работу по подготовке к съезду представителей тувинских хошунов. Главным пунктом повестки дня должен был стать вопрос о статусе Тувы. В качестве возможных вариантов решения рассматри-

вались вопросы присоединения Тувы к Монголии или России, а также создание самостоятельного тувинского государства. Все варианты имели в Туве своих сторонников и шансы на реализацию.

Относительно новым для тувинцев представлялся вопрос о создании национального государства. Впервые представители тувинской правящей элиты заговорили об этом (по примеру Монголии) в феврале 1912 г., сразу после освобождения от зависимости Китая. Непременным условием его реализации должно было стать покровительство России. Эту часть плана реализовать удалось, когда в 1914 г. над Тувой был объявлен российский протекторат. Однако царская Россия вкладывала в форму протектората свое содержание, взяв курс на поэтапное присоединение Тувы. Этому помешали революционные события в России.

Второй раз попытка решения этого вопроса, как отмечалось выше, осуществлялась с позиций самоопределения тувинского народа в июне 1918 г. И вот после трудного периода Гражданской войны в крае и изгнания из Тувы иностранных интервентов этот вопрос обсуждался снова. Если прежде геополитическая ситуация не давала для его реализации ни малейших шансов, то теперь она, напротив, ей благоприятствовала. Немаловажное значение для ее практического воплощения имели данные И. Г. Сафьяновым гарантии об оказании тувинскому государству многосторонней помощи со стороны Советской России. В лице оставивших китайцев хемчикских нойонов Буяна-Бадырғы и Куулара Чимба, под властью которых находилось большинство населения Тувы, идея государственной самостоятельности получила активных сторонников.

22 мая 1921 г. И. Г. Сафьянов распространил «Воззвание [ко] всем урянхайским нойонам, всем чиновникам и всему урянхайскому народу», в котором разъяснял свою позицию по вопросу о самоопределении тувинского народа. Он также заверил, что введенные в Туву советские войска не будут навязывать тувинскому народу своих законов и решений⁵⁴. Из текста воззвания явствовало, что сам И. Г. Сафьянов одобряет идею самоопределения Тувы вплоть до образования самостоятельного государства.

Изменение политической линии представителя Сибревкома в Туве И. Г. Сафьянова работниками ДВСКИ и советских органов власти Сибири было встречено настроенно. 24 мая Сиббюро ЦК РКП (б)

рассмотрело предложение Б.З. Шумяцкого об отзыве из Тувы И.Г. Сафьянова. В принятом постановлении говорилось: «Вопрос об отзыве т. Сафьянова ...отложить до разрешения вопроса об Урянхайском крае в ЦК». Кроме того, Енисейский губком РКП (б) не согласился с назначением в Туву вместо Сафьянова своего работника, исполнявшего обязанности губернского продовольственного комиссара⁵⁵.

На следующий день Б.З. Шумяцкий отправил на имя И.Г. Сафьянова гневную телеграмму: «Требую от Вас немедленного ответа, почему до сих пор преступно молчите, предлагаю немедленно войти в отношение с урянхайцами и выйти из состояния преступной бездеятельности». Он также ставил Сафьянова в известность, что на днях в Туву прибудет делегация от монгольского народно-революционного правительства и революционной армии во главе с уполномоченным Коминтерна Б. Цивенжаповым⁵⁶, директивы которого для И.Г. Сафьянова обязательны⁵⁷. На это в ответной телеграмме 28 мая 1921 г. И.Г. Сафьянов заявил: «...Я и мои сотрудники решили оставить Вашу программу и работать так, как подсказывает нам здравый смысл. Имея мандат Сибревкома, выданный мне [с] согласия Сиббюро, беру всю ответственность на себя, давая отчет [о] нашей работе только товарищу Смирнову»⁵⁸.

14 июня 1921 г. глава НКВД РСФСР Г.В. Чичерин, пытаясь составить более четкое представление о положении в Туве, запросил мнение И.Н. Смирнова по «урянхайскому вопросу»⁵⁹. В основу ответа И.Н. Смирнова было положено постановление, принятое членами Сиббюро ЦК РКП (б) с участием Б.З. Шумяцкого. Он привел сведения о численности в Туве русского населения и советских войск и предложил для осуществления постоянной связи с Урянхаем направить туда представителя НКВД РСФСР из окружения Б.З. Шумяцкого. Также было отмечено, что тувинское население относится к монголам отрицательно, а русское «тяготеет к советской власти». Несмотря на это, Сиббюро ЦК РКП (б) решило: Тува должна войти в состав Монголии, но декларировать это не надо⁶⁰.

16 июня 1921 г. Политбюро ЦК РКП (б) по предложению народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина с одобрения В.И. Ленина приняло решение о вступлении в Монголию советских войск для ликвидации группировки Р.Ф. Унгерна фон Штернберга. Тем временем «старые» панмонголисты тоже предпринимали попытки подчинить

себе Туву. Так, 17 июня 1921 г. управляющий Цзасакту-хановским аймаком Сорукту ван, назвавшись правителем Урянхая, направил тувинским нойонам Хемчика письмо, в котором под угрозой сурового наказания потребовал вернуть захваченные у «чанчина Гегена» (т.е. генерала на службе у богдо-гегена) И.Г. Казанцева трофеи и служебные бумаги, а также приехать в Монголию для разбирательства⁶¹. 20 июня 1921 г. он сообщил о идущем восстановлении в Монголии нарушенного китайцами управления (т.е. автономии) и снова выразил возмущение разгромом тувинцами отряда генерала И.Г. Казанцева. Сорукту ван в гневе спрашивал: «Почему вы, несмотря на наши приглашения, не желаете явиться, заставляете ждать, тормозите дело и не о чем не сообщаете нам? ...Если вы не исполните наше предписание, то вам будет плохо»⁶².

Однако монгольский сайт (министр, влиятельный чиновник) этими угрозами ничего не добился. Хемчикские нойоны к тому времени уже были воодушевлены сафьяновским планом самоопределения. 22 июня 1921 г. И.Г. Сафьянов в ответе на адресованное ему письмо Сорукту вана пригласил монгольского сайта на переговоры, предупредив его, что «чинить обиды другому народу мы не дадим и берем его под свое покровительство»⁶³. 25–26 июня 1921 г. в Чадане состоялось совещание представителей двух хемчикских хошунов и советской делегации в составе представителей Сибревкома, частей Красной Армии, штаба партизанского отряда и русского населения края, на котором тувинские представители выразили желание создать самостоятельное государство и созвать для его провозглашения Всетувинский съезд. В принятом ими на совещании решении было сказано: «Представителя Советской России просим поддержать нас на этом съезде в нашем желании о самоопределении... Вопросы международного характера будущему центральному органу необходимо решать совместно с представительством Советской России, которое будет являться как бы посредником между тувинским народом и правительствами других стран»⁶⁴.

1 июля 1921 г. в Москве состоялись переговоры наркома иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина с монгольской делегацией в составе Бекзеева (Ц. Жамцарано) и Хорлоо. В ходе переговоров Г.В. Чичерин предложил формулу отношения сторон к «урянхайскому вопросу», в соответствии с которой: Советская Россия от притязаний на Туву

отказывалась, Монголия в перспективе могла рассчитывать на присоединение к ней Тувы, но ввиду неясности ее международного положения вопрос оставался открытым на неопределенное время. Позиция Тувы в это время определенно выявлена еще не была, она никак не комментировалась и во внимание не принималась.

Между тем Б.З. Шумяцкий попытался еще раз «образумить» своего политического оппонента в Туве. 12 июля 1921 г. он телеграфировал И.Г. Сафьянову: «Если совершите возмутительную и неслыханную в советской, военной и коминтерновской работе угрозу неподчинения в смысле отказа информировать, то вынужден буду дать приказ по военной инстанции в пределах прав, предоставленных мне дисциплинарным уставом Красной Армии, которым не однажды усмирался бунтарский пыл самостийников. Приказываю информацию давать моему заместителю [Я.Г.] Минскеру и [К.И.] Грюнштейну»⁶⁵.

Однако И.Г. Сафьянов, не будучи на деле «самостийником», практически о каждом своем шаге регулярно докладывал председателю Сибревкома И.Н. Смирнову и просил его передать полученные сведения в адрес Реввоенсовета 5-й армии и ДВСКИ. 13 июля 1921 г. И.Г. Сафьянов подробно информировал его о переговорах с представителями двух хемчикских кожуунов⁶⁶. Объясняя свое поведение, 21 июля 1921 г. он писал, что поначалу, выполняя задания Б.З. Шумяцкого «с его буферной Урянхайской политикой», провел 11-й съезд русского населения Тувы (23–25 апреля 1921 г.), в решениях которого желание русского населения – быть гражданами Советской республики – учтено не было. В результате избранная на съезде краевая власть оказалась неавторитетной, и «чтобы успокоить бушующие сердца сторонников Советской власти», ему пришлось «преобразовать представительство Совет[ской] России в целое учреждение, разбив его на отделы: дипломатический, судебный, Внешторга и промышленности, гражданских дел»⁶⁷. Письмом от 28 июля 1921 г. он сообщил о проведении 12-го съезда русского населения в Туве (23–26 июля 1921 гг.), на котором делегаты совершенно определенно высказались за упразднение буфера и полное подчинение колонии юрисдикции Советской России⁶⁸.

В обращении к населению Тувы, выпущенном в конце июля 1921 г., И.Г. Сафьянов заявил: «Центр уполномочил меня и послал к Вам в Урянхай помочь Вам освободиться от гнета Ваших насильников».

Причислив к числу последних китайцев, «реакционных» монголов и белогвардейцев, он сообщил, что ведет переговоры с хошунами Тувы о том, «как лучше устроить жизнь», и что такие переговоры с двумя хемчикскими хошунами увенчались успехом. Он предложил избрать по одному представителю от сумона (мелкая административная единица и внутриплеменное деление. – *Н.М.*) на предстоящий Всетувинский съезд, на котором будет рассмотрен вопрос о самоопределении Тувы⁶⁹.

С каждым предпринимаемым И.Г. Сафьяновым шагом возмущение его действиями в руководстве Сиббюро ЦК РКП (б) и ДВСКИ нарастало. Его переговоры с представителями хемчикских хошунов дали повод для обсуждения Сиббюро ЦК РКП (б) вопроса о покровительстве Советской России над Тувой. В одном из его постановлений, принятом в июле 1921 г., говорилось, что советский «протекторат над Урянхайским краем в международных делах был бы большой политической ошибкой, которая осложнила бы наши отношения с Китаем и Монголией»⁷⁰. 11 августа 1921 г. И.Г. Сафьянов получил из Иркутска от ответственного секретаря ДВСКИ И.Д. Никитенко телеграмму, в которой сообщалось о его отстранении от представительства Коминтерна в Урянхае «за поддержку захватчиков края по направлению старой царской администрации»⁷¹. Буквально за день до Всетувинского учредительного Хурала в Туве 12 августа 1921 г. И.Д. Никитенко писал Г.В. Чичерину о необходимости «ускорить конкретное определение отношения Наркоминдела» по Туве. Назвав И.Г. Сафьянова «палочным самоопределеителем», «одним из импрессионистов... доморощенной окраинной политики», он квалифицировал его действия как недопустимые. И.Д. Никитенко предложил включить Туву «в сферу влияния Монгольской Народно-Революционной партии», работа которой позволит выиграть 6–8 месяцев, в течение которых «многое выяснится»⁷². Свою точку зрения И.Д. Никитенко подкрепил приложенными письмами двух известных в Туве монголофилов: амбын-нойона Соднам-Бальчира с группой чиновников и крупного чиновника Салчакского хошуна Сосор-Бармы⁷³.

Среди оппонентов И.Г. Сафьянова были и советские военачальники. По настоянию Б.З. Шумяцкого он был лишен мандата представителя Реввоенсовета 5-й армии. Военный комиссар Енисейской губернии И.П. Новоселов и командир Енисейского пограничного полка Кейрис

доказывали, что он преувеличивал количество белогвардейцев в Урянхае и исходящую от них опасность лишь для того, чтобы добиться военной оккупации края Советской Россией. Они также заявляли, что представитель Сибревкома И.Г. Сафьянов и поддерживавшие его местные советские власти преследовали в отношении Тувы явно захватнические цели, не считаясь с тем, что их действия расходились с политикой Советской России, так как документальных данных о тяготении тувинцев к России нет. Адресованные И.Г. Сафьянову обвинения в стремлении присоединить Туву к России показывают, что настоящие его взгляды на будущее Тувы его политическим оппонентам не были до конца ясны и понятны.

Потакавшие новым панмонголистам коминтерновские и сибирские советские руководители, направляя в Туву в качестве своего представителя И.Г. Сафьянова, не ожидали, что он станет настолько сильным катализатором политических событий в крае. Действенных рычагов влияния на ситуацию на тувинской «шахматной доске» отечественные сторонники объединения Тувы с Монголией не имели, поэтому проиграли Сафьянову сначала «темпу», а затем и «партию». В то время когда представитель ДВСКИ Б. Цивенжапов систематически получал информационные сообщения Монгольского телеграфного агентства (МОНТА) об успешном развитии революции в Монголии, события в Туве развивались по своему особому сценарию. Уже находясь в опале, лишенный всех полномочий, пользуясь мандатом представителя Сибревкома, действуя на свой страх и риск, И.Г. Сафьянов ускорил наступление момента провозглашения тувинским народом права на самоопределение. В итоге рискованный, с непредсказуемыми последствиями «урянхайский гамбит» он довел до победного конца. На состоявшемся 13–16 августа 1921 г. Всетувинском учредительном Хурале вопрос о самоопределении тувинского народа получил свое разрешение.

В телеграмме, посланной И.Г. Сафьяновым председателю Сибревкома И.Н. Смирнову (г. Новониколаевск), ДВСКИ (г. Иркутск), Губкому РКП (б) (г. Красноярск), он сообщал: «17 августа 1921 г. Урянхай. Съезд всех хошунов урянхайского народа объявил Урянхай самостоятельным в своем внутреннем управлении, [в] международных же сношениях идущим под покровительством Советроссии. Выбрано нар[одно]-рев[олюционное] правительство [в] составе семи лиц... Русским гражданам

разрешено остаться [на] территории Урянхая, образовав отдельную советскую колонию, тесно связанную с Совет[ской] Россией...»⁷⁴

В августе – ноябре 1921 г. в Туве велось государственное строительство. Но оно было прервано вступлением на ее территорию из Западной Монголии отряда белого генерала А. С. Бакича. В конце ноября 1921 г. он перешел через горный хребет Танну-Ола и двинулся через Элегест в Атамановку (затем село Кочетово), где находился штаб партизанского отряда. Партизаны, среди которых были тувинцы и красноармейцы усиленного взвода 440-го полка под командой П. Ф. Карпова, всего до тысячи бойцов, заняли оборону.

Ранним утром 2 декабря 1921 г. отряд Бакича начал наступление на Атамановку. Оборонявшие село кочетовцы и красноармейцы подпустили белогвардейцев поближе, а затем открыли по ним плотный пулеметный и ружейный огонь. Потери были огромными. В числе первых был убит генерал И. Г. Казанцев. Бегущих с поля боя белогвардейцев добивали конные красноармейцы и партизаны. Уничтожив значительную часть живой силы, они захватили штаб и обоз. Всего под Атамановкой погибло свыше 500 белогвардейцев, в том числе около 400 офицеров, 7 генералов и 8 священников. Почти столько же белогвардейцев попало в плен. Последняя попытка находившихся на территории Монголии белогвардейских войск превратить Туву в оплот белых сил и плацдарм для наступления на Советскую Россию закончилась неудачей. Так завершилась Гражданская война в Туве.

Остатки разгромленного отряда Бакича ушли в Монголию, где вскоре добровольно сдались монгольским и советским военным частям. По приговору Сибирского военного отделения Верховного трибунала ВЦИК генерала А. С. Бакича и пятерых его ближайших сподвижников расстреляли в Новосибирске. За умелое руководство боем и разгром отряда Бакича С. К. Кочетова приказом Реввоенсовета РСФСР № 156 от 22 января 1922 г. наградили орденом Красного Знамени.

В завершение настоящего исследования можно заключить, что протекавшие в Туве революционные события и Гражданская война были в основном производными от российских, Тува была вовлечена в российскую орбиту революционных и военных событий периода 1917–1921 гг. Но есть у них и свое, урянхайское, измерение. Вплетаясь в канву известных событий, в новых условиях получил свое продол-

жение нерешенный до конца спор России, Китая и Монголии за обладание Тувой, или «уряньхайский вопрос». А на исходе Гражданской войны он дополнился новым содержанием, выраженным в окрепшем желании тувинского народа образовать свое государство. Наконец, определенное своеобразие событиям придавало местоположение Тувы. Труднодоступностью и изолированностью края от революционных центров Сибири во многом объясняется относительное запаздывание исторических процессов периода 1917–1921 гг., более медленное их протекание, меньшие интенсивность и степень остроты. Однако это не отменяет для Тувы общую оценку описанных выше событий, как произошедших по объективным причинам, и вместе с тем страшных и трагических.

¹ См.: Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой (к 100-летию исторического события). Новосибирск, 2014.

² История Тувы. Новосибирск, 2017. Т. III. С. 13–30.

³ ВКП (б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы. М., 1994. Т. 1. 1920–1925. С. 11.

⁴ История советско-монгольских отношений. М., 1981. С. 24.

⁵ *Сейфулин Х.М.* К истории иностранной военной интервенции и гражданской войны в Туве. Кызыл, 1956. С. 38–39; Ян Шичао окончил юридический факультет Петербургского университета, хорошо знал русский язык (см.: *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., 1999. С. 203 (ссылки к 5-й главе).

⁶ Монгуш Буян-Бадыргы (1892–1932) – государственный и политический деятель Тувы. До 1921 г. – нойон Даа кожууна. В 1921 г. избирался председателем Всетувинского учредительного Хурала и членом первого состава Центрального Совета (правительства). До февраля 1922 г. фактически исполнял обязанности главы правительства. В 1923 г. официально избран премьер-министром тувинского правительства. С 1924 г. по 1927 г. находился на партийной работе, занимался разработкой законопроектов. В 1927 г. стал министром финансов ТНР. В 1929 г. был арестован по подозрению в контрреволюционной деятельности и весной 1932 г. расстрелян. Тувинским писателем М.Б. Кенин-Лопсаном написан роман-эссе «Буян-Бадыргы». Его именем назван филиал республиканского музея в с. Кочетово и улица в г. Кызыл-Мажалыг (см.: Государственная Книга Республики Тыва «Заслуженные люди Тувы XX века». Новосибирск, 2004. С. 61–64).

- ⁷ Куулар Чимба – нойон самого крупного тувинского хошуна Бээзи.
- ⁸ Оюн Соднам-Балчыр (1878–1924) – последний амбын-нойон Тувы. Последовательно придерживался позиции присоединения Тувы к Монголии. В 1921 г. на Всетувинском учредительном Хурале был избран главой Центрального Совета (Правительства) тувинского государства, но вскоре от этой должности отказался. В 1923 г. избирался министром юстиции. Являлся одним из вдохновителей мятежа на Хемчике (1924 г.), проходившего под лозунгом присоединения Тувы к Монголии. Погиб при попытке переправиться через р. Тес-Хем и уйти в Монголию.
- ⁹ Цит. по: *Хейфец А.Н.* Советская дипломатия и народы Востока. 1921–1927. М., 1968. С. 19.
- ¹⁰ АВП РФ. Ф. Референтура по Туве. Оп. 11. Д. 9. П. 5, без лл.
- ¹¹ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 186. Л. 60–60 об.
- ¹² А.И. Кашников – особоуполномоченный комиссар РСФСР по делам Урянхая, руководитель советской делегации на переговорах. Характеризуя создавшуюся на момент переговоров ситуацию, он писал: «Китайцы смотрят на Россию как на завоевательницу бесспорно им принадлежащего Урянхайского края, включающего в себя по северной границе Усинскую волость. Русские себя так плохо зарекомендовали здесь, что оттолкнули от себя урянхайское (сойетское) население, которое видит теперь в нас похитителей их земли, своих поработителей и угнетателей. В этом отношении ясно, что китайцы встретили для себя готовую почву для конкуренции с русскими, но сами же затем встали на положение русских, когда присоединили к себе Монголию и стали сами хозяйничать. Урянхи тяготеют к Монголии, а Монголия, попав в лапы Китаю, держит курс на Россию. Создалась, таким образом, запутанная картина: русских грабили урянхи, вытюривая со своей земли, русских выживали и китайцы, радуясь каждому беженцу и думая этим ликвидировать споры об Урянхае» (см.: протоколы Совещания Особоуполномоченного комиссара РСФСР А.И. Кашникова с китайским комиссаром Ян Шичао и монгольским нойоном Жамцарано об отношении сторон к Урянхаю, создании добрососедских русско-китайских отношений по Урянхайскому вопросу и установлении нормального правопорядка в Урянхайском крае (НА ТИГПИ. Д. 388. Л. 2, 6, 14–17, 67–69, 97; Экономическая история потребительской кооперации Республики Тыва. Новосибирск, 2004. С. 44).
- ¹³ См.: *Лузянин С. Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003. С. 105–106.
- ¹⁴ Там же. С. 113.
- ¹⁵ *Рощин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999. С. 123–124; Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 209.
- ¹⁶ Рощин С.К. Указ. соч. С. 108.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 43. Л.9.
- ¹⁸ Иннокентий Георгиевич Сафьянов (1875–1953) – видный советский деятель

и дипломат. В 1920–1921 гг. представлял в Туве Сибревком, Дальневосточный секретариат Коминтерна и Реввоенсовет 5-й армии, вел дипломатическую переписку с представителями Китая и Монголии в Туве, восстанавливал среди русских переселенцев Советскую власть, руководил борьбой с белогвардейцами и интервентами, активно способствовал самоопределению тувинского народа. В 1921 г. за проявление «самостийности» был лишен всех полномочий, кроме агента Сибвнешторга РСФСР. В 1924 г. вместе с семьей был выслан из Тувы без права возвращения. Работал на разных должностях в Сибири, на Кавказе и в других регионах СССР (подробно о нем см.: *Дацышен В.Г. И.Г. Сафьянов – «свободный гражданин свободной Сибири»* // Енисейская провинция. Красноярск, 2004. Вып. 1. С. 73–90).

- 19 Цит. по: *Дацышен В.Г., Ондар Г.А. Саянский узел.* С. 210.
- 20 РФ ТИГИ (Рукописный фонд Тувинского института гуманитарных исследований). Д. 42, П. 1. Л. 84–85.
- 21 Дацышен В.Г., Ондар Г.А. Указ. соч. С. 193.
- 22 РФ ТИГИ. Д. 42. П. 2. Л. 134.
- 23 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 77. Л. 41.
- 24 Там же.
- 25 РФ ТИГИ. Д. 420. Л. 216.
- 26 Там же. Л. 228.
- 27 Там же. Д. 42. Л. 219.
- 28 Там же. П. 3. Л. 196–198.
- 29 Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): сб. док. Новосибирск, 1996. С. 136–137.
- 30 Дацышен В.Г., Ондар Г.А. Указ. соч. С. 210.
- 31 Иван Никитич Смирнов. В политической борьбе между И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким поддержал последнего, был репрессирован.
- 32 Дацышен В.Г., Ондар Г.А. Указ. соч. С. 216–217.
- 33 Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). С. 143.
- 34 РФ ТИГИ. Д. 420. Л. 219–220.
- 35 История Тувы. М., 1964. Т. 2. С. 62.
- 36 РФ ТИГИ. Д. 42. П. 2. Л. 154; Д. 420. Л. 226.
- 37 РФ ТИГИ. Д. 81. Л. 4.
- 38 Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). С. 157–158; РФ ТИГИ. Д. 42. П. 2. Л. 103.
- 39 РФ ТИГИ. Д. 42. Л. 384; Д. 420. Раздел 19. С. 4, 6.
- 40 РФ ТИГИ. Д. 420. Раздел 19. С. 4.

41 Там же. С. 5.

42 Маады Лопсан-Осур (1876-?). Родился в местечке Билелиг Пий-Хемского хошуна. С детства владел русским языком. Получил духовное образование в Тоджинском хурэ, высшее духовное – в одном из тибетских монастырей. В Тибете выучил монгольский и тибетский языки. По возвращении в Туву стал чыгыракчы (главным чиновником) Маады сумона. Придерживался просоветской ориентации и поддерживал политику И.Г. Сафьянова, направленную на самоопределение Тувы. Принимал активное участие в подготовке и проведении Всетувинского учредительного Хурала 1921 г., на котором «высказался за территориальную целостность и самостоятельное развитие Тувы под покровительством России». Вошел в состав первого тувинского правительства. На первом съезде ТНРП (28 февраля – 1 марта 1922 г. в Туране был избран Генеральным секретарем ЦК ТНРП. В начале 1922 г., в течение нескольких месяцев, возглавлял тувинское правительство. В начале 30-х гг. был репрессирован и выслан в Чаа-Хольский хошун. Скончался в Куйлуг-Хемской пещере Улуг-Хемского хошуна, где жил отшельником (см.: Государственная Книга Республики Тыва «Заслуженные люди Тувы XX века». С. 77).

43 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 56. Л. 28.

44 Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). С. 184–185.

45 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 56. Л. 28.

46 Шумяцкий Борис Захарович (1886–1943) – советский дипломат. Известен также под псевдонимом Андрей Червонный. Член ВКП (б) с 1903 г., активный участник революционного движения в Сибири. Видный политический и государственный деятель. После Октябрьской революции – председатель ЦИК Советов Сибири, активный участник Гражданской войны. В ноябре 1919 г. назначен председателем Тюменского губревкома, в начале 1920 г. – председателем Томского губревкома и одновременно заместителем председателя Сибревкома. С лета того же года – член Дальбюро ЦК РКП (б), председатель Совета Министров Дальневосточной Республики (ДВР). На дипломатической работе находился с 1921 г. В 1921–1922 гг. – член Реввоенсовета 5-й армии, уполномоченный НКВД по Сибири и Монголии. Был организатором разгрома войск Р.Ф. Унгерна фон Штернберга в Монголии. Являясь уполномоченным НКВД РСФСР и Коминтерна в Монголии, стоял на позиции присоединения Тувы к монгольскому государству. В 1922–1923 гг. – работник полпредства РСФСР в Иране; в 1923–1925 гг. – полпред и торгпред РСФСР в Иране. В 1926 г. – на партийной работе в Ленинграде. С конца 1926 по 1928 г. – ректор КУТВ. В 1928–1930 гг. – член Средазбюро ВКП (б). С конца 1930 г. – председатель правления Союзкино и член коллегии Наркомпроса РСФСР и Наркомлегпрома СССР (с 1932 г.). В 1931 г. награжден правительством МНР орденом Красного Знамени.

47 Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). С. 208–209. И.Н. Смирнов – в то время совмещал должности секретаря Сиббюро ЦК РКП (б) и председателя Сибревкома.

48 Шырендыб Б. История советско-монгольских отношений. М., 1971. С. 96–98, 222.

- 49 Куулар Дондук (1888–1932 гг.) – тувинский государственный деятель и дипломат. В 1924 г. избирался на пост председателя Малого Хурала Танну-Тувинской Народной Республики. В 1925–1929 гг. занимал пост главы тувинского правительства. В 1925 г. подписал дружественный договор с СССР, в 1926 г. – с МНР. Весной 1932 г. был расстрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности.
- 50 РФ ТИГИ. Д. 420. Раздел 22. С. 27.
- 51 РФ ТИГИ. Д. 42. П. 2. Л. 169.
- 52 Шырендыб Б. Указ. соч. С. 244.
- 53 См.: История Тувы. Т. 2. С. 71–72; Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). С. 269.
- 54 РФ ТИГИ. Д. 81. Л. 60.
- 55 Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). С. 208–209.
- 56 Буда Цивенжапов (Церенжапов, Цивенжаков, Цырендтжапов и др. близкие к оригиналу варианты) являлся сотрудником секции восточных народов в штате уполномоченного Коминтерна на Дальнем Востоке. Числился переводчиком с монгольского языка в информационно-издательском отделе (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 93. Л. 2 об., 26).
- 57 РФ ТИГИ. Д. 42. П. 2. Л. 94–95.
- 58 Там же. Л. 97.
- 59 Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). С. 273.
- 60 Там же. С. 273–274.
- 61 РФ ТИГИ. Д. 81. Л. 59.
- 62 Там же.
- 63 РФ ТИГИ. Д. 81. Л. 60.
- 64 РФ ТИГИ. Д. 37. Л. 221; Создание суверенного государства в центре Азии. Бай-Ха-ак, 1991. С. 35.
- 65 Цит. по: Тувинская правда, 11 сентября 1997 г.
- 66 РФ ТИГИ. Д. 81. Л. 75.
- 67 Там же. Д. 42. Л. 389.
- 68 Там же. Д. 81. Л. 75.
- 69 РФ ТИГИ. Д. 42. П. 3. Л. 199.
- 70 Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 114.
- 71 РФ ТИГИ. Д. 42. П. 2. Л. 99.
- 72 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 97. Л. 27, 28.
- 73 Там же. Л. 28–31.
- 74 РФ ТИГИ. Д. 42. П. 2. Л. 121.

Эрзинджанское перемирие на Кавказском фронте (Документальная хроника ноября - декабря 1917 г.)*

В то время когда в Брест-Литовске уже шли переговоры между советской и германской делегациями о заключении перемирия на всем русско-германском фронте, на имя русского главнокомандующего Кавказской армией¹ через парламентаря было передано следующее письмо от командующего 3-й Турецкой армией: «Ваше превосходительство! С чувством глубокого уважения и почтения к Вам, посылаю Вам это письмо, прося отнестись ко мне с полным доверием. Из полученных мной верных источников я вижу, что Ваше временное правительство находится в периоде заключения прелиминарного мирного договора. Я понял, что на всех фронтах уже предложено перемирие. Так же и на нашем. Цивилизация и человечность, явившиеся результатом этой войны, заставляют возможно скорее закончить ее; да будет велика храбрая русская армия и русская нация, которые, приобретя свободу, предприняли со своей стороны попытки освободить от бедствий войны государства, справедливо нуждающиеся в спокойствии и отдыхе. Во имя той пользы, которая

* М. Р. Рыженков

будет принесена армии и во имя моего государства, с мыслью о цивилизации и человечности, я предлагаю Вашей высокой личности приобрести честь достижения цели, которая для обеих сторон послужит на счастье и пользу – я готов к заключению перемирия. Ваша и моя армии с самого начала войны проявляли мужество и следовали законам честной войны.

Раз Ваше мнение согласно с моим, то на свое предложение я с Вашей стороны жду предложения основ перемирия. Прошу Вас генерал принять мое глубокое уважение. Против Вас стоящей Турецкой армии командир ферик Вехиб-Мехмед^{2»3}.

Документ был датирован 24/11/1333 г. по новому румийскому календарю, что соответствовало 24 ноября 1917 г. по григорианскому стилю⁴. В штаб Кавказского фронта письмо было доставлено к 17 ноября (ст. ст.) и сразу же стало предметом обсуждения не только в штабе фронта, но и на заседаниях Закавказского комиссариата – фактического правительства Закавказья в это время⁵. При этом в штабе фронта и в Закавказском комиссариате было известно о переговорах в Брест-Литовске, но, во-первых, Советская власть не признавалась в Закавказье, а во-вторых, ситуация на Кавказском театре военных действий существенно отличалась от положения на австро-германском фронте. Если на последнем русскую армию преследовала одна неудача за другой, включая провал попытки наступления Юго-западного фронта в июне 1917 г., то Кавказский фронт добился за кампанию 1916 г. немалых успехов и в 1917 г. прочно удерживал позиции на турецкой территории. Этим объясняется то обстоятельство, что, в отличие от Западного фронта, предложение перемирия поступило не с русской, а с турецкой стороны.

Тем не менее усталость от войны к 1917 г. стала оказывать разлагающее влияние и на войска Кавказского фронта. Непосредственный участник событий полковник Б.Н. Литвинов вспоминал: «Занятая ими (войсками Кавказского фронта. – М.Р.) линия обороны стала их мертвой линией. Мертвой линией она стала по вине высших начальников, успевших по справедливости за 2 года войны не только получить за боевую работу их подчиненных самые высокие отличия, но и угасить свой порыв вперед. Эти начальники по степени важ-

ности стали строить не укрепления для войск и не дороги в голодном районе для подвоза продовольствия, а кинематографы, театры и устраивать любительские концерты. Женщины стали разъезжать на войсковых автомобилях. <...> Подлый пример войны на Западе, наконец, дополз и до истинных воинов – Кавказского фронта, – дополз и начал понемногу разлагать душу подлинных солдат. Но разложил не всех – главную массу он не тронул»⁶. Помимо морального фактора, на боевой дух армии отрицательно влияли недостаточное боевое обеспечение и продовольственное снабжение. «По стране, опустошенной турецкими войсками в течение двух лет пребывания их там без интендантства, по стране, едва кормившей себя, без дорог, с отсутствием коммуникаций на протяжении всех 600 километров вести армию в 4 корпуса нельзя. <...> Уже в январе 1917 года 39-я пехотная, 4-я и 5-я Туркестанские стрелковые дивизии уже голодали буквально. <...> 39-я дивизия фактически голодала уже с января 1917 г. постоянно; нижние чины таковой выменивали у соседей стрелков 5-й Туркестанской стрелковой дивизии котелки масла (вероятно, выкопанные из ям у населения) на караван хлеба. А их артельщики бережно подбирали сор, выносимый из хлебных землянок 19-го Туркестанского стрелкового полка, так как там могут попасться и куски сухарей. Местное же население (женщины) старательно просеивали лошадиный кал по войсковым дорогам, ибо среди него находились непереваренные лошадиными желудками зерна ячменя, которые и шли в пищу»⁷.

Революционные события 1917 г. кардинально повлияли на настроения в войсках, в том числе на Кавказе. Ослабление центральной власти, рост сепаратизма на национальных окраинах, «демократизация» армии и агитация (в основном большевистская) за прекращение войны – все это не способствовало боевому духу армии. После Октябрьского переворота и провозглашения новой властью Декрета о мире развал армии принял необратимый характер. Падение дисциплины и дезертирство, хотя и в меньшей степени по сравнению с фронтами на западе, распространились и на Кавказе. Одновременно здесь активизировалось создание и укрупнение армянских, грузинских и мусульманских национальных добровольческих воинских формирований, в том числе из частей русской армии⁸. В этих условиях

турецкое предложение перемирия было воспринято командованием и Закавказским комиссариатом как возможность предотвращения стихийного распада Кавказского фронта.

В ночь на 22 ноября 1917 г. в штаб Кавказской армии в Эрзеруме на имя командующего армией из штаба фронта была направлена телеграмма за № 1000 следующего содержания: «Прошу через парламентаря передать командующему третьей Турецкой армии ферик Вехиб-Мехмед-паше следующий мой ответ на его письмо: письмо Ваше господин генерал с предложением перемирия я получил и спешу известить Вас, что я готов пойти навстречу Вашему гуманному предложению. В этих целях я предлагаю нашим обеим армиям, сражающимся друг против друга на всем Кавказском фронте, прекратить военные действия и, не производя никаких стратегических перегруппировок, оставаться на ныне занимаемых позициях в ожидании заключения перемирия. В случае Вашего согласия на это условие, я предлагаю, по получении от Вас благоприятного ответа, образовать из представителей турецкой и русской армии специальную комиссию, коей поручить детально выработать приемлемые для обеих сторон условия перемирия.

Об этой нашей переписке я считаю своим долгом довести до сведения командующего Месопотамской армии англичан⁹.

Прошу Вас генерал принять уверения в моем глубоком уважении. Главнокомандующий войсками Кавказского фронта генерал от инфантерии Пржевальский¹⁰. Начальник штаба генерал-майор Лебединский¹¹»¹².

Одновременно из штаба фронта в Эрзерум была послана телеграмма за № 1001: «В дополнение телеграммы 1000 номер Главнокомандующий приказал объявить всем частям армии, что о прекращении военных действий последует особое распоряжение, по получении ответа от командующего турецкой армией на переданные ему предварительные условия. Никаких братаний ни в коем случае не допускать, бдительно, стойко и мужественно удерживая занятые позиции. Лебединский»¹³. На бланке телеграммы красными чернилами была сделана помета: «Получено лично мною вместе с телеграммой № 1000 в 2 часа ночи 22 ноября 1917. Приказываю с телеграммы № 1000 снять копию в подробностях (даже моей резолюции на ней),

засвидетельствовать ее печатью, моей подписью, подписями нач[альни]ка штаба, ген[ерал]-кв[артирмейсте]ра и хранить как документ. Завести особое дело о перемирии. Ген[ерал]-л[ейтенант] Одишелидзе¹⁴». Данная помета говорит о том, что командующий Кавказской армией, осознавая важность момента, – последнего акта кровавой драмы войны – стремился сохранить все документальные свидетельства происходящего. Можно предположить, что он не столько заботился о сохранении исторической памяти, сколько хотел иметь документальное подтверждение степени ответственности главных действующих лиц за принимаемые решения.

В ту же ночь, 22 ноября, из штаба Кавказского фронта была отправлена еще одна телеграмма, теперь уже не только командующему армией в Эрзерум, но и командирам отдельных корпусов: 7-го Кавказского армейского в Урмии генерал-лейтенанту Вадбольскому¹⁵ и Кавказского кавалерийского в Хамадане генералу от кавалерии Баратову¹⁶. В телеграмме говорилось: «Семнадцатого ноября главнокомандующий получил от командующего третьей Турецкой армией ферик Вехиб-паши письмо с предложением перемирия. Исходя из общей политической обстановки в России и в связи с начатыми уже переговорами на нашем австро-германском фронте, главнокомандующий, в согласии с временным правительством Закавказья, признал возможным пойти навстречу предложению турецкого командования и предложил ему временно прекратить на всем Кавказском фронте военные действия...»¹⁷. Далее повторялось содержание уже процитированных телеграмм № 1000 и 1001, в том числе об условиях прекращения военных действий, стойком удержании занимаемых позиций и недопустимости братаний. Важно отметить, что здесь главнокомандующий войсками Кавказского фронта впервые называет в качестве аргументов в пользу принятия турецкого предложения политическое положение в стране, переговоры в Брест-Литовске, а также упоминает о согласовании своего решения с Закавказским комиссариатом.

В 11 часов того же 22 ноября состоялся разговор по прямому проводу¹⁸ между начальником штаба фронта генералом Лебединским и начальником штаба Кавказской армии генерал-майором Вышинским¹⁹: «Здесь начальник штаба генерал Лебединский. Здравствуйте

Евгений Евгеньевич, я у аппарата, в чем дело? – У аппарата начальник штаба армии генерал Вышинский, здравствуйте Евгений Васильевич. Передаю Вам телеграмму командарма: Тифлис. Наштакафронт 1000 и 1001; Принял ли во внимание Главкоав, что Вехиб-паша командует только третьей армией, что он вряд ли компетентен вести переговоры о перемирии на всем фронте, которым командует Ахмет Иззет-паша²⁰. Позволяю себе об этом напомнить из чувства товарищества, ибо в такие важные и тяжелые минуты возможны со стороны всякого непоправимые потом ошибки. Одишелидзе. – [Лебединский] Это во внимание принято, почему в телеграмме и указано о необходимости [прекращения] военных действий на всем фронте, после чего можно будет только вести переговоры о перемирии. Главнокомандующий предполагал, что ферик-паша доложил главнокомандующему своему [и] сообщит его решение <...> Главнокомандующий ставит вопрос совершенно определенно, что он обращается к командующему 3-й армией в ответ на его предложение, как инстанции между нами и главнокомандующим турецкой армии, с тем, чтобы переговоры о перемирии могут вестись только с главнокомандующим турецким, в том только случае, когда от него получится ответ, что он согласен приостановить военные действия на всем фронте и вести переговоры. – [Вышинский] Мне все же кажется, что обращение в ответ на письмо турецкого командарма нашего главнокомандующего как бы умаляет достоинство последнего. Турки ведь очень с этим считаются, принято ли это во внимание. Пожалуй, было бы правильнее послать это письмо от командарма, а не от Главкоава. – [Левандовский²¹] Я прошу минуточку обождать, сию минуту скажу. К сожалению, изменять уже поздно, ибо все эти телеграммы составлены на заседании Закавказского правительства с краевым Советом и пущены в ход открыто. Основанием ответа главнокомандующего служит то, что письмо было обращено к нему именно. Быть может командарм может внести в это корректив в том смысле, чтобы отправить письмо главнокомандующего при своем письме, и настаивать на том, что Главкоав может вести переговоры только с главнокомандующим турецким, и что данная телеграмма есть только исполнение долга вежливости, ответ на письмо командарма 3-й Турецкой армии. Что скажете? – [Вышинский] Хорошо, так и доложу командарму и потом сообщу Вам, как командарм решит. До свидания»²².

В результате Мехмеду Вехиб-паше было составлено сопроводительное письмо на официальном бланке командующего Кавказской армии: «Г-н генерал. Письмо Ваше от 24 ноября (нов. ст. – М.Р.) 1917 года я получил и в день же получения по телеграфу передал главнокомандующему Кавказским фронтом. Ответ я получил сегодня, 22 ноября, и сегодня же в телеграфном подлиннике посылаю Вам²³. Я полагаю, что дальнейшие переговоры для перемирия по всему Кавказско-Персидскому фронту следовало бы вести с нашим главнокомандующим уже не Вам, г-н генерал, а Вашему главнокомандующему. Примите, г-н генерал, мои искренние уверения в глубоком к Вам уважении. И. Одишелидзе»²⁴.

24 ноября 1917 г. в 10 часов в штаб Кавказского фронта была направлена следующая телеграмма: «Генерал Болтунов²⁵ доносит, что пакет на имя командующего третьей Турецкой армии 23 ноября отправлен через фронт 15-го Туркестанского полка для вручения начдиву 9-й Турецкой, для дальнейшего направления. Вышинский»²⁶. Уже на другой день, 25 ноября, в 23 часа генерал Вышинский телеграфировал: «Сегодня доставлен в Эрзинджан пакет с письмом от командарма 3-й Турецкой на имя Главкокава. Завтра он будет доставлен в Эрзерум, если позволит погода, с летчиком. Прошу срочно уведомить, надлежит ли пакет вскрыть, перевести и передать Вам по телеграфу, или же переслать пакет в нераспечатанном виде»²⁷. Далее на протяжении нескольких дней последовал обмен телеграммами между Эрзинджаном (штаб 1-го Кавказского армейского корпуса), Эрзерумом (штаб Кавказской армии) и Тифлисом (штаб Кавказского фронта). Доставка пакета с письмом турецкого командования оказалась делом непростым: в горах свирепствовала буря, которая не позволила использовать аэроплан, а глубокий снег и метель затрудняли движение санитарного автомобиля, в котором в итоге пакет был доставлен в Эрзерум только к утру 28 ноября²⁸.

В штабе Кавказской армии пакет был вскрыт, а перевод письма был сделан тем же капитаном Ведринским. В письме, датированном 8 декабря (нов. ст. – М.Р.) 1333 г., Мехмед Вехиб-паша представлялся как командующий Кавказской группой армий (имелись в виду 3-я и 2-я армии, на 6-ю армию, воевавшую в Месопотамии, его полномочия не распространялись). Такое повышение по служ-

бе произошло, очевидно, после того, как Ахмед Иззет-паша отбыл в Брест-Литовск в качестве главы турецкой делегации²⁹. Таким образом, сомнения, высказанные генералом Одишелидзе о равенстве полномочий русского и турецкого главнокомандующих, отчасти снимались. Далее следовало: «Ваше высокопревосходительство господин генерал, 22 ноября 1917 года я имел честь получить Вашу телеграмму. Одновременно с этим в Брест-Литовске собрались делегаты от главнокомандующих армиями. С одной стороны были делегаты Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, с другой стороны делегаты главнокомандующего русской армией. На бывших у них переговорах в Брест-Литовске 5 декабря н. с. 1917 года они пришли к заключению, облегчившему переговоры о мире и приведшему к цели и подписанию договора о перемирии. Я получил уведомление моего главного командования, что эти условия подходящи. Я нахожусь в готовности подписать предложения уже предложенные или подходящие условия, и со своей стороны назначил с широкими полномочиями для переговоров начальника Генерального штаба 3-й Турецкой армии миралаю Юмер Лютфи-бея и бинбаши Генерального штаба Хасру-бея. Назначить совещание у нас или у Вас предоставляю Вашей высокой личности. Если найдете достаточно подходящим место на пути Эрзинджан – Рифайе, или какое-либо иное, благоволите известить через офицера. Через 2 часа после его прибытия, мои делегаты смогут свидеться в назначенном Вами месте с Вашими делегатами. По всему фронту от правого фланга отряда, находящегося к югу от озера Ван и до Черного моря, мной отдано соответствующее распоряжение и имеются делегаты. Все части находящиеся на моей боевой линии последуют принятому решению. Всем частям войск находящихся в боевой линии я уже отдал приказ, как о настоящем положении, так и о действиях на местах сообразно с противником. Остаюсь почитающий Вас Ваше превосходительство господин генерал. Командующий группой Кавказских армий ферик Вехиб Мехмед»³⁰.

Перевод турецкого письма был передан в штаб Кавказского фронта по телеграфу 28 ноября в 14 часов. В сопроводительной телеграмме генерал Вышинский добавлял: «Командарм желал бы, чтобы встреча

уполномоченных произошла на турецкой территории, дабы не показывать туркам наших беспорядков. В качестве уполномоченных, если таковые не будут назначены Главкоавом, командарм намечает начдива 5-й Туркестанской генерал-майора Термена³¹ и наштадива 7-й Кавказской полковника Мореля^{32»}³³. В телеграмме не пояснялось, что имел в виду командующий, говоря о «наших беспорядках», но, очевидно, в штабе фронта знали, что с боеспособностью в Кавказской армии уже были проблемы.

В тот же день из Тифлиса был получен ответ: «Главкомандующий, по соглашению с временным правительством Закавказья, председателем комиссии по ведению переговоров о перемирии назначил генерала Вышинского и полковника Бензенгера³⁴. Кроме того, будут командированы еще 4 человека от демократических организаций; все они вероятно выедут сегодня. Сейчас доложу главнокомандующему письмо, после чего будут отданы соответствующие распоряжения. Генерал Лебединский»³⁵.

В связи с тем, что зона ответственности Вехиб-паши заканчивалась южным берегом озера Ван и не распространялась на Персидский участок фронта, командующим отдельными корпусами Вадбольскому и Баратову была направлена следующая телеграмма: «Сегодня от ферики Вехиб-паши получен ответ на письмо Главкокава посланное ему в ответ на его предложение о перемирии. В этом письме Вехиб-паша соглашается на предложенные ему условия и просит назначить комиссию для окончательного установления условий перемирия. Однако, он ведет переговоры лишь в отношении фронта Кавказской турецкой группы от Черного моря до южного берега Ванского озера. Поэтому главнокомандующий приказал вам немедленно же вступить в переговоры с высшим турецким командованием находящимся перед фронтом вашего корпуса, с предложением ему заключения предварительного перемирия на тех же условиях, какие были предложены ферику Вехиб-паше и приняты последним: прекратить военные действия, не производить никаких стратегических перегруппировок, оставаться на ныне занимаемых позициях, в ожидании окончательного заключения перемирия, которое должно быть установлено для вашего фронта особой комиссией из представителей турецкой и русской армии по назначению турецкого командования и вашему. Лебединский»³⁶.

Уже вечером, в 21 час, 28 ноября Лебединский вызвал к прямому проводу начальника штаба Кавказской армии Вышинского: «У аппарата нач. штаба армии, что угодно? – У аппарата генерал Лебединский; сейчас я говорил с главнокомандующим относительно пунктов встречи уполномоченных. По международной этике говорят, что на неприятельской территории встречается только сторона, признающая себя побежденной, вот почему главнокомандующий хотел бы этот вопрос перерешить в согласии с командармом и, если генерал Одишелидзе согласен, встречу назначить в Эрзинджане, хотя бы в турецком военном училище. Что Вы на это скажете? Я буду ждать ответа у аппарата. – [Вышинский] Доложу командарму. Думаю, что с его стороны препятствий не будет, тем более, что этим разрешается также вопрос о прямой связи с Тифлисом. Сегодня доложу и сообщу Вам срочной депешей. Если командарм согласится на Эрзинджан, то в таком смысле мы пошлем телеграмму в 1-й корпус для передачи Вехиб-паше. Больше нет вопросов у Вас? – [Лебединский] Хорошо. Необходимо остановиться на Эрзинджане, иначе, как говорят наши иностранные представители, мы можем потерять совершенно престиж»³⁷.

Перед выездом в Эрзинджан глава русской делегации генерал-майор Вышинский получил инструкцию от 28 ноября 1917 г.: «При выработке условий перемирия, которое должно быть заключено между русскими и турецкими войсками, действующими на Кавказском фронте, главнокомандующий приказал Вам руководствоваться нижеследующими основаниями, получившими одобрение Закавказского комиссариата: 1) Полное прекращение военных действий на всем Кавказско-Персидском фронте. 2) Абсолютное недопущение передвижения войсковых частей в целях стратегической перегруппировки, и особенно в целях переброски их на Месопотамско-Сирийский фронт. Нарушение этого пункта должно знаменовать собой возобновление военных действий. 3) Сохранение за войсками права пребывания и местных передвижений в пределах территорий ограниченных для каждой стороны своей демаркационной линией. 4) Сохранение за лицами Российской гражданской администрации, на территории занятой по праву войны, их прав и исполнения ими обязанностей тем же порядком, как было до заключения перемирия.

5) Каждая из договаривающихся сторон остается полным хозяином, как в военном, так и в административном отношении, того района, который ей определен демаркационными линиями. На нейтральной полосе между демаркационными линиями обеих сторон не должно находиться ни одного вооруженного человека, ни с той, ни с другой стороны. Местные же управления населения остаются на ней те, какие имеются теперь. 6) Местные жители невооруженные могут быть впускаемы и выпускаемы через демаркационную линию лишь с письменного разрешения местных властей соответствующей стороны. 7) В случае совершения жителями нейтральной полосы преступлений, могущих отозваться на спокойствии местного населения, с виновными поступается по взаимному соглашению обеих сторон. Беглых уголовных преступников каждая из сторон обязывается выдавать немедленно по требованию другой стороны. 8) При установлении демаркационных линий необходимо настойчиво добиваться сохранения за нами нынешнего нашего фронта, что только и может обеспечить сравнительно сносное расположение наших войск зимой. 9) Перемирие должно быть заключено впредь до окончательного мира; поэтому, если мир не был бы заключен, то ни одна из сторон не имеет права перейти свою демаркационную линию ранее семи дней после уведомления о том противника или получения от него уведомления. 10) Соглашение о действиях на Черном море последует дополнительно. 11) Акт о перемирии, с приложением акта об установлении демаркационных линий со схемой, должен быть составлен и подписан в двух экземплярах, из коих один вручается уполномоченному Османскому главнокомандующему, а другой Вам. 12) Во время ведения переговоров и во время самого перемирия может явиться опасность со стороны курдских полчищ, которые, вообще не признавая никаких властей, по всей вероятности, попытаются проникнуть в оставленные ими вследствие войны районы их постоянного жительства; в таком случае неизбежны эксцессы и насилия по отношению мирного населения со стороны вооруженных курдов. В целях предотвращения этого, при ведении переговоров о перемирии, вопрос о курдах должен быть поставлен особо и необходимо требовать, чтобы турецким командованием были приняты все меры для подчинения курдов правилам перемирия.

При этом надо предупредить, что в случае враждебных действий курдов, наши войска будут поступать с ними как с разбойниками, не признающими никакой власти»³⁸.

Как видно из документа, требования русского командования не выходили в основном за рамки обычных условий перемирия, за исключением двух важных пунктов. Во-первых, учитывались интересы союзников-англичан в Месопотамии, где продолжались военные действия, и о перемирии не было и речи. В Тифлисе понимали, что турки постараются воспользоваться высвобождением войск на русском фронте, чтобы усилить группировку, противостоящую британским войскам, а потому пытались сохранить хотя бы видимость верности союзническому долгу. Во-вторых, особенностью Кавказского театра военных действий был «курдский фактор». Османское командование использовало иррегулярные вооруженные отряды курдов для борьбы с противником, но при этом не могло осуществлять полномасштабный контроль над ними. Курды, вовлеченные в войну не по своей воле, становились проблемой для обеих воюющих сторон.

Между тем события продолжали развиваться. 1 декабря в Эрзеруме была получена телеграмма от генерала Вышинского: «Прибыл благополучно в Эрзинджан в 18 часов 30 минут»³⁹. Уже через два с половиной часа на его имя пришла срочная шифрованная телеграмма из штаба Кавказской армии: «Комиссар Донской⁴⁰ просил меня напомнить Вам и комиссии, что разговоры о перемирии затягивать не следует, и что перемирие необходимо заключить быстро, ибо этого требует быстро изменяющееся настроение войск и стихийное увеличение их тяги назад. Одишелидзе»⁴¹. Таким образом, Вышинскому давали понять, что хотя русская сторона выступает на переговорах с позиций победителя, однако ситуация в войсках продолжает стремительно ухудшаться и придется идти на уступки ради скорейшего прекращения военных действий, пока фронт окончательно не развалился. Это подтверждала очередная телеграмма командующего армией: «Эрзинджан. Генералу Вышинскому. Положение настолько катастрофично, что дорог каждый час, разъясните комиссии, что нужно без лишних разговоров и без излишней щепетильности заключить поскорее перемирие, иначе турецкие уполномоченные могут сделаться свидетелями катастрофического движения частей. Одишелидзе»⁴².

Параллельно с комиссией Вышинского начались переговоры о перемирии на Персидском участке фронта. 2 декабря командующий 7-м Кавказским армейским отдельным корпусом генерал-лейтенант Вадбольский сообщал: «На телеграмму комкора Халил-паша⁴³ ответил следующее: "Генерал князь Вадбольский, я подтверждаю получение Вашей телеграммы и приветствую Вас, да приведет возобновление наших сношений к прочным дружественным отношениям между обеими нашими странами. Наше обоим верховное командование заключило следующие условия перемирия, которые для нашей армии следующие: начало перемирия седьмого декабря (нов. ст. – *М.Р.*) 1917 года в 12 часов дня. Обе стороны имеют право сообщить о перемирии в трехдневный срок. Перемирие распространяется на воде, на земле и в воздухе на театрах русско-турецких военных действий в Азии. Во время перемирия только некоторые дивизии и дивизионы, которые получили приказания до 8 декабря нового стиля, могут быть в движении. Уведомляю, что я приказал перемирие только на фронте Пенджвин – Башкала. Во избежание недоразумения, прошу сообщить, где начинается английский фронт, где не заключено перемирие. Моими станциями подслушаны приказания о каких-то стратегических перегруппировках в связи с операциями англичан в Месопотамии, приказания о которых были отданы до 8 декабря. Я назначаю для переговоров моего генерального штаба и моего обер-квартирмейстера. Я предлагаю Вашим уполномоченным прибыть в Керкук или Мосул, где они останутся моими гостями до окончания переговоров." <...> На эту телеграмму комкором послана в Мосул генералу Халил следующая телеграмма: генерал Халил-паша, Вашу ответную телеграмму я получил. Для переговоров с Вашими уполномоченными о заключении перемирия, с моей стороны, назначенные мною обер-квартирмейстер и один офицер Генерального штаба в сопровождении члена Комитета отправятся в Раят, куда прибудут 17 декабря нового стиля для дальнейшего следования в Мосул, по Вашему усмотрению. Мною отдано приказание на фронте Башкала – Пенджвин прекратить военные боевые действия и остаться на занимаемых позициях в ожидании заключения перемирия. Что же касается английского фронта, о котором Вы спрашиваете в Вашей телеграмме, то таковой мне неизвестен. Вадбольский»⁴⁴.

3 декабря генерал Вышинский докладывал: «Тифлис. Главкомомандующему. Копия председателю Закавказского комиссариата. Переговоры с турецкими уполномоченными начались 2 декабря в 18 часов 30 минут и велись непрерывно до 5 часов 15 минут 3 декабря. По большинству пунктов, в том числе в вопросе об установлении демаркационных линий достигнуто полное соглашение. Возражения турок вызвали только три пункта отредактированные комиссией следующим образом: пункт 3-й “С момента вступления настоящего договора в силу обе стороны взаимно обязуются не производить никаких оперативно-стратегических передвижений, перегруппировок и перевозок выходящих из рамок обычной смены частей боевой линии частями из резерва, и особенно в целях переброски их на Месопотамско-Сирийский фронт. Нарушение этого пункта должно знаменовать собою возобновление военных действий”, пункт 11-й “Обе договаривающиеся стороны имеют право делать предложения о дополнении или изменении отдельных статей настоящего договора, для чего созывается комиссия уполномоченных обеих сторон. В случае же заключения общего перемирия между Российской республикой и Центральными державами, утвержденного Всероссийским Учредительным собранием, все пункты такового становятся обязательными и для Кавказского фронта”, пункт 13-й “Соглашение о действиях на Черном море последует дополнительно”.

По 3-му пункту турецкие делегаты настаивают на точном применении его лишь со дня подписания договора и на включении оговорки, что приказы, уже отданные войскам и приводящиеся в исполнение, отмене не подлежат. Мы отстаиваем нашу редакцию, имея в виду возможность уже начатой переброски войск на другой фронт. Турки, ссылаясь на отсутствие полномочий, не уступили и запрашивают по радио своего командарма. Испрашиваю указаний, можно ли, в случае отказа турок принять нашу редакцию, согласиться на их предложение. По 11-му пункту, состоявшему первоначально лишь из первой приведенной в нем фразы и лишь впоследствии дополненному, в виде уступки, ссылкой на Учредительное собрание, турки настаивают на включении условия подчинения пунктам Брестского договора, который будет подписан в Бресте и который, по их словам,

как общий обязательен и для Кавказского фронта. По 13-му пункту турки настаивают на немедленном прекращении военных действий на Черном море. По последним двум пунктам турки также запрашивают своего командарма. Испрашиваю немедленных указаний, которые необходимо получить до полудня 3 декабря. 6 часов 15 минут»⁴⁵.

В это время, 4 декабря 1917 г., в Брест-Литовске было подписано перемирие, в связи с чем из Ставки Верховного главнокомандующего по всем фронтам был разослан приказ о прекращении военных действий, который был вынужден продублировать и штаб Кавказского фронта. На недоуменный запрос генерала Вышинского, изменится ли в связи с этим его задача, в Эрзинджан из Тифлиса была направлена следующая телеграмма главнокомандующего войсками фронта: «Приказание о приостановке военных действий было отдано мной, в связи с телеграммой из Ставки о состоявшемся перемирии на всех фронтах, дабы не вызвать каких-либо недоразумений. Телеграмма генерала Лебединского передавала Вам мои указания на поставленные Вами вопросы. На новые Ваши вопросы сообщаю: 1) О перемирии на всех фронтах мне сообщено наштаверхом. 2) Я начал переговоры о перемирии с турецким главнокомандующим в силу сделанного им предложения совершенно независимо от переговоров в Бресте и даже не зная о них, как это было сделано на Румынском и Юго-западном фронтах. Почему полагаю, что задача Ваша остается прежней, т.е. выработка условий перемирия специально для нашего фронта. 3) Так как я согласился вести переговоры при условии не производства турками стратегических перегруппировок, и на это мое предложение, по-видимому, Вехиб-паша согласился, то необходимо настаивать на том, чтобы все распоряжения о передвижении войсковых частей, отданные после ответа Вехиб-паши, были отменены и самые передвижения приостановлены. Вопрос этот вошел в общие условия, однако прекращение перегруппировок там приурочивается к моменту подписания условий перемирия, так что для нас, в силу наших отношений к союзникам, не может быть допущено, ибо англичане до сих пор субсидируют корпус Баратова деньгами. Как уже сообщалось Вам ранее, о Черном море упоминать не надо, вопрос этот решен общим договором, причем там указана демаркационная линия на Черном море. Крайне необходимо ускорить

подписание договора, ибо ежечасно обстановка на фронте меняется далеко не в нашу пользу. Все это надо учесть, поэтому, если турки в вопросе о перегруппировках будут настаивать на своем, то придется с ними согласиться и принять редакцию общих условий, кои Вам были переданы для сведения. Пржевальский»⁴⁶.

5 декабря генерал Вышинский телеграфировал в штаб фронта: «Нами достигнуто соглашение по всем пунктам, и договор может быть подписан немедленно, но лишь для фронта до Вана включительно. Персидский фронт Вехибу-паше не подчинен и турецкая комиссия на распространение договора на этот фронт уполномочена не была. По этому вопросу был послан 3 декабря запрос Вехибу-паше, последний запросил, в свою очередь, Константинополь, но ответа еще не получено. Испрашиваю Ваших указаний, надлежит ли немедленно подписать перемирие для одного только фронта Кавказской армии или же выждать ответа Вехиб-паши, с тем, чтобы подписать перемирие сразу для всего Турецко-Персидского фронта. Лично считаю желательным сегодня же подписать договор, хотя бы для фронта Кавказской армии. Надлежит ли и в этом случае ждать ответа в Эрзинджане, с тем, чтобы заключить затем дополнительный договор для Персидского фронта, или же последний вопрос в настоящее время потерял свое значение. Прошу срочного ответа, жду у аппарата. Вышинский»⁴⁷. Ответ пришел через два часа: «Для заключения перемирия на Персидском фронте командированы особые уполномоченные от генерала Вадбольского, которые должны встретиться с турецкими уполномоченными в Мосуле. Выработанные Вами условия для фронта до озера Вана включительно необходимо подписать немедленно. Пржевальский»⁴⁸.

Наконец, 5 декабря 1917 г. в 15 часов был подписан Договор о перемирии: «В целях скорейшего достижения почетного для обеих воюющих сторон мира между Русскими и Турецкими армиями, действующими на Кавказско-Турецком театре войны, заключается следующий договор о прекращении военных действий. 1) Настоящий договор является обязательным для обеих сторон с 1 часу 5 декабря 1917 года старого стиля (18 декабря 1333 года по турецкому исчислению) до заключения окончательного мира. Нарушение настоящего договора одной из сторон может последовать лишь с предупреждением за 14

суток до начала боевых действий. 2) Немедленно по вступлении настоящего договора в силу на всех участках Кавказско-Турецкого фронта прекращаются всякие враждебные действия с обеих сторон. Взаимно прекращаются всякие воздушные полеты не только над расположением противной стороны, но и в 10-верстной зоне от демаркационных линий обеих договаривающихся сторон. 3) Демаркационные линии подробно определяются особым, прилагаемым к сему договору актом и схемой. Соответствующие демаркационные линии на фронте 7-го Кавказского и 1-го Кавказского кавалерийского отдельных корпусов должны быть установлены, по взаимному соглашению, соответствующими комиссиями, назначенными от этих корпусов и противостоящих им турецких сил. 4) С момента вступления настоящего договора в силу обе стороны обязуются не производить никаких оперативно-стратегических передвижений, перегруппировок и перевозок, выходящих из рамок обычной смены частей боевой линии частями из резерва, и особенно в целях переброски их на Месопотамско-Сирийский фронт. Нарушение этого пункта должно знаменовать собой возобновление военных действий. Приказания о передвижениях войск, отданные до 2 декабря 1917 года 18 часов (до 15 декабря 1333 года 6 часов пополудни) сохраняют свою силу. Все же подобные распоряжения, последовавшие после, подлежат отмене. 5) За войсками обеих сторон сохраняются права пребывания и местных передвижений в пределах территорий, ограниченных для каждой стороны своей демаркационной линией, при условии, чтобы дивизионные участки не усиливались против настоящего положения. 6) Обе стороны обязуются во все время действия настоящего договора не производить никаких подготовительных к наступлению работ. Разрешается, однако, поддерживать в исправности существующие ныне инженерные сооружения. Учебную стрельбу разрешается производить: ружейную и пулеметную в расстоянии не ближе 5 верст, а артиллерийскую не ближе 15 верст от главной линии передовых окопов. О производстве учебной стрельбы обе стороны заблаговременно извещают друг друга. 7) Обе договаривающиеся стороны обязуются не высылать сторожевого охранения, а равно разведывательных партий и одиночных разведчиков за свои демаркационные линии. 8) Во все время действия настоящего договора, выход в нейтральную зону, ограниченную демаркационными линиями, как военнослужащих, так

и местных жителей, не допускается. Все мужчины призывного возраста, вышедшие в нейтральную зону, ограниченную демаркационными линиями, считаются военнопленными. В исключение из этого пункта, по взаимному соглашению сторон, солдатам может быть разрешено выходить в нейтральную зону за водой, топливом и т.п., в тех пунктах, где это обычно практиковалось в период военных действий. 9) Все недоразумения, могущие возникнуть при исполнении настоящего договора, разбираются уполномоченными обеих договаривающихся сторон. Место и время собрания этих уполномоченных назначаются в каждом отдельном случае через посредство парламентариев. В случае необходимости в переговорах между штабами армий, парламентарии должны быть высылаемы на шоссе Эрзинджан – Рифайе. 10) В случае совершения жителями нейтральной полосы преступлений, могущих отозваться на спокойствии местного населения, с виновными поступается по взаимному соглашению обеих сторон. Беглых уголовных преступников каждая из сторон обязывается выдавать немедленно по требованию другой стороны. 11) Турецкое командование принимает на себя обязательство приложить все усилия к тому, чтобы заставить курдов в точности выполнять все условия настоящего договора. В случае враждебных действий курдов, русские войска, в пределах своей демаркационной линии, будут поступать с ними как с разбойниками, не признающими никакой власти. 12) Обе стороны имеют право делать предложения о дополнении или изменении отдельных статей настоящего договора, для чего созывается комиссия уполномоченных обеих сторон. В случае же заключения общего перемирия между Российской республикой и центральными державами, все пункты такового становятся обязательными и для Кавказского фронта. 13) На Черном море между флотами воюющих держав устанавливается перемирие. Подробности перемирия, касающиеся морской специальности, будут разработаны комиссией, назначенной флотами обеих сторон. Военным судам и летательным аппаратам запрещается подходить ближе 10 верст к берегу противной стороны и открывать военные действия, в каком бы то ни было виде. 14) Настоящий договор излагается на русском и турецком языках, и каждой из договаривающихся сторон вручается по одному экземпляру его на обоих языках, подписанному уполномоченными обеих сторон»⁴⁹.

Сразу же в день подписания перемирия было составлено следующее воззвание к войскам: «Солдаты и офицеры. Сделан первый шаг к заключению мира – заключено перемирие. От вас зависит судьба Отечества. Вы проливали свою кровь почти четыре года. Теперь боевые действия прекращены. Вам осталось сохранить фронт лишь несколько месяцев, быть может недель. Мир приближается. Составлен план демобилизации – она уже начата. Остальное в ваших руках. Наши дороги расстроены. Запасы продовольствия ограничены. Лишь точный расчет может спасти армию от голодовки, лишь точное исполнение плана демобилизации спасет вас от необходимости совершать большие переходы пешком в зимнюю стужу, если дороги будут окончательно разрушены самовольно и в беспорядке ушедшими частями. Каждый самочинный шаг будет теперь губелен. Каждый самочинный шаг отнимет у ваших товарищей по куску хлеба, каждый самочинный уход отдалит ваше возвращение домой, ибо нарушит общий план и общий порядок на железных дорогах. Скоро вы вернетесь на родные поля, скоро вы увидите ваши семьи, не отдаляйте от себя этого дня, не губите себя и товарищей. Командующий Кавказской армией генерал-лейтенант Одишелидзе»⁵⁰. Очевидно, что в этом воззвании как в зеркале отразилось катастрофическое положение на фронте – части самовольно оставляли позиции, разграбляли продовольственные склады, захватывали железнодорожные составы и двигались в тыл, окончательно разрушая подорванную войной транспортную сеть.

Так закончилась Первая мировая война на Кавказском фронте. Русская армия на Кавказе фактически перестала существовать, уступив место национальным армянским и грузинским добровольческим формированиям. Созванный Закавказским комиссариатом Закавказский сейм провозгласил создание независимой Закавказской демократической федеративной республики, которая после месяца существования распалась на отдельные национальные государства. Турецкое командование, не видя перед собой прежнего грозного противника, посчитало себя свободным от обязательств, взятых по Эрзинджанскому договору. С начала февраля 1918 г. турецкая армия, не встречая серьезного сопротивления, вернула себе территории, занятые русской армией в 1915–1916 гг., а затем предприняла

интервенцию в Закавказье. В России в это время начиналась Гражданская война, наступала другая эпоха...

По-разному сложились судьбы главных действующих лиц Эрзинджанских переговоров. М. А. Пржевальский 28 декабря 1917 г. сдал командование Кавказским фронтом своему начальнику штаба и покинул действующую армию, подписав приказ, один из последних, о создании Армянского корпуса. В 1918–1920 гг. он занимал командные посты в Добровольческой армии на Кавказе, а после поражения Белого движения жил с 1922 г. в Югославии, умер в 1934 г. и был похоронен в Белграде. Начальник штаба фронта Е. В. Лебединский оставался исполняющим обязанности главнокомандующего войсками уже несуществующего фронта до мая 1918 г., но затем следы его теряются. Генерал И. З. Одишелидзе в 1918–1920 гг. занимал высшие командные посты в грузинской армии, а после установления в Грузии Советской власти эмигрировал в Турцию, где и скончался после 1924 г. (по другим сведениям – был расстрелян большевиками). Глава русской делегации на переговорах в Эрзинджане Е. Е. Вышинский остался в Закавказье, с марта 1918 г. – в качестве начальника штаба Армянского корпуса. Датой его смерти часто называют 1920 г., но по другим сведениям, он скончался 30 сентября 1918 г. в Дилижане и был похоронен с воинскими почестями во дворе Русской церкви. Мехмед Вехиб-паша в 1918 г. командовал интервенцией в Закавказье, но после подписания Мудросского перемирия с Антантой и вывода турецких войск вернулся в Стамбул. В 1935–1936 гг. он принимал участие во второй Итало-эфиопской войне на стороне Эфиопии. Умер в 1940 г. и был похоронен в Стамбуле.

P.S. В настоящее время в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) завершается подготовка к изданию сборника документов «Кавказский фронт Первой мировой войны 1914–1918 гг.», где на уровне материалов штаба фронта, армии, корпуса будут отражены важнейшие сражения и административное управление территориями, занятыми по праву войны, действия войск и повседневная жизнь мирного населения на протяжении всех лет войны.

**Эрзинджанское перемирие на Кавказском фронте
(Документальная хроника ноября -декабря 1917 г.)**

- ¹ С 15.8.1914 г. военные действия осуществляла Кавказская отдельная армия, которая 6.4.1917 г. была преобразована в Кавказский фронт (штаб в Тифлисе). Одновременно с 12.4.1917 г. была образована Кавказская армия (штаб в Эрзеруме) в составе фронта. В данном случае имеется в виду главнокомандующий Кавказским фронтом.
- ² Мехмед Вехиб-паша (1877–1940) – военный деятель Османской империи, дивизионный генерал, участник Балканских и Первой мировой войн. После успешных действий при Дарданеллах в 1915 г. был назначен командующим 3-й армией на Кавказе.
- ³ РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 452. Л. 1. Машинописный перевод; помета: Перевел капитан Ведринский. Подлинник там же. Л. 2.
- ⁴ Со времени реформ танзимата в Османской империи действовал румийский (юлианский) календарь; в феврале 1917 г. была устранена 13-дневная разница между днями румийского календаря и григорианского календаря, и день 1 марта 1917 г. григорианского календаря из 16 февраля 1332 г. румийского календаря превратился в 1 марта 1333 г. нового румийского календаря.
- ⁵ Закавказский комиссариат – временный орган исполнительной власти, созданный 15 ноября 1917 г. из представителей политических партий трех основных национальностей: грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватов. Правительственные решения вступали в силу только после рассмотрения в национальных фракциях. Закавказский комиссариат не признавал власти правительства Совета народных комиссаров во главе с Лениным, а свои полномочия устанавливал лишь до созыва Всероссийского Учредительного собрания.
- ⁶ *Литвинов Б.Н.* Воспоминания. Ч. 1 Приморский отряд на Кавказском фронте Первой мировой войны. Т. 2 1916–1917 гг. М., 2017. С. 604.
- ⁷ Там же. С. 608–609.
- ⁸ Приказ по армиям № 12 от 28.11.1917, подписанный Верховным главнокомандующим Н.В. Крыленко, назвал формирование национальных полков неотъемлемым правом национальности, но разрешал его только после референдума выделяемых частей в связи со стратегической обстановкой на данном участке фронта.
- ⁹ В Месопотамии (современный Ирак) в 1917 г. 6-й Турецкой армии противостояли британские войска: четыре дивизии, сведённые в два корпуса, три бригады и одна кавалерийская дивизия, всего в течение года от 25 до 55 тыс. человек под командованием генерал-лейтенанта Фредерика Стэнли Мода, после смерти которого 18 ноября (н. ст.) новым командующим стал генерал Вильям Маршалл.
- ¹⁰ Пржевальский Михаил Алексеевич (1859–1934) – русский военачальник, главнокомандующий войсками Кавказского фронта в июне–декабре 1917 г., участник Белого движения, генерал от инфантерии, двоюродный брат известного путешественника генерала Н.М. Пржевальского.
- ¹¹ Лебединский Евгений Васильевич (1873–?) – генерал-майор (1915), с 5.10.1917 – начальник штаба, а с 5.1.1918 по 5.5.1918 – главнокомандующий войсками Кавказского фронта.

- 12 РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 452. Л. 3 об. Машинописная копия.
- 13 Там же. Л. 5.
- 14 Одишелидзе Илья Зурабович (1865 – после 1924) – русский и грузинский военачальник, генерал-лейтенант русской армии (1914), с 2.10.1917 – командующий Кавказской армией, генерал от инфантерии грузинской армии (1918), помощник военного министра Закавказской республики, главнокомандующий грузинской армией (1920).
- 15 Вадбольский Николай Петрович (1869–1945) – князь, генерал-лейтенант (1915), с 25.4.1917 – командующий 7-м Кавказским армейским отдельным корпусом, участник Белого движения, позднее – в эмиграции.
- 16 Баратов Николай Николаевич (1865–1932) – генерал от кавалерии (1917), с 7.7.1917 по 10.6.1918 – командующий отдельным Кавказским кавалерийским корпусом в Северной Персии, участник Белого движения, затем – в эмиграции.
- 17 РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 452. Л. 6.
- 18 От обычной «телеграммы» разговор «по прямому проводу» отличался тем, что аппараты абонентов «образовывали один прямой канал связи», так что набранный на одном конце текст тут же отображался на другом конце. При этом обе переговаривающиеся стороны должны были помещаться непосредственно у телеграфного аппарата, получать текст от телеграфиста и диктовать свой текст.
- 19 Вышинский Евгений Евгеньевич (1873–1920) – русский военный востоковед, секретарь российского консульства в Эрзеруме в 1908–1914 гг., генерал-майор (1916), с 9.6.1917 – начальник штаба Кавказской армии, в 1918 г. – начальник штаба Армянского корпуса.
- 20 Ахмед Иззет-паша (1864–1937) – военный деятель Османской империи, в 1908 – 1914 гг. – начальник Генерального штаба, противник вступления Турции в Первую мировую войну, командующий 2-й армией (1916), великий визирь Османской империи (1918).
- 21 Левандовский Владимир Антонович (1873–1946) – генерал-майор (1915), с 23.10.1917 – генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта, начальник штаба фронта (1918), после 1921 г. – в эмиграции.
- 22 РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 452. Л. 9–12.
- 23 Далее написано от руки генералом Одишелидзе.
- 24 Там же. Л. 14.
- 25 Болтунов Александр Дмитриевич (1868–1933) – генерал-майор (1917), с 4.6.1917 – начальник штаба 1-го Кавказского армейского корпуса в составе Кавказской армии, участник Белого движения, начальник военных училищ, в том числе в эмиграции.
- 26 РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 452. Л. 26.
- 27 Там же. Л. 34.
- 28 Там же. Л. 42–45.

**Эрзинджанское перемирие на Кавказском фронте
(Документальная хроника ноября -декабря 1917 г.)**

²⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 536. Л. 17.

³⁰ РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 452. Л. 56 об.

³¹ Термен Ричард Иосифович (1870–1937) – генерал-майор Генерального штаба, участник Белого движения, позднее – в эмиграции. Востоковед, выпускник Офицерских курсов восточных языков при Азиатском департаменте МИД.

³² Морель Николай Михайлович (1869–1920) – полковник Генерального штаба, участник Белого движения, расстрелян красными в Джанкое.

³³ РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Л. 57 об.

³⁴ Бензенгр Александр Васильевич (1868 – после 1922) – полковник Генерального штаба, с 22.10.1917 – командир 156-го пехотного Елисаветпольского полка, участник Белого движения, позднее – в эмиграции.

³⁵ РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Л. 60.

³⁶ Там же. Л. 85–86.

³⁷ Там же. Л. 77.

³⁸ Там же. Л. 138–139.

³⁹ Там же. Л. 137.

⁴⁰ Донской Дмитрий Дмитриевич (1881–1936) – врач, в революционном движении с 1898 г., эсер, в 1908–1914 гг. – в эмиграции, с 1914 г. – военный врач на Кавказском фронте. В 1917 г. – член ЦК партии эсеров, после Февраля 1917 г. – председатель Общекавказского Совета солдатских депутатов в Тифлисе, с мая – председатель Президиума краевого Совета Кавказской армии, комиссар фронта, с ноября – член Учредительного собрания от Кавказского фронта. В ноябре – декабре 1917 г. – в составе Закавказского комиссариата возглавлял военное ведомство. Летом 1919 г. арестован, проходил на процессе правых эсеров 1922 г. одним из главных обвиняемых, приговорен к расстрелу, замененному лишением свободы на 5 лет. После нескольких лет заключения сослан в Нарымский край, работал врачом районной больницы. Покончил с собой в преддверии нового ареста.

⁴¹ РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Л. 89.

⁴² Там же. Л. 154.

⁴³ Халиль-паша Кут (1882–1957) – военный и политический деятель Османской империи, дядя военного министра Энвер-паши, после смерти германского военного советника генерала фон дер Гольца 19 апреля 1916 г., стал его преемником на посту командующего 6-й армией в Месопотамии. По окончании войны был арестован англичанами и помещён в тюрьму, но бежал оттуда в Москву, а впоследствии выехал в Берлин. Разрешение вернуться в Турцию ему было дано лишь после провозглашения Турецкой Республики в 1923 г.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Л. 91–94.

⁴⁵ Там же. Л. 144–145.

⁴⁶ Там же. Л. 155 и об.

⁴⁷ Там же. Л. 156.

⁴⁸ Там же. Л. 157.

⁴⁹ Там же. Л. 169–170 об. Экземпляр на турецком языке. Л. 171–172. Акт о демаркационных линиях. Л. 173–175 об.

⁵⁰ Там же. Л. 190. Помета на документе: «Немедленно и спешно передать по телеграфу сначала в 1-й и 6-й корпуса, а потом по всем адресам. Ген.-л. Одишелидзе 5.12.1917».

Раздел III

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ,
ОБЩЕСТВЕННЫЕ,
ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ
ВОСТОЧНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ
В 1917-1922 ГОДАХ**

Русская община Египта в контексте военно-революционных событий в России 1914-1920 гг.*

Русские начали массово селиться в Египте в конце XIX в. Если в 1881 г. численность россиян в Египте едва превышала 100 человек, то в 1897 г. она была уже больше 3 тыс.¹ Связано это было, вероятно, с английской оккупацией Египта в 1882 г., хотя формально страна на Ниле оставалась владением Османской империи.

Когда началась Первая мировая война, Египет поначалу служил лишь тылом британских войск на Ближнем Востоке. Он поставлял материальные и людские ресурсы, причем русскую общину это практически не затронуло. Россияне лишь сочувствовали своей родине, а связанные с Россией синайские отцы молились за победу русского оружия, о чем архиепископ Синайский Порфирий II уведомил 27 августа 1914 г. Святейший Синод².

Ситуация резко изменилась после того, как 29 октября 1914 г. в войну вступила Османская империя. В ответ 18 декабря Великобритания объявила, что Египет отделяется от Турции и переходит под английский протекторат. А 10 января 1915 г. восемь турецких дивизий вторглись из Палестины на египетский Синайский полуостров и начали продвижение к Суэцкому каналу.

* В.В. Беляков

Участие Египта в войне оказало значительное влияние на русскую общину. После вступления Турции в войну в Египет из Палестины хлынул поток беженцев с российскими паспортами. В декабре 1914 – январе 1915 г. в Александрию прибыли 3376 русских евреев. Египетские власти предоставили им временное жилье, продукты. По инициативе русского консула в Александрии А. М. Петрова был создан комитет помощи русским беженцам. Египтяне настаивали на том, чтобы их как можно скорее отправили на родину.

Однако сделать это было не так просто. Из-за военных действий кратчайший путь из Египта в Россию, через Дарданеллы и Босфор, оказался закрыт. Отправить беженцев можно было либо через Архангельск, либо через Владивосток. Российские дипломаты не располагали средствами для отправки такого количества людей, а большинство беженцев также не имело собственных средств. Египетские власти разрешили беженцам подыскивать себе работу, а затем и остаться в Александрии тем, кто такую работу нашел³.

В декабре 1914 г. в Александрию была эвакуирована также Русская духовная миссия в Палестине во главе с ее начальником, архимандритом Леонидом. Вместе с ней прибыла и группа православных паломников – всего 95 человек⁴.

Из-за войны в самом Египте были вынуждены остаться некоторые россияне – туристы, синайские паломники, пациенты санаториев в Хелуане, южнее Каира.

В результате всего этого численность русской общины в Египте существенно возросла. Согласно переписи населения 1917 г., в стране проживали 4225 российских граждан, причем больше половины из них – в Александрии. Общее же число иностранцев составляло 175 тыс. человек⁵.

Изменился и национальный состав русской общины. Из-за многочисленных беженцев из Палестины доля евреев в ней стала намного выше, чем русских. «96% русско-подданных моего округа принадлежат именно к иудейскому вероисповеданию», – писал 3 марта 1915 г. каирский вице-консул С. Зуев российскому посланнику А. А. Смирнову⁶. Видимо, похожая картина наблюдалась и в Александрии. По крайней мере, тамошний консул А. М. Петров писал Смирнову 25 июля 1916 г., что «все уклоняющиеся (от мобилизации. – В.Б.), за единичными исключениями, принадлежат к еврейской народности»⁷.

Британские военные власти предложили местному населению и проживавшим в Египте иностранцам заняться изготовлением оболочек для бомб и снарядов и медных гильз для патронов к винтовкам и пулеметам. В эту работу включились и многие русские, в основном – беженцы из Палестины. Последние даже создали в 1915 г. небольшую фабрику, на которой работали 30-35 человек⁸.

В начале войны правительство России освободило от призыва в армию по мобилизации российских граждан, проживавших за границей. Однако огромные потери на фронтах вынудили вскоре отменить эту льготу. Согласно указу от 1 марта 1915 г., военнообязанные россияне должны были либо немедленно вернуться на родину, либо поступить на службу в войска союзников. Контроль за выполнением этого указа был возложен на российских консулов⁹.

Для россиян, живших в Египте, возвращение на родину в условиях войны было крайне затруднительно. Альтернативой была служба в британской армии, тем более что на территории Египта, на Синайском полуострове, она вела военные действия против турок. Россияне, вступавшие в Египте в британскую армию, обычно проходили службу в самой этой стране. В Александрии для русских призывников был создан специальный лагерь, откуда они направлялись к месту постоянной службы в соответствии с возрастом, уровнем военной подготовки и профессией, чаще всего – в тыловые подразделения, а не на фронт. Но, по крайней мере, однажды русских отправили в британские части, сражавшиеся в Европе. 14 ноября 1916 г. из Александрии в Марсель на английском транспорте «Минневаска» отбыли 168 мобилизованных россиян¹⁰.

К концу 1916 г. британская армия вытеснила турок с Синая и закрепилась на границе с Палестиной. Напряжение в Египте, где в первые годы войны вся жизнь была жестко подчинена нуждам фронта, стало спадать. Открывались новые магазины, кафе, увеселительные заведения. Не стояли в стороне и русские. Так, в начале 1917 г. русский подданный С. Свердлик открыл в Каире ресторан «Петроград»¹¹.

Февральскую революцию в России русская община в Египте встретила с энтузиазмом. 25 марта 1917 г. перед зданием Российского дипломатического агентства в Каире собралась многочисленная толпа радостных и возбужденных россиян. К ней примкнули и некоторые

египтяне. Часть демонстрантов размахивала красными флагами, на которых было написано: «Да здравствует свободная Россия!» Начался митинг, участники которого приветствовали свержение царизма. Они отправили в Петроград телеграмму, в которой говорилось, что россияне, живущие в Египте, полностью на стороне победоносной революции¹².

Поддержали революцию и военные моряки с крейсера «Пересвет», находившиеся в Порт-Саиде. Их корабль затонул 4 января 1917 г. недалеко от берега в результате диверсии. «Пришла революция, и мы почуяли свободу своего права требовать законное», – писал комитет команды «Пересвета» военному и морскому министру А. Керенскому¹³.

О своей лояльности Временному правительству заявили и российские дипломаты, работавшие в Египте. Иначе реагировали они на Октябрьскую революцию. Посланник А. А. Смирнов и его подчиненные отказались признать Советскую власть и были уволены со своих постов приказом народного комиссара иностранных дел от 9 декабря 1917 г.¹⁴ Поскольку Советскую власть не признало и правительство Египта, то официальные отношения между нашими государствами были прерваны, и, как оказалось впоследствии, более чем на четверть века. Но египтяне еще шесть лет продолжали считать бывших царских дипломатов законными представителями России. Правда, теперь они больше выполняли консульские функции, чем политические, защищали интересы русской общины.

Вскоре после окончания войны англичане начали перевозить в Египет бывших русских военнопленных, освобожденных ими в ходе военных действий против Турции на Ближнем Востоке. 6 декабря 1918 г. в Порт-Саид прибыла первая такая группа в количестве 64 человек. В середине декабря прибыли еще 586 человек. Среди русских военнослужащих было немало тех, кто попал в плен на Западном фронте, во время бегства революционно настроенных войск в Галиции в июле 1917 г. Турки перебросили их для подсобных работ на Ближний Восток. Бывших русских пленных англичане разместили в двух палаточных лагерях, оснащенных походными госпиталями – в Телль аль-Кебуре, между Каиром и Исмаилией, и в Кантаре, на берегу Суэцкого канала между Исмаилией и Порт-Саидом¹⁵. К маю 1919 г. число бывших русских военнопленных в лагере в Телль аль-Кебуре достигло 1148 человек¹⁶.

Англичане информировали российских консульских представителей о случаях тяжелых заболеваний среди военнослужащих, об их выздоровлении или смерти. Весной 1919 г. на английском военном кладбище в Телль аль-Кебуре появились могилы русских солдат Петра Германа, Салиха Боткаева, Эрнста Преймана, Егора Федотова и Тимофея Грудинина¹⁷. За этими могилами, как и за могилами своих соотечественников, англичане до сих пор ухаживают.

По причине Гражданской войны в России и непризнания Великобританией Советской власти репатриация бывших военнопленных на родину осуществлялась медленно, и, вероятнее всего, через Дальний Восток. Так, 30 января 1920 г. и.о. российского консула в Порт-Саиде А. Ниссен отправил на пароходе во Владивосток пять бывших военнопленных. Деньги на билеты для них собрал агент РОПиТ А.П. Пахомов¹⁸.

Бывшие военнопленные маялись от жары и безделья в английских лагерях в Египте, ожидая возвращения на родину. До корки читали газеты, присылаемые им соотечественниками из Европы. Наиболее активные из них занялись самообразованием.

2 января 1920 г. двое русских солдат, И. Титов и А. Гогения, отправили в культурно-просветительный отдел парижского Земгора следующее письмо:

«Мы, русские солдаты, б[ывшие] военнопленные в Турции, находящиеся в настоящее время в Египте в числе 120 чел[овек] под английским ведением, оторванные от всего мира и не получая ниоткуда никаких пособий и жалованья, прочтя объявление в газете Р.С.Г.¹⁹, решили просить вас об этом, т.е. о бесплатной высылке учебников и если возможно книг для чтения. — Не имея никаких развлечений, мы организовали в лагере маленькую школу-библиотеку из собранных кое у кого книг. Желающих учиться и читать много, но нет учебников, и преподаем устно на память, что еще не забыли из России. Учебников не достает: географии, р[оссийской] истории, словесности, физики; грамматик правописания и синтаксиса. Нет также книг для первого обучения чтению и письменных принадлежностей. Если уважаете просвещение — пришлите»²⁰.

Реакция адресатов в Париже была быстрой. Об этом можно судить по второму письму из лагеря военнопленных, отправленному 26 января 1920 г.:

«Сообщаем: учебники и книги получили 26 января с/г [сего года]. 5 пакетов книг чис[лом] 65, за которые от глубины сердец шлем большую благодарность. ... Безграмотных у нас 120 чел[овек], есть 11, с которыми занимаются учт. [учителя] Титов и Гогения. Они уже учились читать и немного писать, а также прошли арифметику на все четыре действия. Теперь взялись за обучение русской грамматики. Остальные все малограмотные, окончившие сельские или земские училища. Но надо было видеть, с какой жадностью и любовью люди бросились на книги, у всех явилась жажда просвещения. Все малограмотные взялись за изучение дробей, грамматики, географии, многие еще не знакомы с русскими классиками и нет беллетристики. Учителя тоже не большого образования, но что делать, что не доскажут, будем добиваться сами из книг. Согласно вашей просьбе сообщить вам о нашем положении и о том, как мы попали в Египет, скажем кратко: положение наше печально... А как мы попали сюда, сообщим в следующем письме»²¹.

Через несколько дней бывших военнопленных отправили в Суэц, и их переписка с Парижем прервалась. Куда доставили наших соотечественников, осталось неясным. Если их все же репатриировали на родину, то из Суэца, стоящего у южного входа в Суэцкий канал, логично было бы довести русских солдат до Владивостока. Впрочем, их могли высадить и где-то еще.

Если обитатели лагеря в Телль аль-Кебире покинули его уже к весне 1920 г., то в Кантаре бывшие военнопленные задержались почти до конца этого года. Известно, однако, что благодаря усилиям Советского правительства их доставляли на родину уже напрямую, через Одессу.

«Относительно пункта, касающегося репатриации, следует указать, что некоторое число русских подданных, задержанных британскими властями в Египте, Персии, Константинополе, Батуме и в других местах и желающих возвратиться в Советскую Россию, еще не получили необходимого разрешения от британских властей, – говорилось в ноте правительства РСФСР правительству Великобритании от 6 октября 1920 г. – Также нужно указать, что некоторые из этих пленных, например, содержащиеся в Кантаре в Египте, подвергаются обращению, которое вызывает энергичный протест»²². В ответной ноте от 10 октября правительство Великобритании сообщило, что «в числе русских

подданных, ожидающих возвращения на родину в различных частях Британской Империи ... 129 человек, ожидающих репатриации в Кантаре в Египте, насчет якобы тяжелого положения которых нам ничего не известно, но срочно наводятся справки»²³.

Вряд ли англичане действительно плохо обращались с бывшими русскими военнопленными. Скорее всего, дело было в том, что лагерь в Кантаре (как и в Телль аль-Кебуре) располагался на краю пустыни, и переносить летний зной его обитателям было чрезвычайно тяжело. Сказывались и старые раны. Так, 28 октября 1920 г. в Кантаре скончался рядовой Логвин Фокин. Он похоронен на английском военном кладбище в восточной (азиатской) части этого городка²⁴.

По-видимому, дипломатический демарш Советского правительства подействовал. Уже 30 октября народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин направил в Лондон председателю Советской торговой палаты Л.Б. Красину следующую телеграмму: «Приняты меры к встрече транспорта, на котором, по Вашему сообщению, русские пленные возвращаются из Египта и Константинополя в Одессу»²⁵. Вероятно, тем самым репатриация из лагеря в Кантаре полностью завершилась. По крайней мере, после этой даты мы ни разу не встречали в документах упоминания о бывших русских военнопленных в Египте.

¹ Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920-1939 гг.). М., 2000. С. 6.

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 576. Л. 49.

³ Там же. Д. 657. Л. 124–128.

⁴ Там же. Л. 29 об.

⁵ *Аль-Мурси, Фуад*. Аль-алякат аль-мысрийя ас-суфитийя (Египетско-советские отношения). 1943–1956. Каир, 1976. С. 21.

⁶ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 506. Л. 53.

⁷ Там же. Д. 508. Л. 55 об.

⁸ Там же. Оп. 820/1. Д. 507. Л. 13.

⁹ Там же. Д. 506. Л. 14, 50.

- ¹⁰ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 5026. Д. 7384. Л. 1.
- ¹¹ Там же. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 1071. Л. 22.
- ¹² *Френкель М.* Ленинская «Искра» в Египте // *Азия и Африка сегодня.* 1988. № 11. С. 10.
- ¹³ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р 21. Оп. 1. Д. 27. Л. 36.
- ¹⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 1. С. 43–44.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 70. Л. 5, 8, 16.
- ¹⁶ Там же. Оп. 820/1, д. 1071, л. 122 с об.
- ¹⁷ Там же. Оп. 820/3. Д. 70. Л. 17.
- ¹⁸ Там же. Д. 181. Л. 4, 5, 15.
- ¹⁹ Газета «Русский солдат-гражданин во Франции» выходила с июля 1917 г. до апреля 1920 г.
- ²⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 324. Оп. 3. Д. 3. Л. 6.
- ²¹ Там же. Л. 9, 12.
- ²² Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. С. 239.
- ²³ Там же. С. 318.
- ²⁴ Беляков В.В. Российский некрополь в Египте. М., 2001. С. 35.
- ²⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 308.

Судьба русского офицера-востоковеда на фронтах Первой мировой и Гражданской войны*

Российское военное востоковедение стало определённым культурно-историческим феноменом, оказавшим важное влияние на развитие в России представлений и формирование базы знаний о Востоке. Одним из ярких представителей российского военного востоковедения был Борис Нилович Литвинов.

Служба в Туркестане

Борис Нилович Литвинов (18.10.1872-04.03.1948) начал свою военную карьеру в Туркестане в конце XIX в. Выпускник Московского юнкерского училища, он был зачислен в 11-й Туркестанский линейный батальон в качестве военного топографа. Почти сразу по прибытии в Туркестан Б.Н. Литвинов оказался в центре геополитической схватки России и Великобритании. В 1893 и 1896 гг. он производит рекогносцировку и топографическую съёмку перевалов на путях из Самарканда

* А.Д. Васильев, Д.Д. Васильев

в Восточную Бухару. В конце XIX в. районы Восточной Бухары находились под формальным контролем бухарского эмира, чья власть, однако, была достаточно непрочной. Накануне схватки за Памир разведка и топосъёмка этих районов приобретали важное военное значение. Предполагалось, что через Восточную Бухару нельзя было попасть в оспариваемые афганским правительством и англичанами припамирские районы. Экспедиция под командованием Н. А. Данталя, в которой вёл топосъёмку Б. Н. Литвинов, опровергла это мнение. В 1894 г. Литвинов продолжил работу в рекогносцировочной экспедиции в Запянджский Дарваз и Шугнан, где участвовал в стычках с афганцами. По-видимому, начальство ценило военные и научно-организационные способности Б. Н. Литвинова, и в 1898-1899 гг. он становится старшим адъютантом Туркестанской линейной бригады, исполняет должность заведующего пограничными делами при начальнике Закаспийской области¹, а впоследствии – адъютантом командира II Туркестанского армейского корпуса (1900)².

Его первыми военно-научными публикациями становятся статьи «Долина р. Сурхаб» в «Изборнике разведчика» и «По Бухаре» (рис. 1, 2). В основу его статей были положены материалы его рекогносцировок. Б. Н. Литвинов описал дорогу от Аму-Дарьи до Самарканда, которую он связывал с именем средневекового узбекского правителя Абдуллах-хана II. Описывая трудности пути, Б. Н. Литвинов доказывает необходимость постройки железной дороги к границе с Афганистаном через Бухару. Завершил своё описание Литвинов словами, что хотя выбор направления железной дороги – удел специалистов, но Туркестан ждёт этой железной дороги, «чтобы проснуться к жизни под охраной могучего русского орла»³ [3].

Участие в рекогносцировке на Памире Б. Н. Литвинов описал в серии очерков «Через Бухару на Памиры», опубликованных в журнале «Исторический вестник» (1904). То обстоятельство, что маршрут экспедиции пролегал через Запянджский Дарваз, отданный впоследствии англичанам по соглашению 1895 г., и подтолкнул автора, по его собственным словам, на написание очерка о путешествии в такую малоисследованную часть «Средней Азии»⁴. Весьма обширное повествование сопровождается иллюстрациями, сделанными самим автором (рис. 3, 4). Литературная и научная ценность (на момент написания) текста несомненны.

Приведём одну достаточно живописную цитату из данного очерка: «...[Озеро] Кабутак все чаще и чаще ласкал наш глаз своею дивной поверхностью... С самого места, где остановился наш отряд, <...> гололомная тропа буквально опрокидывалась вниз между громадными камнями, спускаясь словно по лестнице, ступени которой достигали местами двух аршин высоты, все ниже и ниже, и наконец терялась в тех же камнях. Мы начали спускаться. Картина была восхитительна. Под нами в широком ущелье бежал ручей Азор-Чашма; все ущелье, его склоны и почти отвесные бока были сплошь покрыты густым арчевым леском, лиственными деревьями и кустарниками разных пород. Ущелье на горизонте замыкалось девственно снежным хребтом по всему горизонту картины. Озеро Кабутак, видимый нами его угол, как чистым изумрудом, красовалось своей поверхностью. В складках скал и горных массивов дрожали голубые полупрозрачные тени. Сейчас же, по ту сторону Азор-Чашмы, начинался от самого Кабутака скалистый покрытый арчевым лесом гребень, поднимающийся по направлению блистающего своим ледником и снегами Сия-Куха; нам сверху было видно, как полотно тропы, по которой нам лежал дальнейший путь, просвечивая сквозь зелень перелесков, взбиралось на этот гребень и, дойдя до его вершины, пропадало в ущелье Туша-Пазона.

Спуск к Кабутаку начался около двенадцати часов, и около трех мы были уже на берегу озера. Тяжело было в эти часы отряду. Лошади не шли; их пришлось развьючивать и тяжести нести на себе; бедные животные бились в ужасе и не хотели делать тех гигантских прыжков по этой поистине чёртовой лестнице; ногайки свистели и безжалостно работали по их крупам; охотники надрывались, таща лошадей за веревки. Наконец, кое-как мы спустились к озеру и остановились на отдых»⁵. Именно подобные описания принесли Б.Н. Литвинову известность как литератору и военному географу.

Литвинов был одним из первых русских исследователей, обративших внимание на необходимость археологического исследования древней Нисы⁶. В бытность исполняющего должность заведующего пограничными делами при начальнике Закаспийской области Б.Н. Литвинов совершил рекогносцировку русско-афганской границы и сделал зарисовки некоторых пограничных пунктов и мазаров, не сохранившихся до наших дней⁷

В 1899 г. Б.Н. Литвинов был командирован для изучения Керки и Термеза, оставил их краткие описания и сделал несколько зарисовок местных памятников архитектуры. Помещённое в «Кауфманском сборнике» (1910) описание Б.Н. Литвиновым быта обитателей г. Керки и его окрестностей, озаглавленное «Керки. Картинки Аму-Дарьинской жизни», считается одним из наиболее колоритных отечественных описаний повседневной жизни гарнизона и быта среднеазиатских городов конца XIX в.⁸. Вот как описывает автор сам город: «...Керки расположился, как было уже сказано, у подошвы “бековской калы”, на левом берегу Аму-Дарьи, имеющей здесь ширину более 650 саж.

Если выйти на балкон “посольского дома”, как называют чиновники бека ничтожную лачугу, приспособленную для помещения временно прибывающих русских, то положение города, его окрестности и вокруг лежащая местность предстанут необычайно рельефно. Этот посольский дом умело прилеплен над самым обрывом, над летящей быстринной реки, саженьях на 25 высоты.

Напротив, на правом берегу, высится такая же желтая скалистая отвесная “кала”, с ничтожными остатками бывшего ещё во время путешествия Вамбери укрепления. Эта “кала” есть конец небольшого известково-песчаного хребта, последнего воспоминания мощного Гиссарского кряжа, заполнившего собою добрую половину территории всего Бухарского ханства и столько же теперешней Самаркандской области. На Керкинском же берегу остатки этого хребта выразились в виде трех рельефных отдельных вершин – “бековской калы”, не меньшей её – русской крепости и холмистой вершины, известной у военного населения под именем высоты Б. Все эти три вершины расположились правильно цепью и представляют собою великолепную защиту для города, как со стороны реки, так и со стороны большой дороги на Босагу, большое торговое селение на границе с Афганистаном...»⁹.

А вот описание осеннего базара Керки, сделанное Б.Н. Литвиновым: «Раннее ясное, тихое октябрьское утро. Широкая, чистая, обсаженная приземистыми низенькими, но густыми акациями и тутами, главная улица русского поселения кажется затянутой серо-синеватой дымкой утренних испарений. Дорога и нечто вроде тротуаров кажутся обильно политыми; но их никто не поливал: это выступила за ночь подпочвенная влага.

Начинающие уже желтеть листья румянятся на верхушках дерев. Чистенькие, в три, четыре, много пять окон, офицерские домики прячутся за зелень. Оконца заставлены снаружи кошомными ставнями и приперты шестами и палками.

Посредине улицы мерно выступают два верблюда, тяжело нагруженные дынями, сквоззящими через плетёные из травы грубые, с широкими отверстиями, саки. Впереди, быстро перебирает ножками ишак; на нём сидит с измождённым худым лицом туркмен-эрсаринец. Он надел лучший свой халат и шапку и желает этим щегольнуть на базаре. На пальцах его ног едва держатся башмаки; пятки ног голы и свободно светятся на солнце; так и кажется со стороны, что башмаки спадут с ног. Впереди, в затянутой серой дымкой улице, в том же направлении, на сартовский базар, двигаются бумажные яркие полосатые халаты, шапки и чалмы. Всё стягивается на базар с утра»¹⁰.

Во время революции 1905-1907 гг. Литвинов активно участвовал в подавлении революционных выступлений, борьбе с бандитизмом и нападениями на поезда Среднеазиатской железной дороги в районе станции Чарджуй. Судя по мемуарам, в этот период он вместе с другими офицерами-туркестанцами находился в определённой оппозиции тогдашнему туркестанскому губернатору Д.И. Суботичу, обвиняя его в излишнем либерализме, зачастую саботируя его приказы и действуя согласно обстановке¹¹.

На «Приморском фронте» Первой мировой войны

Наиболее важными вехами жизни Б.Н. Литвинова стало его участие сначала в Первой мировой, а затем и в Гражданской войне на Кавказе и в Закаспии. Эти конфликты всемирного масштаба прервали его творческий путь как исследователя древностей и военной топографии Средней Азии. Уже в начале 1920-х гг. Б.Н. Литвинов, находясь в эмиграции в Белграде, именно периоды Первой мировой и Гражданской войн постарался зафиксировать и описать как можно подробнее.

В годы Первой мировой войны, командуя сначала батальоном 19-го Туркестанского стрелкового полка, а затем и всем полком, Б.Н. Литвинов участвовал в боевых действиях Кавказского фронта на побережье Чёрного моря.

«Великая война» на Кавказе мало отражена в мемуарной и исследовательской литературе. Однако умалять значение этого периферийного театра боевых действий не стоит, и воспоминания Б. Н. Литвинова – яркое тому доказательство.

Первоначально Кавказский фронт рассматривался как второстепенный по отношению к происходившему на фронтах Европы. Ещё перед началом войны часть войск была отозвана с Кавказа в Европейскую часть России. Однако более успешный ход боевых действий и тот факт, что до самого 1917 г. война здесь была более маневренной, в отличие от зарывшихся в окопы европейских армий, заставили русское военное командование обратить на Кавказ самое пристальное внимание.

В указанный период русская армия провела на Кавказе ряд блестящих операций, итогом которых стал захват двух важнейших и крупнейших городов региона – Эрзерума и Трабзона. Эта победа стала возможной благодаря полководческому таланту и удаче Н. Н. Юденича, а также слаженной и самоотверженной работе менее высокопоставленных (но не менее талантливых) военачальников, к которым относился и Б. Н. Литвинов. Блестящие победы русского оружия на Востоке вызвали тревогу и беспокойство в Париже и Лондоне, где опасались проникновения русского влияния на Ближний Восток. Франция и Великобритания предприняли дипломатические попытки навязать России участие в соглашении Сайкса – Пико о колониальном разделе арабских провинций Османской империи. Но эти попытки не увенчались успехом.

В российском обществе сложилось мнение, что «турка» русские войска «били» всегда, с минимумом потерь и затрат. Похожее мнение сложилось у обывателя и в отношении Кавказского фронта Первой мировой войны. Воспоминания Б. Н. Литвинова убедительно разоблачают ошибочность сложившихся стереотипов: «Как бы ни был болен “больной человек” на Босфоре, но он <...> теперь поправляется. Вы только подумайте, какой другой народ и солдат перенесёт столько почти непрерывных войн, как турки, и остаётся ещё боеспособным и по сей час. Русско-турецкая 1877-78 г., война за Египет 1885 г., Греко-турецкая 1897 г., Первая и Вторая Балканская 1912-1913 гг. и наконец Великая 1914-1918 гг. И в этой последней турки беспощадно бьют французов и англичан в Дарданеллах при подавляющем своём меньшинстве сил и техники, и забирают в плен целый экспедиционный

корпус англичан в Месопотамии (Кут-эль-Амара Таунсенда)... Воздаётся честь и слава вождям нашего Кавказского фронта. Возносится имя генерала Юденича, как вершителя российских побед на турецком фронте. Но умалчивается о том, что в самом начале турки имели успех, и притом огромный»¹².

Будучи уже в эмиграции, Б.Н. Литвинов, опираясь на сохранённые им документы (полевые книжки командира полка и копии приказов), детально описал ход боевых действий, свои отношения с вышестоящим военным начальством. Он прекрасно обрисовал ситуацию с русской стороны фронта, быт и жизнь населения захваченных городов и территорий. Особое место занимает и описание непростых властных отношений среди командования Кавказского фронта русской армии, что также представляет чрезвычайный интерес.

19-й Туркестанский стрелковый полк и его командование, как показали события начала войны, хорошо проявили себя и зарекомендовали как надёжную и стойкую боевую единицу. Это обстоятельство учитывалось во время всей кампании, и полку часто приходилось действовать на острие удара, выполнять наиболее тяжёлые и ответственные задания, зачастую оставаясь последней надеждой фронта. Не случайно поэтому в центре повествования Б.Н. Литвинова – солдаты и офицеры 19-го полка, являвшие образец стойкости, храбрости, верности своему долгу. Это и удивительно, поскольку в связи с потерями личный состав полка обновился на три четверти. Отдельно следует подчеркнуть документализм автора, мастерски воспроизведшего по памяти и записям в своих офицерских книжках планы и схемы сражений (рис. 5, 6, 7).

По прошествии времени Б.Н. Литвинов проанализировал и критиковал те или иные решения высшего командования, которые ему приходилось выполнять. Мемуары и личные документы Б.Н. Литвинова насыщены большим количеством малоизвестных фактов, имён и географических названий, значительная часть которых изменилась или была забыта. Серьёзную трудность при подготовке текста воспоминаний к публикации представляло установление правильных названий большинства населённых пунктов и природно-географических объектов. Это связано с тем, что турецкие власти дважды (в 1916 г. и в 1960-х гг.) изменяли большую часть традиционных исконных топонимов турецкой части Северо-Восточного Причерноморья.

Воспоминания Б. Н. Литвинова, несомненно, являются одним из наиболее подробных, претендующих на документальность и интересных воспоминаний по истории Кавказского фронта Первой мировой войны. В его мемуарах привлекают внимание подробные описания городов и территорий, посещённых им на черноморском побережье (Архаве, Атина, Ризе). Отдельные, насыщенные подробностями, части его мемуаров посвящены боевым операциям в районах городов Оф, Трабзон, Байбурт. Литвинов детально описывает ход боевых действий, свои взаимоотношения с начальством, ситуацию с русской стороны фронта, быт и жизнь населения захваченных городов и территорий. Особое место в мемуарах Б. Н. Литвинова отведено Трабзону и его восточным окрестностям.

Б. Н. Литвинову принадлежат не только тексты, но и очень точные зарисовки планов позиций русских и турецких войск в ходе войны, а также планы боевых действий периода Гражданской войны, в особенности в Закаспии.

Участие в Гражданской войне на Кавказе и в Туркестане.

Находясь в эмиграции в Белграде, Б. Н. Литвинов оставил обширные мемуары, посвящённые в том числе своему участию в Терском казачьем восстании 1918 г.¹³ и вооруженной борьбе в Туркмении в 1919 г.¹⁴. Будучи командиром белогвардейской Закаспийской добровольческой стрелковой дивизии, он постарался как можно детальнее описать боевые действия.

В советские годы исследователи уделяли определённое внимание событиям и последствиям Гражданской войны в Туркмении. Однако в силу того, что Закаспийский фронт Гражданской войны был далеко не основным, эти исследования велись преимущественно местными историками, хотя в последнее время эту тематику затрагивали и российские исследователи¹⁵. Описывая ход событий с точки зрения господствовавшей идеологии, они зачастую вынуждены были вписывать сложные местные реалии в устоявшуюся схему описания событий. Хотя Б. Н. Литвинов и находился в стане врагов революции, его организационные усилия и полководческий талант не остались незамеченными советскими исследователями*. Интерес в данном случае

представляет видение Б.Н. Литвиновым причин, которые способствовали возникновению и динамике предпосылок для революционных событий 1905-1907 и 1917-1919 гг. в Средней Азии.

В начальной части рукописи Б.Н. Литвинов уделяет этому аспекту особое внимание, выделяя главные причины революционных волнений¹⁶. На первое место он ставит проникновение чужеродного, экстремистски революционного элемента в структуры военного и гражданского руководства в крае и его злоупотребления властью. По мнению Б.Н. Литвинова, это способствовало обогащению пришлого населения, ухудшению положения местных жителей и как следствие – ухудшению его отношений с русскими вообще¹⁷. Призыв населения на тыловые работы в 1916 г. продемонстрировал полное непонимание специфики региона, а также неповоротливость и негибкость машины государственной власти.

«...Вторая причина – рабочий элемент». Б.Н. Литвинов писал, что управлявшие краем Анненков и Куропаткин разрешили рабочий вопрос достаточно удачно. Участок Закаспийской железной дороги строили или «туземцы» – персы, или нижние чины 1-го и 2-го Закаспийских железнодорожных батальонов, сапёры и запасные. Им кроме зарплаты выдавался участок земли и ссуда на постройку дома. Кроме того, строились больницы, школы, церкви, прекрасные здания ремесленных собраний (их собрания посещали министры и Главные начальники края). Новым переселенцам отводились большие участки орошаемой земли для общественных нужд, где впоследствии вырастали русские города и «слободки». Таким образом, местные переселенцы-рабочие были благоустроены и имели собственность¹⁸. Именно они стали основным социальным элементом, на который опиралось Белое движение в Закаспии.

В отличие от Закаспия, на постройку Оренбург-Ташкентской, Андижанской и части Сибирско-Туркестанской магистрали привезли большую массу неквалифицированной, неимущей рабочей силы – как местной, так и из центра России, – которая осела и образовала трущобные районы в Коканде, Чарджуе и Ташкенте. Именно она и стала той массой, которая откликнулась на революционные лозунги.

В качестве третьей причины Б.Н. Литвинов называет раскол интеллигенции. По его наблюдениям, масса хлынувших в Туркестан

инженеров с многотысячными окладами развратила «моральнейших» представителей чиновничества и офицерства. Таким образом, развитие производства и товарно-денежных отношений в регионе влекло за собой ускоренное имущественное расслоение местного населения, что также способствовало росту недовольства, прежде всего местных крестьян и мелких предпринимателей. Этому способствовали и рост цен, и стремление офицерства и чиновничества к обогащению любыми средствами, что подрывало авторитет власти.

А в Закаспии, по мнению Литвинова, ничего подобного не наблюдалось. Там сохранялся более высокий авторитет власти и офицерства, которое оказывало влияние на солдатские массы¹⁹. Ревизия сенатора Палена лучше всего подтвердила это.

Четвёртая причина, о которой говорит Литвинов, хотя и не выделяет её, – это переселенческий вопрос. По его словам, переселенцами в Туркестане были преимущественно русские. Их объединяло общее понимание опасности, которое подспудно передавалось от местного населения. В то же время в Закаспии более значительный пласт переселенцев составляли немцы. Как пишет Б. Н. Литвинов, в бытность А. Н. Куропаткина немецкие колонисты заселяли преимущественно горные посёлки в приграничной полосе с Персией. Именно эти группы были подвержены германской пропаганде во время Первой мировой войны, и именно они поддерживали Красную армию во время Гражданской войны в Закаспии. Хотя интерпретацию событий Б. Н. Литвинова необходимо воспринимать критически, она весьма интересна и важна для понимания предпосылок революционной ситуации в Туркестане, который был близок автору лично и которому он поэтому уделял большое значение.

Б. Н. Литвинов описал и английскую интервенцию в Закаспийскую область, дав негативную оценку военно-политической деятельности британских офицеров и проанализировав боевые качества английских колониальных войск из сикхов и гуркхов во время боя за Душак в октябре 1918 г.:

«Едва белые отряды расположились на Каахкинских позициях, как были атакованы красными. (Начало сентября – лучшее время для операций в Туркестане.)

К этому времени подошла первая английская помощь в виде всего только 20 сипаев 2-го Бенгальского Сейкского (Сикхского. – А.В.)

уланского полка и несколько сот ружей (оружие туркестанских войсковых запасов ушло на вооружение двух сибирских запасных дивизий, ставших красными).

Но, тем не менее, и эта помощь была своевременна и производила бодрящее впечатление на белых и обратное на красных.

Красные потерпели неудачу и стали отходить к ст. Арман-Сагату и Душаку.

Душак представлял собою узел путей в Персию и складочное место хлопка и кож на значительный район между городами Каахка и Теджен. Хлопок и кожи, скопившиеся там в миллионных цифрах пудов, импонировали и нам, и англичанам, как прямая ценность. Поэтому, как по той, так и по другой причине, обладание Душаком было важно и красным, и белым, и англичанам. Вследствие чего было решено продолжать преследование красных за Душак. К этому времени подошла еще и бригада англо-индийских войск: 2-й Сейкский уланский полк и 2-й Гуркацкий пехотный полк двухбатальонного состава.

7–8 октября (1918 года. – *А.В.*) соединенные силы белых и англичан двинулись к Душаку и атаковали его, но встретили ожесточенный отпор. Красные дрались отчаянно. Англичане, видимо, легко относились к боевой доблести красных и потому атаковали их без достаточной осмотрительности. Офицеры шли впереди цепей со стэками в руках. Гурки лезли вперед со своими визгами и криками, думая легко забросать “товарищей” своими кривыми ножами. Затяжной ожесточенный бой длился почти целый день, пока к вечеру большевики не начали сдавать. И наконец Душак общими усилиями был взят. Упорство боя и потери, понесенные обеими сторонами под Душаком, напоминают Кизил-Арватское истребление Фролова. Больше всего потерь понесли английские войска. У них было убито и ранено 38 офицеров и 157 нижних чинов, преимущественно 2-го Гуркацкого полка.

Английское командование поставило в Душаке небольшой белый обелиск на могилы погребенных офицеров и солдат и выбило на нем имена погибших. Но от дальнейшего участия в собственно боевых действиях в дальнейшем отказалось, мотивируя расстройством этих двух полков в Душакском бою. Оно сразу поняло, что не может спорить на боевом поле с русскими, хотя бы и большевиками. К тому, цель английских намерений была совершенно другая: истребление

русского элемента в Центральной Азии, безразлично красного или белого, и захват добра чужими, а не своими руками.

Над этим на белом фронте много смеялись, но доблесть английских офицеров хвалили.

Результат Душакского боя был совершенно неожиданный (такой же неожиданный результат и второго Душака был в 1919 году). Союзное англо-русское белое командование отвело все свои войска снова на Каахкинские позиции.

Причиной тому было пьянство английских сипаев, разграбивших запасы вина и других напитков, приготовленных в Душаке для экспорта в Персию. Пограбили, конечно, и наши, но не в такой мере. Около 3 недель наши войска стояли на Каахкинских позициях и укрепляли их. Последовала реорганизация военного командования на фронте и управления страной в Асхабаде»²⁰.

Будучи выпускником Академии художеств, Б. Н. Литвинов в эмиграции оставил большое количество рисунков и зарисовок Центральной Азии, быта её населения и пейзажей. В Белграде он открыл школу рисования, где зарабатывал на жизнь уроками, пытаясь обеспечить свою семью²¹. Он создал около 300 картин, набросков и рисунков, иллюстраций, большая часть из которых в настоящий момент находится в частных коллекциях.

В августе 1945 г. югославское правительство выдало Б. Н. Литвинова советским властям. Вскоре Борис Нилович был осуждён и отправлен в Темлаг Мордовской ССР, где умер в марте 1948 г.

Заключение

Б. Н. Литвинов написал мемуары на основе как своих воспоминаний, так и сохранившихся у него документов, которые впоследствии составили его личный фонд в ГА РФ. Та часть мемуаров, которая посвящена Первой мировой войне, содержит анализ военного опыта, приобретённого на Кавказском фронте Первой мировой войны. Интересно, что автор иногда вступает в полемику с известными исследователями войны на Кавказском фронте, например с генералом Е. В. Масловским, бывшим оперативным докладчиком Н. Н. Юденича и автором труда «Великая война на Кавказском фронте. 1914-1917 гг.»²². Малое

количество трудов о Кавказском фронте Первой мировой войны обуславливает значимость работы Б.Н. Литвинова, который показал непростую картину развития боевых действий на Приморском участке Кавказского фронта, сложные взаимоотношения военных начальников, будни войны в горах, которая, в отличие от Западного фронта, имела подвижный, зачастую полупартизанский характер.

Мемуары Б.Н. Литвинова ценны тем, что содержат значительное число деталей, подробностей и личных наблюдений, передают атмосферу того непростого времени. Их отличает определённый стиль изложения, когда автор пытается сквозь призму прошедших лет заново внимательно рассмотреть судьбоносные для него и для страны события. Сквозь всё повествование красной нитью проходит привязанность Б.Н. Литвинова к Туркестану, куда он стремился попасть даже в годы Гражданской войны. Будучи, несомненно, патриотом России, Б.Н. Литвинов в конечном итоге отдаёт должное большевикам и даже с некоторым удовлетворением приходит к выводу о том, что именно они смогли дать отпор наиболее последовательным соперникам России – немцам и англичанам. В силу своего значительного объёма и ценности, множества требующих уточнения деталей и привлекающих внимание личных оценок автора мемуары Б.Н. Литвинова нуждаются в дальнейшем детальном историческом осмыслении и анализе.

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 25 978. Послужной список капитана Б.Н. Литвинова на 18 февраля 1912 г.

² *Басханов М.А.* Русские военные востоковеды до 1917 г.: биобиблиографический словарь. М, 2005. С. 141–142.

³ *Литвинов Б.Н.* По Бухаре // Разведчик. 1900. № 530. С. 883–886.

⁴ *Литвинов Б.Н.* Через Бухару на Памиры // Исторический вестник. 1904. № 10–12. С. 297–331; 698–729; 1045–1087.

⁵ Там же. С. 307–308.

⁶ *Массон М.Е.* Городища Нисы в селении Багир и их изучение. ТрЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Вып. 1. С. 27, 101.

⁷ *Лунин Б.В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917). Ташкент, 1958. С. 37.

- ⁸ *Литвинов Б.* Керки (картинки амударьинской жизни) // Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го. М., 1910. С. 35–85.
- ⁹ Там же. С. 42.
- ¹⁰ Там же. С. 48–49.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. Р-6557. Д. 17. Л. 3–5.
- ¹² Там же. Д. 4. Л. 8 об.
- ¹³ *Бурда Э.В.* Терское казачье восстание. 1918 г. Нальчик, 2016.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-6557. Д. 17. Л. 3–9 об.
- ¹⁵ *Куприянов А.В.* Англо-индийская интервенция в Закаспийском крае в 1918–1919 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-6557. Д. 17. Л. 1–9 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 1–1 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 1–2.
- ¹⁹ Там же. Л. 2.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. Р-6557. Д. 17. Л. 18–18 об.
- ²¹ *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920-е – 1950-е гг. М., 2007. Ч. 1. С. 185–186, 195.
- ²² *Масловский Е.В.* Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. Париж, 1933.

Путь художника: от «белого русского» Николая Калмыкова до турецкого мастера Наджи Калмукоглу

В российском эмиграционном процессе послереволюционную (первую) волну, вызванную поражением Белой армии в Гражданской войне, принято называть «белой». В этой масштабной эмиграции из России в Западную Европу своеобразной «перевалочной базой» стал город Стамбул (в российских источниках – Константинополь), когда остатки Белой армии под руководством генерала П. Н. Врангеля в более ста тридцати торговых и военных кораблях в ноябре 1920 г. высадились на берегах Босфора. Частично «белые русские» появились также в таких турецких городах, как Трабзон, Ризе, Карс, Эрзерум, Эрзинджан, Конйа, Сивас, Токат, Эскишехир, Амасйа.

Нахождение на территории Турции огромного количества военных и гражданских беженцев из России имело разноречивое (как положительное, так и отрицательное) влияние на жизнь турецкого общества, о чем было написано немало книг исторического и мемуарного харак-

* А. Т. Сибгатуллина

тера на русском и турецком языках¹. В этих работах преимущественно описан «русский» Стамбул, приютивший в 1920–1921 гг. более двухсот тысяч беженцев из России. Столица Османской империи в это время переживала один из драматичных периодов своей истории. После поражения турок в Первой мировой войне по условиям Мудросского перемирия она перешла в руки союзного командования, и при бездействии султана англичане, французы, греки и даже американцы пытались представить себя хозяевами города, находившегося после разгона парламента в состоянии хаоса. В процессе адаптации в местных условиях и обустройства собственного быта суматошная космополитическая атмосфера Стамбула в какой-то степени была на руку русским беженцам, и вскоре во всем городе звучание русской речи стало привычным, «русская мода» на короткие прически и открытые наряды пришлась по нраву местным дамам, столовые, бары, рестораны, кабаре, казино, игорные дома, ночные клубы и другие значные места постепенно перешли в руки «белых» русских.

Среди беженцев, нашедших приют в Стамбуле, было много дворян и аристократов, политических деятелей, писателей, театральных и балетных артистов, музыкантов и художников, которые способствовали непосредственному знакомству стамбульцев с русской культурой. Благодаря им в Стамбуле появились драматический театр и балет, были организованы хоры и оркестры, художественные выставки. Хотя к 1923 г. большая часть русских беженцев переместилась в Балканские страны, Францию и Германию, познавший тогда вкус жизни русского интеллектуального бомонда Стамбул по сей день хранит память о нем.

Из материальной культуры, созданной «белыми русскими» в период пребывания в Стамбуле, особое место занимала живопись. Об этом красноречиво свидетельствует такой факт: за 1921-1923 гг. русские художники сумели организовать девять выставок, в том числе две персональные. Художественное творчество русских эмигрантов представляло почти все виды изобразительного искусства: живопись, графику, скульптуру (мелкую пластику), а также иконопись, при этом наиболее популярной оставалась станковая живопись. Выставки прекрасно продемонстрировали вековые традиции русской художественной школы.

Разумеется, первое время профессиональные художники почти ничем не выделялись из беженской массы, как все старались

приспосабливаться к новым условиям жизни, поскольку после высадки на «берег турецкий» было невозможно сразу браться за кисть и холст, в условиях нищеты и безработицы они радовались единичным заказам или осваивали другие ремесла. Турецкие художники пытались как-то помочь русским коллегам, например получивший образование в Европе Ибрахим Чаллы (1882–1960), заметив талант полуголодного, рисовавшего на тротуаре возле Топхане и продававшего свои акварели за гроши Алексея Грищенко (1883–1977), пригласил его к себе домой. Гостивший в течение нескольких месяцев в доме турецкого художника А. Грищенко познакомил его с традициями русской художественной школы, придав новый импульс его творчеству.

9 октября 1921 г. русские художники в клубе «Маяк» открыли первую художественную выставку, а 1 января 1922 г. было объявлено о создании константинопольского Союза русских художников. Учредителями союза стали Г.К. Артемов, Н.И. Васильев, Н. Кравченко, Н. Калмыков, председателем был избран В.И. Иванов. В состав Союза входили 30 человек, в том числе такие видные мастера, как Н.К. Петров, Г.К. Артемов, Н.Н. Беккер, И.М. Зданевич, Н.И. Васильев, В.И. Иванов, П.Ф. Челищев, В.И. Эгиз, А.В. Грищенко, Д.В. Измайлович, Т.А. Алексинская-Лукина, А.Л. Никанорова и др.² Союз, ставший первым очагом русской художественной культуры зарубежья, занимался организацией выставок и оказывал помощь наиболее нуждающимся художникам. Царьград-Константинополь со своей историей и современностью вдохновлял их творчество. Одни увлеклись византийским наследием: копировали старинные фрески и иконы (В.И. Иванов, Д.В. Измайлович), занимались иконописью (В.В. Бобрицкий, Н.К. Петров), обследовали настенную живопись в храмах Кахрие-Джами (памятник византийского искусства XIV в.) и Айя Софии, принимали участие в реставрации фресковых и мозаичных рисунков в мечетях, другие создавали городской пейзаж, зарисовки старинных мечетей и улиц современного города (К.Н. Астори, В.И. Иванов, А.В. Грищенко), уличные сцены и портреты местных жителей³. Каждый живописец видел и писал свой Стамбул. Хотя Турции не суждено было стать культурным центром русского зарубежья, все же эти художники своей творческой и выставочной деятельностью выполнили важную миссию знакомства турецкой интеллигенции с русским искусством.

Из немногих художников-беженцев, не покидавших в 1923–1924 гг. Стамбул и интегрировавших в турецкую культуру, нам известны имена Николая Перова (1883–1963), Николая Клуге (1867–1947), Николая Калмыкова (1896–1951), Ибрахима Сафиева (1898–1983). В 1936 г. они получили гражданство и активно включились в культурную и общественную жизнь Турецкой Республики. К сожалению, в России сведения о жизни и творчестве этих художников довольно скудны. В данной статье речь пойдет об одном из них – Николае Ивановиче Калмыкове – мастере, известном в Турции под именем Наджи Калмукоглу. Информация о нем, имеющаяся в турецкой печати, также неполная и содержит немало ошибок и противоречий. В 2007 г. Аркас-холдинг выпустил солидный альбом с репродукциями картин Н. Калмукоглу⁴, составитель Х.И. Дастал снабдил книгу биографическим очерком о мастере, но и в данном труде осталось много нестыковок и неясностей относительно отдельных фактов биографии Н. Калмыкова. Прежде всего путаница связана с национальной и конфессиональной идентичностью художника: отталкиваясь от фамилии Калмыков, которая после получения турецкого гражданства стала Kalmukoğlu (в значении «сын Калмыка»), авторы публикаций о нем (в том числе и статей в энциклопедиях искусства) без ссылок на какие-либо свидетельства называют Николая Ивановича представителем калмыцкого народа. Далее, используя популярную среди отдельных тюркологов, но спорную среди этнологов формулу Kalmuk Türkleri (в значении тюрки-калмыки), т.е. принимая калмыков – монгольского народа ойратской группы – за тюркоязычных, приписывают Калмукоглу тюркское происхождение. Приводится информация (возможно, со слов самого Н. Калмыкова) о том, что он получил имя Николай в честь дня рождения святого Николая Чудотворца, поскольку родился 6 декабря. Таким образом, перед турецкими исследователями Николай Калмыков предстает тюркоязычным мастером христианского вероисповедания. Во время принятия турецкого гражданства, видимо, Н. Калмыков не стал принимать ислам, как того требовала тогдашняя практика, и был похоронен по христианскому обычаю.

Также дата смерти художника указывается в различных источниках по-разному: 1950, 1952, 1954, 1956 гг. и даже 1969 г.. Наиболее правдоподобным, на наш взгляд, является сведение автора последнего

исследования И.Х. Дастала, который приводит копии объявлений в центральных газетах «Хюррият», «Миллият», «Джумхурият» от 5 февраля 1951 г., извещающих о трагической смерти художника.

Николай Калмыков родился в 1896 г. в Харькове, отец – Иван Калмыков промышлял столярным делом и хотел, чтобы сын занимался торговлей. С ранних лет увлекавшийся рисованием Николай мечтал стать художником и после коммерческого училища, куда он поступил по желанию отца, в течение пяти лет обучался в Харьковском художественном училище. В дореволюционном Харькове культурная среда была чрезвычайно многообразной. Николай стал членом творческих объединений местных художников («Союз семи», «Союз искусства») и принимал активное участие в городских выставках. Когда революция и Гражданская война заставили разбежаться харьковских интеллектуалов кто куда, семья Калмыковых переехала в Крым и осенью 1920 г. вместе с остатками Добровольческой армии перебралась в Турцию. Первое время Калмыковы в Стамбуле столкнулись с большими материальными трудностями, из-за моральной подавленности и отсутствия опыта работы Николай долгое время не мог трудоустроиться, семья вынуждена была обращаться в различные органы социальной помощи.

В решении вопроса трудоустройства Николая важную роль сыграла встреча с известным турецким художником и историком искусства Джелалем Эсадом Арсевеном (1876–1971), который поверил в его талант и познакомил его с братьями Ипекчи. Выходцы из Салоник братья Ипекчи торговали шелком (ипек (ipek) – по-турецки означает «шелк», отсюда и фамилия), но вскоре, заметив веяние на «синема», стали управлять рядом престижных стамбульских кинотеатров. По заказу этой многочисленной семьи Н. Калмукоглу в течение ряда лет писал декоративные панно и фрески для кинотеатров «аль-Хамра», «Фиташ», «Ипек» «Йени Мелек», «Инджи». В этом ему помогал близкий друг, также из российских беженцев, И. Сафиев, уроженец Нахичевани, позже принявший турецкое имя и фамилию Ибрахим Сафи⁵.

Есть сведения о том, что в первые годы пребывания в Стамбуле Н. Калмукоглу и И. Сафи получали материальную и моральную поддержку от художницы Джелиле-ханум (1880–1956) – матери поэта Назыма Хикмета⁶. Отец Н. Хикмета в это время был директором кинотеатра «Суреййа» в районе Кадыкёй. Н. Калмукоглу получил заказ

на отделку стен и потолков данного здания и, выполнив его на высоком уровне, обратил на себя внимание заказчиков. Постепенно его росписи, фрески и коллажи появились на стенах самых популярных зданий и частных домов в центральных районах Стамбула: Бейоглу, Шишли, Нишанташы, Тепебашы.

Востребованный среди стамбульцев, Н. Калмукоглу стал получать заказы и от государственных учреждений: Министерства общественных работ, Комитета водных работ, Государственной консерватории в Анкаре и др. В годы строительства Турецкой Республики Н. Калмукоглу своим творчеством оказывал поддержку государственной идеологии. Помимо портретов Ататюрка и Исмета Инёню им были написаны монументальные женские и мужские фигуры сельских жителей, картины и панно, изображающие вновь построенные плотины и дамбы, помощь, оказанную правительством населению, пострадавшему от крупного землетрясения в Эрзинджане в 1939 г. Известный этюд «Ататюрк и Исмет Инёню в торжественном наряде», возможно, был задуман как часть большой композиции, созданной мастером по заказу Сумербанка.

В жанре иконописи Н. Калмукоглу создал великолепную роспись «Вознесение (Пресвятой Девы) Марии на небеса», украсившую потолок построенной в XIX в. Латинской католической церкви La Native de La Vierge Marie в районе Буюкдере⁷.

Наджи Калмукоглу сотрудничал с турецкими художниками, например дружба с Ибрахимом Чаллы, с которым его познакомил А. Грищенко, длилась долгие годы. Другой мастер, Авни Арбаш, с 15 лет занимаясь непосредственно в его мастерской, имел возможность обучаться у него. И. Чаллы был основателем группы «Поколение 1914 года», известного и под названием «Поколение/группа Чаллы», куда входили Хикмет Онат (1885–1975), Фейхаман Дуран (1886–1970), Хюсейн Авни Лифидж (1886–1927), Намык Исмаил (1890–1935) и др. Эти художники начали свой творческий путь перед самым крахом Османской империи, получили образование в Европе, но в связи с началом Первой мировой войны были вынуждены вернуться на родину. Группа И. Чаллы, открывшая для турецкой живописи импрессионизм и символизм, сыграла важную роль в подготовке молодого поколения художников республиканской Турции. Н. Калмукоглу своим творчеством был близок к этой группе, придерживавшейся больше всего импрессионистского направления,

хотя в это время имелись и другие объединения турецких художников: «Группа Д», «Группа новых» и т.д. С 1930-х гг. началась его многолетняя дружба с художником-карикатуристом Ратипом Тахиром Бураком (1904–1970), впоследствии ставшим основателем в Турции такой научной дисциплины, как история искусства. В то время Ратип Тахир работал преподавателем рисования в Кабаташском мужском лицее и активно публиковался в различных газетах и журналах. После знакомства с картинами Н. Калмукоглу, выставленных в 1930 г. в Галатасарайском лицее, он стал всячески поддерживать его интерес к истории и культуре Османской империи и желание изучать художественные традиции восточной живописи. Ратип Тахир познакомил Калмукоглу с французским историком искусства, археологом и художником Альбертом Габриэлем (1883–1972), находившимся в то время в Стамбуле на государственной службе. В 1941 г. перед отъездом из Турции А. Габриэль, искренне полюбивший творчество Калмукоглу, предложил ему переехать вместе с ним в Италию, где, по его мнению, он обязательно завоеует симпатию итальянской публики. Сколько бы ни настаивал А. Габриэль на своем предложении, уже достигший тогда заслуженной славы и материального достатка Калмукоглу с присущей ему деликатностью отказался. Другим иностранцем, с которым Калмукоглу сотрудничал длительное время, был французский архитектор и специалист по градостроительству Анри Прост (1874–1959). В период его работы в Стамбуле они вместе изучали дворцы Топкапы, Долмабахче, Бейлербейи и другие исторические здания города, и итогом работы стало совместное исследование «Дворцы».

Нико, Никола – так звали его обычно европейские друзья – любил общаться с творческими личностями, по воле судьбе оказавшимися в Турции; например, с польским художником Казимиром Руболовским, сбежавшим в Турцию от немецкой оккупации, они дружили до самого отъезда Казимира в Америку.

Со второй половины 1930-х гг. Калмукоглу стал выезжать за пределы Стамбула: это прежде всего была Анкара, где он выполнял заказы по линии Министерства общественных работ, Сумербанка, Государственной консерватории. В эти же годы он также писал театральные декорации для Народного дома в Анкаре. Третий город, где он оставил память о себе, – Измир. С 1936 г. традиционная национальная измирская

ярмарка приобрела международный статус, и один из ее руководителей, специалист в сфере декоративного искусства Исмаил Хаккы Ойгар, пригласил Калмукоглу для оформления торговых павильонов. С 1936 по 1949 г. (не считая 1938 г. – из-за болезни, и 1941–1942 гг. – период военной службы) Калмукоглу находился в Измире, где кроме декоративного украшения ярмарочных павильонов осуществил роспись здания кинотеатра Аль-Хамра (ныне театр оперы), изучал окрестности города, посещал Бергаму, Эфес, Сельджук и другие исторические места. Впоследствии он отразил их в своих пейзажных рисунках.

В Анкаре, куда Калмукоглу временно переехал по просьбе своего друга Ратипа Тахира, в 1940 г. он подписал двухгодичный договор с Министерством водных работ и стал его штатным работником, однако из-за обязательной после получения гражданства воинской службы вынужден был прервать эту работу. Армейскую службу он проходил в 1941–1942 гг. в одном из селений Балыкесира, где писал подручными материалами картины пасторального стиля. В итоге за период службы им было написано около пятисот эскизов с изображением сельских жителей, их быта, домашних животных, а также дружеские шаржи сослуживцев. Многие из этих эскизов впоследствии было включено в полноценные полотна художника. Например, две картины из этого цикла «Деревенские девушки» размером 2х5 м, написанные по заказу Сумербанка, вызвали огромный интерес публики во время проведения весеннего фестиваля в 1949 г. во Дворце спорта и выставок Стамбула.

После армии Наджи-бей одно время увлекся проектированием и дизайном рекламных афиш и фасадов различных организаций, обложек книг и альбомов. В эти годы он сотрудничал с Мазхаром Ресмором, который кроме живописи занимался росписью витражей и созданием афиш для кинотеатров.

Первая персональная выставка Калмукоглу официально открылась в феврале 1941 г. в одном из богемных салонов Анкары – кондитерской Кутлу, где были выставлены восемьдесят его произведений. За 15 дней вызвавшей ажиотаж выставки большинство работ было выкуплено, покупателями стали в основном иностранцы: находившиеся на службе бюрократы и любители искусства. Посетители выставки оценили тщательно продуманную композицию картин, чёткую работу живописца над холстом, Калмукоглу снискал успех у зрителей как выдающийся

портретист. В эти годы им были созданы портреты Султана Сулеймана, Барбароса Хайреттина, политиков, известных людей, в том числе и иностранцев, которые посещали Турцию.

Следующая персональная выставка была организована Анкарским народным домом в том же здании Кутлу 27 марта 1943 г. В этот раз было представлено около сотни произведений в стиле ню, пейзажа, натюрморта и другие различные композиции. По части разнообразия картин и стиля эта выставка стала самой богатой в творческой биографии художника. Помимо многочисленных картин, посвященных историческим зданиям, улицам, портам и гаваням Стамбула, публику зачаровали виды на Золотой Рог и Босфор. Хотя в большинстве этих картин в использовании света и цветовых пятен как элемент выразительности присутствует импрессионистский эффект, было заметно, что художник остается верным традициям русской академической живописи.

Первую в Стамбуле персональную выставку Наджи-бей организовал в 1944 г. по линии Народного дома в Эминёну, приняв просьбу своего давнишнего друга, танцовщицы из «белых» русских Лидии Крассы-Арзумановой (1897–1987). Как и Калмыков, она осталась в Турции, создала балетную студию и ставила спектакли на турецкую музыку. Лейла Арзуман (после получения гражданства и принятия ислама ее звали так) сыграла важную роль в становлении турецкого балета и воспитала не одно поколение танцоров-исполнителей⁸. На этой выставке муж Лейли Арзуман приобрел для нее великолепное полотно Н. Калмукоглу «Богиня охоты Артемис».

Спустя три месяца после стамбульской выставки в Анкаре (август – сентябрь 1944 г.) открылась четвертая персональная выставка мастера, где были показаны всего сорок его работ. Х. Дастал объясняет это тремя причинами: во-первых, во время предыдущей выставки в Стамбуле, прошедшей с огромным успехом, почти все картины были распроданы; во-вторых, параллельно с данной выставкой Калмукоглу принимал участие в мероприятии, организованном Министерством общественных работ; в-третьих, Калмукоглу тяжело переживал потерю любимой супруги Флоры, умершей во время родов⁹.

Пятая по счету персональная выставка в 1945 г. в Стамбуле прошла с ошеломляющим успехом, картины скупались за крупные суммы,

особенным спросом пользовались натюрморты, и художник получил много заказов именно на подобного рода работы. Шестая выставка, организованная по просьбе старого друга Ойгара в его частной картинной галерее в 1946 г. в Стамбуле, вызвала шквал похвальных выступлений в прессе и стала достойным ответом на неприятельское отношение отдельных художников из «Группы Д»¹⁰, утверждавших, что «Калмукоглу – не художник, а декоратор». В 1946 и 1947 гг. состоялись еще две выставки в Стамбуле и одна в Анкаре.

Кисти Н. Калмукоглу принадлежат портреты и фигуры молодых обнаженных девушек. Как эстетическая ценность обнаженное тело в турецкой живописи рассматривалось в творчестве признанных мастеров из группы «Поколение 1914 года»: И. Чаллы, Ф. Дурана, Н. Исмаила. Однако в тогдашней Турции было очень сложно найти натурщицу. Н. Калмукоглу признавался, что не может работать без модели, и говорил, что «вид человеческого тела меня питает и придает мне силу. Голое тело вызывает у меня чувство безграничного восхищения, близкого к поклонению»¹¹. Он решал данную проблему, общаясь и дружа с цыганами. В композициях в стиле ню мастер сумел передать единство телесной чувственности и духовной атмосферы своих натурщиц. Почитатели его таланта оценили прелесть сочных мазков, которыми вылеплены образы непосредственных смуглянок в таких его картинах, как «Цыганка, стоящая спиной», «Смуглянка, держащая апельсин и яблоко», «Стыдливая», «Сабиха» и др. В одной из выдающихся работ мастера «Гадалка» отражены внутренний драматизм и ожидания от судьбы молодой и красивой женщины с гвоздикой в руках: предсказания, услышанные от гадалки, не радуют, возможно, делают ее еще более несчастной. Авторами отдельных публикаций указывается, что близкие к эротике отдельные картины ню были созданы мастером в коммерческих целях, тем не менее всем им присущи тщательность и высокая выразительность в разработке каждой детали.

Сельма Шангай, дочь дагестанского диссидента Мустафы Шангая, сбежавшего от сталинских репрессий в 1933 г. в Турцию, по разрешению матери в 1948–1949 гг. подрабатывала натурщицей у Н. Калмукоглу. Он написал ее портрет и две картины в стиле ню. Десятая (последняя) персональная выставка, где нашли свое место и эти картины, открылась в стамбульском отеле «Беллер» летом 1949 г. Были

представлены работы различного стиля: пейзажи, натюрморты, цыганская тематика, портреты. После смерти художника было организовано несколько ретроспективных выставок, в основном картин из коллекции Бурхана Сойдана.

Н. Калмукоглу писал портреты своих близких, друзей и знакомых, особенно после цыганской тематики получал много заказов на портреты, его работы, наряду с фотографическим сходством, отличались тонким умением передачи внутреннего мира позирующих.

О том, что, живя в Турции, художник не забывал о родине, свидетельствует рисунок маслом на картоне размером 20х22 см с указанием даты «9 марта 1934 г.», назвал он его по-русски «Встреча колхозниц с пастухами» и подписал на обороте «Н. Калмыков». Тема сюжета, скорее всего, была навеяна по случаю Международного женского дня, активно отмечавшегося в Советском Союзе.

Кумирами Н. Калмукоглу на всю жизнь оставались его соотечественники Иван Николаевич Крамской (1837–1887) и Илья Ефимович Репин (1844–1930). Как вспоминают друзья, однажды во время посещения выставки русских художников в Стамбуле они застали Николая неподвижно стоящим со слезами в глазах перед картиной И. Репина «Иван Грозный убивает своего сына».

По словам людей, имевших непосредственное общение с Калмукоглу, он обладал нескончаемым желанием работать, созидать, до конца жизни сохранил огромную любовь к своей профессии, трудолюбие прекрасно сочеталось в нем с дисциплинированностью, умением держать слово и своевременно выполнять заказы. Был высокопорядочным и интеллигентным человеком. Даже в процессе работы в мастерской оставался чрезвычайно аккуратным: редко кто из друзей и учеников видел его без галстука и костюма.

Современники вспоминают, что у него на столе всегда находились три вещи: ваза со свежими цветами, которые он покупал у своих натурщиц-цыганок, напиток в виде ликера или самогонки и какая-нибудь сладость (лукум или конфеты). Наджи Калмукоглу использовал в качестве мастерской свою жилую квартиру в Бейоглу, это дало ему возможность долго и много творить. За турецкий период жизни (1920–1951) Н. Калмукоглу написал около трех тысяч полотен¹² различного объема и содержания, среди них особое место занимают

пейзажи Золотого Рога, Босфора и Принцевых островов, портреты близких друзей и различных личностей, полотна с историческими фигурами: «Въезд Фатиха Султана Мехмета в Стамбул», «Завоевание Стамбула», «Прибытие султана на пятничную молитву». Большая часть работ находится в Америке и Европе в частных коллекциях, а также в Турецком банке труда. В коллекциях турецких любителей искусства (Бурхан Сойдан, Рыдван Али Эвраносоглу, Жале-Метин Темиз, Наджи Терзи и др.) также хранится немалое количество картин и этюдов Н. Калмукоглу.

Жизнь мастера прервалась трагически: 3 февраля 1951 г. он погиб, выпав с балкона своего дома на Бейоглу. Поскольку медицинская справка о смерти не обнаружена, причина смерти по сей день остается загадкой, что дает повод для выдвижения различного рода предположений: от суицида до убийства агентами советских или турецких спецслужб. Также существуют пересуды, что он разбился, пытаясь перейти с балкона своей квартиры на соседний балкон к своей любовнице, или натурщица/любовница якобы после ссоры в его доме-мастерской подтолкнула его, в итоге он выпал из окна, и т. п. Исследователь Х. И. Дастал, отрицая версию самоубийства полного оптимизма Н. Калмукоглу, склонен рассматривать бытовой случай: он мог упасть во время ремонта на балконе/крыше поврежденной из-за сильного ветра антенны радио, которое он любил слушать во время обеденного перерыва. В то же время беседовавший с разными людьми, знавшими Калмукоглу при жизни, И. Х. Дастал допускает и политическое убийство: мать Сельмы Шангай, видевшая его сразу после смерти, передала, что на шее погибшего были заметны желтые следы от тонкого провода¹³...

Отпевание Наджи Калмукоглу по инициативе жены Корнелии прошло 4 февраля в греческой православной церкви Святого Димитрия, тело художника покоится на греческом православном кладбище (Kurtuluş Aya Lefter Rum Ortodoks Mezarlığı) в районе Шишли Стамбула¹⁴.

Таким образом, выдающийся турецкий художник Наджи Калмукоглу является представителем той плеяды русской интеллигенции, которая в годы Гражданской войны в России волею судьбы оказалась на берегах Босфора. Николай Калмыков не переселился в Европу, как это сделало большинство «белых» эмигрантов, остался в Стамбуле

и впоследствии принял турецкое имя и гражданство. Он сумел влиться в новую бурную жизнь республиканской Турции и занять собственную нишу в турецкой культуре. Разнообразное творчество мастера, продолжавшего лучшие традиции русской художественной школы и освоившего восточную стилистику, отличалось своей оригинальностью и вызывало неподдельный интерес публики. При жизни состоялись десять персональных выставок его картин. И сегодня на стенах многих государственных и частных зданий Стамбула, Анкары, Измира можно увидеть живописные панно, декорации и картины Наджи Калмукоглу.

¹ *Mehmet Şahan*. Spassibo İstanbul. Derin yay. İstanbul. 2012; Утургаури С.Н. Белые русские на Босфоре, 1919–1929. М., 2013; Bırsel, Salah. Ah Beyoğlu Vah Beyoğlu. İstanbul, 1981; Bakar, Bülent. Esir Şehrin Misafirleri: Beyaz Ruslar. İstanbul, 2012; Командорова Н. И. Русский Стамбул. М., 2009; Deleon J. Beyoğlu'nda Beyaz Ruslar: (1920–1990). İstanbul, 1990.

² Утургаури С.Н. Указ. соч. С. 218–219.

³ См.: Толстой А.В. Художники русской эмиграции. М., 2005. С. 48–80.

⁴ *Daştal, İ.Halihan*. Naci Kalmukoğlu. İstanbul, 2007.

⁵ Ибрахим Сафи родился в 1898 г. Обучался в Москве в Академии изобразительного искусства, но в связи с Первой мировой войной вынужден был перебраться в Стамбул и там продолжил свое обучение в Школе изящных искусств. Известные картины маслом на холсте: «Продавец пирожками в Сарыере», «Портрет Ататюрка», «Ататюрк в Самсуне», «Галатская башня», «Девичья башня в Сарайбурну», «Желтые розы и гортензия». Эти работы были распроданы на аукционах за крупные цены. Как утверждает автор заметки «Художник, значение которого осознано лишь теперь» в газете «Хюррийет» за 12 ноября 1998 г., оставаясь живописцем реалистического направления, И. Сафи в своих пейзажах придерживался импрессионизма, а в портретах – экспрессионизма (см.: Yeşim Çobankent. Değeri Yeni Anlaşılan Ressam: Türk Resminin ve Müzayedelerin Yeni Yıldızı İbrahim Safi// Hürriyet. 12 Kasım 1998).

⁶ *Daştal İ. Halihan*. Naci Kalmukoğlu. S. 30.

⁷ Ibid. S.100.

⁸ См. о ней: Утургаури С.Н. Указ соч. С. 187–188.

⁹ Гречанка мадам Флора родила Н. Калмукоглу сына Эрола (1941) и была беременна вторым ребенком. После смерти жены и младенца по совету друзей художник в 1945 г. женился во второй раз, и снова на девушке из семьи стамбульских греков. Мадам Кор-

нелия вырастила Эрола как собственного сына и после гибели мужа в 1951 г. увезла сына в Грецию. Эрол Калмукоглу не имел отношения к искусству, есть сведения, что из Греции он перебрался в Аргентину.

¹⁰ Члены созданной в 1933 г. «Группы Д» в поисках национальной самобытности обратились к хеттскому искусству (живописец и скульптор Дж. Толлу), к средневековой миниатюре и народному творчеству (Дж. Дерели, Т. Заим). Многие участники «Группы Д» использовали приёмы кубизма (Н. Берк) или постепенно переходили к абстрактному искусству (С. Беркель).

¹¹ *Daştal İ. Halihan. Naci Kalmukoğlu. S. 110.*

¹² *Ibid. S. 104.*

¹³ *Ibid. S. 88.*

¹⁴ *Ibid. S. 87.*

Социалистическая символика в искусстве Монголии начала XX века*

Идеи социализма, мировой справедливости, освобождения от гнета богачей-эксплуататоров, распространившиеся после Октябрьской революции 1917 г. в России, захватили Монголию чуть позже, уже в 20-х гг. XX в. Сюжеты агитационных плакатов связаны с резкой критикой феодальной верхушки монгольского общества, достается и представителям буддийского духовенства. Это были как одиночные рисунки с определенными лозунгами, так и своего рода комиксы с развитием сюжета, где сначала выявляется паразитическая сущность имущих и угнетенное состояние честных трудящихся, бедняков-скотоводов, а на следующих картинках показывается роль храбрых молодцев-красногвардейцев, ревсомольцев¹, несущих свет свободы, равенства, братства, уничтожающих эксплуататоров народа. Первые плакаты-агитки были напечатаны в 1922–1923 гг. Монгольской революционной народной партией². Плакаты отличались выразительной простотой рисунка и ясностью призывов, содержание излагалось в виде улигеров (т.е. примеров, сказаний), где изобличались маньчжурские власти и ламы, называемые махачинами (т.е. людоедами), пожирающими

* С.Д. Сыртыпова, Д. Бумаа

аратов. На одном из них изображен исторический персонаж, тайдж Цэвэн Теригун, выступавший сторонником войск барона Унгерна (рис. 1а). Улигер, конечно же, предлагал правильный путь для честного пастуха – вступление в революционные ряды (рис. 1б).

Национальный музей истории Монголии хранит образцы творчества монгольских художников указанного периода, в последние годы эти материалы активно публикуются в специальных каталогах, но в очень ограниченном тираже³.

Один из самых известных образов революционной Монголии – монгол в национальном халате-дээли, гутулах, шапочке-буденновке, прообразом которой, вероятно, послужила монгольская национальная островерхая шапочка с козырьком и отворотами. Лишь ружье, которое персонаж держит у плеча дулом вверх, говорит о революционных намерениях мирного пастуха. Этот образ стал символом печатного издания молодой республики (рис. 2) – газеты «Уриа» (букв. ура, или призыв). Очень скоро на монгольской шапочке появится пятиконечная звезда – главный символ коммунистической революции, некоторое время шапка еще сохраняет на верхушке традиционное украшение *дэнз* из плетеного шнура (рис. 3). Навершие *дэнз*, изготовленное из драгоценных камней и металлов, было признаком социального статуса монгольского мужчины: чем выше статус и богаче хозяин, тем дороже *дэнз* на его шапке.

Синкретизм традиционных форм и новой, социалистической, символики характерен и для главных атрибутов молодого государства – печать, флаг, герб. Например, форма флага до некоторого времени сохраняет вид буддийского ритуального флажка: это полотнище с письменами и ленточными язычками с боковой стороны. Так всегда изготавливались и делаются до сих пор *дарцог*и *лунта* (тиб. dar tshogs rlung rta, монг.: хий морин) – символы крылатого коня удачи и силы духа мужчин. Полотнище ритуального флажка заполняется мантрами, магическими текстами и изображениями божеств. Боевое знамя на своем полотнище содержит знак соембо – главный символ государства Монголии со времен первого Богдо-гэгэна Дзанабазара (1635–1723). Отметим, что на военном знамени маршала Дамдины Сухэ-Батора (1893–1923), главнокомандующего Монгольской народной армии, под знаком соембо еще сохраняется глубоко буддийский символ –

лотосовый престол, на котором располагаются буддийские божества и культовые предметы (рис. 4).

Выдающееся место среди авторов художественной агитки начала XX в., несомненно, принадлежит Балдуугийн Шараву (1866-1939), прозванному за озорной характер Марзан Шаравом, что значит Шарав-пересмешник. Родился он в Заалтайской Гоби (монг. Говь Алтай, ранее – аймак Дзасагту-хана), обучался с малых лет в местном монастыре Арын хурээ. Здесь он получил имя посвящения Лувсаншарав (тиб.: blo bzang shes rab – запредельная мудрость прекрасного ума) и овладел искусством живописи на свитках – тангка⁴. После 10 лет обучения в монастыре Шарав пешком ушел в Ургу – столицу тогдашней Монголии. Биография художника овеяна легендами о его мастерстве, а также нелегкой судьбе бедняцкого сына. Выдающийся талант Шарав не остался незамеченным, судя по его изделиям, сохранившимся в музее-дворце Богдо-гэгэна, многие из них были выполнены по заказу верховного правителя Монголии, Восьмого Богдо-гэгэна Джебзун-Дамба-хутухты, хотя официально на службу во дворец или главные храмы столицы Шарав так и не был никогда принят.

С 1921 г. Шарав становится первым штатным художником столичной типографии, в издательстве газеты «Уриа» (рис. 2). Его плакатные рисунки обаятельны и проникновенны, тонкий, мастерский контур нанесен уверенно и легко, персонажи отличаются яркими индивидуальными характерами, живостью, реалистичностью и убедительностью. Несомненный комизм подмеченных сюжетов говорит о природном чувстве юмора художника, взирающего на все непростые события своего времени с буддийским пониманием бренности бытия и переходящем характере трагизма ситуаций. На рис. 5 и 6 представлены произведения Б. Шарав из числа самых первых изданий монгольского революционного правительства. Кстати, Б. Шарав был первым иностранным художником, нарисовавшим портрет В.И. Ленина, который висел в рабочем кабинете маршала Д. Сухэ-Батора. Портрет хорошо отражал заветную, но утопическую мечту о созидательной, мировой коммунистической революции. Образ вождя народов создан на фоне земного шара в обрамлении кумачовых знамен (рис. 7), нижняя часть картины была украшена цветами пиона и дубовыми листьями – символами процветания и долголетия в иконографии Востока и Запада.

Работы Шарава узнаваемы как раз этим новаторским сочетанием традиционной монгольской иконографии с приемами западной живописи. Кроме того, все герои его картин изображены с великой, всепрощающей любовью автора, даже заведомо отрицательные, карикатурные персонажи вызывают невольное сочувствие зрителя.

Агитационный плакат настойчиво повторяет идею освобождения от гнета, показывает без прикрас лица угнетателей и процесс поглощения всех ресурсов все теми же ламами (рис. 9, 10) и иностранными империалистами, жирующими на обмане народа (рис. 11). Плакаты отражали также и внешнеполитическую ситуацию. Например, попытки Великобритании утвердиться в Тибете получили отражение в плакатном творчестве (рис. 12). Огромный по пропорциям картины английский милитарист воздевает нож над Гималаями, угрожая независимости Тибета; с другой стороны на тибетцев покушается китаец с саблей. В это же время монгольский пастух мирно пасет свое стадо, очевидно, под охраной воина-соседа из РСФСР. Собственно, этот плакат является призывом монгольского народа к единоверцам, буддистам, принять сторону России в противостоянии с Англией.

Еще один замечательно исполненный плакат Б. Шарава обращен к собратьям, народам Внутренней Монголии. Единый образ эксплуататора представлен в виде спрута с множеством щупальцев, которые тянутся из-за Китайской стены ко всем представителям монгольских народов. Однако зеленый гад в фуражке китайского солдата обречен лишиться своих длинных змееподобных членов, их смело и решительно отрубает халхаский воин, защитник всех монгольских народов. Характерно для плакатов революционной Монголии то, что все они снабжены пояснительными текстами и надписями в старомонгольской графике. В частности, на рисунке 13 каждый человечек подписан названием административно-родовых делений (чуулганов) Внутренней Монголии. Главный герой в зеленой военной форме несет подпись «Халха» на груди своей зеленой гимнастерки, у прочих подписи имеются на сапогах или на полах дэли.

Некоторые из монгольских плакатов тиражировались в Советской России, в частности в государственном издательстве Петрограда. Идеи социализма и коммунизма не могли не оказать влияния на изобразительный стиль монгольских художников. Этот стиль известен нам,

в частности, по плакатам «Окон Роста» В. Маяковского. В 30-е гг., когда было принято решение перевести письменность со старомонгольской вязи на латиницу, был создан плакат «А ты перешел на латиницу?», где используется широко известный в СССР архетип указующего перста (рис. 8).

Полагаем, что особенно родственными с монгольскими картинами Б. Шарава выглядят программные произведения раннего К. Малевича. Их роднит радостная яркость, чистота контура, аппликативность изображений. Они были также полны надежд на прекрасное, счастливое будущее, которое должны были принести революционные, очистительные преобразования.

Более поздние изображения, также плакатного характера, в 30–40-е гг. XX в. в Монголии были связаны со строительством социализма, индустриализацией страны, искоренением феодальной отсталости. На изображениях появляются трактора, машины, строения заводов и фабрик, образы рабочих с молотом и пастуха с косой в руках. Пятиконечная звезда освещает мир вместо солнца, а посиневший феодал погибает под гусеницами трактора. Активно используется цветовая символика – красный цвет революции ассоциирован с рассветом и процветанием. Иногда вся графика исполнена в красном (рис. 14). Одежды красного цвета носят герои революции, в противопоставление «холодным» персонажам, врагам революционного прогресса и в отличие от нейтральных образов.

На примере некоторых изобразительных памятников начала XX в. мы можем судить об интрадуктивном характере социалистической символики в истории монгольской изобразительности, которая силой народных талантов обретала вполне монгольский облик. Художественная деятельность Б. Шарава, особенно произведения позднего периода мастера, являют собой яркий образец творческой адаптации революционных идей, удивительным образом сохраняющих в себе признаки буддийского мировоззрения автора.

- ¹ Ревсомол – Революционный союз монгольской молодежи – организация аналогичная комсомолу в России.
- ² Лубсан-Цырен. Плакаты монгольской революции // Современная Монголия. № 3. Улан-Батор, 1934; *Вяткина К.В.* Монгольский революционный плакат // Сборник МАЭ. 1955. Т. 16. С. 5.
- ³ *Эрдэнэцог Ц., Саруулбуян Ж.* Монголын зурагт хуудас. Улан-Батор, 2011. – Каталог. Плдакаты Монголии; Болдбаатар Ж. XX зууны Монгол улс: 1921–1952. – 20-th century Mongolia. Cataloge of select. Ulaanbaatar, 2017
- ⁴ *Ломакина И.И.* Марзан Шарав. М., 1974; Ее же. Монгольская столица, старая и новая. М., 2006. С. 78.

«Восточная тема» и образы Востока в русской журнальной сатире 1917-1918 гг.

«Восточный» контекст эпохальных событий Великой революции и Гражданской войны в России отразился в российской печати во всём многообразии своих политико-культурных, геополитических и культурологических аспектов. В сатирической журналистике уходящей России 1917-1918 г. это многообразие проявилось, пожалуй, наиболее ярко, обретя интереснейшие нарративные и визуальные формы.

Фронтальный анализ комплектов отечественных сатирических журналов за 1917-1918 гг., отложившихся в российских и зарубежных хранилищах, свидетельствует: события Великой российской революции имели в глазах тогдашних сатириков – журналистов, писателей, художников-карикатуристов и поэтов – своё «восточное измерение». При этом «векторы» этого «измерения» имели два направления – «внешнее» и «внутреннее». И если образы «внешнего» Востока центрировались главным образом темой «турка» и Турции как открытого противника военного времени (и в гораздо меньшей степени – образами Японии и Китая), то обобщённый «Восток» – в негативно-метафорической трактовке представлял как символ «азиатчины», окрасившей своей архаикой политическую культуру общества, переживавшего революционный кризис.

* Т.А. Филиппова

Отметим: русская сатирическая журналистика эпохи Великой российской революции как историко-документальный источник – явление уникальное для отечественной культуры и общественной мысли. В лице своих наиболее профессиональных, стабильно выходивших изданий («Стрекоза», «Новый Сатирик», «Шут», «Будильник», «Бич», «Бомба», «Пугач», «Забияка», «Кривое зеркало», «Пулемёт» и др.) она прочитывается как своеобразная «летопись» революционных событий, ироничная до сарказма «автобиография» российского общества эпохи небывалых перемен.

Этот сегмент историко-культурного наследия – по сравнению с другими документальными свидетельствами того времени – всё ещё ждёт своего комплексного, углублённого изучения, особенно визуальные источники – карикатура и сатирический рисунок, воссоздающие для современного читателя наиболее яркую, гротескно заострённую версию революционных событий 1917-1918 гг. Подступы к исследованию образов тех или иных «врагов» и «политических соперников», унаследованные российской сатирой из эпохи Первой мировой войны, были намечены автором в ряде недавних работ¹; в данной публикации прослеживается их развитие в ходе «красной смуты»².

Начнём с того, что подчеркнем, *чего не было* в тогдашней русской журнальной сатире и что выгодно отличало её от многочисленных образцов иностранной сатиры военного времени. В абсолютном большинстве своих работ отечественным авторам был чужд расовый подход в продвижении образа Врага. Как правило, противник («турок») представлял в работах сатириков враждебным не по «крови» и «происхождению», а по недостойному воина поведению в бою, из-за жестокого отношения к пленным, раненым, мирным жителям. Столь же чуждым для сатириков этого круга изданий было глумление над верой неприятеля. Религиозная тема, священные символы чужой религии никогда не становились объектом критики и насмешки.

Впрочем, революционные события 1917-1918 гг. в России существенно изменили основной ракурс взгляда российских сатириков на Турцию и «турка» как объект интереса и критики³. Общим фоном здесь отныне становятся события внутри собственной страны, где военное ожесточение и экономический кризис всё активнее провоцировали политические раздоры, социальную вражду и настроения

экстремизма. Образ «турка» лишь на время (зима 1917 г.) отойдёт на второй план в общем репертуаре объектов сатирического интереса, чтобы на короткое, но эпохальное время (весна 1917 – лето 1918 гг.) вновь появиться на страницах сатирических изданий старой России, с трудом сумевших уцелеть в неблагоприятных (мягко говоря) обстоятельствах «красной смуты». Актуальным контекстом для временного возрождения этого исчезающего образа вражды/сочувствия станет крах старых имперских режимов Европы и Азии в ходе Великой войны, часто трактуемой как «война наций и империй».

Между тем на фоне февральско-мартовских событий начала 1917 г. позиционное затишье на Кавказском фронте сменилось Месопотамским наступлением генерала Юденича. Прекращение наступления и отстранение генерала от командования войсками Кавказского фронта (из-за конфликта с Временным правительством) существенно изменили здесь всю картину военных действий, а заодно – и расклад политических сил, спутывая карты и противникам, и союзникам России. Новый главнокомандующий М.А. Пржевальский переходит к тактике обороны. Одновременно изменяются и тематические приоритеты отечественной сатиры. Главным мотивом становится предостережение общности судеб отживших свой век империй, близящийся и, как показала история, схожий финал старых режимов.

В одном из весенних номеров журнала «Бич» 1917 г., когда судьба Дома Романовых была уже предопределена временем, находим примечательный рисунок. На символическом корабле, готовом уйти в историческое небытие, собралась толпа «бывших» – монархов, среди которых, наряду с Николаем II, выделяется своей феской с полумесяцем дряхлый турок – бледная тень правителей некогда грозного Дома Османов. Все они только и ждут, когда по трапу на корабль поднимется сам Вильгельм Гогенцоллерн...⁴

Не менее знаковой воспринимается и карикатура под названием «Четвёртый партнёр» (рис. 1) в одном из мартовских номеров «Нового Сатирикона». В ней средствами сатиры подводятся драматический итог эпохе старых режимов, сгоревших (или догорающих) в пламени Первой мировой. Троица «бывших» – персидский шах, турецкий султан и португальский король со злорадными усмешками встречают появление «нового партнёра» – Николая Романова. В одной руке он жестом

попрошайки держит корону, а в другой – у него жалкий чемоданчик, да поводок, на котором отставной российский самодержец ведёт горько рыдающего ошипанного двуглавого орла без крыльев...⁵

Тогда же, весной и летом 1917 года, на фоне дискуссий в российской печати о возможности заключения мира сатирики обращаются к теме предполагаемой реакции противников России на перспективу переговоров о перемирии. В этом смысле Турция видится главным кандидатом на первоочередной выход из войны. Понятно, что препятствием к этому виделась позиция «заклятого друга» турок – Германии. В «Новом Сатириконе» находим примечательную карикатуру (рис. 2): трое турок за кальяном (лишь один из них – военный) уныло обсуждают актуальную политическую ситуацию:

«Магомет: – Противно читать о русских... Столько времени говорят о сепаратном мире, спорят, волнуются... Противно прямо...

– Ещё бы не противно...

– Конечно. Предложи нам – да разве бы мы разговаривать стали? В три дня подписали бы...»⁶

Как отклик на волнения в Стамбуле по причине углубления внутреннего кризиса в стране журнал публикует сатирический рисунок с изображением экзекуции – порки с «законодательным» подтекстом, что возвращает нас на новом витке развития темы к сюжетам о «правопорядке», установленном репрессивным младотурецким режимом в своей стране⁷. На карикатуре под названием «Единственное утешение» видим, как палач увещевает свою орущую жертву:

«– Молчи, негодяй, я секу тебя по приговору многолюднейшего собрания правоверных Стамбула...

– Бей. Но у меня всё-таки есть единственное утешение, что резолюция прошла незначительным большинством голосов...»⁸

Публикация сатирического рассказа-фельетона «История Олега Олега» (автор – ведущий сотрудник издания, писатель Аркадий Бухов) в одном из последних номеров журнала «Новый Сатирикон» символическим образом подводила итог вековым грёзам российских властей о завоевании Константинополя и «водружении креста на Святую Софию». «Финалистские» настроения этого сатирического текста имели двойной смысл, констатируя, во-первых, исчезновение, по сути, к концу Первой мировой войны и началу Великой революции в России образа «турка»

в роли многовекового геополитического противника России на мировой арене и, во-вторых, полный провал прежних режимов (будь то российского самодержавия или Временного правительства) эффективно проводить свой внешнеполитический курс. «Либеральное имперство» кадетов в «восточном ракурсе» их недолгой государственной политики с горечью трактовалось новосатириконовцами как один из признаков роковой неспособности решать как внешние, так и внутренние проблемы страны, переживавшей острейший революционный кризис.

Этот текст представляется столь афористичным и знаковым для сатирической трактовки отечественной идейно-политической традиции восприятия «восточного вопроса», что заслуживает развёрнутой публикации:

«Пока у Олега не было щита, не было и заботы о том, куда бы его прибить. Но судьба играет человеком, и в одно несчастное древнеславянское утро Олег, сам того не замечая, к глубокому унынию ближайших родственников, очутился со щитом.

– Братцы, – виновато сказал он, разведя руками, – что же это? Что же это? Что я теперь с ним делать буду?

А щит лежал одиноко и сурово, как вещественное доказательство славянской силы и могущества и требовал, чтобы его прибили к подходящему месту.

– Прибей, – настаивали родственники.

– И прибью, – согласился Олег.

На семейном совете стали совместно придумывать место. Олег долго упрашивал. Чтобы его отпустили недели на две прибавать щит в одну соседнюю деревушку на сваях, где жила одна интересная славянка с большими национальными скифскими задатками.

– Прибью и приеду, – уговаривал Олег. – Ещё римляне говорили: без щита или совсем не надо. И никому от него, проклятого, беспокойства не будет. Щит не собака – с гвоздя не сорвётся.

Быть может, родственники и согласились бы на это, тем более, что щитишко был обыкновенный, обдурленный и никто на него не зарился, но среди них оказался один пьяный богатырь, который решительно потребовал, чтобы щит был прибит к воротам Царьграда.

До прибытия варягов славяне природным умом не отличались и спорить с пьяным человеком было некому.

– *Город как город и ворота хорошие, – согласились родственники, – всякому щиту лестно.*

Хорошо ещё, что в то время не было Парижа, иначе Олегу пришлось бы со щитом и с загранчным паспортом ехать туда прибывать щит к воротам, а Пушкин волей-неволей должен был бы написать:

– Вот едет в экспрессе Олег наш в Париж,

С ним щит в небольшом чемодане...

Но народ тогда был нетребовательный и на Царьграде все помирились.

– Нашли дело... – проворчал Олег. – Пристроили мальчика... Езди теперь со щитом, прибывай его...

С этого момента задачей, и при том неотложной, каждого славянина сделалось прибывание к царьградским воротам Олегова щита.

Турки быстро примирились с этим решением и, перестраивая и украшая царьградские ворота, всегда оставляли одно место пустым. Иностранцы очень удивлялись.

– Что это у вас кирпича, либо извёстки не хватило, что ли?

– Не полагается сюда ничего. Здесь русские прибывать щит будут.

– Когда ещё?

– Их дело когда, а прибить – прибьют. Настойчивый народ. О них даже в учебниках сказано: глаза у них голубые, волосы русые и характер – упрямый. Решили прибить – и кончено.

И действительно, не было ни одной власти в России, которая бы не стояла с гвоздём в зубах, с молотком в одной руке и со щитом в другой, готовая сразу начать забивать его. Для тех славян, которые не могли непосредственно принимать в этом участие, во всех увеселительных местах были выставлены турки, сохранившиеся ещё до сих пор: за три копейки можно было бить турка по голове, а стрелка показывает, сколько пудов весит удар. Это был один из самых простейших видов русского устремления на Ближний Восток.

Поняв, наконец, что славянское желание насчёт щита и ворот непреодолимо как флюс, европейские дипломаты решили прийти России на помощь. Русского посла в Царьграде поселили около самых ворот, чтобы он по утрам мог непосредственно на месте вымерять большим аршином необходимое место на воротах, а сами, покорно вздохнув, занялись организацией торговли, проведением дорог и вооружением Турции.

– Ну как со щитом-то? – изредка спрашивали они у русского дипломата. – Меряете?

– Через две недели всему конец, – радостно отзывался тот, – только пыль с него стряхнуть осталось... Не извольте беспокоиться, если молотком стучать будем.

– Будьте любезны. Может. Помочь прикажете?

И помогали приколачивать Олегов щит европейцы образцово. Едва только прямые наследники Олега пошевеливали весёлым щитом, как европейские дипломаты всячески старались успокоить турок, чтобы они не волновались. Им дарили броненосцы, инструкторов, оружие, устраивали займы. И странно – чем больше их успокаивали такими подарками, тем труднее становилось прибить щит.

Славянская пресса, у которой от прадедов не осталось ни голубых глаз, ни русских волос, а одно только упрямство, уже начинала подумывать о том, не лучше ли будет, если турки сами принесут свои ворота и у нас, на месте, прибьют их к щиту.

Турки упорно не несли ворот.

– Восточная лень, – определяла славянская пресса. – Персы – те бойчее. Им дай семь рублей и Станислава, они тебе все свои плоскогорья и возвышенности в Тамбовскую губернию принесут.

Наконец в самое последнее время заботу о щите взял на себя Милюков. Это был самый упрямый славянин последнего столетия и ежегодно он уезжал по делам в Царьград, чтобы привыкнуть к тамошним воротам.

Турки пели незамысловатую песенку – «Как у наших у ворот...» – и молчали. Милюков же пил и спал на щите, пока наконец в один прекрасный день, проснувшись, не почувствовал себя вне закона.

– Всеу законы писати, если их не исполняти, – правильно понял Милюков и уехал на юг. Эта поездка даже самыми нетактичными газетами не была названа увеселительной.

А по улицам уже бежали газетчики и радостно делились со славянами очередной новостью.

– Последние известия... Телеграмма Карахана – уступлен туркам Кардахан...

Славяне принимали это известие двояко. Одни уверяли, что по отчёту Карахана уступлен Кардахан, другие наоборот утверждали,

что известие прислал Кардахан, а уступлен Карахан. Никто по этому поводу не выражал ни горя. Ни радости.

Щит остался неприбитым»⁹.

Концентрация сатирических символов и многозначительных метафор в трагикомическом восприятии войны, мира и отношений с государствами-соседами-противниками достигала тогда особой «густоты», как это, впрочем, и типично для эпохи революций, когда уже ничто не слишком. На обложке одного из последних номеров «Нового Сатирикона» (июнь 1918 г.), когда Брестский мир уже вывел Россию из войны империалистической и вверг её в войну гражданскую, находим последний рисунок, в котором присутствует образ «турка» в сатирической журналистике той эпохи (рис. 3). Огромный «германец» запихивает в свой мешок народы мира – жертвы его агрессивных устремлений. Рядом с ним тощий турок, поглядывая на союзника снизу вверх, тоже пытается костлявыми ручками запихнуть народы своей расползающейся державы обратно в свой мешок. А где-то внизу, у их ног, бравый красноармеец отстреливает несчастных «мешочников», борясь с «контрреволюцией и саботажем». Подпись под карикатурой язвительна, поясняя, что новая российская власть воюет с собственным народом, отказавшись от борьбы с настоящим злом – внешним противником: *«Маленькие мешочники, с которыми власть воюет, и БОЛЬШИЕ МЕШОЧНИКИ, с которыми власть не воюет»¹⁰.*

В целом же образ Турции к концу войны становится всё менее значимым как образ актуального врага, часто становясь лишь поводом для внутренней рефлексии на российские темы. Черты старости, дряхлости, изнурения, нагнетающиеся в образе турка в ту пору, конечно же, отражают не только (и не столько) «изношенность» османского могущества, окончательно разрушенного в боях Великой войны. За этими символами видится, на наш взгляд, возраст вражды, связавшей когда-то судьбы двух государств и народов, но вражды дряхлеющей, изживающей себя на фоне понимания общности внутренних проблем.

Военно-политические обстоятельства этой журнальной рефлексии на тему Турции и «турка» были трагичны для обоих участников кровавых событий на Кавказском фронте. «В марте 1918 года остатки русской и её наследницы армянской армии окончательно покинули турецкую землю, – писал в своих воспоминаниях полковник русской армии А.К. Шнеур. – Все усилия и победы в тяжёлой войне были сразу

сведены к нулю. Обессиленная, разбитая русскими Турция сама протягивала руку мира, поднялась, как больная после тяжёлой болезни, и, спотыкаясь, еле переставляя ноги, поплелась к границе»...¹¹

Нагнетание и преодоление «языка вражды» в отношении «турка» и Турции, волнообразно происходившее в русской журнальной сатире начала XX века, в ходе революционных событий 1917-1918 гг. перейдёт в стадию размывания этого образа как культурного факта и как воплощения традиционных символов «Врага с Востока». Советский этап «переиздания» соответствующих образов, подогретый бурными послереволюционными событиями в Закавказье, будет иметь свои особенности и векторы развития. Но в своём эмигрантском «зазеркалье» российская культурная традиция восприятия реального турка переживёт примечательную эволюцию – от ненависти к взаимности, переходящей в симпатию¹².

Этот феномен можно объяснить общими для двух народов проблемами срыва модернизации, общими бедами из-за расцвета «агрессивных национализмов», губительными социальными катастрофами военного времени, политическим эгоизмом союзников и т.д. ...¹³ А можно обратиться и к очень личному восприятию современником этого русско-турецкого парадокса – своего рода посттравматической взаимной симпатии русских и турок, случившейся в послевоенном Стамбуле, так и не ставшем Константинополем. На какое-то время в совместной истории соседей-соперников остались лишь «два больных человека», как описывал их Василий Шульгин: «Турция, давно заболевшая, и Россия, недавно тяжело занемогшая»...¹⁴ Сами же «реальные» турки, проигравшие войну, стали своего рода друзьями по несчастью.

Исследованные материалы убедительно свидетельствуют: сатира как способ освоения и усвоения опыта Мировой войны и Революции 1917 г. даёт ключ к постижению жестокой реальности эпохи, приоткрывая загадки внутреннего мира творческой личности перед лицом небывалых испытаний. Созданные сатириками образы «Востока» проясняют истоки стереотипов и мифов, подчас бытующих в общественной мысли и массовых представлениях. В этом смысле творчество отечественных сатириков восстанавливает для нас часть автобиографии России в период величайшего кризиса в её истории, демонстрируя яркие образцы жанрового творчества и ценный опыт внутри- и внешнеполитической аналитики в «восточном» направлении.

- ¹ Филиппова Т.А. Враг с Востока. Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012; Баратов П.Н., Филиппова Т.А. Враги России. Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. М., 2014; «Больной человек» в эпоху войн и революций. Образ Турции в русской журнальной сатире. 1914–1918. М., 2016.
- ² Месяцы между Февралём и Октябрём 1917 г. – по контрасту с прежней эпохой – дают настоящий взрыв свободы журналистского самовыражения. С принятием 27 апреля 1917 г. Закона о печати издания любых политических направлений могли в России издаваться беспрепятственно. Появляются (увы, ненадолго) и новые, яркие сатирические журналы, среди которых своей остротой и задором особо выделялся «Пугач». С лета 1918 г. жёсткий курс новой власти приводит к исчезновению и самого предмета данного исследования – сатирической журналистики старой России.
- ³ См. начало данной темы в статье: Филиппова Т.А. Кавказский фронт в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. По материалам журнала «Новый Сатирик» // Восточный архив. 2014. № 1 (29). С. 40–46.
- ⁴ Бич. 1917. № 23. С. 11.
- ⁵ Новый Сатирик. 1917. № 11. С. 4.
- ⁶ Новый Сатирик. 1917. № 23. С. 9.
- ⁷ См.: Филиппова Т.А. Кавказский фронт в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. С. 41.
- ⁸ Новый Сатирик. 1917. № 24. С. 12.
- ⁹ Новый Сатирик. 1918. № 6. С. 2–3.
- ¹⁰ Новый Сатирик. 1918. № 12. Обложка.
- ¹¹ Цит. по: Пагануцци П. Император Николай II – спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида // Родина. 1993. № 8–9. С. 96.
- ¹² Одно из объяснений этого феномена давал итальянский наблюдатель П. Пагануцци, отмечавший тот факт, что русская армия препятствовала «эксцессам» ответной мести – расправ армян с турками, а сами «русские гуманно и справедливо относились к пленным, раненым и местному турецкому населению» (Пагануцци П. Император Николай II – спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида. С. 96.)
- ¹³ На эту тему см. работы: Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. М., 1990; Петросян И.Е., Петросян Ю.А. Османская империя. Реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.). М., 1993; Россия, Запад и мусульманский Восток в новое время. СПб., 1994; Шеремет В. И. Война и бизнес. М., 1996; Иванов С.М. Россия и Турция (общее и особенное в историческом развитии в эпоху Средневековья и Новое время). 2000. <http://window.edu.ru/resource/480/38480>
- ¹⁴ Цит. по: Из дневника Василия Шульгина // Родина. 1998. № 5–6. С. 128.

SUMMARY

It seems, that the history of the Revolution and the Civil War in Russia has been studied in sufficient detail. However, the 100th anniversary of those events, fateful for our country, gives a good reason to try in a new way to consider the events of those years, especially those that took place in a vast geographical space, united by the common concept of «East». The collective monograph «The Great Revolution and the Civil War in Russia in the «Eastern Dimension»» is precisely the research in which its participants tried to analyze the main trends in socio-political development in regions with a mixed ethnic composition. The «Eastern dimension» of the Revolution and the Civil War in Russia appears to be a multidimensional and politically contradictory phenomenon. The East was both an object of socio-political upheavals and transformations within Russia, and their active participant «from the outside». In this regard, an important block of articles of the collective monograph, the subject of which, unfortunately, remains relevant, is devoted to the problems of centrifugal tendencies – separatism, autonomism, etc. in the Russian East during the Revolution and the Civil War. The authors of the book are trying to go beyond traditional narratives – national and Soviet, trying to unbiasedly, on the basis of the totality of sources available today, to highlight the events that took place.

Научное издание

**ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ
В «ВОСТОЧНОМ ИЗМЕРЕНИИ»
коллективная монография**

Редактор *М. С. Грикурова*
Корректор *М. Я. Колесник*
Дизайн обложки *А. С. Яшин*
Верстка *А. С. Яшин*

Подписано 14.08.2020
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 17,4
Тираж 500 экз. Зак. № 427.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5
Тел: 8 (495) 322 38 31
www.t8print.ru